

2500-3372 (print)
2542-1190 (online)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bulletin of Kemerovo State University.
Series: Political, Sociological and
Economic Sciences

Vestnik Kemerovskogo
gosudarstvennogo universiteta.
Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie
i ekonomicheskie nauki

ТОМ 10 № 1
2025

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические
науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет
средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: РИНЦ, DOAJ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0
International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67376.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических
изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political,
Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific
peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed
Journals recommended by the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2)
of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation
Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors
do not have to pay any article processing charge or open access
publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions
for authors, and archives of full-text issues, please visit our
website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: RSCI, DOAJ.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0
International License.

Registration number: PI no. FS 77-67376. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals
"Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф., ГИЭФПТ (Гатчина, Россия).

Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент, Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).

Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).

Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).

Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., State Institute of Economics, Finance, Law and Technology (Gatchina, Russia).

Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).

Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPa (Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University (Potsdam, Germany).

Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass State Agricultural University (Kemerovo, Russia).

Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

- Социально-политическая коммуникация болельщиков и фанатских сообществ: сетевые ресурсы региональных сибирских участников
Головацкий Е. В., Гвоздилов П. Б. 1
- Электоральное поведение студенческой молодежи в межвыборный период (на материалах московских вузов гуманитарных направлений)
Кагарманова А. И. 13
- Литература в жанре фэнтези как инструмент политической социализации подростков (на примере книг о Гарри Поттере)
Красноперов А. Ю., Веригина М. В. 30
- Технологический подход к анализу феномена культура отмены: деструктивные проявления и способы противодействия (на материалах регионального исследования студенческой молодежи Кузбасса)
Матвеева Е. В. 38

Социология управления

- Изменение удовлетворенности населения жизнью: межстрановой анализ динамики индекса счастья и индекса качества жизни
Плясова С. В., Павлова Л. В., Абалакин А. А., Башлыков Т. В. 48
- Кросс-культурные коммуникации: размышления об истоках проблем взаимопонимания
Слинкова О. К., Слинков А. М. 62

Региональная и отраслевая экономика

- Эффекты экономических санкций для российского рынка труда
Алехина О. Ф., Бутова Л. М., Акименко В. А., Дмитров Д. В. 70
- Риск ухудшения качества жизни населения региона: концептуальные основы и методика измерения
Егорова Н. М. 82
- Концептуальные основы трансформации институциональной среды инфраструктуры сервиса в условиях цифровизации экономики
Жаров В. Г. 96
- Перспективы реализации модели ответственного производства и потребления в период нестабильности
Корякина Т. В., Башлыков Т. В., Шевцов Н. А., Плеханова Е. О. 109
- Геймификация как инструмент внутреннего маркетинга персонала
Мазур Д. С., Шадрин В. Г. 119
- Реализация национальных проектов в социальной сфере в условиях цифровой экономики и дефицита ресурсов
Мухачева А. В. 132
- Изменение социально-экономического положения населения России
Окунькова Е. А., Плюснина О. В., Иода Ю. В., Усанов А. Ю. 147
- Условия и факторы цифрового развития: сравнительный анализ в России и Китае
Пономарев С. В., Кукина Е. Е., Иода Ю. В., Труфанова С. А. 156

Финансы

- Оценка доступности страховых услуг на российском финансовом рынке
Калачева Е. А., Калачева И. В. 170

Society: Cultural and Political Development

- Socio-Political Communication in Fan Communities: Network Resources in Regional Siberian Sports Fan Communities
Golovatsky E. V., Gvozdilov P. B. 1
- Electoral Behavior of Moscow Humanities University Students between Elections
Kagarmanova A. I. 13
- Young-Adult Fantasy Literature as a Tool of Political Socialization: Harry Potter Book Heptalogy
Krasnoperov A. Yu., Verigina M. V. 30
- Technological Approach to Cancel Culture: Destructive Manifestations and Counteraction as Perceived by University Students in Kuzbass
Matveeva E. V. 38

Sociology of Management

- Satisfaction with Life across Countries: Happiness Index and Life Quality Index
Plyasova S. V., Pavlova L. V., Abalakin A. A., Bashlykov T. V. 48
- Cross-Cultural Communications: Reflections on the Origins of Intercultural Misunderstanding
Slinkova O. K., Slinkov A. M. 62

Regional and Sectoral Economy

- Effects of Economic Sanctions on Russian Labor Market
Alyokhina O. F., Butova L. M., Akimenko V. A., Dmitrov D. V. 70
- Risks to Regional Living Standards: Concepts and Assessment
Egorova N. M. 82
- Framework for Institutional Shift of Service Infrastructure in Digital Economy
Zharov V. G. 96
- Prospects for Implementing a Responsible Production and Consumption Model in a Period of Instability
Koryakina T. V., Bashlykov T. V., Shevtsov N. A., Plekhanova E. O. 109
- Gamification as a Tool of Personnel Marketing
Mazur D. S., Shadrin V. G. 119
- National Social Projects in the Context of Digital and Shortage Economy
Mukhacheva A. V. 132
- Changes in the Economic and Social Status of the Russian Population
Okunkova E. A., Plyusnina O. V., Ioda Yu. V., Usanov A. Yu. 147
- Conditions and Factors of Digital Development in Russia and China
Ponomarev S. V., Kukina E. E., Ioda Yu. V., Trufanova S. A. 156

Finance

- Availability Assessment of Insurance Services on the Russian Financial Market
Kalacheva E. A., Kalacheva I. V. 170

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/abvapa>

Социально-политическая коммуникация болельщиков и фанатских сообществ: сетевые ресурсы региональных сибирских участников

Головацкий Евгений Васильевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4493-2866

<https://orcid.org/0000-0003-2215-9808>

xomaik@rambler.ru

Гвоздилов Павел Борисович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Аннотация: Формат спортивных фанатских сообществ – сложившийся социально-политический ресурс, способный мобилизовать общественные инициативы и движения, в том числе в масштабах региона. Исследовательский интерес к изучению околоспортивных сообществ неуклонно растет. Фанатское движение в мировой практике прочно приобретает статус политической деятельности либо близко связанной с политикой. Цель – рассмотреть особенности социально-политической коммуникации болельщиков и фанатской среды в рамках сибирских региональных сетевых сообществ. Использованы методы анализа цифровых следов, парсинга и вторичный анализ региональных исследований, посвященных рассмотрению фанатской тематики в сибирских регионах. Выявлено существование обособленной фанатской среды регионов, характерные выборы общеизвестных видов спорта и следование сообществ болельщиков тематической повестке мобилизации социально-политических интересов. Сделан вывод, что сибирские региональные сообщества фанатов и болельщиков менее дифференцированы, активное участие обособлено видом спорта и / или деятельностью любимой спортивной команды (клуба). На примере рассматриваемых сибирских регионов установлено, что сетевые сообщества на первый взгляд слабо политизированы. Обнаружено, что в рамках сообществ возможны обсуждения и визуализация большого числа тем и событий. Выявлено, что репосты составляют значительную долю материалов в сетевых сообществах болельщиков, а комментарии не являются доминирующими в общем потоке транслируемой информации. Определена необходимость качественного наращивания исследовательских возможностей в области изучения спортивных сетевых сообществ болельщиков для обозначения социально значимой ниши данных сообществ в жизни регионов и монотерриторий.

Ключевые слова: социально-политическая коммуникация, болельщики, спортивные фанаты, сетевые сообщества, сетевые ресурсы, регионы, Сибирь

Цитирование: Головацкий Е. В., Гвоздилов П. Б. Социально-политическая коммуникация болельщиков и фанатских сообществ: сетевые ресурсы региональных сибирских участников. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 1–12. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-1-12>

Поступила в редакцию 11.01.2025. Принята после рецензирования 04.02.2025. Принята в печать 10.02.2025.

full article

Socio-Political Communication in Fan Communities: Network Resources in Regional Siberian Sports Fan Communities

Evgeny V. Golovatsky

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4493-2866

<https://orcid.org/0000-0003-2215-9808>

xomaik@rambler.ru

Pavel B. Gvozdiлов

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Abstract: Fan communities are a socio-political resource capable of mobilizing public initiatives and movements, especially on the regional scale. Research interest in sports fan communities is steadily growing because the fan movement has established itself as a political force. Using the methods of digital footprint analysis, parsing, and

review, the authors studied the socio-political communication between fans and the fan environment of Siberian regional online communities. The regional sports fan communities have a separate fan environment, with a specific sports choice and socio-political agenda. Siberian sports fan communities are poorly differentiated but strongly associated with a particular sport, team, or club. Their visual and verbal network communication is not politically-loaded and covers a wide range of topics and events. The content is dominated by reposts, comments and discussions being its minor part. Further qualitative research may identify the social niche of sports fan communities in the life of regions and mono-territories.

Key words: socio-political communication, fans, sports fans, online communities, online resources, regions, Siberia

Citation: Golovatsky E. V., Gvozdilov P. V. Socio-Political Communication in Fan Communities: Network Resources in Regional Siberian Sports Fan Communities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 1–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-1-12>

Received 11 Jan 2025. Accepted after review 4 Feb 2025. Accepted for publication 10 Feb 2025.

Введение

В практике общественных отношений и социальной коммуникации известны многие базовые акторы, формирующие устойчивые позиции отношений, которые задают ритм социально-политического развития либо способны аккумулировать значительные человеческие, экономические или политические ресурсы общества. При этом такой социальной позиции как *спортивные болельщики и фанаты* отводится менее значимое место в сложной иерархии социально-политических отношений на территории.

В рамках описания приемов социально-политической мобилизации общества околоспортивные и квазиполитические сообщества занимают определенную нишу латентных / неочевидных драйверов социального и политического развития региональных сообществ (сюда относится участие питерских фанатов и болельщиков «Зенита» в выборных кампаниях 1990-х гг.). Реализация социально-политических запросов посредством общественной / сетевой поддержки категории спортивных болельщиков и фанатов является одним из вариантов демонстрации общественного (гражданского) активизма, солидарности представителей конкретных территориальных общностей. Современный мир – это перманентная неопределенность, в которой цифровые технологии участвуют в изменении содержания потребностей субъектов социальных отношений, хозяйственной деятельности и пр. [1]. Социальные сети выступают продуктом консолидированных социальных отношений, связанных с процессами социального взаимодействия и обмена, с ресурсами, имеющимися в распоряжении сторон-участников соцсети, и практическим состоянием связей и коммуникаций между сторонами, – чертами в равной мере характерными для реальных и виртуальных сетей.

Спорт используется в качестве полноценного ресурса власти с привлечением его отдельных видов как «публичных» инструментов общественно-политических коммуникаций [2, с. 270]. Причем, если рассматривать комплексные показатели, характеризующие сетевые сообщества болельщиков и спортивных фанатов, уместно «проводить относительную оценку качества экономического пространства системой показателей, сгруппированных по трем блокам: "вход", "процесс", "выход". Такая структура показателей способна на системной основе отразить сильные и слабые стороны того или иного региона, источники региональной пространственной динамики» [3, с. 48]. По нашему мнению, социально-экономические показатели регионального развития позволяют рассматривать направленность и объемы спортивной деятельности и, соответственно, фанатской активности региональных сообществ.

В зарубежных исследованиях отражен большой практический опыт наблюдения за фанатскими спортивными движениями в силу их изначальной популярности и коммерциализации, продвижения брендов и применения политического активистского потенциала объединений фанатов и болельщиков [4; 5]. В работе [6] напрямую отмечается консолидирующая роль фанатских клубов и сообществ в организации политического сопровождения, включая интересы регионального, национального и даже государственного уровня. Так утверждается существование не только регионального, но и национального уровня фанатского участия. Помимо этого, акцентируется внимание на проявлениях социально-политической коммуникации в рамках определенного этнокультурного поля. Спорт как инструмент мягкой силы на уровне управления государством рассматривается через формат

политического воздействия *спортивной дипломатии* [7], т.е., как правило, посредством изучения политического влияния на общественное развитие резонансных спортивных событий или видов спорта.

Новые постглобальные форматы социально-политических отношений и социально-политического управления, продвигаемые в цифровой среде, активизируют интерес исследователей к дигитализированным форматам общественного развития [8]. Соответственно, повседневная жизнь и политика становятся устаревшими социальными практиками, корректируемыми активными пользователями в режиме *одного клика*. Сетевое интернет-сообщество – особый вид социального объединения пользователей коммуникационных сетей, когда интеграция возникает на основе общего дискурса в виртуальном пространстве при длительной эмоциональной вовлеченности в процессы коммуникации [9].

В работе [10] отмечается, что базовым потребителем цифровых услуг (за пределами госсектора и технологий безопасности) является население Российской Федерации. Именно оно использует возможности, которые новые цифровые технологии предлагают современному обществу (показатели цифрового развития региона (-ов), использования Интернета потребителем сегментом; применение именно широкополосного доступа к сети Интернет [10, с. 253], а также коммуникативная доступность облачных технологий и в перспективе самоорганизующихся сетей).

Региональный формат социально-экономических и политических отношений уже практически полностью перестроился в новые точки сборки и коммуникации [11]. Сфера интересов, образцы коммуникативных практик, тематические сообщества и поселенческие особенности позволяют сделать предположение о возможности выделения специфических социальных групп сообществ – болельщики и фанаты. Исследования данной тематики имеют продолжительный территориальный и временной формат [12], а также определенные спортивные направления [13]. Причем рассмотреть данные сообщества мы предлагаем в формате сетевой представленности сибирских групп болельщиков и спортивных фанатов. Их тематическая привязанность позволяет сформировать и описать типологию этой категории и использовать указанные группы для изучения социально-политической коммуникации сетевых сообществ фанатов и болельщиков.

Социальные группы спортивных болельщиков и фанатов рассматриваются нами как близкие по содержанию, но в то же время имеющие различия по формам социального поведения:

- болельщики – это определенная социальная группа, ориентированная на поддержку в рамках легальных и возможных (с учетом ресурсов) определенных спортивных организаций, команд, движений, видов спорта, отдельных игроков, а также спортивных деятелей, известных тренеров, комментаторов и пр.;
- фанат(-ы), фан (иногда – фэн) – разговорное определение; «фанатически, до исступления преданный, страстный поклонник, сторонник, любитель кого- или чего-нибудь»¹ [14, с. 93].

Исследователи в области юриспруденции и политической науки склонны отмечать, что футбольные фанаты способны оказывать влияние на социально-политическую обстановку на территории Российской Федерации, в том числе на крупные территориально выделенные, промышленные и / или политические центры страны [14, с. 93]. Например, в научных работах часто прибегают к иллюстрации футбольных фанатских группировок, построенных на четкой многоярусной иерархии [15]. Так, выделяются новички – претенденты на вступление (как «пионеры» в религиозных сектах или деноминациях); молодежь (янги) – наиболее подготовленные фэны, базовый состав для участия в околофутболе. Лидером же фанатского сообщества является участник основы (консолидированного клубного сообщества фанатов), который договаривается с представителями других «движей» (сообществ) о «сходках» (драках), планирует «мутки» (акции против врагов / соперников). Существует также и отдельная группа фанатской основы, как правило, отошедшая от дел чаще всего по достижению 25–29 лет. Она уже не так активно участвует в околофутболе, но при этом продолжает поддерживать коммуникации и взаимодействия с лидером и всей околофутбольной группой [14]. Важно уточнить, что именно молодежь в списке участников фанатских групп и сообществ представляет наибольший интерес для исследователей и представителей власти [16].

Помимо основного состава фанатских сообществ присутствуют также:

- *свободные фэны*, посещающие матчи, но не состоящие в конкретной фанатской фирме – радикально настроенной фанатской группировке;

¹ В нашем случае мы рассматриваем спортивных фанатов, приверженцев определенных спортивных направлений.

- *сидячие / диванные фэны*, которые не приходят на стадион, однако следят за новостями футбола и событиями в фанатской среде и в нужный момент могут активизироваться;
- *старики* – бывшие члены футбольной фанатской группы; их количество может оказаться значительным, т.к. в центральных регионах основной состав главных популярных клубов многочислен, в то время как на периферии может быть больше мелких сообществ фанатов и болельщиков.

Особенность сетевой фанатской среды заключается в выделении «кочевых» фанатов, чья привязанность команде или клубу либо самой фанатской фирме неочевидна. Интересным также является предположение о зависимости вида спорта и числа активных болельщиков и фанатов. Например, в Кемеровской области – Кузбассе наиболее активно поддерживаемые в обществе виды спорта – хоккей (с мячом, шайбой) и волейбол. Такой интерес может быть связан с личным предпочтением, характером выбранного вида спорта (так, хоккей считается наиболее брутальным и мужественным видом спорта) или обусловлен тем, что им занимались / занимаются члены семьи и т.д. Также в спортивной среде с высокой конкуренцией отмечается угроза и проявление действий радикальных фанатов, как правило, обладающих высокой интенсивностью заражения окружающих участников деструктивными проявлениями [17, с. 174].

Отметим ряд критериев перехода болельщиков в разряд фанатов: максимально частое посещение домашних матчей любимой спортивной команды (клуба); демонстрация субкультуры фанатской среды (разнообразная символика, мерч, рекламная и познавательная продукция); мобильность болельщиков (выезды на спортивные мероприятия, в которых принимает участие своя команда). Культурная притягательность околофанатской деятельности [18] также может способствовать мобилизации заинтересованных участников и целых спортивных сообществ фанатов [19; 20]. В цифровой среде возможно применение тех же мер, однако важно учитывать, что в ней отношения фиксируются в оценках, комментариях, лайках, репостах и т.п., а коммуникативные процессы имеют иную «цифровую память». Даже в среде сетевых и общественных исследователей формируются элементы фанатской культуры, описывающие ее дискурсивное содержание [21] и определенные творческие трактовки.

Методы и материалы

Изучение тематических спортивных групп и сообществ вызывает ряд трудностей и имеет значительные ограничения с точки зрения коммуникативной доступности так называемой в социологии организации образования с полузакрытым входом. В качестве методологического основания исследования мы предлагаем рассматривать сообщества спортивных болельщиков и фанатов с учетом физического существования спортивных команд (клубов, федераций); оценки деятельности самих акторов коммуникации, т.е. фанатов и болельщиков; возможности анализа цифровых сред социально-политической коммуникации региональных сетевых сообществ фанатов на территории Сибири и за ее пределами. Сетевая коммуникация способна существенно расширять границы фактического присутствия участников в актах повседневного, фактически постоянного взаимодействия.

Классические приемы и методы исследования получили развитие на заре становления сетевой дата-аналитики, когда ученым приходилось формировать гибридные методы изучения [22], и инструменты контент-анализа открывали двери в мир виртуальных фанатских сообществ, описывая как повседневные отношения, так и зачастую конфликтную атмосферу коммуникации. В интересах изучения особенностей социально-политической коммуникации болельщиков и фанатов в социальных сетях нами были использованы методы анализа цифровых следов, парсинг, а также возможности вторичного анализа региональных исследований, посвященных рассмотрению фанатской тематики в сибирских регионах. Цель – рассмотреть особенности социально-политической коммуникации болельщиков и фанатской среды в рамках сибирских региональных сетевых сообществ.

В исследовании использовалась поэтапная сборка информации о сетевых сообществах болельщиков и фанатов сибирских регионов. В начале проводился первичный ручной поиск сетевых сообществ спортивных фанатов и болельщиков в региональных сообществах социальной сети ВКонтакте. По итогам было отобрано 39 официальных сообществ спортивных клубов² и 29 групп фанатов и болельщиков. В обозначенных группах был проведен анализ содержания и выявлены общие и отличительные особенности сетевых сообществ региональных болельщиков. В отобранных сетевых сибирских сообществах спортивных болельщиков проводился

² В исследовании рассматриваются исключительно профессиональные спортивные клубы.

поиск связей и следов социальной коммуникации пользователей и администрации, параллельного комментирования и др.

Материалы вторичного анализа позволили подтвердить рассматриваемый перечень «сибирских» видов спорта. Так, теоретические положения нашли отражение в литературном обзоре, а эмпирические результаты позволили сформировать карту региональных сетевых сообществ спортивных болельщиков. Далее с использованием сетевого агрегатора API-данных Popsters.ru (который работает с открытыми данными в сообществах ВКонтакте) были получены обзоры данных по сибирским сетевым сообществам фанатов и болельщиков, а также профильным сообществам спортивных организаций.

Среди сибирских территорий по открытой встречаемости сообществ отобраны следующие регионы: Кемеровская область – Кузбасс, Красноярский край, Томская, Новосибирская и Омская области, Алтайский край, Иркутская область, и Республика Хакасия. Данный выбор регионов, кроме принадлежности к сибирскому макрорегиону, не носил других системообразующих оснований и был обусловлен условиями ручного поиска спортивных сообществ ВКонтакте. Пример визуализации полученных данных сетевых сообществ показан в таблице³. В ней представлен обзор некоторых официальных и фанатских сибирских сообществ по футболу и хоккею (с мячом и шайбой).

По данным ресурса VK Бизнес, показатель коэффициента вовлеченности менее 1 % является низким, а более 3,5 % – высоким⁴. В таблице встречается три

случая высокого показателя вовлеченности сетевой аудитории: официальная группа «ХК "Металлург" (Новокузнецк)» (3,60 %); фанатские группы «Кузнец-Клуб Болельщиков ХК Metallurg Новокузнецк» (3,68 %) и «Саяны.. FANS» (3,97 %), которые имеют меньшее число подписчиков, чем официальные сообщества. Однако это может свидетельствовать о высокой возможности мобилизации аудитории групп. Итак, результаты обработки данных сетевых сообществ позволяют оперативно получать текущие параметры активизма болельщиков спортивных сообществ, отмечая количественные и качественные показатели виртуальной активности участников.

С одной стороны, исследования деятельности фанатских спортивных сообществ могут получить дальнейшее развитие в плоскости построения цифровых моделей, описывающих характер связей и отношений. С другой – региональные сетевые группы болельщиков и фанатов создают новый живой формат коммуникации участников всех со всеми из числа участников, включенных в доменную сеть (интернет-доверие).

Результаты

В целом сетевое пространство сибирских болельщиков незначительно оторвано от официальных, командных платформ и сообществ (в предложенной выборке 3/5 сетевых сообществ болельщиков «работают» на официальных сетевых платформах своих кумиров, организаций и клубов). Это определенно характеризует сибирское сообщество болельщиков

Табл. Показатели вовлеченности сибирских официальных и фанатских сообществ ВКонтакте
Tab. Engagement indicators for Siberian official and fan sports communities of the VKontakte social network

Показатель	ФК «Енисей» Красноярск	ФК «Енисей» NEWS	ХК «Саяны»	Саяны.. FANS	ХК «Металлург» (Новокузнецк)	Кузнец-Клуб Болельщиков ХК Metallurg Новокузнецк
Характер сообщества	Официальное	Фанатское	Официальное	Фанатское	Официальное	Фанатское
Число подписчиков	56447	5966	3389	389	34165	7981
Количество постов	90	16	90	37	142	108
VR _{post} , %	11	33,30	47,84	159,38*	22,62	19,18
ER _{post} , %	1,76	1,64	2,71	3,97	3,60	3,68

Прим.: VR_{post} (коэффициент видимости) – демонстрация числа пользователей, видевших публикацию, по отношению к общему числу подписчиков; ER_{post} (коэффициент вовлеченности) – отображение среднего процента пользователей, которые проявляли активность к публикациям анализируемого ресурса; * – значение выше 100 % связано с посещением группы пользователями, которые не являются ее подписчиками.

³ Данные представлены за период с 11.12.2024 по 10.01.2025.

⁴ Коэффициент вовлеченности аудитории (ER) – что это такое, как рассчитать. VK Бизнес. 30.10.2023. URL: <https://expert.vk.com/articles/koeffitsient-vovluchyonnosti-auditorii-er-cto-eto-takoe-kak-rasschitat/> (дата обращения: 06.01.2025).

и фанатских групп как необособленное сетевое сообщество фанов своих команд и игроков.

Фанатское сообщество «ХК ЕНИСЕЙ КРАСНОЯРСК Группа болельщиков», посвященное такому массовому региональному виду спорта как хоккей с мячом, в исследуемый период имеет 7515 подписчиков, 8 новых публикаций, 8005 просмотров и всего 45 комментариев. Это связано с тем, что для сибирских спортивных и фанатских сообществ характерно преимущественно небольшое количество комментариев. В группе преобладает фото- и информационный контент.

У сетевого сообщества фанатов хоккея с шайбой «ХК "Сибирь" Новосибирск сообщество фанатов» 82528 подписчиков, 1143 комментария, 499691 просмотр и присутствует более «живое» комментирование (по сравнению с группой фанатов хоккея с мячом): *Второй «сухарь» Костина подряд, третья победа подряд! Обигрываем «Адмирал» в гостях – 1:0!*⁵ Большая часть информации представляется в видеоформате (преобладает видеоконтент).

В центре деятельности сообщества болельщиков «Фанаты Волейбольного клуба "Кузбасс"» стоит такой массовый региональный вид спорта, как волейбол. Посты группы представляют собой текстовую информацию конструктивного содержания и включают «нетоксичный» фотоконтент. В сообществе состоит 4071 подписчик, имеются только 2 комментария фанатов клуба и 2335 просмотров. Соотношение фото- и текстового контента идеально равное (50/50), а видеоконтент за указанный период наблюдения отсутствует.

Проявлениям спортивного фанатизма молодежной субкультуры Омска и возможностям конструктивного воздействия на нее в целях преодоления негативных тенденций развития фанатского движения уделялось особое внимание в работе [23]. В свою очередь результаты анализа группы «ХК Авангард | Фан-клуб», посвященной хоккейной команде из Омской области, показывают следующее: 43369 подписчиков, 1990 комментариев и 654058 просмотров. Такие цифры подтверждают наличие весьма активно производимого фанатского контента. С учетом типа контента количество текстовых, фото- и видеосообщений составляет 388, 98 и 20 соответственно. Комментарии в сообществе

характеризуются в целом глубоким преимущественно спортивным содержанием.

Группа фанатов хоккея с мячом «ХК Динамо-Алтай – сообщество болельщиков» имеет яркую символику государственного флага, фанатского мерча и музыкальные видео с предновогодними поздравлениями. В сообществе состоят 7673 подписчика, есть 22 комментария и 51746 просмотров. Тип контента распределяется следующим образом: текст – 27, фото – 26, видео – 11. Комментарии к публикуемым сообщениям и фотографиям не однострочные, со встроенной функцией перевода. Примеры свернутых комментариев:

- *Победная раздевалка ХК «Динамо-Алтай» Подводим итоги первого матча в 2025 Набираем два очка и готовимся к следующей игре...⁶;*
- *Хоккейный трамвай уже мчит по улицам Барнаула! Необычный вагон вышел на линию и будет ходить по маршруту № 7...⁷*

У сообщества «Саяны.. FANS», посвященного клубу по хоккею с мячом «Саяны» из Хакасии, 345 подписчиков, 87 комментариев и 18625 просмотров. Лидирующий тип контента группы – текстовые сообщения, а также присутствуют фотографии любительского жанра и тематические рисунки с околосанатской символикой.

На январь 2025 г. в Сибирском федеральном округе существует и участвует в соревнованиях по командным видам спорта 39 профессиональных клубов, у каждого из которых есть представительство в соцсети ВКонтакте (как правило, на платформе официальных ресурсов, а также самостоятельных сайтов фанатских групп). Из них 1 сайт гандбольный (мужской); 4 футбольных (3 мужских, 1 женский); 5 мини-футбольных (мужские); 5 по хоккею с мячом (мужские); 6 по хоккею с шайбой (5 мужских, 1 женский); 6 баскетбольных (4 мужских, 2 женских); 7 волейбольных (4 мужских, 3 женских). У 17 клубов, помимо официального сообщества, есть как минимум одно «живое» фанатское. В случаях отсутствия явных следов существования фанатского сообщества могла иметь место ее трансформация / переход в официальное.

Лидерами по количеству фанатских сообществ являются футбольный красноярский клуб «Енисей»

⁵ Пост «ХК "Сибирь" Новосибирск сообщество фанатов». *ВКонтакте*. 28.12.2024. URL: https://vk.com/sibir_hc?w=wall-111702_1172424 (дата обращения: 06.01.2025).

⁶ Пост «ХК Динамо-Алтай – сообщество болельщиков». *ВКонтакте*. 06.01.2025. URL: https://vk.com/hc_altay?w=wall-1997323_49096 (дата обращения: 06.01.2025).

⁷ Пост «ХК Динамо-Алтай – сообщество болельщиков». *ВКонтакте*. 04.01.2025. URL: https://vk.com/hc_altay?w=wall-1997323_49087 (дата обращения: 06.01.2025).

и барнаульский клуб по хоккею с шайбой «Динамо-Алтай» (по 3 сообщества соответственно). Далее следуют такие клубы по хоккею с шайбой, как «Сокол» из Красноярска, «Сибирь» из Новосибирска, и футбольный омский клуб «Иртыш» (по 2 сообщества соответственно). Очень часто фанатские сообщества создавались раньше, чем официальные (в 11 случаях из 17). Например, группа «Фан ХК "Кузбасс"» появилась в 2008 г. и не являлась официальной. После создания в 2022 г. «ХК "Кузбасс"» (официальная группа хоккейного клуба) новое сообщество сразу же обошло в популярности фанатское, что выразилось в порядковом увеличении комментариев и сквозной коммуникации пользователей. Такая популярность может быть обусловлена качеством и содержанием информационного контента, меньшим разбросом среди подписчиков на предмет погруженности в данный вид спорта. Начиная с 2022 г. администрация «Фан ХК "Кузбасс"» поменяла несколько названий, но во всех из них неизменно присутствовало слово *фан*.

Если рассматривать случаи, когда фанатские сообщества формировались раньше официальных, то средний временной отрезок этого процесса составляет 7 лет. Сюда относятся фанатские группы 4 клубов по хоккею с шайбой («Металлург» из Новокузнецка, «Сибирь» из Новосибирска, «Авангард» из Омска, «Динамо-Алтай» из Барнаула); 2 клубов по хоккею с мячом («Кузбасс» из Кемерова, мужской «Енисей» из Красноярска); 3 клубов по футболу («Сибирь» из Новосибирска, «Иртыш» из Омска и женский «Енисей» из Красноярска); 2 клубов по волейболу («Кузбасс» из Кемерова и женская «Омичка» из Омска).

Итак, наиболее активными фанатскими сообществами по числу болельщиков и их сетевой деятельности являются фанатские сообщества тематизированных групп, посвященных хоккею с шайбой и мячом, футболу и волейболу. Стоит уточнить, что посты на сетевых площадках имеют как собственный единообразный визуальный стиль, выражающийся в присутствии специальных графических элементов в фото- и видеоматериалах, так и представляют собой копирование, использование стиля и постов из официальной группы. Также фанатские сообщества могут совмещать или вовсе не иметь такого стиля в своих публикациях. В сочетании социально-политической коммуникации в текстовых и визуально-графических материалах не выявлены

особые приемы политизации текста или изображения, за исключением государственной и организационной (соответствующей спортивной) символики и семантики. Помимо этого, обнаружено, что некоторые сетевые сообщества самоизолируются, например закрытая группа «Кузня-Клуб Болельщиков ХК Металлург Новокузнецк». Сетевые сообщества болельщиков Алтайского края («ХК Динамо-Алтай – сообщество болельщиков») и Республики Хакасия («Саяны.. FANS») более склонны к открытым текстовым комментариям и чаще размещают условно простые непрофессиональные фотографии⁸. Также в сибирских фанатских сетевых сообществах встречаются репосты и переадресации фото- и видеоизображений между представителями различных спортивных клубов.

Влияние фанатских сообществ и групп спортивных болельщиков в масштабах региональной социально-политической коммуникации может реализоваться в ряде направлений. Сюда относятся возможности текущего наполнения повседневной жизни территорий, а также специальные, тематизированные события. Среди деятельных направлений использования ресурсов фанатских региональных сообществ можно обозначить следующие:

- демонстрация гражданского активизма посредством поддержки социально-политических инициатив;
- поддержка активного интереса к тому или иному виду спорта, командам, отдельным игрокам;
- привлечение общественного внимания к проблемам спорта;
- косвенно представленные направления «болеть за своих» (спорт – это всегда патриотизм);
- мобилизация молодежи, новых сторонников, участников сообществ болельщиков и фанатов;
- коммерциализация видов спорта и определенных услуг;
- возможность массовизации социально-политического участия по поводу спортивных событий, а иногда и за их пределами;
- угроза / зачастую обоснованное ожидание деструктивного поведения спортивных фанатов.

В условиях проведения специальной военной операции государственная власть прибегла к использованию пассионарных интенций футбольных фанатов для формирования нового подразделения внутри

⁸ Пока сложно оценить, является ли это жестом открытости и приглашением к коммуникации, либо такая ситуация складывается ввиду отсутствия должных ресурсов на сопровождение сайтов и самих мероприятий с участием спортивных фанатов.

вооруженных сил России «Эспаньола»⁹, куда вошли представители различных российских фанатских группировок. Название происходит от прозвища ее основателя и командира С. Орлова «Испанец», который также является членом фанатской группировки футбольного ЦСКА Red-Blue Warriors¹⁰.

Нередко повседневные события спортивного мира приводят к обсуждению проблем, возникающих в том или ином виде спорта в сетевой коммуникации среди фанатской среды. Так, после Суперкубка России по хоккею с мячом, состоявшегося 5 января 2025 г. между архангельским «Водником» и кемеровским «Кузбассом», поклонники из разных регионов оставили цифровой след в сообществе ВКонтакте «ХК "Кузбасс"». На рисунке¹¹ показано облако тегов, составленное на основании цифровой сортировки комментариев пользователей под информационным постом с итогом матча. С помощью сервиса ChatGPT 3.5 мы разделили содержание комментариев на 5 смысловых блоков: критика игры команды «Кузбасс»; подозрения в договорном характере матча; защита и поддержка команды «Кузбасс»; дискуссия о системных проблемах хоккея с мячом в России и падении его популярности; эмоции болельщиков «Кузбасса» и «Водника» по отношению друг к другу и командам.

Итак, можно сделать вывод о возможной зависимости активности болельщиков и фанатских групп

(включая уровень погруженности участников в предмет сетевого обсуждения) от вида спорта. Например, динамичные командные виды спортивных состязаний чаще становятся объектом выбора болельщиков с активной позицией демонстрации интереса и поддержки команды и ее игроков. «Дорогие» же виды спорта, по нашему мнению, менее подвержены активизму участия болельщиков и фанатов (с точки зрения участия рядовых граждан).

Из выбираемых болельщиками в Сибири видов спорта отдельно стоит отметить футбол и хоккей (с шайбой и мячом). В российском футболе продолжается сокращение профессиональных футбольных клубов вследствие прекращения софинансирования со стороны региональных бюджетов. Отсутствие местного футбола может компенсироваться увлечением другими видами спорта, например мини-футболом, а также активной поддержкой популярных российских и европейских клубов. Именно футбольные болельщики имеют предрасположенность к тому, чтобы стать объектом социально-политических коммуникаций. Фанаты других видов спорта с меньшей вероятностью будут совершать коллективные консолидированные действия. Так, О. В. Баев указывает на высокую степень организованности групп европейских фанатов и крепкие устойчивые связи внутри них, обеспечивающиеся насыщенными повседневными коммуникативными практиками [24]. Такая характеристика применима и к российским футбольным фанатам.

Е. И. Колегова и В. А. Кондратенко предлагают рассматривать футбольных фанатов как субкультуру и отмечают, что ее члены могут классифицироваться по степени вовлеченности в фанатские практики, т.е. подгруппы фанатского сообщества имеют подвижную самоидентификацию (пластичность) [25, с. 126]. Авторы отмечают, что отличие движения болельщиков от движения *ультрас* заключается в форме активности. Первые ситуативно посещают спортивные мероприятия, относительно спокойно наблюдают за развитием игры с трибуны, демонстрируя умеренное проявление эмоций. Вторые поддерживают команду кричалками на протяжении всего матча (игры), участвуют в подготовке баннеров, организуют различные перформансы, проявляют готовность нарушить правила поведения на стадионе, зажигая файеры или выкидывая

Рис. Облако тегов поста сообщества ВКонтакте «ХК "Кузбасс"»

Fig. Tag cloud of social network posts published in the HC Kuzbass community of hockey fans

⁹ На январь 2025 г. «Эспаньола» имеет статус добровольческой разведывательно-диверсионной бригады из состава добровольческих формирований Российской Федерации.

¹⁰ Димитровский А. Испанец и его «Эспаньола». Как фанаты становятся универсальными солдатами. *Регнум*. 09.03.2023. URL: <https://regnum.ru/photo/3787564> (дата обращения 06.01.2025).

¹¹ Сост. по: Пост «ХК "Кузбасс"». *ВКонтакте*. 05.01.2025. URL: https://vk.com/wall-217393213_51911 (дата обращения: 06.01.2025).

посторонние предметы на игровое поле, соседние трибуны и пр. [25, с. 123–124].

Большую роль играет и доступность вида спорта для жителей. В этом смысле популярность футбола, хоккея, волейбола или баскетбола (массовых видов спорта) в значительной мере обусловлена возможностью массового копирования данных видов спорта практически для всех желающих на уровне городской, районной или дворовой территорий.

Хоккей с мячом характеризуется как традиционно популярный вид спорта для Сибири, где начиная с 1920-х гг. стали массово появляться любительские команды. И если призерами чемпионатов СССР по хоккею с шайбой становились исключительно команды из европейской части страны, то по хоккею с мячом также и из азиатской. Самая высокая средняя посещаемость чемпионата России по хоккею с мячом была зафиксирована в 2003–2004 гг. – 5472 человек¹², а в 2023–2024 гг. составила 1673 человека¹³.

В 2018–2021 гг. в сибирских региональных столицах были введены в эксплуатацию современные ледовые дворцы: в Кемерове и Иркутске с трибунами на 6000 посадочных мест, в Красноярске – на 5000 мест. Однако предыдущие домашние стадионы под открытым небом команд из этих городов вмещали 32000, 17800 и 10000 человек соответственно. Создание инфраструктуры продемонстрировало не только стремление Сибири к популяризации хоккея с мячом, но и адаптацию к сложившимся условиям депопуляризации этого вида спорта, нацеленность на развитие дистанционной, в том числе сетевой, поддержки своих клубов и соответствующей коммуникации.

Помимо этого, отечественные исследователи отмечают ряд причин, по которым протест фанатов не перерастает в позицию открытого политического проявления. Во-первых, длительный перерыв в чемпионатах, сезонных играх и пр. (до 2,5 месяцев). В результате снижается градус значимости инфоповода, его актуальность. Во-вторых, эффект наложения событий, вероятность политизации спортивной акции на конкретное социально-политическое взаимодействие или актуальный политический протест [26, с. 293]. Сибирские региональные условия позволяют дополнить специфику и интенсивность сезонных игровых туров и соревнований:

особенности климатических условий в определенной степени определяют зависимость игроков, команд и даже болельщиков от погодных условий, сезонных хозяйственно-производственных ритмов регионов, исторических дат и др. В современной России к основным социальным трендам коммуникативного развития относятся динамичная роль медиапространства, ролирование СМИ ключевыми инфособытиями, включая политическую коммуникацию и социальные платформы, которые занимают значимое место в популяризации инфоповодов тематической направленности и характера [27].

В Сибири можно наблюдать отсутствие заинтересованности политических субъектов в использовании фанатов в качестве ресурса для достижения политических целей «уличным» способом. Характерная для сибирских сообществ спортивных болельщиков нацеленность на официальные платформы и сообщества позволяет отмечать очевидные преимущества подобного участия. В официальных группах посты и комментарии выходят раньше, а объемы и количество подобных сообщений масштабнее неофициальных групп, что, следовательно, повышает и цитируемость спортивных событий, узнаваемость определенных лиц.

Заключение

В рамках социально-политической коммуникации в сетевом пространстве сибирских регионов спортивные болельщики и фанаты являются активной стороной. Специфика и тематика активностей болельщиков и фанатов спорта позволяют выделять отдельную динамическую коммуникативную группу сетевых участников. Причем региональная коммуникативная тематика, социально-экономические и политические особенности развития территорий и городов выступают дополнительным основанием для освещения фанатской и болельщицкой повестки в масштабах регионов и даже за их пределами¹⁴. Еще одной особенностью сибирских сетевых сообществ болельщиков является отсутствие деструктивной коммуникации на трибунах (некоторые исключение составляют футбольные фанаты и болельщики команд по хоккею с мячом).

Распределение приоритетов по тематике сетевых спортивных сообществ сибирских болельщиков

¹² Климовицкий П. Самоубийство русского хоккея. *Спорт-Экспресс*. 28.02.2017. URL: <https://www.sport-express.ru/bandy/reviews/samoubiystvo-russkogo-hokkeya-1223642/> (дата обращения: 06.01.2025).

¹³ XXXII Чемпионат России. Суперлига – 2023–2024. *rusbandy.ru*. URL: <http://www.rusbandy.ru/season/616/stats/> (дата обращения: 06.01.2025).

¹⁴ Возможно, целесообразно рассмотреть обширный кластер пользователей, использующих спортивную и околоспортивную тематику в своих интересах, которая не связана с профессиональным спортом и фанатской деятельностью, например, через такие треки, как *спорт на расстоянии*, *футбол на диване* и др.

следующее: вид спорта; результативность спортивной деятельности выбранной команды; одобряемые социальные атрибуты и реализуемые участниками фанатских сообществ повседневные практики. Следует отметить, что нами не было обнаружено значимых разделений ни между коммуникацией сибирских сетевых сообществ с преобладанием семантики *фанаты* и обозначением *болельщико*, ни внутри нее.

Особый интерес вызывает перспектива выхода одного из футбольных сибирских клубов в Российскую Премьер-Лигу (высший уровень российского футбола) в связи с конфликтогенным потенциалом, заключающимся в *паспортах болельщиков* (Fan ID), без которых невозможно попасть на стадион. В 2022 г., после вступления в силу изменений в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁵, фанатские группировки клубов Премьер-Лиги объявили о бойкоте матчей, вследствие чего их посещаемость упала. В свою очередь руководство клубов и регионов стало вводить поощрительные меры для оформления Fan ID и привлекать на стадионы новые категории населения.

Основным направлением развития заданной исследовательской тематики является изучение междисциплинарных связей спортивных и прочих региональных сетевых сообществ с целью выявления устойчивых связей-отношений виртуальной и физической сред коммуникации пользователей сибирских регионов.

Литература / References

1. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Бакалова Т. В. Инструменты укрепления экономической безопасности государства в период социально-экономической и геополитической нестабильности. *Дружеровский вестник*. 2022. № 5. С. 24–34. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Bakalova T. V. Tools for strengthening the economic security of the state in the period of socio-economic and geopolitical instability. *Drukerovskii vestnik*, 2022, (5): 24–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wquesr>
2. Корнеева В. А. Актуализация спортивного дискурса «мягкой силы» в условиях эскалации политического напряжения. *Дискурс-Пи*. 2017. № 3-4. С. 269–275. [Korneeva V. A. Actualization of sports discourse of "soft power" in conditions of escalating political tension. *Discourse-P*, 2017, (3-4): 269–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.269275>
3. Урунов А. А., Морозова И. М. Методология оценки качества экономического пространства региона. *Регионоведение*. 2024. Т. 32. № 1. С. 48–70. [Urunov A. A., Morozova I. M. Methodology for assessing the quality of the economic space of the region. *Russian Journal of Regional Studies*, 2024, 32(1): 48–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070>
4. Knijnik J. Social agency and football fandom: The cultural pedagogies of the Western Sydney ultras. *Sport in Society*, 2018, 21(6): 946–959. <https://doi.org/10.1080/17430437.2017.1300394>
5. Numerato D. *Football fans, activism and social changes*. Abingdon; NY: Routledge, 2018, 164.
6. Yildirim K. A. Patronage and industrial football: Explaining the de-politicization of Turkish soccer fandom. *Soccer & Society*, 2019, 20(2): 232–251. <https://doi.org/10.1080/14660970.2017.1302932>

¹⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». ФЗ № 43-ФЗ от 06.03.2022. СПС КонсультантПлюс.

7. Януков С. Г., Бахтуридзе З. З. Влияние спорта на репутацию государств в современной политической повестке. *Управленческое консультирование*. 2022. № 7. С. 150–162. [Yanukov S. G., Bahturidze Z. Z. The impact of sport on the reputation of states in the modern political agenda. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2022, (7): 150–162. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-150-162>
8. Тиммс Г., Хейманс Д. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. М.: Альпина Паблишер, 2019. 504 с. [Timms G., Heymans D. *New power: How power works in our hyperconnected world – and how to make it work for you*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 504. (In Russ.)]
9. Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2013. № 1. С. 132–137. [Sergodeev V. A. Network Internet communities: Essence and sociocultural characteristics. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Regionovedenie: Filosofii, istorii, sotsiologii, iurisprudentsiia, politologii, kulturologii*, 2013, (1): 132–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcklaz>
10. Хашир Б. О., Швецова И. Н., Усанов А. Ю., Пономарев С. В. Специфика цифровизации в России и регионах в условиях неопределенности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. № 2. С. 249–258. [Khashir B. O., Shvetsova I. N., Usanov A. Yu., Ponomarev S. V. Specifics of digitalization in Russia and its regions under uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, (2): 249–258. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-249-258>
11. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Бурмакина А. Л., Донова И. В. Региональное социально-политическое взаимодействие онлайн и офлайн: возможности сравнения и измерения на примере экологической повестки. *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 500. С. 150–158. [Kranzeeva E. A., Golovatsky E. V., Burmakina A. L., Donova I. V. Regional socio-political interaction online and offline: Possibilities for comparison and measurement using the example of the environmental agenda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, (500): 150–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/500/16>
12. Кильдюшов О. В. Больше, чем футбол: спортивные фанаты в роли гражданского общества. *Вопросы национализма*. 2011. № 1. С. 38–44. [Kildiushov O. V. More than football: Sports fans in the role of civil society. *Voprosy natsionalizma*, 2011, (1): 38–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxdoqv>
13. Рибокас Т. В. Генезис отечественного фанатского движения и тенденции формирования образа футбольного фаната в нашей стране. *Социодинамика*. 2015. № 12. С. 142–163. [Ribokas T. V. Genesis of the domestic fan movement and trends in the formation of the image of a domestic football fan. *Sotsiodinamika*, 2015, (12): 142–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2015.12.17125>
14. Граник В. В. Футбольные фанаты как один из элементов экстремистской среды. *Научный портал МВД России*. 2014. № 1. С. 92–96. [Granik V. V. Football fans as an element of the extremist milieu. *Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2014, (1): 92–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stcpdh>
15. Кузнецов М. В. Структура футбольного фанатского движения. *Аналитика культурологии*. 2014. № 29. С. 144–148. [Kuznetsov M. V. The structure of the football fan movement. *Analitika kulturologii*, 2014, (29): 144–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmzknp>
16. Асанов В. Б. Взгляд СМИ на молодежные фанатские объединения. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2020. № 1. С. 192–202. [Asanov V. B. The media view on youth fan associations. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*, 2020, (1): 192–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hfydq>
17. Смердова К. С. Механизмы негации в околоспортивной фанатской субкультуре по фигурному катанию. *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2023. Т. 49. № 2. С. 173–190. [Smerdova K. S. Negation mechanisms in figure skating fan subculture. *Vektory blagopoluchiia: Ekonomika i sotsium*, 2023, 49(2): 173–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1612>
18. Щетинина С. Ю., Козлова Е. В. Спортивный фанатизм как социокультурная проблема. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2021. № 5. С. 461–464. [Schetinina S. Yu., Kozlova E. V. Sports fanaticism as a sociocultural problem. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2021, (5): 461–464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oegcdh>
19. Тюрина В. А. Социальные границы культуры спортивных фандомов. #ScienceJuice2020: конф. (Москва, 23–27 ноября 2020 г.) М.: Парадигма, 2021. Т. 1. С. 178–184. [Tyurina V. A. Social boundaries of sports fandom culture. #ScienceJuice2020: Proc. Conf., Moscow, 23–27 Nov 2020. Moscow: Paradigma, 2021, vol. 1, 178–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aoxxng>

20. Быховская И. М., Люлевич И. Ю., Дзигуа Д. В. «Фандомное творчество»: креатив масс в эпоху тотальной креативности. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2021. № 9-2. С. 277–289. [Bykhovskaya I. M., Lyulevich I. Yu., Dzigua D. V. "Fandom activities": "Kreativ" of the masses in the era of total creativity. *RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2021, (9-2): 277–289. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ckhedf>
21. Смердова К. С., Горбунова С. В. Особенности функционирования спортивной фанатской культуры в журналистском спортивном дискурсе. *Человек. Культура. Образование*. 2023. № 1. С. 50–64. [Smerdova K. S., Gorbunova S. V. Sports fan culture in journalistic sports discourse: Its special function. *Human. Culture. Education*, 2023, (1): 50–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tfkdkv>
22. Бурлыков Д. А. Система ценностей футбольных фанатов на основе контент-анализ среды Интернет. *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2014. № 2. С. 88–92. [Burlykov D. A. The system of values of football fans based on content analysis of the Internet environment. *Vestnik Instituta kompleksnyh issledovaniy aridnykh territorii*, 2014, (2): 88–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vibcmf>
23. Банникова Н. В. Спортивный фанатизм в городе Омске. Организация работы с участниками фандвижения. *Омский научный вестник*. 2008. № 1. С. 134–136. [Bannikova N. V. Sports fanaticism in the city of Omsk, organization of fan movement. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2008, (1): 134–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knwtrn>
24. Баев О. В. Футбольные фанаты в европейских странах. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 6. С. 5–11. [Baev O. V. Football fans in European countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, (6): 5–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tfaect>
25. Колегова И. Е., Кондратенко В. А. Движение футбольных фанатов: структура и коллективные идентичности. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2020. Т. 12. № 1. С. 118–135. [Kolegova I. E., Kondratenko V. A. The football fan movement: Structure and collective identities. *Interaction. Interview. Interpretation*, 2020, 12(1): 118–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.7>
26. Васильев В. Е., Власова К. В. Футбольные фанаты в России как инструмент гражданского общества на примере акции «Фанат не преступник»: потенциал политизации протеста. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2020. № 8. С. 281–294. [Vasiliev V. E., Vlasova K. V. Football fans in Russia as an instrument of civil society on the example of the "Fan is not a criminal" action: The potential for politicizing protests. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2020, (8): 281–294. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knttic>
27. Социальные и политические коммуникации в современном обществе, ред. И. А. Герейханова. М.: КДУ; Добросвет, 2021. 185 с. [Social and political communications in modern society, ed. Gereikhanova I. A. Moscow: KDU; Dobrosvet, 2021, 185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1200-6-2021-185>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gbdpmy>

Электоральное поведение студенческой молодежи в межвыборный период (на материалах московских вузов гуманитарных направлений)

Кагарманова Альбина Иргалиевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4708-6380

<https://orcid.org/0009-0007-5916-5247>

kagarmanova-ai@ranepa.ru

Аннотация: Проблема электорального поведения студенческой молодежи актуальна ввиду ведущей роли этой группы людей во многих текущих и будущих общественных процессах, высокой доли в составе электората. Цель – выявить особенности электорального поведения студенческой молодежи, обучающейся в РАНХиГС (московский кампус) и Московском педагогическом государственном университете. Задачи: 1) уточнить определение понятия *электоральное поведение*; 2) выявить особенности электорального поведения студентов с помощью анкетирования; 3) определить влияние одних черт электорального поведения на другие (как и влияние ряда внешних факторов); 4) разработать рекомендации по повышению электоральной активности студенческой молодежи. Осенью 2023 г. проведено анкетирование, в котором участвовали 232 студента в возрасте 17–25 лет. Выявлена сложность явления *электоральная активность* у студентов: в целом она находится на достаточно высоком уровне, но имеет значительные вариации в зависимости от направленности образовательных программ (в РАНХиГС, где больше студентов государственного и муниципального управления, показатели гораздо выше по сравнению с будущими педагогами), возраста и ряда других факторов. Осуществлен анализ статистических данных и их преобразование, в частности с помощью индексного метода. Обнаружен разрыв между общим интересом студентов к политической жизни и их осведомленностью о молодежных политических организациях: второе заметно отстает от первого. Получен вывод о необходимости интерактивных форм работы по повышению электоральной активности студентов и важности сохранения некоторой доли традиционных форм (печатные материалы, личные встречи с избирателями).

Ключевые слова: электоральное поведение, электоральная активность студентов, факторы электоральной активности, анкетирование, индекс политической активности, повышение электоральной активности

Цитирование: Кагарманова А. И. Электоральное поведение студенческой молодежи в межвыборный период (на материалах московских вузов гуманитарных направлений). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 13–29. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-13-29>

Поступила в редакцию 28.09.2024. Принята после рецензирования 21.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Electoral Behavior of Moscow Humanities University Students between Elections

Albina I. Kagarmanova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4708-6380

<https://orcid.org/0009-0007-5916-5247>

kagarmanova-ai@ranepa.ru

Abstract: Students are a socially active stratum that makes up a large proportion of the electorate. The research objective was to detect electoral behavior patterns in students of the RANEPA Moscow campus and the Moscow Pedagogical State University. The authors clarified the definition of electoral behavior and developed

a questionnaire to describe it university students. The statistical data were processed using the index method. The survey took place in the autumn of 2023 and covered 232 students aged 17–25. It revealed some correlations between different features of electoral behavior, as well as the effect of external factors. The obtained results made it possible to offer some useful recommendations on how to stimulate the electoral activity of Moscow students. The phenomenon of *electoral activity* proved to be quite complex. It was rather high but depended on the major and age. The RANEPa students, who majored in state and municipal administration, were much more active than the future teachers from the Moscow Pedagogical State University. While the general interest of students in political life was rather high, they demonstrated low awareness of youth political organizations. Their electoral activity could be raised by a combination of interactive and traditional forms, e.g., leaflets, meetings with candidates, etc.

Keywords: electoral behavior, electoral activity of students, factors of electoral activity, survey, index of political activity, increase of electoral activity

Citation: Kagarmanova A. I. Electoral Behavior of Moscow Humanities University Students between Elections. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 13–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-13-29>

Received 28 Sep 2024. Accepted after review 21 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

Цель исследования состоит в выявлении особенностей электорального поведения московской студенческой молодежи, обучающейся в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) и Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), с помощью анкетирования. Задачи:

- 1) уточнить понятие *электоральное поведение*;
- 2) выявить особенности электорального поведения студентов с помощью анкетирования;
- 3) определить влияние одних черт электорального поведения на другие, а также влияние некоторых внешних факторов;
- 4) разработать рекомендации по повышению электоральной активности студенческой молодежи.

Актуальность исследования электоральной активности студенческой молодежи и электорального поведения в целом связана с тем, что данная группа людей является движущей силой многих процессов и от нее зависит будущее Российской Федерации. В настоящее время студенческая молодежь составляет около четверти электората России, а для дальнейшего привлечения студенчества к политической жизни необходима мотивация их активности.

Электоральное поведение рассматривается как:

- 1) процесс, в ходе которого население принимает решение об участии в выборах и голосовании за того или иного кандидата, политическую партию;
- 2) деятельность граждан во время избирательных кампаний, участие в выборах и референдумах;
- 3) общественное поведение, которое проявляется в формировании политических предпочтений, при

принятии итогового решения и непосредственно участии в голосовании во время предвыборных кампаний, голосовании за политическую партию или кандидата, голосовании на референдуме или, наоборот, в уклонении от участия в голосовании на политических выборах (явление абсентеизма).

Электоральные исследования – одно из актуальных направлений общественных наук. В этой области немало достижений, что обусловлено прежде всего практической значимостью изучения поведения электората [1], прогнозирования исхода выборов [2–5], эффективности той или иной предвыборной платформы кандидатов [6], партий и пр. Тем не менее многие вопросы электорального поведения студенческой молодежи еще не получили полного отражения в научной литературе, например закономерности уровня активности участия в голосованиях, мотивы и факторы предпочтений и т. д.

Методы и материалы

В исследовании применялись следующие методы: наблюдение, анкетный опрос, сравнение, терминологический анализ, статистический анализ (индексный метод, корреляция). Анкетирование проводилось в печатном (офлайн) и электронном (онлайн) виде. Респондентами стали 232 студента разных направлений подготовки в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в МПГУ и РАНХиГС в Москве. Среднее время, необходимое для заполнения анкеты, составляет 10–15 мин. Анкета составлена с использованием вопросов из анкеты коллектива авторов [7].

Осенью 2023 г. было проведено исследование электорального поведения студентов РАНХиГС и МПГУ.

Мы собрали 232 анкеты, которые разделили для последующего анализа на 3 группы¹:

1. МПГУ-1 – студенты МПГУ от 17 до 20 лет, средний возраст – 19,8 (104 анкеты);
2. МПГУ-2 – студенты МПГУ от 21 года до 25 лет, средний возраст – 22,3 (74 анкеты);
3. РАНХиГС – студенты РАНХиГС от 18 до 20 лет, средний возраст – 19,0 (54 анкеты).

При анализе собранных материалов нами учитывался возраст респондентов, соотношенный с состоявшимися в РФ выборами. Так, студенты, родившиеся в 2005 г. с января по начало сентября, были обозначены в анкете как *18-летние* (около $\frac{3}{4}$ человек, родившихся в 2005 г.) и, согласно ст. 4 ФЗ № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024)², уже могли принимать участие в кампаниях (а также голосовать за понравившуюся) в единый день голосования (10 сентября 2023 г.). 19-летние (около $\frac{3}{4}$ родившихся в 2004 г.) имели возможность голосовать в кампаниях и участвовать в них не только в 2023 г., но и в 2022 г. Самые первые выборы 20-летних пришлось на 19 сентября 2021 г., 21-летних – на 13 сентября 2020 г., 22-летних – на 8 сентября 2019 г. Получается, что для избирателей 2004–2005 гг. рождения (и тех, кто родился после 19 сентября 2003 г.) первыми общероссийскими выборами федерального уровня стало голосование за кандидатов в Президенты Российской Федерации 15 марта 2024 г. Наибольшее значение из прошедших выборов в перечисленные годы имеет голосование за кандидатов в депутаты Государственной Думы VIII созыва в 2021 г., т.к. оно охватило всех избирателей страны (другие кампании проходили на региональном и муниципальном уровнях либо являлись довыборами депутатов Государственной Думы в отдельных округах).

Вопросы в анкете были разделены на 3 категории: имеющие единственный выбор, множественный выбор и паспортные вопросы в конце списка (вопросы о занятости, уровне доходов семьи и т.п.). Некоторые из них предусматривали возможность краткого ответа путем вписывания своего варианта. Сам анализ проводился в 2 этапа: сопоставление ответов на отдельные вопросы в разрезе трех вышеназванных групп (МПГУ-1, МПГУ-2 и РАНХиГС); сопряженный анализ ответов на некоторые взаимосвязанные вопросы, в частности для расчета индекса политической активности.

Результаты

Определение понятия электоральное поведение

Основы исследования электорального поведения населения стали активно разрабатываться еще в первой половине XX в. (А. Зигфрид, С. Липсет [8]). В 1960-е гг. появился социально-психологический подход, связанный с деятельностью представителей мичиганской школы (Э. Кембелл [9], Ф. Конверс [10] и др.), параллельно с ним формировался рационально-инструментальный подход (Э. Даунс [11], И. Шумпетер [12] и др.). В 1970-е гг. началась работа по изучению поведения избирателей отечественными специалистами (Ф. М. Бурлацкий [13], А. В. Дмитриев [14] и др.).

Среди многочисленных публикаций об электоральном поведении можно выделить следующие: по моделям электорального поведения (Ю. Д. Шевченко [15] и др.); по влиянию политической культуры на поведение избирателей (Ю. Н. Пивоваров [16], Р. Ф. Туровский [17] и др.); по отдельным типам электорального поведения (А. С. Ахременко [18], Ю. И. Бушенева [19], Ю. В. Гудина [20] и др.); об электоральном поведении молодежи, в том числе студенческой (В. И. Добренков [21], Ю. А. Зубок [22], А. И. Кравченко [23] и др.).

Также стоит отметить научные работы, затрагивающие электоральную активность: исследование электоральной активности разных групп молодежи (В. В. Инютин, Н. А. Моисеенко [24]); анализ отдельных аспектов электоральной активности молодежи и связанных с ней явлений, таких как политическое отчуждение, абсентеизм, электоральная грамотность и др. (Н. В. Бушная, В. С. Каминский, Ю. В. Капранова [4; 5]); рассмотрение факторов электоральной активности молодежи (А. А. Завьялов и С. А. Хампиева [25], М. Н. Казакова и А. Е. Новослов, И. Г. Митюнова [26] и др.), а также методы ее повышения (Н. В. Бушная и Н. П. Вишникина [27], М. В. Дорофеева и Ю. В. Капранова [28], Д. Е. Королева [29; 30], И. Г. Митюнова [26], Д. Е. Петрикеев и др.); сравнение электоральной активности молодежи в разных странах и др. (Р. В. Пырма [1]); проведение социологических исследований электоральной активности молодежи и анализ полученных результатов, в том числе в динамике (А. А. Завьялов и С. А. Хампиева [25], В. Е. Мантрова и В. Е. Сиселина, Д. В. Матюшенко и С. В. Миронова, А. С. Неуструева и Ю. В. Петренко [31] и др.).

¹ Разделение студентов МПГУ на 2 группы обусловлено анкетированием учащихся бакалавриата и магистратуры и было необходимо для обеспечения сопоставимости результатов в группах близких по возрасту (МПГУ-1 и РАНХиГС) и анализа зависимости параметров электорального поведения от возраста (МПГУ-1 и МПГУ-2).

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002 (ред. от 08.08.2024). СПС КонсультантПлюс.

В определении М. Н. Богдановой содержится расширенное толкование электорального поведения, учитывающее также ценностные ориентации, интерес, мотивацию и характер и включающее отношение к определенному социальному слою, культурные характеристики [32]. У В. Э. Матханова электоральное поведение рассматривается как элемент избирательных кампаний и выборов в целом [33]. О. В. Парфенова делает акцент на том, что проблема электорального поведения является междисциплинарной, находящейся на стыке различных наук [34]. Как видим, разнообразие подходов в детерминации изучаемого явления весьма значительно. В рамках теоретического анализа нами было проведено сравнение разных вариантов определения одного из центральных терминов электоральных исследований – *электоральное поведение* (применительно к носителям активного избирательного права)³:

1. «Вид политического поведения, связанный с делегированием властных полномочий, передачей политическому субъекту (лидеру) воли граждан, форма выражения их предпочтений и интересов и участия в управлении государством» [6, с. 145].

2. Система взаимосвязанных реакций, действий или бездействия граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов [2].

3. «Совокупность действий и поступков граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах»⁴.

4. «Процессы принятия решений и социальные факторы, влияющие на модели голосования»⁵.

5. «Участие в выборах, наиболее распространенный тип политического участия»⁶.

6. «Один из видов поведения политического, предмет социологии выборов»⁷.

7. «Модель предпочтения избирателей, определяемая политическими, социальными и психологическими факторами»⁸.

8. Форма проявления политического поведения граждан по поводу делегирования ими своих полномочий⁹ [36, с. 19]. Важно, что к электоральному

поведению имеют отношение не только избиратели, но и организаторы выборов, участники и заказчики политтехнологий. Электоральное поведение – это и связь электората с избранными депутатами, и их переизбрание, и т. д.

9. «Поведение людей, связанное с реализацией ими социальных функций избирателей»¹⁰.

Многие определения (1, 5, 6, 8) обращены к более широкому понятию *политическая деятельность* либо *политическое участие*, относя электоральное поведение к одному из его видов. При этом в определении 1 автор ориентируется на активных, а не формальных избирателей, акцентируя внимание на сознательное делегирование полномочий политическому лидеру. Но в нем есть и ограничение: речь идет об управлении государством, и таким образом отсекается часть политической сферы (местное самоуправление, «низовая» активность населения и общественных организаций). Определения 2 и 3 связывают электоральное поведение с ситуацией выборов, а в качестве субъектов видят не избирателей, а граждан. При этом в определении 2 упор делается на политические выборы, тогда как в 3 – на основные уровни выборов (местные и общенациональные) и референдум. Определения 4 и 7 более широкие за счет включения не только выборов (принятие решения и модель голосования), но и влияющих на них факторов. Определения 5, 6 схожи, т. к. затрагивают только ситуативную привязку электорального поведения, сводя его к участию в выборах. В определении 8 содержится своеобразный синтез содержания 5 и 6, апеллирующий к политическому поведению и делегированию полномочий. Определение 9 перекликается с 1, указывая на активность избирателей в реализации своих функций.

Сформулируем уточненное определение понятия *электоральное поведение*. По нашему мнению, это действия избирателей, связанные с принятием и реализацией решения о выборе политического лидера (персонального или коллективного) или о выборе варианта решения политического вопроса на голосовании (референдуме и др.) в рамках официальной процедуры выборов. Сюда относятся действия,

³ Подробнее см. в [35].

⁴ Электоральное поведение: основные понятия и термины. *Финам*. 29.06.2023. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/elektoralnoe-povedenie-20230629-1121/> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече, 1999. Т. 2. С. 480.

⁶ Погорельский Д. Е., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю. Политологический словарь-справочник. Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2008. 320 с.

⁷ Российская социологическая энциклопедия, ред. Г. В. Осипов. М.: НОРМА–Инфра–М, 1998. С. 382.

⁸ Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Народы и культуры, ред. Р. Хоггарт. М.: Весь мир; Инфра–М, 2002. Т. 7. 416 с.

⁹ Социологический справочник, ред. В. И. Волович. Киев: Политиздат Украины, 1990. 382 с.

¹⁰ Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. СПб.: РНБ, 2011. URL: <https://nlr.ru/cat/edict/EcoDict/index1.htm> (дата обращения: 20.09.2024).

например, депутатов представительного органа муниципальной власти, принимающих решение о выборах главы города (района), когда имеют место не прямые выборы, а задействована коллегия выборщиков. Так как речь в этом определении идет не о принятии или реализации решения, а о попытке воздействовать на ход выборов, заявить о своей позиции широкой общественности, то протестная активность избирателей в виде митингов, пикетов и т.п. включена в *электоральное поведение* не будет.

Ответы на вопросы с единственным выбором

Ответы на вопрос о том, интересуются ли респонденты политической жизнью страны (вопрос 1), имели относительно большие отличия в двух вузах, т.е. разница между группами МПГУ-1 и МПГУ-2 оказалась не столь большой, как между совокупностью анкет МПГУ и РАНХиГС. Так, доля студентов, интересующихся политикой, в Президентской академии составила 70 %, что выше, чем в МПГУ (МПГУ-1 – 60 %, МПГУ-2 – 54 %). Доля же тех, кому не интересна политическая жизнь, в РАНХиГС равнялась 13 %, в то время как среди групп МПГУ-1 и МПГУ-2 – 18 % и 24 соответственно.

Такие результаты объясняются различиями в направленности обучения студентов двух вузов: программы РАНХиГС в большей степени ориентированы на сферу государственного управления, т.е. политическую жизнь. Такая особенность направленности обучения в Президентской академии оказывает влияние на относительно высокий уровень оценки студентами роли своего поколения в общественной жизни. При этом в МПГУ наблюдается, с одной стороны, ровный уровень этой оценки, судя по положительным ответам в обеих группах, а с другой – менее выраженный «нигилизм» более старшей группы МПГУ-2, демонстрируемый в отрицательных ответах (и, соответственно, в этой группе большая доля тех, кто затруднился с ответом).

В ходе анализа результатов мы заметили, что чем больше интерес к политической жизни, тем меньше проблем дефицита информации о выборах (вопрос 5). Ответы на вопрос 5 групп МПГУ-1 и РАНХиГС, участники которых близки по среднему возрасту, сильно отличаются: суммарная доля тех, кто ответил *Да* и *Скорее да*, в МПГУ-1 составила 62 %, а в группе РАНХиГС – лишь 30 %.

Количество выборов, в которых студенты успели принять участие, напрямую зависело от возраста респондентов. Так, студенты Президентской академии моложе студентов МПГУ-1 почти на год, поэтому большое количество последних успели принять участие в двух и более голосованиях¹¹. Общее количество респондентов, ни разу не участвовавших в выборах, было максимальным (63 %) в самой молодой группе (РАНХиГС) и минимальным (26 %) в самой старшей (МПГУ-2). Отдельного внимания заслуживает достаточно высокая электоральная активность семей респондентов, на что указывают результаты анкет. В то же время разница между всеми группами студентов по этому параметру оказалась весьма небольшой.

Респонденты в основном не согласились с тем, что современная российская молодежь проявляет низкую степень электоральной активности (вопрос 3). Распределение разных вариантов ответов заметнее всего различается между группами МПГУ-1 и РАНХиГС. В первой из этих групп больше согласных с утверждением (14 % против 7) и существенно меньше частично не согласных (14 % против 26). МПГУ-2 занимает промежуточное положение, но выделяется среди остальных групп повышенной долей затруднившихся с ответом (8 %). Можно также заметить некоторое преобладание в группах Московского педагогического государственного университета более категоричных ответов, выражающих как согласие, так и противоположную точку зрения: в МПГУ-1 их сумма составляет 16 %, в МПГУ-2 – 14 %, в то время как в РАНХиГС – 7 %.

Уровень осведомленности о деятельности молодежных политических организаций у респондентов разных групп примерно одинаковый. Несмотря на то, что студенты группы РАНХиГС проявили наибольшую заинтересованность политической жизнью на фоне групп МПГУ, доля ответов *Не знаю* оказалась даже несколько выше, чем в группе МПГУ-1 (31 % и 27 соответственно). В группе МПГУ-2 доля отрицательных ответов наибольшая (39 %), что соответствует их раннее выявленной относительной политической пассивности. Доля желающих примкнуть к молодежной политической организации оказалась невелика как в группе РАНХиГС (28 %), так и в МПГУ-1 (15), МПГУ-2 (8). Действующих членов молодежных организаций среди респондентов почти не оказалось. Так, доля ответивших *Не состою* превысила 90 % во всех опрошенных группах.

¹¹ Однако не было четко оговорено, что считать *разными* выборами, т.е. одни студенты могли отнести все события единого дня голосования к единственным выборам (при одновременных 2–3 кампаниях), в которых они участвовали, а другие – разделять кампании, считать их разными выборами.

Ответы на вопросы с множественным выбором

Анализ ответов на вопросы с множественным выбором выполнялся в двух основных аспектах:

1. Общая частота встречаемости каждого из вариантов ответа (их количество колебалось от 5 до 10 в зависимости от вопроса) в анкетах.

2. Частота встречаемости вариантов с учетом того, сколько вариантов ответа выбирали респонденты. В этом разделе анализа учитывалась степень важности: если респондент выбирает данный вариант как единственный, это придает варианту больший вес по сравнению с его выбором из 2 или более вариантов сразу. Была принята следующая шкала: выбор единственного варианта соответствовал 10 условным баллам, выбор двух вариантов давал каждому из них 5 условных баллов и т.д. (3 варианта – по 3,3; 4 – по 2,5; 5 – по 2; 6 – по 1,6; 7 – по 1,4)¹².

В таблице 1 представлено 7 вариантов ответа с основными причинами участия молодежи в выборах (вопрос 6). Также студентам была дана возможность вписать свой ответ, но ей никто не воспользовался. Порядок вариантов ответов для респондентов был смешанный, без выстраивания в рамках

определенной смысловой шкалы. Однако имеются варианты как с позитивной (варианты 1, 2, 3, 5), так и негативной (4, 6, 7) коннотацией разной степени выраженности.

Во всех трех группах мы можем наблюдать следующих лидеров по вариантам ответа: желание проявить свою активность (5); судьба государства и народа (2); обязанность гражданина (1). Из позитивных вариантов аутсайдером является 3, предполагающий надежду на улучшение жизни. Среди негативных в обеих группах МПГУ лидирует вариант, связанный с нежеланием возникновения проблем на работе / учебе (6), в группе РАНХиГС – тот, что связан с отказом от участия в выборах (7).

Теперь рассмотрим относительные данные, используя суммарный рейтинг ответа с выбором двух и более вариантов. Соотношение вариантов ответов оказалось относительно схожим в группах МПГУ-1 и РАНХиГС. В МПГУ-2 доля выбора вариантов 2 и 5 меньше, чем вариантов 3, 4, 6. Суммарная доля выбора вариантов ответа 2 и 5 в группах бакалавриата одинакова (61 %), в то время как в группе магистрантов она составляла 48 %. Суммарная доля выбора вариантов ответа 3, 4, 6 в группе РАНХиГС

Табл. 1. Рейтинг вариантов ответа на вопрос о причинах участия молодежи в выборах

Tab. 1. Responses to the question "Why do young people vote?"

№	Варианты ответа	Количество анкет с единственным выбором варианта*			Суммарный рейтинг ответа с выбором двух и более вариантов, условные баллы		
		МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС	МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС
1	Это обязанность каждого гражданина	1	2	–	175	130	92
2	От результатов выборов во многом зависит развитие государства и судьба народа	4	2	1	300	175	159
3	Надеюсь, что с обновлением власти жизнь изменится к лучшему	1	3	–	101	95	36
4	Потому что так надо (все так делают)	1	2	1	47	58	28
5	Хочу таким образом проявить свою общественную и политическую активность	2	6	3	337	181	168
6	Не хочу иметь проблем (на работе, учебе) – все равно заставят	2	2	–	67	74	23
7	Не собираюсь принимать участие в выборах	3	2	1	48	27	32

Прим.: * – многие респонденты, отвечая на вопросы в анкетах, предполагающие возможность более одного варианта ответа, выбирали только один. Их мы подсчитывали отдельно, чтобы учесть при вычислении условных баллов в таблицах 1–4.

¹² Для сопоставимости разных групп частота встречаемости вариантов переводилась в проценты.

равнялась 16 %, в МПГУ-1 – 19 %, а в МПГУ-2 – 31 %. Исходя из часто встречаемого у магистрантов варианта ответа 6, можно утверждать, что у них более выражена негативная мотивация участия в выборах.

Среди наиболее важных факторов влияния на электоральное поведение студенческой молодежи (вопрос 8) мы предложили респондентам следующие: друзья (вариант 1), информационная среда (2), семья (3), профессиональные коллективы (4) и образовательные институты (5) (табл. 2). Также была возможность выбрать вариант *Затрудняюсь с ответом*, к которому никто не обратился. Рейтинг вариантов имеет существенные отличия в трех группах. Так, в МПГУ наиболее значимым признан вариант 2, а в РАНХиГС – вариант 3. На второе место в МПГУ-1 поставили семью (3), в МПГУ-2 – друзей (1), в РАНХиГС – информационную среду (2). Третье место в МПГУ-1 занимал вариант ответа 5, в МПГУ-2 – вариант 3, в РАНХиГС – вариант 1.

Беря в расчет суммарный рейтинг, можно утверждать, что в группе МПГУ-1 друзья (вариант 1) играют не самую важную роль в качестве фактора электорального поведения. Однако большей значимостью обладают профессиональные коллективы (по-нашему мнению, это может быть обусловлено высокой степенью трудоустройства этих студентов) и образовательные институты (4 и 5 соответственно), что является вполне логичным (но тогда возникают вопросы относительно невысокого аналогичного показателя в группе РАНХиГС). МПГУ-2 выделяется на их фоне увеличенной долей ответа 1 и уменьшенной – ответа 3, а в группе РАНХиГС, напротив, доминирует вариант 3 и относительно уменьшен вклад коллег и вузов (варианты 4, 5).

Сведения таблицы 3 позволяют утверждать, что первое место в качестве весомого довода за участие в выборах (вопрос 11) в группах МПГУ занимает возможность повлиять на жизнь в стране

(вариант 4), в группе РАНХиГС – надежда на изменения к лучшему (2). Второе место в МПГУ-1 отводится ответу 2, в МПГУ-2 – долгу гражданина (1), в РАНХиГС – варианту 4. Третье место у группы бакалавриата занимает ответ 1, у магистрантов – 2. Четверку лидеров в МПГУ-1 и РАНХиГС замыкает помощь «своему» кандидату (3), а в МПГУ-2 – риск подтасовок (5). Выраженным аутсайдером среди всех вариантов ответа в трех группах является влияние воспитания (8).

Укажем некоторые специфические черты распределения встречаемости разных вариантов ответа на вопрос о доводах за участие в выборах: в группе МПГУ-1 повышена доля ответов, связанных с возможностью повлиять на жизнь в стране (вариант 4) и стремлением к обновлению власти (6), но понижена доля варианта 1; в группе МПГУ-2 относительно большая доля выбора ответа 5; в группе РАНХиГС чаще выбирали ответы, указывающие на надежду изменений к лучшему (2) и риск сохранения беспорядка в стране (7), реже – варианты 4 и 6. Таким образом, две группы бакалавриата показали противоположные результаты.

Далее респондентам было предложено выбрать возможные эффективные меры для повышения электоральной активности молодежи (вопрос 12) из восьми предложенных вариантов ответа. Также была возможность вписать собственный вариант и указать *Затрудняюсь с ответом* (табл. 4). В группе РАНХиГС разработка специальных сайтов, программ (вариант 4) и разработка и реализация PR-технологий (5) заняли 1–2 места, а в МПГУ-2 освещению на телевидении и радио (1), разработке и реализации PR-технологий (5), проведению специальных политических дебатов и т. п. (6) достались 3–5 места. По расположению лидирующих вариантов три группы достаточно близки: на первом месте – вариант 4, а на третьем – 6. Второе место в группах

Табл. 2. Рейтинг вариантов ответа на вопрос о факторах электорального поведения студентов

Tab. 2. Responses to the question about the factors that affect students' electoral behavior

№	Варианты ответа	Количество анкет с единственным выбором варианта			Суммарный рейтинг ответа с выбором двух и более вариантов, условные баллы		
		МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС	МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС
1	Друзья	1	–	–	66	34	83
2	Информационная среда	3	9	1	111	41	121
3	Семья	–	3	–	105	31	150
4	Профессиональные коллективы	2	3	–	65	18	36
5	Образовательные институты	1	–	–	85	24	62

Табл. 3. Рейтинг вариантов ответа на вопрос о доводах за участие в выборах

Tab. 3. Responses to the question about the best argument for voting

№	Варианты ответа	Количество анкет с единственным выбором варианта			Суммарный рейтинг ответа с выбором двух и более вариантов, условные баллы		
		МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС	МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС
1	Я как гражданин России должен участвовать в выборах	3	7	1	140	144	97
2	Я участвую в выборах, потому что надеюсь на изменения к лучшему	3	1	5	199	122	139
3	Участвуя в выборах, я могу помочь кандидату, партии, которые мне нравятся	1	3	–	137	96	60
4	Участием в выборах я могу повлиять на жизнь в стране	9	3	–	320	172	117
5	Если я не буду участвовать в выборах, моим голосом могут воспользоваться для подтасовки	2	6	–	77	114	34
6	В результате выборов обновится власть, придут новые люди	2	–	–	93	35	10
7	Если не участвовать в выборах, то в стране никогда не будет порядка	–	1	2	42	40	47
8	Я всегда участвую в выборах, потому что так воспитан	2	–	–	33	17	19

бакалавриата заняла разработка и реализация PR-технологий (5), а у магистрантов – формирование электоральных ценностей в ходе образования (3). Вслед за тройкой лидеров ситуация в группах также сходна: четвертое место отводится варианту 1, однако на пятом месте уже начинаются отличия. Восьмое место из значимых предложенных вариантов в группах МПГУ занимает вариант, предполагающий отсутствие интереса к задаваемому вопросу (8), а вот в РАНХиГС к наименее эффективной мере повышения электоральной активности молодежи относят публикацию статей и распространение печатной продукции (2).

Обратимся к анализу суммарного рейтинга с учетом количества выбранных вариантов. Так, МПГУ-1 во многих отношениях занимает промежуточное положение между двумя другими группами и выделяется лишь пониженной долей выбора постоянно действующей системы мониторинга (вариант 7) в качестве эффективной меры повышения электоральной активности и отсутствием интереса (8) в решении этой проблемы. В МПГУ-2 часто встречались варианты ответа 2, 3, 7 и 8 и реже – 4, 5 и 6, а в РАНХиГС респонденты чаще выбирали варианты 5 и 6 и реже – варианты 2 и 3.

На открытый вопрос о том, какие существуют молодежные политические организации и движения (вопрос 14), были получены разнообразные варианты. Также выявлено, что группы отличаются по соотношению типов ответов:

- 1) указание хотя бы одной организации;
- 2) фраза, отражающая незнание ни одной подходящей организации;
- 3) отсутствие ответа.

Выделенные нами три типа ответов соответствуют среднему возрасту респондентов: самая юная группа – РАНХиГС – имеет самую высокую долю анкет без ответа либо с ответом типа *Не знаю* (67 %); показатель выбора этих же вариантов МПГУ-1 (которая старше РАНХиГС почти на год) равен 54 %; результаты более старшей группы МПГУ-2 составляют 50 %.

Итак, всего респонденты назвали более 40 вариантов организаций, по их мнению, подходящих для ответа на данный вопрос. Анализ ответов показал наличие в них ошибок: некоторые названия не удалось идентифицировать, или они дублируются (для организаций, менявших название или имеющих неофициальный вариант); ряд структур не являются политическими и / или молодежными.

Табл. 4. Рейтинг вариантов ответа на вопрос о возможных эффективных мерах повышения электоральной активности молодежи

Tab. 4. Responses to the question about measures that could encourage electoral activity

№	Варианты ответа	Количество анкет с единственным выбором варианта			Суммарный рейтинг ответа с выбором двух и более вариантов, условные баллы		
		МПУ-1	МПУ-2	РАНХиГС	МПУ-1	МПУ-2	РАНХиГС
1	Более полное освещение информации о выборах на телевидении, радио	4	3	–	140	86	63
2	Публикация статей по теме выборов и распространение печатной продукции среди молодежи	–	1	–	98	79	21
3	Формирование электоральных ценностей у молодежи в процессе образования	–	–	–	72	93	27
4	Разработка специальных сайтов, программ для молодежи в Интернете с освещением информации о выборах и с интерактивом	3	2	1	232	132	119
5	Разработка и реализация PR-технологий, направленных на повышение интереса молодежи к общественно-политической жизни, ее электоральной активности	1	1	3	186	86	119
6	Проведение специальных политических дебатов, круглых столов, диспутов с участием молодежи	2	1	–	171	84	102
7	Постоянно действующая система мониторинга для выявления динамики электоральных ценностей и установок молодежи	–	1	–	55	70	44
8	Не интересуюсь подобной информацией	3	5	2	42	58	28
9	Свой вариант	2	1	–	25	17	–
10	Затрудняюсь с ответом	1	1	1	10	10	10

С учетом этого общее количество наименований организаций, соответствующих заданному вопросу, составило 22. Из них 16 упоминаются в анкетах группы МПУ-1, 13 – респондентами МПУ-2 и 9 – в группе РАНХиГС. Студенты всех трех групп назвали 6 организаций:

1. Авангард красной молодежи (АКМ);
2. Время молодых (молодежная организация ЛДПР);
3. РДДМ «Движение первых»;
4. Молодая Гвардия Единой России (МГЕР);
5. Новые люди (молодежное крыло партии «Новые люди»);
6. Юнармия.

Помимо этого, студенты двух групп из трех назвали еще 5 организаций. В таблице 5 указано всего 11 организаций, которые в сумме упоминались респондентами три раза и более. Прежде всего, к ним относятся молодежные структуры (или их части) трех парламентских партий («Единая Россия», ЛДПР и «Новые люди») и одной непарламентской («Яблоко»). Также были представлены организации, аффилированные с государством или являющиеся проправительственными (Движение первых, Студенческий парламентский клуб, Молодежный парламент, Молодежная палата, Юнармия). АКМ и Россия молодая ведут наименее активную деятельность, но сохраняют некоторую известность среди

студентов. В числе организаций, которые упоминались в анкетах менее трех раз, стоит выделить относительно давно существующие и известные (Наши и КПРФ), а также связанные с АКМ в идеологическом и кадровом отношении (Левый фронт и РКСМ).

В целом соотношение разных вариантов ответов в трех группах чаще оказывалось схожим, но наблюдались и существенные отличия. Так, в ответах на одни вопросы больше отличий обнаруживалось, с одной стороны, между группами бакалавриата, с другой – между группой магистрантов, а на остальные вопросы две группы МПГУ отвечали примерно одинаково, в то время как группа РАНХиГС выделялась на их фоне.

Сопряженный анализ ответов на взаимосвязанные вопросы

В ходе предварительного анализа был составлен перечень наиболее перспективных направлений для сопоставления ответов на разные вопросы: индекс политической активности (6 вопросов), участие в выборах (3 вопроса), обязательность участия в выборах (2 вопроса), недостаток информации о выборах (2 вопроса), а также корреляция показателей по группам респондентов. Рассмотрим каждое из направлений более подробно.

Табл. 5. Количество упоминаний молодежных политических организаций

Tab. 5. Youth political organizations, number of mentions

Место	Название	Количество упоминаний в анкетах			
		МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС	Всего
1	МГЕР	7	10	7	24
2	Движение первых	8	6	2	16
3	Время молодых	4	6	1	11
4	Юнармия	5	3	2	10
5	Молодежная палата	4	–	3	7
	Новые люди	3	3	1	7
6	Яблоко	6	–	–	6
7	Молодежный парламент	3	–	2	5
8	АКМ	2	1	1	4
9	Россия молодая	1	2	–	3
	Студенческий парламентский клуб	3	–	–	3

1. **Индекс политической активности** (6 вопросов). Для его расчета выбраны вопросы, ответы на которые можно расположить на шкале активности респондентов. Эта активность выражается в выборе вариантов ответа, отражающих мнение студентов по поводу выборов, осведомленность о политической жизни или сведения об их участии в выборах и участии в выборах их семей.

В каждом из выбранных вопросов ответу респондента была дана оценка от –1 (пассивность) до 1 (активность), т. е. суммарно можно было набрать от –6 до 6 баллов. Там, где предполагались в основном дихотомические ответы (*Да* или *Нет*), каждому из них присваивалась оценка –1 или 1. За вариант *Затрудняюсь с ответом* давалось –0,5 балла. Ответы на вопрос *Всегда ли члены семьи ходят на выборы?* (вопрос 7), где имеются промежуточные варианты *Скорее да* и *Скорее нет* оценивались в 0,5 и –0,5 баллов соответственно. Оценка ответов на вопрос *Причины, по которым молодежь принимает участие в выборах?* (6) проходила сложнее: среди семи содержательных вариантов есть четыре, соответствующих активной позиции, и три – пассивной. При выборе респондентом более чем одного варианта его ответ получал оценку посредством суммирования. Например, если в ответе из двух вариантов один – активный, а второй – пассивный, ответ получал 0 баллов; если из трех вариантов два активных и один пассивный, оценка равнялась 0,3; если из четырех вариантов три активных и один пассивный, то оценка – 0,5.

Обработка данных по описанной процедуре позволила получить сводный показатель, который мы и назвали индексом политической активности. В таблице 6 значения индекса у групп колеблются в положительной зоне, принимая значения от 1,03 (МПГУ-2) до 1,94 (РАНХиГС), в среднем составляя 1,45. Такие результаты согласуются с вышеизложенным анализом ответов на некоторые вопросы: студенты РАНХиГС наиболее активны, а уровень активности в МПГУ обратно пропорционален возрасту студентов.

Из шести вопросов, попавших в расчет индекса политической активности, четыре находятся в положительной зоне значений, а два – в отрицательной. То есть интерес к политической жизни в целом сильнее, чем его проявление в виде знания о политических организациях. Логически политическая активность должна быть связана с теми или иными организованными группами людей, но в сознании студентов 22–23 лет и старше нет этой связи, они слабо осведомлены о деятельности молодежных движений и практически не участвуют в ней.

2. **Участие в выборах** (3 вопроса). Два вопроса о том, участвовал ли респондент ранее в выборах, мы сформулировали по-разному:

- в вопросе 2 содержалась просьба указать, сколько раз студент участвовал в выборах, и варианты ответа не содержали определения *политические*;
- в вопросе 4 нужно было отметить, участвовал ли студент в *политических* выборах.

В каждой из трех групп нашлись респонденты с противоречивыми ответами: некоторые из тех, кто сообщили об участии в выборах минимум единожды, в то же время указывали, что они никогда не участвовали в политических выборах, и наоборот, респонденты, указавшие в ответе на вопрос 2, что они ни разу не принимали участия в выборах, выбрали при этом ответ *Да* в вопросе 4. Количество анкет с такими «неоднозначными» сочетаниями ответов небольшое: в целом 22 на всю выборку (около 10 %). В группе МПГУ-1 таких ока-

залось 7 (около 7 %), в МПГУ-2 – 12 (около 17 %), в РАНХиГС – 3 (около 6 %). По-нашему мнению, некоторые респонденты могли включить в понятие *выборы* (без определения *политические*) более широкий круг действий: выборы на должность на работе, опросы (в том числе в соцсетях), референдумы и т.п. Это и могло привести к расхождению в ответах на два, казалось бы, однозначных вопроса.

Далее были сопоставлены ответы на вопросы, об участии в выборах самих студентов (вопрос 2) и их членов семьи (7). При сравнении также нашлись противоречия, но не столь парадоксальные (все-таки участие в выборах, с одной стороны, студента, а с другой – его семьи не полностью зависимо друг от друга). Среди 130 человек, участвующих в выборах, о неучастии в них членов своей семьи сообщили 14 (в МПГУ-1 – 7, в МПГУ-2 – 6, в РАНХиГС – 1), а о том, что родственники *Скорее не участвуют* – 10. В то же время на 102 респондентов, уклоняющихся от участия в выборах, приходится 36 студентов, семьи которых в выборах участвуют.

3. **Обязательность участия в выборах** (2 вопроса). В данном пункте анализа использовалась схожесть формулировок одного из вариантов ответа в вопросах о причинах, по которым молодежь принимает участие в выборах (вопрос 6) и доводах за участие в них (11): *Это обязанность каждого гражданина и Я как гражданин России должен участвовать в выборах* (формулировка носит более субъективированный характер по сравнению с первым). Анализ этого направления состоял в сравнении по группам соотношения количества четырех возможных сочетаний ответов:

- с выбором обоих вариантов про обязательность участия (+ +);
- с выбором варианта только в вопросе 6 (+ –);
- с выбором варианта только в вопросе 11 (– +);
- без указания соответствующих вариантов в обоих вопросах (– –).

Рисунок показывает существенные различия по соотношению четырех сочетаний выбора вариантов ответа. Так, в группе МПГУ-1 минимальны варианты (+ +) и (– +), но в то же время максимальна доля варианта (+ –). Можно предположить, что более абстрактная формулировка варианта ответа в вопросе 6 устраивает респондентов больше, чем субъективированная на себя в вопросе 11. В МПГУ-2 доля варианта (– +) также близка к минимальной, а по доле вариантов (+ +) и (+ –) она занимает промежуточное положение во всей выборке. РАНХиГС выделяется на общем фоне: доля вариантов (+ +) и (– +) максимальна, тогда как доля вариантов (+ –) и (– –) минимальна. Студенты

Табл. 6. Индекс политической активности

Tab. 6. Political activity index

№	Вопрос	Группа			
		МПГУ-1	МПГУ-2	РАНХиГС	Всего
Баллы					
1	Интересуетесь ли Вы политической жизнью страны?	0,32	0,19	0,49	0,32
4	Принимали ли Вы ранее участие в политических выборах?	0,82	0,82	0,94	0,85
6	Назовите основные причины, по которым молодежь принимает участие в выборах?	0,68	0,57	0,68	0,64
7	Всегда ли члены Вашей семьи ходят на выборы?	0,30	0,33	0,37	0,33
13	Знаете ли Вы о деятельности молодежных политических организаций и движений?	-0,06	-0,25	-0,13	-0,14
15	Хотелось ли Вам стать членом какой-либо политической партии или молодежной политической организации?	-0,54	-0,64	-0,41	-0,54
Индекс		1,52	1,03	1,94	1,45

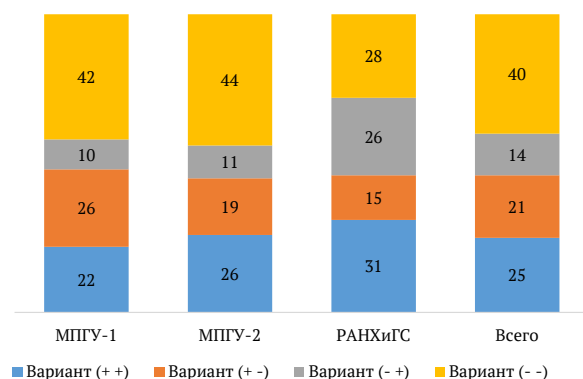

Рис. Обязательность участия в выборах, %
Fig. Mandatory participation in elections, %

этой группы чаще считают необязательным участие в выборах всех граждан России, но при этом обязательным для себя лично.

4. Недостаток информации о выборах (2 вопроса). Анализу в данном пункте подлежала частота встречаемости вариантов ответа на вопрос о возможных эффективных мерах повышения электоральной активности молодежи (вопрос 12) при разных уровнях оценки личного дефицита информации о выборах (5). Она подсчитывалась по тем же трем группам респондентов. В целом для выборки характерна небольшая изменчивость соотношения вариантов ответов на вопрос 12 при разных оценках степени дефицита информации о голосовании. Даже те, кто давали полярные ответы (*Да* и *Нет*) на вопрос 5, не сильно разошлись при выборе соответствующих мер, которые в основном касались разных вариантов информационной работы с населением. Большое разнообразие спектра ответов респондентов было выявлено сразу в трех группах:

I. В группе МПГУ-1 различие между отвечавшими *Да* и *Нет* выражалось прежде всего в доле двух вариантов: те, кто испытывали нехватку информации, заметно чаще выбирали вариант о необходимости разработки специальных сайтов, программ (вариант 4) и реже – о важности Публикация статей по теме выборов и распространение печатной продукции (2), что составило 24 % и 13 соответственно, и наоборот, студенты, указавшие на отсутствие дефицита информации, на первое место поставили вариант ответа 2, а на второе – 4, процентное соотношение которых равнялось 17 % и 15 соответственно.

II. В группе МПГУ-2 отличий больше: те, кто ответили *Да*, заявляя о наличии дефицита информации, гораздо чаще выбирали варианты, связанные с публикацией статей и распространением печатной продукции (вариант 2) – 19 % и разработкой и реализацией PR-технологий (5) – 16 %. Заметно

реже эти же студенты указывали на формирование ценностей в ходе образования (3) и организацию дебатов и т. п. (6) – по 9 %. Респонденты, ответившие *Нет*, напротив, реже отмечали варианты 2 и 5 – 8 % и 6 соответственно, и чаще выбирали варианты 3 и 6 – 19 % и 16 соответственно.

III. В группе РАНХиГС были обнаружены наибольшие различия между теми, кто выбирали ответы на вопрос 12, и теми, кто отвечали диаметрально противоположно на вопрос 5. Студенты, указавшие на недостаток информации о выборах, чаще выбирали разработку и реализацию PR-технологий (вариант 5) и постоянный мониторинг (7) – 37 % и 14 соответственно, реже они отмечали освещение на телевидении и радио (1), формирование электоральных ценностей в ходе образования (3), разработку специальных сайтов, программ (4) и организацию дебатов и т. п. (6) – 7 %, 0, 14 и 14 соответственно. Ответившие *Нет* на вопрос 5 с меньшей частотой выбирали варианты 5 и 7 – 21 % и 9 соответственно, чем варианты 1, 3, 4 и 6 – 14 %, 7, 23 и 19 соответственно.

Имеются различия и между группами, среди которых больше всего выделяются студенты группы РАНХиГС, ответившие *Да* на вопрос о нехватке информации о выборах (вопрос 5): в ответе на вопрос о возможных эффективных мерах повышения электоральной активности молодежи (12) сильно увеличена встречаемость разработки и реализации PR-технологий (вариант 5) и встречается пониженная частота выборов освещения на телевидении и радио (1) и публикации статей и распространения печатной продукции (2), а также отсутствует указание на формирование электоральных ценностей в ходе образования (3). Среди ответивших *Нет* в большей степени выделяется группа МПГУ-2 с высокой долей выбора варианта 3 и низкой – варианта 5.

5. Корреляция показателей по группам респондентов. Парно в разрезе трех групп респондентов рассчитаны следующие показатели: индекс политической активности и возраст студентов; индекс политической активности и участие в выборах членов семьи (табл. 7). Оба коэффициента показали практически одинаковые результаты во всех трех группах: отсутствие значимой связи между индексом и возрастом респондентов; заметная (средней степени выраженности) связь между этим же индексом и тем, насколько регулярно члены семьи ходят на выборы. Различия между группами статистически незначительны. Это говорит о необходимости продолжения исследований, в частности в направлении поиска показателей, позволяющих лучше дифференцировать респондентов по электоральной активности.

Табл. 7. Результаты расчета коэффициентов

Tab. 7. Calculated coefficients

Группы	Индекс политической активности и возраст студентов	Индекс политической активности и участие в выборах членов семьи
МПУ-1	-0,13	0,63
МПУ-2	-0,09	0,58
РАНХиГС	-0,02	0,65

Обсуждение

Один из центральных вопросов многих исследований электоральной активности молодежи – оценка уровня этого явления. Так, одни ученые утверждают, что молодежь демонстрирует низкую электоральную активность [37], находясь «в явной оппозиции ко всему институту выборов» [31, с. 302] и отличаясь низким уровнем доверия к власти в целом [27], другие отмечают относительно высокую явку молодежи на выборах федерального уровня 2016–2018 гг. [1; 3]. Есть также немало публикаций, в которых содержатся конкретные данные по отдельным группам молодых избирателей, показывающие сложную картину в разных городах и вузах, для разных направлений высшего образования, молодежи разных возрастных категорий. Наиболее убедительными из них являются анкетирования и опросы 100 респондентов и более. Например, в 2019 г. в Санкт-Петербурге посредством анкетирования выяснилось, что среди студентов экономического направления в выборах участвовали 33 %, а свыше 50 % посчитали, что выборы носят формальный характер [31, с. 304]. Социологическое исследование московских студентов в ходе выборов Президента РФ в 2018 г. показало явку 46 %, причем более активными оказались девушки по сравнению с юношами, а также гуманитарии по сравнению с инженерными направлениями [38, с. 106]. Результаты же нашего исследования утверждают, что явка молодежи на выборы имеет сложную структуру, варьирующуюся в зависимости от конкретной группы молодых избирателей, и держится в целом на достаточно высоком уровне.

Среди факторов, влияющих на электоральную активность молодежи, важное место отводится семье. В научной литературе встречается утверждение, что как минимум для молодых людей (18–25 лет) мнение родственников имеет большое значение [27]. В то же время в опросе (с 55 респондентами), результаты которого представлены в работе [25], лишь 18 % студентов заявили, что для них важно

мнение близких. Данные, полученные нами в ходе анкетирования, говорят о том, что семья все-таки является значимым фактором электорального поведения, т.к. сами студенты ставят ее на 1–2 место, и обнаруживается заметная корреляция политической активности респондентов с явкой на выборы их родственников.

По вопросу о важности статистического анализа ученые в основном придерживаются мнения о достаточности дескриптивного пути, не прибегая к возможностям преобразования данных. Лишь в публикации [28] присутствовало предложение по разработке индекса восприятия выборов молодежью (но без реализации этой идеи). По мнению автора, более активное использование индексных и других аналитических методов статистики позволит повысить уровень электоральных исследований.

Во многих работах содержатся рекомендации по применению методов повышения электоральной и политической активности молодежи в целом [3–5; 37; 27–30]. Исследователи отмечают необходимость применения в первую очередь интерактивных форм (молодежный парламент, молодежный избирком и др.), а также Интернета как основного инструмента в работе с молодежью. Этого мнения придерживались и мы, но респонденты в анкетах не раз указывали на необходимость разнообразных методов. Тем не менее новые методы (интерактивные и онлайн) не должны полностью вытеснять традиционные (печатные форматы, личные встречи).

Заключение

В научно-аналитической литературе нет единства по поводу определения понятия *электоральное поведение*. По нашему мнению, электоральное поведение – это действия избирателей, связанные с принятием и реализацией решения о выборе политического лидера (персонального или коллективного) или варианта решения политического вопроса на голосовании (референдуме и др.) в рамках официальной процедуры выборов. В рамках исследования автор остановился на изучении проявлений электорального поведения респондентов в межвыборный период, проведя анкетирование студентов двух московских вузов.

Результаты исследования подтвердили наличие разнообразных вариантов отношения у студенческой молодежи к выборам, значительное расхождение во многих аспектах электоральной активности. Это обуславливает необходимость предварительной диагностики перед работой по повышению активности студентов на выборах, что позволит выявить

специфику важных аспектов личностных качеств этой части электората, их настрой, мотивацию, потребности. По мнению автора, необходимо разработать программу мониторинга электоральной активности молодежи и внедрить соответствующую систему в крупных городах, в которых студенты составляют существенную часть избирателей. Этому может способствовать учет следующих результатов, полученных в ходе исследования:

1. Студенты проявляют больший интерес к политической жизни в целом, чем к политическим организациям. Обучающиеся вузов слабо осведомлены о деятельности молодежных движений и практически не участвуют в ней. На наш взгляд, более активное информирование студентов о том, чем занимаются молодежные подразделения политических партий, о доступных форматах участия в их работе и анонсирование мероприятий, а также публикация результатов активности организаций позволят не только улучшить осведомленность молодежи о важном формате политической активности, но и привлечет студентов к ней.

2. Обратимся к такому важному аспекту работы с молодежью, как разнообразие форм информационной деятельности. Была обнаружена потребность студентов в усилении информирования о выборах: доля тех, кто испытывали нехватку сведений, в МПГУ-1 превысила 60 % и даже в самой информированной группе (РАНХиГС) составила почти $\frac{1}{3}$ от общего числа респондентов. Еще одно подтверждение важности информационной работы – высокое место информационной среды среди факторов, влияющих на электоральное поведение: в ответе на вопрос о факторах электорального поведения студентов (вопрос 8) информационная среда (вариант 2) уступила в группах МПГУ-1 и РАНХиГС только семье (3), а в МПГУ-2 вышла на первое место в рейтинге.

3. Отвечая на вопрос о возможных эффективных мерах повышения электоральной активности молодежи (вопрос 12), респонденты особенно часто выбирали такие варианты, как разработка специальных сайтов, программ (вариант 4), разработка и реализация PR-технологий (5), а также организация дебатов (6) и т.п. К этому мнению, несомненно, стоит прислушаться, не забывая при этом и о более традиционных форматах. Немало студентов выбрали даже публикацию статей и распространение печатной продукции, не говоря уже об освещении информации о выборах на телевидении и радио (1).

4. Особое место в системе работы по повышению электоральной активности студенческой молодежи должны занимать формы поощрения.

Они представляют собой разнообразные способы взаимодействия, включающие организацию конкурсов, финансирование материальных и нематериальных стимулов для молодых избирателей (подарки голосующим впервые, предоставление площадок для размещения своих заметок в соцсетях, фотографирование с известными людьми, оформление благодарственных писем и др.) и т.д.

5. В связи с организацией работы по повышению электоральной активности студенческой молодежи вызывает интерес выявленное отсутствие взаимосвязи между возрастом респондентов и их индексом политической активности. Это может свидетельствовать о возможностях унификации разных направлений и форм работы с молодежью разных возрастных категорий. Но полученная информация должна быть подвергнута проверке, т.к. выбранные нами способы обработки данных, а также круг респондентов могли оказаться недостаточны для выявления указанной зависимости.

6. Явная положительная связь между электоральной активностью студентов и активностью на выборах членов их семей говорит о том, что при организации работы по повышению явки населения на выборах в целом можно надеяться и на одновременное увеличение явки студенческой молодежи. Активность более старших избирателей частично переносится на активность их младших родственников.

Дальнейшее изучение вопроса может оказаться более продуктивным при расширении выборки, в том числе за счет студентов других вузов (не только столичных) и обучающихся средних специальных учебных заведений, а также разработке и применении разных вариантов индикаторов электоральной активности, включая как простые параметры, так и индексы. Кроме того, допустима корректировка анкеты с расширением паспортной части и конкретизацией некоторых содержательных аспектов (отношение к разным партиям, участникам выборов, моделирование ситуаций и пр.). Помимо этого, возможно расширение круга собираемых данных, в частности об активности студентов в ходе избирательных кампаний и выборов, т.е. в командах партий и кандидатов, в составе избирательных комиссий разных уровней, в качестве кандидатов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Пырма Р. В. Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России (сравнительное исследование). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2019. № 4. С. 188–204. [Pyrma R. V. Electoral participation of youth in the USA, Great Britain, France, Germany, and Russia (comparative study). *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2019, (4): 188–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-95-4-188-204>
2. Римский В. Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан. *Решение есть всегда*. 2001. С. 145–152. [Rimskiy V. L. Clientelism as a factor of electoral behavior of Russian citizen. *There is always a solution*, 2001, 145–152. (In Russ.)]
3. Митюнова И. Г. Факторы повышения электоральной активности российской молодежи. *BENEFICIUM*. 2020. № 1. С. 65–71. [Mityunova I. G. Enhancing Russian youth electoral activity. *BENEFICIUM*, 2020, (1): 65–71. (In Russ.)] [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1\(34\).65-71](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).65-71)
4. Капранова Ю. В. Формы и методы формирования и повышения электоральной активности как объекта управления. *Юрист-Правоведъ*. 2021. № 4. С. 29–35. [Kapranova Yu. V. Forms and methods of formation and increase of electoral activity as an object of management. *Jurist-Pravoved*, 2021, (4): 29–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/climzg>
5. Капранова Ю. В. Электоральная активность: подходы к определению и технологии ее повышения. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8. № 1. С. 31–36. [Kapranova Yu. V. Electoral activity: Approaches to definition and technologies of its increase. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2022, (1): 31–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zihoby>
6. Пищулин Н. П. Политическое лидерство и электоральный процесс. *Полис. Политические исследования*. 1998. № 5. С. 145–152. [Pishchulin N. P. Political leadership and the electoral process. *Polis. Political Studies*, 1998, (5): 145–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/escqbl>
7. Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М., Рассохина И. Ю. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. № 1. С. 119–127. [Arshinova Ye. V., Bilan M. A., Gorbatova M. M., Rassokhina I. Yu. Value aspects of electoral behavior of students. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2019, (1): 119–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/geendk>
8. Lipset S. *Political man*. NY: Johns Hopkins University Press, 1981, 586.
9. Cambell A. *The American voter*. NY: University of Chicago Press, 1960, 573.
10. Converse P. *Representation in France*. Cambridge: Harvard University Press, 1986, 996.
11. Downs A. *An economic theory of democracy*. NY: Harper, 1969, 310.
12. Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с. [Schumpeter J. *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Economy, 1995, 540. (In Russ.)]
13. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. 384 с. [Burlatsky F. M., Galkin A. A. *Modern Leviathan: Essays on the political sociology of capitalism*. Moscow: Mysl, 1985, 384. (In Russ.)]
14. Дмитриев А. В. Политическая социология США: очерки. Л.: Ленингр. ун-т, 1971. 82 с. [Dmitriev A. V. *Political sociology of the USA. Essays*. Leningrad: Leningrad University, 1971, 82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tigwbn>
15. Шевченко Ю. Д. Поведение избирателей в России: основные подходы. *Политическая наука*. 2000. № 3. С. 111–130. [Shevchenko Yu. D. Voter behavior in Russia: Main approaches. *Political science*, 2000, (3): 111–130. (In Russ.)]
16. Пивоваров Ю. Н. Концепция политической культуры в современной науке. *Политическая наука: теоретико-методологические и историко-культурные исследования*. 1996. С. 23–39. [Pivovarov Yu. N. The concept of political culture in modern science. *Political science: Theoretical-methodological and historical-cultural studies*, 1996, 23–39. (In Russ.)]
17. Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017. № 3. С. 42–61. [Turovsky R. F., Gaivoronsky Yu. O. The impact of the economy on electoral behavior in Russia: Does the "contract" between the government and society work? *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2017, (3), 42–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtxfwx>

18. Ахременко А. С. Пространство электорального выбора: модели и концепции. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2007. № 3. С. 14–25. [Akhremenko A. S. Electoral choice space: Models and concepts. *Lomonosov Political Science Journal*, 2007, (3): 14–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puzxdd>
19. Бушенева Ю. И. Социально-политические основания российского электорального абсентеизма. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2007. Т. 11. № 32. С. 45–51. [Busheneva Yu. I. Social and political grounds of Russian electoral absenteeism. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, 11(32): 45–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okijud>
20. Гудина Ю. В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика. *Полис. Политические исследования*. 2003. № 1. С. 112–122. [Gudina Yu. V. Russian electors' activity: Theoretical models and the practice. *Polis. Political Studies*, 2003, (1): 112–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/escwpb>
21. Добренков В. И., Кравченко А. И. Методология и методика социологического исследования. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2009. 540 с. [Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. *Methodology and methods of sociological research*. Moscow: Akad. proekt; Alma Mater, 2009, 540. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugmqrn>
22. Зубок Ю. А., Сорокин О. В. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия. *Социология власти*. 2010. № 4. С. 6–15. [Zubok Yu. A., Sorokin O. V. The forming of political Russian youth consciousness and its contradiction. *Sociology of Power*, 2010, (4): 6–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqhsrt>
23. Кравченко А. И. Социология. М.: Акад. проект, 2001. 508 с. [Kravchenko A. I. *Sociology*. Moscow: Akad. proekt, 2001, 508. (In Russ.)]
24. Моисеенко Н. А. Электоральное поведение молодежи: управленческий аспект. *Экономика. Социология. Право*. 2020. № 2. С. 80–88. [Moiseenko N. A. Electoral behavior of young people: Managerial aspect. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*, 2020, (2): 80–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzddel>
25. Завьялов А. А., Хампиева С. А. Проблема электоральной активности молодежи. *Современное научное знание: теория, методология, практика: XIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Смоленск, 27 апреля 2020 г.) Смоленск: Наукосфера, 2020. С. 33–36. [Zavyalov A. A., Khampieva S. A. The problem of electoral activity of youth. *Modern scientific knowledge: Theory, methodology, and practice: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Smolensk, 27 Apr 2020. Smolensk: Naukosfera, 2020, 33–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjmzru>
26. Митюнова И. Г. Факторы повышения электоральной активности российской молодежи. *BENEFICIUM*. 2020. № 1. С. 65–71. [Mityunova I. G. Enhancing Russian youth electoral activity. *BENEFICIUM*, 2020, (1): 65–71. (In Russ.)] [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1\(34\).65-71](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).65-71)
27. Бушная Н. В., Вишникина Н. П. Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электоральной активности молодежи. *Право и образование*. 2019. № 10. С. 87–94. [Bushnaya N. V., Vishnikina N. P. Youth and its participation in the election: Forms and methods of increasing the electoral activity of youth. *Pravo i obrazovanie*, 2019, (10): 87–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/weqeej>
28. Дорофеева М. В., Капранова Ю. В. О методах повышения электоральной активности молодежи. *Проблемы конституционно-правового развития России: Всерос. науч.-практ. конф.* (Ростов-на-Дону, 14 декабря 2021 г.) Ростов н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2021. С. 121–125. [Dorofeeva M. V., Kapranova Yu. V. Methods of increasing the electoral activity of young people. *Problems of constitutional and legal development of Russia: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Rostov-on-Don, 14 Dec 2021. Rostov-on-Don: RSUE, 2021, 121–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khfxcl>
29. Королева Д. Е. Дискуссия о факторах повышения электоральной активности молодежи в современной российской политической науке. *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения*. 2020. № 10. С. 186–192. [Koroleva D. E. Discussion on the factors of increasing the electoral activity of youth in modern Russian political science. *Eurasianism: Theoretical potential and practical applications*, 2020, (10): 186–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/enmawm>
30. Королева Д. Е. О факторах повышения электоральной активности молодежи. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2021. № 14. С. 59–62. [Koroleva D. E. Factors of increasing the electoral activity of young people. *Russian political process in the regional dimension: History, theory, and practice*, 2021, (14): 59–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/idesab>
31. Неуструева А. С., Петренко Ю. В. Оценка уровня электоральной активности молодежи. *Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества: Междунар. науч.-практ. конф.* (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.) СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 302–305. [Neustrueva A. S., Petrenko Yu. V. Assessing of the level of electoral activity of young people. *Social activity of young people as a necessary condition*

- for the development of society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 21–23 Nov 2019. St. Petersburg: SPbSUITD, 2019, 302–305. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/acchcm>
32. Богданова М. Н. Институциональные особенности развития электоральной культуры. *Философия права*. 2006. № 3. С. 98–100. [Bogdanova M. N. Institutional peculiarities of the electoral culture development. *Philosophiya prava*, 2006, (3): 98–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tenijk>
33. Матханов В. Э. Выборы как политико-правовой институт избирательного поведения населения: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Улан-Удэ, 2007. 21 с. [Mathanov V. E. *Elections as a political and legal institution of population's electoral behavior*. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr. Ulan-Ude, 2007, 21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nipzzx>
34. Парфенова О. В. Методы диагностики и изучения электорального поведения. *Среднее профессиональное образование*. 2006. № 2. С. 39–43. [Parfenova O. V. Methods of diagnostics and study of electoral behavior. *Srednee professionalnoe obrazovanie*, 2006, (2): 39–43. (In Russ.)]
35. Кагарманова А. И. Электоральное поведение: общее понятие и специфические черты у студенческой молодежи. *Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы*: Междунар. конференция-сессия. (Москва, 16–20 мая 2022 г.) М.: Научная библиотека, 2023. С. 497–504. [Kagarmanova A. I. Electoral behavior: General concept and specific features in university students. *Public administration and development of Russia: Global trends and national prospects*: Proc. Intern. Conf.-Session, Moscow, 16–20 May 2022. Moscow: Scientific Library, 2023, 497–504. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vajbdo>
36. Охременко И. В. Электоральное поведение: теория вопроса. Волгоград: ВолГУ, 2002. Ч. 1. 52 с. [Okhremenko I. V. *Electoral behavior: Theoretical treatment*. Volgograd: VolSU, 2002, pt. 1, 52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yiwsl>
37. Магомедова Е. А., Афонина О. С. Преодоление правового нигилизма и повышение электоральной активности молодежи. *Вестник Калужского университета*. 2019. № 2. С. 51–53. [Magomedova E. A., Afonina O. S. Overcoming of legal nihilism and increase of electoral activity of youth. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, 2019, (2): 51–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycaaktg>
38. Фатехов А. М. Основные тенденции электоральной активности московской студенческой молодежи. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. № 3. С. 104–113. [Fatekhov A. M. Main trends of electoral activity of student youth in Moscow. *Grazhdanin. Vybory. Vlast*, 2019, (3): 104–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stihve>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gdcrgrs>

Литература в жанре фэнтези как инструмент политической социализации подростков (на примере книг о Гарри Поттере)

Красноперов Антон Юрьевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9642-4458

<https://orcid.org/0009-0002-6310-8249>

krasnopyorov.anton@gmail.com

Веригина Милена Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

Аннотация: Цель – проанализировать влияние художественной литературы в жанре фэнтези на политическую социализацию подростков на примере серии романов о Гарри Поттере. Современная молодежь узнает о политике до того, как получает реальный политический опыт, что позволяет заложить фундамент политического образования, который потенциально может оказывать влияние на последующую политическую социализацию, в том числе во взрослом возрасте. Важно понимать, какой эффект на восприятие политического мира оказывает художественная литература, особенно те произведения, которые получили распространение среди молодых людей и рассматриваются ими как значимые. Помимо популярности анализируемой геталогии, актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью указанной проблемы в отношении российских подростков на фоне геополитической напряженности и культурного конфликта с Западом, а также низким уровнем молодежного политического участия в целом. Новизна работы заключается во вкладе авторов в понимание политической культуры молодежи и потенциального влияния литературы на нее. Проведен анализ политической системы вселенной Гарри Поттера, и выделены ее основные элементы. Методология включала дискурс-анализ с опорой на систему политических ориентаций, предложенную Г. Алмондом и С. Вербой. Обнаружено, что произведение формирует негативный образ государства и политических процессов, акцентирует внимание на несправедливости и нечестности законов. Выявлено, что описание политического мира и его оценка в рассматриваемой серии романов способствуют формированию негативных политических ориентаций, что может стать причиной политической пассивности или протестности читателя. К позитивному влиянию можно отнести развитие толерантности по отношению к *другим*. Социализирующий потенциал усиливается за счет развитой субкультуры *фанфикшн*, которая дает возможность читателю предложить собственную интерпретацию произведения через принятие рамок, заданных основным сюжетом. Это способствует интериоризации описанной политической реальности.

Ключевые слова: фэнтези, политическая социализация, Гарри Поттер, подростки, политика, политический мир

Цитирование: Красноперов А. Ю., Веригина М. В. Литература в жанре фэнтези как инструмент политической социализации подростков (на примере книг о Гарри Поттере). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 30–37. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-30-37>

Поступила в редакцию 14.10.2024. Принята после рецензирования 11.11.2024. Принята в печать 18.11.2024.

full article

Young-Adult Fantasy Literature as a Tool of Political Socialization: Harry Potter Book Heptalogy

Anton Yu. Krasnoperov

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 9642-4458

<https://orcid.org/0009-0002-6310-8249>

krasnopyorov.anton@gmail.com

Milena V. Verigina

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

Abstract: Young-adult fantasy may affect the political socialization of their target audience. Teenagers gain knowledge about politics before they obtain actual political experience. Such popular fiction as the Harry Potter series may impose basic political attitudes that will define subsequent political socialization in adult life. Books that teenagers see as important should be analyzed for possible impact on political behavior. The problem remains understudied in relation to Russian teenagers against the background of geopolitical tensions and cultural conflict with the global West. Russian teenagers tend to demonstrate low political involvement. The study contributes to the understanding of the political culture of youth and the potential impact it experiences from popular young-adult literature. The authors analyzed the political system of the Harry Potter universe. The discourse analysis relied on the system of political orientations proposed by G. Almond and S. Verba. The heptalogy promotes a negative image of the state and political processes, with an emphasis on the injustices and unfairness of the law. The political landscape develops negative political attitudes, which might turn into political passivity or protest. On the other hand, the books promote tolerance towards others. The social impact is aggravated in fanfiction domain, where readers interiorize the fictional political landscape by offering their own interpretations of the canonic plot.

Keywords: fantasy, political socialization, Harry Potter, teenagers, politics, political world

Citation: Krasnoperov A. Yu., Verigina M. V. Young-Adult Fantasy Literature as a Tool of Political Socialization: Harry Potter Book Heptalogy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 30–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-30-37>

Received 14 Oct 2024. Accepted after review 11 Nov 2024. Accepted for publication 18 Nov 2024.

Введение

Использование литературы, в том числе художественной, для обучения детей политике практиковалось с древнейших времен. Так, молодые греки по «Илиаде» Гомера изучали правильные и неправильные деяния героев [1, с. 12], а Библия с включенными в нее историями и жизнеописаниями на протяжении почти 2 тыс. лет служила универсальным учебником в христианских странах. Яркие политические коннотации обнаруживаются и в трилогии о Незнайке авторства Н. Н. Носова, в которой Цветочный город, Солнечный город и Луна – образы социализма, коммунизма и капитализма соответственно. В СССР овладение письменностью неразрывно было связано с политическим образованием: букварь и продолжающие его книги для чтения давали школьнику полную меру политических знаний [2].

Несмотря на то что политическая социализация как процесс начинается в раннем детстве [3], собственно политический опыт в силу правовых ограничений приобретает гораздо позже, что способствует формированию абстрактной картины

политического мира, во многом оторванной от реальности. Получается, что молодой человек сначала формирует представления о политике и только спустя длительное время получает возможность проверить их на практике. Стоит заметить, что опосредованное приобщение к политическому миру характерно и для взрослых [4]. Однако политическая социализация несовершеннолетних начинается исключительно с идей и образов, с помощью которых закладываются базовые и целостные представления о политике, в то время как реальное знакомство с политическими процессами не происходит. Так, используя коммуникативную модель Р. Якобсона в качестве объяснительной модели, в которой *контекст* (смысловая реальность, в которую погружены участники коммуникации) обуславливает понимание *сообщения* (информация, представляющая собой некоторые сведения) [5, с. 198–203], можно заключить: политический *контекст* ребенка оказывается слабо нагруженным смыслами. В результате политическое сообщение имеет больший потенциал

для формирования *контекста*, а не наоборот. Благодаря качественному и интересному нарративу произведения в сознании ребенка отпечатывается яркий образ политики, который может быть изменен в последующем. Но между формированием представлений о политике и получением политического опыта существует значительный временной лаг, поэтому легитимация политического мира, т.е. формирование матрицы «всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [4, с. 158], закрепляется привычкой думать определенным образом, что усиливает эффект от социализации.

Учитывая вышесказанное, важно обращать внимание на то, какой эффект на политическую социализацию оказывает художественная литература, особенно те произведения, которые получили распространение среди молодых людей и рассматриваются ими как значимые. Цель – проанализировать влияние художественной литературы в жанре фэнтези на политическую социализацию подростков на примере серии романов о Гарри Поттере. Данные с сайта Яндекс Вордстат показывают большой интерес к вселенной Гарри Поттера среди русскоговорящих интернет-пользователей: за 2023 г. было зафиксировано в среднем более 5,6 млн поисковых запросов на эту тему¹. По данным аналитиков сайта Авито, интерес к книгам о Гарри Поттере в 2020 г. (в период начала пандемии COVID-19) вырос более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом; также *Гарри Поттер* возглавил рейтинг поисковых запросов в соответствующем разделе на упомянутой платформе². История о Гарри Поттере привлекательна даже спустя семнадцать лет после выхода последней части книги. Конечно, нельзя утверждать, что политическая картина мира подростка формируется только одним произведением. Но, учитывая популярность Гарри Поттера в подростковой среде, невозможно игнорировать или отрицать его влияние на подрастающее поколение.

Стоит отметить, что научный дискурс обошел стороной тематику фэнтези в политической социализации и работ в этой области крайне мало, несмотря на то что этот жанр фантастики (в который включено фэнтези) является самым предпочтительным жанром литературы среди возрастной группы до 19 лет [6, с. 299]. При этом литература жанра фэнтези может рассматриваться как симулякр третьего порядка [7, с. 273], что усиливает нашу аргументацию

об абстрактности политической социализации несовершеннолетних. Согласно Ж. Бодрийяру, симулякр третьего порядка – результат процесса симуляции в так называемой «гиперреальной цивилизации» [8, с. 22], создаваемой с использованием моделей, не имеющих основы в реальности. Модели, на которых основывается литература фэнтези, по своей природе мифологичны: они отсылают человека к легендам, сказаниям, эпосу, сказкам, дошедшим из прошлого, однако не отражают действительного содержания минувших эпох, т.к. присущие им элементы волшебного и магического в нашей реальности невозможны.

Фэнтези дает возможность развития личности путем обращения к культурной памяти, т.к. имеет мифологическую природу. Следовательно, фэнтези – это не пустой символический конструкт, а некая важная в ценностном отношении виртуальная матрица, сохраняющая в себе мифологический багаж человечества [7, с. 274]. Так фэнтези успешно выполняет познавательную и коммуникативную функции: пополняет знания о мире и приобщает человека к историческому опыту. Однако делает это путем использования политической метафоры, позволяющей моделировать, т.е. придумывать, ту или иную версию политической реальности [9, с. 28]. Помимо этого, к функциям фэнтези можно отнести также и воспитательную, выражающуюся во влиянии на духовное образование личности [10, с. 196].

По мнению J. M. Odriozola [11], A. Apostolides и J.-A. Meylahn [12], фэнтезийная литература обладает специфическими чертами, которые дают ей возможность выполнять функции, аналогичные традиционным священным религиозным текстам. Такие произведения способны восстанавливать общественную сплоченность, объединяя различные социальные группы в единую, структурированную систему с заранее определенными смыслами бытия. Другими словами, фэнтези обладает большим потенциалом определять содержание мировоззрения, в том числе политического. Оно тесно связано с понятием *политическая культура*, под которой мы понимаем психологическую ориентацию на политические объекты, предполагая, что политическая культура находит выражение в интернализации политической системы в знаниях, ощущениях и оценках ее носителей [13, с. 132], впоследствии оказывающих влияние на политическое поведение.

¹ История показов по фразе «Гарри Поттер». *Яндекс Вордстат*. URL: <https://old.wordstat.yandex.ru/#1/history?words=Гарри%20Поттер> (дата обращения: 06.09.2024).

² 20 лет Гарри Поттеру в России. *BDaily*. 26.06.2020. URL: <https://prclub.spb.ru/2020/06/26/harry-potter/> (дата обращения: 06.09.2024).

Методы и материалы

Нами был произведен дискурс-анализ политической системы вселенной Гарри Поттера с выделением основных элементов: институты государственной власти, правовая система, политические партии и организации, институты гражданского общества, средства массовой информации, идейно-политические принципы. Для интерпретации влияния выявленных характеристик политической системы использовалась теория политической культуры Г. А. Алмонда и С. Вербы в части их трактовки политических ориентаций как установки по отношению к политической системе и различным ее частям, представлений о роли личности в системе [13, с. 131], интернализированных аспектов объектов и отношений. Они классифицируются следующим образом [13, с. 133]:

- когнитивная ориентация – «знание или представление о политической системе, ее ролях и тех, кто играет эти роли, о том, что у нее на "входе" и "выходе"»;
- эмоциональная (аффективная) ориентация – как эмоциональное «восприятие политической системы, ее ролей, кадров и действий»;
- оценочная (ценностная) ориентация – «суждения и мнения о политических объектах, обычно основанные как на ценностных установках и критериях, так и на информации и эмоциях».

Аналізу подлежал полный текст гепталогии, состоящей из книг³: «Гарри Поттер и философский камень», «Гарри Поттер и Тайная комната», «Гарри Поттер и узник Азкабана», «Гарри Поттер и Кубок огня», «Гарри Поттер и Орден Феникса», «Гарри Поттер и Принц-полукровка», «Гарри Поттер и Дары смерти».

Результаты

Институты государственной власти. Во вселенной Гарри Поттера не осуществлен принцип разделения властей. Министерство магии – орган, сосредоточивший в своих руках исполнительную, законодательную и судебную ветви власти, а также осуществляющий административные функции. В его структуру входят: Министр магии; обслуживающий персонал; 8 специализированных отделов; Комиссия по учету магловских выродков (существовала в период режима Волан-де-Морта).

Каждое из структурных подразделений, за исключением Отдела тайн и отдела магического хозяйства, также разбито на более мелкие образования:

бюро, группы, комитеты, комиссии, секторы, советы, отделы, офисы, штаб-квартиры, центры и управления. Однако непонятна иерархия не только между подразделениями внутри отделов, но и между самими отделами. Отдел тайн, например, и вовсе неподконтролен Министерству магии, несмотря на нахождение в его составе. В Отдел магического правопорядка включен Визенгамот – орган, выполняющий одновременно и законодательные функции, и судебные. В судебный состав Визенгамота входит около пятидесяти членов старейшин, возглавляемых Верховным чародеем. Порядок избрания старейшин в Верховный Совет неизвестен.

Главой государства признан Министр магии, порядок избрания и срок нахождения которого на должности также неясны. Он председательствует на судебном процессе и заявляет о собственном праве беспрепятственно менять законы. За всю серию книг ни разу не упоминался процесс выборов в магическом мире. Это позволяет предположить, что института всенародных выборов в этой реальности не существует. Налоги, выплачиваемые волшебниками, также не упоминаются, и среди структурных подразделений Министерства не встречается ни одного, связанного с фискальной функцией. Банковская система в Гарри Поттере представлена единственным учреждением – банком Гринготтс, которым управляют гоблины, и он практически не контролируется волшебниками.

Правовая система представляет синтез романо-германской и англо-саксонской правовых семей с преобладанием элементов первой. В произведениях упоминается 21 нормативно-правовой акт, а конституция или ее аналог отсутствует. Прецедентное право упоминается только в связи с попыткой вынесения смертного приговора гиппогрифу Клювокрылу. Главная роль в формировании правовых норм в магическом мире принадлежит Министру магии, который одновременно является и главой правительства, и главным законодателем, и высшим судьей. Большое значение в правовой системе магической Великобритании отводится правовым обычаям, сформированным представителями родовитого магического сообщества и сообществ магических рас. Пенитенциарная система представлена единственным учреждением – тюрьмой Азкабан, в которую заключаются волшебники, совершившие тяжкие преступления. Азкабан охраняется дементорами – существами, питающимися

³ Здесь и далее мы ссылаемся на перевод издательства РОСМЭН.

положительными эмоциями и способными свести человека с ума. А также в магическом мире распространена коррупция.

Политические партии и организации. В серии книг о Гарри Поттере нет политических партий и иных формальных политических объединений. Однако существует организация, которую можно причислить к неформальной, – группа Пожирателей Смерти во главе с Волан-де-Мортом. Пожиратели Смерти – единственная организация, выдвигающая политические цели, а именно: захват власти в магическом мире, порабощение маглов и уничтожение маглорожденных волшебников. Членами группы движет идея повсеместной «чистоты крови», т.е. исключительно волшебного происхождения магов, и стремление к власти (необязательно явной). Иные организации, встречаемые в книгах (например Орден Феникса, Отряд Дамблдора), считают своей главной целью победу над Пожирателями Смерти. Они не выдвигают никаких политических требований и после достижения цели самоупрядняются.

Институты гражданского общества. Гражданское общество в магическом мире развито слабо и характеризуется низкой эффективностью. Из представленных читателю общественных организаций встречаются следующие: Лига Защиты от Темных Сил, Попечительский совет Хогвартса и Гражданская Ассоциация Восстановления Независимости Эльфов (с определенной долей условности).

Средства массовой информации. СМИ в книгах представлены тремя печатными изданиями, одно из которых зависит от Министерства магии. Также встречается упоминание Волшебного радио, в программе которого можно встретить новости, интервью и музыку. После захвата Министерства магии Пожирателями Смерти радио стало подконтрольным правительству. Существовала только одна передача, стоящая в оппозиции действующему режиму, – Поттеровский Дозор.

Идейно-политические принципы. Не декларируемыми, но явно обозначенными в книге политическими принципами являются шовинизм, эксплуатация одного вида другим, дискриминация по статусу крови. Шовинизм проявляется во взаимоотношении между людьми и другими нечеловеческими или получеловеческими видами, населяющими магический мир (к садовым гномам относятся как к вредителям, эльфы находятся в порабощении у магов и т.п.). Магическим миром управляют волшебники-люди, только они допущены к власти. Но с несправедливостью могут столкнуться и сами волшебники: в магическом мире существует дискриминация по статусу крови, а также остракизм

по отношению к сквибам – детям, рожденным в семье магов, но не имеющим магии. Маглорожденные волшебники в магическом мире сталкиваются с неприязнью со стороны чистокровного сообщества и называются *грязнокровками*.

Итак, политическая система во вселенной Гарри Поттера напоминает суперпрезидентскую республику. Неясно, кем и каким образом избирается глава государства. Правительство же, во-первых, не несет ответственности перед парламентом, т.к. парламента не существует в виде отдельной структуры, во-вторых, сильно бюрократизированно. Наблюдается игнорирование вызовов, таких как неравенство, дискриминация, шовинизм, которые должны решаться государством. Часть магического сообщества не имеет институционализированных механизмов для борьбы с возникшими перед ним трудностями, а другая – и вовсе не видит проблем в правовой вседозволенности Министра, положении маглорожденных, эксплуатации домовых эльфов и т.д., что говорит о низком уровне развития демократической культуры. Кроме этого, в мире Гарри Поттера не существует механизмов выражения общественных интересов и мнений. По предположению авторов, борьба за государственную власть происходит кулуарно в высших кругах правительства или насильственным путем. О политике же пишет лишь одно печатное издание (*Ежедневный пророк*), подконтрольное Министерству магии.

Используя представленную характеристику политической системы магического мира, можно описать когнитивные, аффективные и ценностные политические ориентации, потенциально формируемые анализируемой гепталогией. Так, читатели встречаются с недемократическим своекорыстным бюрократизированным государством, гражданин которого не только не находится под защитой существующей политической системы, но и, вероятнее всего, от нее страдает. На наш взгляд, Дж. К. Роулинг намеренно рисует такой карикатурный образ государства, чтобы на его фоне показать важность исполнения нравственных законов. Политическая система, представленная в серии романов, может сформировать у читателей негативные убеждения относительно государства: оно несправедливо и враждебно, взаимодействия с ним лучше избегать, а собственные проблемы нужно решать самостоятельно, ведь помощи ждать бесполезно. Так как система несправедлива, гражданин также имеет право не соблюдать ее законы (часто для того, чтобы иметь шанс на выживание).

Читатели делают такие выводы, видя неподконтрольное гражданам правительство в условиях

отсутствия системы сдержек и противовесов, несправедливую судебную систему, манипуляции массовым сознанием посредством СМИ, отсутствие не только возможности, но и желания граждан магического мира осуществлять политическое участие. Возможно, подростки даже не осознают характер политических элементов, которые встречаются им по мере прочтения, однако, наблюдая за успешными результатами борьбы главных героев (соответствующими нормам морали, но противоречащими нормам закона) против государства, воспринимают стратегию противостояния и начинают считать ее верной. Вызывает сомнения их способность без лишней романтизации, присущей подростковому периоду [14], отдавать себе отчет в том, что геройский путь персонажей Дж. К. Роулинг – вынужденная необходимость, обусловленная потребностью в выживании, а не осознанный выбор политической борьбы за идеалы.

Политическая система в мире Гарри Поттера, вероятно, не вызовет у подростков ни одной положительной эмоции, зато заставит почувствовать недоверие, негодование, незащищенность и даже отчаяние в отношении государства. Учитывая тот факт, что магия во вселенной книг зависит от сильных эмоций и чувств (особенно любви и ненависти) и предполагает их конвертацию в объективные силы (протагонисты используют в этих целях любовь, антагонисты – ненависть), а социальная иерархия связана с применением насилия, т.е. исключает любовь, то появляется еще одна линия разрыва *правильное – политическое*, в которой второе оказывается на враждебной стороне [15, с. 118–119].

В то же время пример главных героев, постоянно нарушающих законы и правила, способен породить у подрастающего поколения правовой нигилизм. Единственным чувством, имеющим положительные последствия для развития читателя как гражданина, может стать *жалость* к представленным во вселенной Гарри Поттера не-людям, которые находятся в подчиненном положении, т.к. она способна привести к развитию такой ценности как *терпимость* (толерантность). Важно отметить, что расистские идеи во многом связаны с позицией главного антагониста – Волан-де-Морта, а официальные магические власти, осуждая его на словах, в скрытой форме разделяют эти идеи [16, с. 218], что демонстрирует нечестность политиков и порождает ценностный выбор *плохие политики-расисты vs. хорошие герои-антирасисты*. Дополнительным фактором, влияющим на выбор ценностной позиции читателя, являются исторические параллели. Например, Волан-де-Морта можно рассматривать

как репрезентацию А. Гитлера со всеми присущими ему лидерскими качествами [17, с. 29]. Образ же главного протагониста (Гарри Поттер), согласно ряду опросов, является для современной российской молодежи одним из самых сильных образов героев [18, с. 194–195; 19, с. 169]. Е. В. Сачкова в свою очередь считает, что история Гарри Поттера имеет множество евангельских отсылок [20], подчеркивающих сакральный статус борьбы добра и зла, в которой все политическое выступает на стороне зла.

Социализирующий потенциал усиливается за счет развитой субкультуры *фанфикшн*, предполагающего переход подростка «от роли читателя к роли писателя» [10, с. 197]. Фанфикшн – зафиксированный рецептивный читательский отклик и форма межкультурной коммуникации, когда оригинальный текст диктует «правила игры», по которым фанаты продолжают создавать художественный мир [21, с. 251]. Фанатский текст является интерпретацией текста-источника, некой репликой в ответ автору. Увлечение фанфикшном как в роли фикридера (читателя фанфиков), так и фикрайтера (писателя фанфиков) может стать важным компонентом социализации личности. Фанфикшн позволяет читателю выразить свою идентичность, предложив собственную интерпретацию произведения, а также усвоить результат его коллективной рецепции и тем самым интериоризировать какой-либо культурный феномен. В итоге мы получаем ситуацию, когда «обмен групповыми фантазиями создает символическую конвергенцию» [22, с. 67], т.е. солидаризацию вокруг общей социальной (и политической) реальности. Но главный эффект заключается в принятии рамок, заданных основным произведением, в том числе рамок политического мира. Как показывают исследования тематических групп в социальной сети Вконтакте, «консолидация людей внутри культуры фэнтези происходит на основе конкретного произведения, игры или кино, а не на интересе к жанру в целом» [23, с. 68], что повышает влияние произведения на потребителя.

Заключение

Подросток вследствие отсутствия личного политического опыта, о чем было сказано выше, не способен критически осмыслить описанный политический мир и сформировать собственные суждения, тем более что в произведении доминирует нравственная оценка, которая гораздо понятнее молодому читателю. Это придает повествованию нарративную связность и точность [22, с. 428–430], которые переносятся на политику. Есть все основания полагать, что сформированная таким образом картина

мира будет влиять на дальнейшую политическую социализацию, выступая фундаментальным набором политических ориентаций. Не исключено, что в современных фэнтези-сеттингах «содержатся скрытые мотивы к политическому действию и социальному выбору» [24, с. 24]. Как мы видим, такой набор ориентаций не способствует конструктивной включенности в политические процессы, но подталкивает читателя к выбору между политическим абсентеизмом и протестом. Позитивным результатом в данном случае выступает лишь развитие у подростка толерантности.

Материалы статьи могут быть использованы для последующего сравнительного анализа политического мира и политических ориентаций в других популярных в подростковой среде произведениях жанра фэнтези. Кроме того, полученные выводы можно адаптировать для классного обсуждения в школах на уроках обществознания и литературы, как это было предложено в работе [25]; в рамках

таких учебных дисциплин в вузах, как *Политическое образование и социализация*, *Политическая культура* – для политологов и социологов, *Основы российской государственности* – для остальных специальностей; при разработке государственной молодежной политики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: Греко-латинский кабинет, 1998. 425 с. [Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Moscow: Greko-latinskii kabinet, 1998, 425. (In Fr.)]
2. Щербинин А. И. Тоталитарная индоктринация как управление сознанием. Томск: ТГУ, 2012. 271 с. [Shcherbinin A. I. *Totalitarian indoctrination as mind control*. Tomsk: TSU, 2012, 271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgkogh>
3. Смелзер Н. Дж. Социология. М.: Феникс, 1994. 687 с. [Smelser N. J. *Sociology*. Moscow: Feniks, 1994, 687. (In Russ.)]
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с. [Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995, 323. (In Russ.)]
5. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. *Структурализм: «за» и «против»*, ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова М.: Прогресс, 1975. С. 193–230. [Jakobson R. Linguistics and poetics. *Structuralism: Pros and Cons*, eds. Basina E. Ya., Polyakova M. Ya. Moscow: Progress, 1975, 193–230. (In Russ.)]
6. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. [Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The youth of Russia under the lens of sociology: Results of years of research*. Moscow: FCTAS RAS, 2020, 688. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>
7. Демина А. В. Фэнтези как симулякр. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 4. С. 272–277. [Demina A. V. Fantasy as a simulacrum. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2015, (4): 272–277. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/veevut>
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с. [Baudrillard J. *Simulacra et simulation*. Moscow: POSTUM, 2015, 240. (In Russ.)]
9. Штейнман М. А. Трансформация метафоры власти в XX – начале XXI столетия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2019. № 2. С. 28–47. [Shteinman M. A. Transformation of metaphor of power in the 20th – early 21st centuries. On the example of works by J. R. R. Tolkien and G. R. R. Martin. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2019, (2): 28–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-93-2-28-47>
10. Карлова О. А., Копцева Н. П., Резникова К. В., Ситникова А. А. Воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры. *Science for Education Today*. 2020. Т. 10. № 4. С. 189–201. [Karlova O. A., Koptseva N. P., Reznikova K. V., Sitnikova A. A. The educational potential of the fantasy

- genre for modern teenage culture. *Science for Education Today*, 2020, 10(4): 189–201. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dujlul>
11. Odrizola J. M. J. R. R. Tolkien: The philosophical basis of sub-creative words. *Logos*, 2019, 22(3): 105–129. <https://doi.org/10.1353/log.2019.0023>
  12. Apostolides A., Meylahn J.-A. The lived theology of the Harry Potter series. *HTS Theologiese Studies*, 2014, 70(1). <https://doi.org/10.4102/hts.v70i1.2713>
  13. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура (подход к изучению политической культуры) (I). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2010. № 2. С. 122–144. [Almond G. A., Verba S. The civic culture: An approach to political culture (I). *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2010, (2): 122–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-122-144>
  14. Поливанова К. Н. Психологическое содержание подросткового возраста. *Вопросы психологии*. 1996. № 1. С. 20–33. [Polivanova K. N. Psychological content of adolescence. *Voprosy psikhologii*, 1996, (1): 20–33. (In Russ.)]
  15. Boucher G. M. The specificity of fantasy and the "affective novum": A theory of a core subset of fantasy literature. *Literature*, 2024, 4(2): 101–121. <https://doi.org/10.3390/literature4020008>
  16. Данилова А. С., Ашанина А. О. Репрезентация концепта «расизм» в романах Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. *Современные технологии обучения иностранным языкам: Междунар. науч.-практ. конф.* (Ульяновск, 20–21 января 2023 г.) Ульяновск: УлГТУ, 2023. С. 213–219. [Danilova A. S., Ashanina A. O. The representation of a concept of racism in the novels by J. K. Rowling about Harry Potter. *Modern technologies of teaching foreign languages: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ulyanovsk, 20–21 Jan 2023. Ulyanovsk: UISTU, 2023: 213–219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gmiloy>
  17. Прохоров Э. Т. Темный лорд как политический лидер в книгах и экранизациях о Гарри Поттере. *Научный потенциал*. 2023. № 4-1. С. 27–36. [Prokhorov E. T. The Dark Lord as a political leader in the Harry Potter books and film adaptations. *Nauchnyi potentsial*, 2023, 4(43): 27–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/etaked>
  18. Кузнецов И. И., Куликова Е. В., Петрова Ю. В. Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях. *Политическая наука*. 2023. № 2. С. 179–202. [Kuznetsov I. I., Kulilova E. V., Petrova Yu. V. The space of heroes in the minds of Russian youth: Variety of offers and unclear preferences. *Politicheskaiia nauka*, 2023, (2): 179–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>
  19. Белов С. И., Вантеевский М. М., Ярошева Д. В. Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений. *Политическая наука*. 2023. № 2. С. 163–178. [Belov S. I., Vanteevskiy M. M., Yarosheva D. V. Value preferences of modern Russian youth: Results of the generalization of expert opinions. *Politicheskaiia nauka*, 2023, (2): 163–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.07>
  20. Сачкова Е. В. Символ и его роль в межкультурной коммуникации. *Актуальные аспекты современного переводоведения и межкультурной коммуникации: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 28 мая 2019 г.) М.: РУТ (МИИТ), 2020. С. 28–35. [Sachkova E. V. Symbol and its role in intercultural communication. *Current aspects of modern translation studies and intercultural communication: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 28 May 2019. Moscow: RUT (MIIT), 2020, 28–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxvmsi>
  21. Тимошенко Е. К. Фанфикшн сообщества поклонников эпопеи о Гарри Поттере как дискурс. *Stephanos*. 2015. № 6. С. 250–255. [Timoshenko E. K. Fanfiction of community of fans of the Harry Potter's saga as a discourse. *Stephanos*, 2015, (6): 250–255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkbead>
  22. Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики. Харьков: Гуманитарный центр, 2015. 688 с. [Griffin E. *A first look at communication theory*. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr, 2015, 688. (In Russ.)]
  23. Купцова И. А., Унукаев Г. А. Культура фэнтези как средство социализации подростков. *Образование и культурное пространство*. 2020. № 2. С. 62–69. [Kuptsova I. A., Unukaev G. A. Fantasy culture as a means of socializing teenagers. *Obrazovanie i kulturnoe prostranstvo*, 2020, (2): 62–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hhionn>
  24. Рогов И. В. Фэнтези-сеттинги последних лет: роль и значение в современной коммуникации. *Вопросы медиабизнеса*. 2023. Т. 2. № 2. С. 20–30. [Rogov I. I. Fantasy settings of recent years: Role and significance in modern communication. *Issues of Media Business*, 2023, 2(2): 20–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/3034-1930-2023-0120>
  25. Ястремская Ю. А., Никитина В. А. Воспитательная составляющая романов о Гарри Поттере при изучении литературы в основной школе. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 6. С. 62–64. [Yastremskaya Yu. A., Nikitina V. A. Educational aspect of Harry Potter novels used while studying literature in middle school. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, 2021, (6): 62–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-62-64>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hqxkuj>

Технологический подход к анализу феномена *культура отмены*: деструктивные проявления и способы противодействия (на материалах регионального исследования студенческой молодежи Кузбасса)

Матвеева Елена Викторовна

Кемеровский государственный институт культуры, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4381-2453

<https://orcid.org/0000-0002-7001-6935>mev.matveeva2020@yandex.ru

Аннотация: Технологический подход, заложенный в теории культурной традиции Э. С. Маркаряна, рассматривается как средство выработки способов противодействия деструктивным проявлениям феномена *культура отмены* в отношении Российской Федерации и служит основой авторского подхода при ее анализе. Рассмотрены изменения, произошедшие в российской культуре за последние несколько лет в условиях «культурных санкций». Цель – изучить особенности восприятия феномена *культура отмены* как деструктивного явления, а также найти способы противодействия ей, опираясь на культуру и культурные традиции России на примере общественных оценок студенческой молодежи Кемеровского государственного института культуры. Проведены социологические исследования с помощью методов мозгового штурма (12 человек) и фокус-групп (24) среди студентов четырех факультетов вуза культуры Кузбасса. Культура отмены оценивается ими как деструктивное явление современного общества, несущее в своей основе негативное воздействие на дальнейшее развитие не только российской культуры, но и общества в целом («давление» на российскую экономику, образование, спорт, информационные ресурсы, социальные медиа). Установлено, что имеющиеся у государства ресурсы и инструменты направлены на преодоление деструктивных проявлений культуры отмены. Обнаружено, что респонденты дают положительную оценку реализуемого политического курса государства в решении вопросов культурной политики. Определены значимые способы противодействия феномену *культура отмены*: 1) необходимость формирования общественных настроений через культурные проекты, социальные медиа, СМИ; 2) возрождение русских культурных традиций, праздников, исторического наследия, в сущности, являющееся процессом импортозамещения в кинематографе, музыке, искусстве.

Ключевые слова: культура, культурная политика, культура отмены, теория культурной традиции Э. С. Маркаряна, молодежь, регион

Цитирование: Матвеева Е. В. Технологический подход к анализу феномена *культура отмены*: деструктивные проявления и способы противодействия (на материалах регионального исследования студенческой молодежи Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 38–47. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-38-47>

Поступила в редакцию 01.12.2024. Принята после рецензирования 27.12.2024. Принята в печать 28.12.2024.

full article

Technological Approach to Cancel Culture: Destructive Manifestations and Counteraction as Perceived by University Students in Kuzbass

Elena V. Matveeva

Kemerovo State Institute of Culture, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4381-2453

<https://orcid.org/0000-0002-7001-6935>

mev.matveeva2020@yandex.ru

Abstract: E. S. Markarian's theory of cultural tradition offers ways to counteract the destructive impact of the cancel culture phenomenon in relation to the Russian Federation. The recent cultural sanctions have brought about some changes in Russian culture. Identifying cancel culture as a profoundly destructive phenomenon, the author developed a set of counteract measures, relying on the public assessments made by students of four departments of the Kemerovo State Institute of Culture. The sociological research involved brainstorming methods (12 students) and focus groups (24 students). The participants evaluated cancel culture as a destructive phenomenon with a negative impact on the further development of Russian culture and society, i.e, economy, education, sports, media, social media, etc. The students approved of the resources and instruments used by the state to level destructive effect of cancel culture. They supported the current state policy in matters of culture, in particular: 1) cultural projects, social media, and mass media that shape public sentiments; 2) the revival of Russian cultural traditions, holidays, and historical heritage as import substitution in cinema, music, and art.

Keywords: culture, cultural policy, cancel culture, E. S. Markaryan's theory of cultural tradition, youth, region

Citation: Matveeva E. V. Technological Approach to Cancel Culture: Destructive Manifestations and Counteraction as Perceived by University Students in Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 38–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-38-47>

Received 1 Dec 2024. Accepted after review 27 Dec 2024. Accepted for publication 28 Dec 2024.

Введение

На протяжении последних лет вопросы культурной политики Российской Федерации приобретают весомое значение в восприятии культуры не только как исторически сложившегося явления в системе культурного наследия страны, но и как инструмента по стабилизации ситуации в вопросах семейной и демографической политики государства. Это напрямую определяется вниманием со стороны органов власти и общества к формированию традиционных ценностей и установок среди молодежи. Актуализация данного процесса во многом была обусловлена:

- 1) принятием на законодательном уровне ряда документов в области формирования основ традиционных духовно-нравственных ценностей, в частности Распоряжения Правительства РФ

«Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.»¹;

- 2) привлечением внимания общества к семейным ценностям через перечень мероприятий, реализуемых на уровне регионов в рамках Указа Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года семьи»².

В конечном итоге меры, принятые для формирования традиционных ценностей и установок среди молодежи, позволяют нивелировать не только социально-экономические вызовы, стоящие перед регионами, но и обеспечивать адекватный ответ на такое деструктивное проявление западных государств в отношении российского материального культурного наследия, как феномен *культура отмены* [1–3].

¹ Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 2501-р от 11.09.2024. *СПС КонсультантПлюс*.

² О проведении в Российской Федерации Года семьи. Указ Президента РФ № 875 от 22.10.2023. *ИПП Гарант*.

Вопросы, касающиеся культуры отмены, обширны. Однако прежде всего при ее изучении ученые обращаются к таким, как интерпретация феномена *культура отмены* как категории чуждой российскому обществу и политической культуре [4, с. 66]; рассмотрение ее с позиции политизированного явления, требующего особого внимания и принятия контрмер по противодействию со стороны РФ [5, с. 441]. В то же время вопросы, связанные с анализом технологических аспектов культуры отмены, пользуются наименьшим вниманием исследователей. Как правило, эти технологические аспекты анализируются в привязке к информационно-коммуникационным технологиям, получившим интенсивное развитие в эпоху сетевого общества. О. Г. Щенина подчеркивает, что в условиях цифровизации культура отмены выступает в качестве одной из форм цифровой культуры, т.е. «цифровая среда рассматривается как площадка для реализации различного рода коммуникативных практик, в том числе и "отменяющих"» [6, с. 123].

В настоящее время проблематизация вопросов, имеющих отношение к процессам формирования ценностного мировоззрения молодежи, вызывает колоссальный научный интерес. Это подтверждает обилие современных трудов российских ученых, затрагивающих вопросы формирования традиционных (семейных) ценностей в российском обществе [7–12], воздействия фактора сетевизации на систему ценностей молодого поколения в условиях государственного курса по формированию патриотических ценностей [13–18], выявления социально-политических предпочтений молодежи в системе жизненных ценностей [19–25] и др.

Решение указанных вопросов в практической плоскости требует усилий всех заинтересованных субъектов, включая научное сообщество. Возможным инструментом научного поиска в обеспечении результативности реализации культурной политики государства следует считать междисциплинарные теории, разработанные российскими и западными социологами, политологами, культурологами. Для определения деструктивных проявлений культуры отмены на российскую культуру в рамках технологического подхода применяются:

- теория культурной традиции российского культуролога Э. С. Маркаряна, согласно которой культура выступает как инновационное начало, связанное с деятельностью людей [26];
- понимание польским социологом П. Штомпкой категорий *традиционализм* и *время* в культуре [27].

Цель статьи – изучить особенности восприятия феномена *культура отмены* как деструктивного

явления, а также найти способы противодействия ей, опираясь на культуру и культурные традиции России на примере общественных оценок студенческой молодежи Кемеровского государственного института культуры (КемГИК).

Методы и материалы

Основой проведенного исследования служит технологический подход, позволивший оценить отношение молодежи к культуре отмены как к некому перечню определенных действий или как готовности выразить личностную позицию через действия на основе сложившейся системы мировоззрения. Технологический подход к анализу феномена *культура отмены* рассматривается так же, как возможность наложения теоретического знания на результаты эмпирических исследований в теории культурной традиции Э. С. Маркаряна, которая выступает в качестве теоретико-методологической основы статьи. Эмпирическая база исследования – качественные методы социологического исследования, проведенного среди студентов 4 факультетов КемГИК (социально-гуманитарный и режиссерско-педагогический и факультеты социально-культурных технологий и информационных, библиотечных и музейных технологий):

1. Мозговой штурм: сбор первичного материала о феномене *культура отмены* с последующей разработкой гайда фокус-групп (12 человек).

2. Фокус-группы: определение отдельных ориентиров, значимых для молодежи вуза культуры Кузбасса в вопросах реализации государством культурной политики, в том числе в вопросе культуры отмены (24).

Результаты

Прежде чем обратиться к рассмотрению и анализу полученных результатов авторских эмпирических исследований, необходимо уделить внимание отдельным категориям в теории культурной традиции Э. С. Маркаряна. Культурная традиция, по его мнению, – «живая», динамично развивающаяся категория, связывающая прошлое, настоящее и будущее [28]. Она выполняет роль некой технологии, которая определяет взаимосвязь с инновациями и выступает одновременно с этим «универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости» [28, с. 87]. Роль инноваций же сводится к тому, что это и «источник образования стереотипов

культурных традиций», и «предпосылка креативных (т.е. продуцирующих, создающих новые формы) процессов» [28, с. 81]. Э. С. Маркарян отмечает: «культурные традиции образуют ядро всей системы стереотипов человеческой деятельности... Посредством воспроизводства или изменения данного опыта традиции воспроизводят и изменяют саму общественную жизнь людей» [29, с. 486]. Способы противодействия деструктивным проявлениям в культуре по Э. С. Маркаряну связываются в первую очередь с историческим опытом (в широком контексте – привлечением исторической науки и исторического культуроведения) и обращением к локальным региональным традициям (этносам).

Достаточно близкой к Э. С. Маркаряну позиции в отношении интерпретации традиций придерживается П. Штомпка. Он пишет, что в широком смысле традиции – это наследие, сохранившееся из прошлого, а в узком – «только те фрагменты наследия, которые не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним» [27, с. 90]. При этом необходимо отметить, что фактически исследование П. Штомпки [27] выступает связующим звеном между культурологической теорией Э. С. Маркаряна, разработанной в конце XX в., и современными процессами, происходящими в социополитическом пространстве, включая культуру. Независимо от пути складывания традиции (снизу как стихийного процесса с вовлеченностью большого количества людей или сверху через механизмы навязывания системой власти) ее содержание остается неизменным. Также нельзя утверждать, что один из путей ведет к формированию истинной традиции, действительно уходящей своими корнями в прошлое, а другой – к изобретенной традиции, связь которой с прошлым придумана, вымышленна [27, с. 92].

Далее обратимся к результатам проведенных социологических исследований (методами мозгового штурма и фокус-групп)³ с учетом выше обозначенных характеристик технологического подхода в теории культуры Э. С. Маркаряна. Метод мозгового штурма включал в себя обсуждение по двум ключевым вопросам:

1. «Какие деструктивные проявления феномена *культура отмены* в отношении России Вы можете назвать?»

2. «Какие способы противодействия феномену *культура отмены*, по Вашему мнению, можно

использовать, опираясь на российские культурные традиции в регионах?»

Перед респондентами была поставлена задача акцентировать внимание на специфических характеристиках теории культуры Э. С. Маркаряна. На основе полученных данных составлены ментальные карты, а также вопросы гайда фокус-групп с акцентом на культуру и культурные традиции. Выбор в рамках исследования Кемеровского государственного института культуры обусловлен:

- спецификой рассматриваемой проблемы, которая требует более основательного «погружения» в сферу культуры, что фактически можно сделать только на основании оценки мнений студентов, получающих образование по специальностям в области культуры и искусства;
- включением в выборку студентов не только разных направлений подготовки, но и с разным местом проживания на момент поступления (как областной центр г. Кемерово, так и другие муниципальные образования Кемеровской области – Кузбасса) примерно в соотношении 1:2 (на каждого жителя Кемерова приходится 2 студента из других городов региона).

Ответы участников мозгового штурма на первый вопрос (деструктивные проявления феномена *культура отмены* в отношении России) были разграничены на две ментальные карты (рис. 1⁴ и 2). На рисунке 1 выделены пять основных тематических блоков, в которых, по мнению респондентов, произошли наибольшие изменения. Среди ответов студентов преобладали варианты, связанные с введением ограничительных мер со стороны Запада (например бойкот российских товаров и услуг, цифровое «давление», спортивная изоляция, ограничения в отношении образовательных учреждений и культуры и др.) и созданием негативного имиджа России в СМИ (дезинформация и фейковые новости, цензура).

На рисунке 2 отдельное внимание уделено влиянию культуры отмены на сферу культуры. Участниками исследования отмечались такие отрицательные изменения в российской культуре, как потеря культурных связей, уничтожение памятников культуры и искусства, отмена гастролей деятелей культуры и др.

При анализе ответов на второй вопрос (способы противодействия феномену *культура отмены*)

³ Их результаты представлены в комбинированном виде: высказывания участников фокус-групп фактически более подробно раскрывают сгенерированные в ходе мозгового штурма идеи.

⁴ Здесь и далее сост. по: результаты авторского социологического исследования среди студентов регионального вуза культуры Кемеровского государственного института культуры, проведенного в ноябре 2024 г.

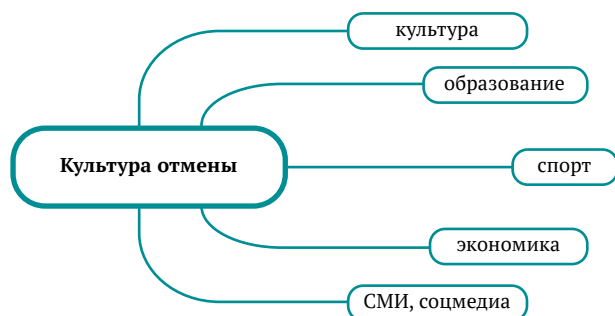

Рис. 1. Ментальная карта оценок студентами деструктивных проявлений феномена *культура отмены* в разных сферах общества

Fig. 1. Mental map of destructive effects of cancel culture on Russian society, compiled by students

Рис. 2. Ментальная карта оценок студентами деструктивных проявлений феномена *культура отмены* в сфере культуры

Fig. 2. Mental map of destructive effects of cancel culture on Russian culture, compiled by students

мы обнаружили, что практически все из них в большей или меньшей степени связаны с политикой государства, при этом не всегда затрагивающей культуру. На рисунке 3 ответы участников мозгового штурма разбиты на четыре группы – государство, традиции, история, культура и искусство, – каждая из которых связывается студенческой молодежью с определенными наиболее выраженными изменениями.

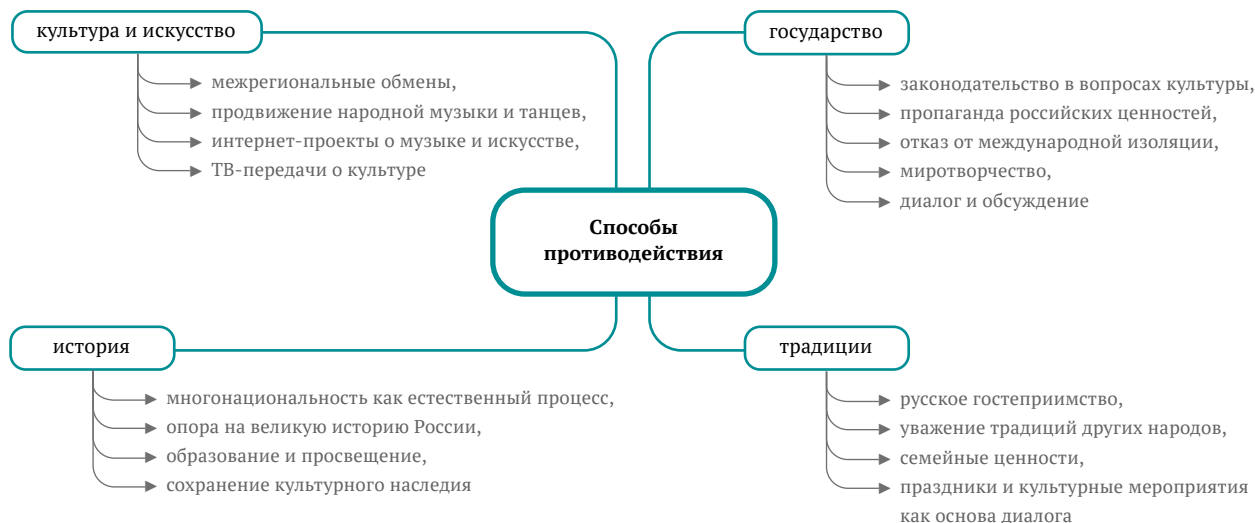
При обработке предложенных идей с учетом поставленной проблемной задачи в рамках мозгового штурма респонденты внесли предложение выделить блок *Культура* как самостоятельную единицу ввиду ее значимости в решении проблемы и многогранности возможных средств по противодействию «давления» со стороны Запада. В результате представленные на рисунке 4 ответы показывают значимость культуры как:

- 1) средства по формированию общественных настроений через культурные проекты, соцмедиа и СМИ;
- 2) способа возрождения культурных традиций, праздников, наследия (процесс по импортозамещению в кинематографе, музыке, искусстве).

При обращении к ответам участников фокус-групп отметим, что в основу сформулированных вопросов положены выявленные в рамках мозгового штурма наиболее значимые индикаторы культуры

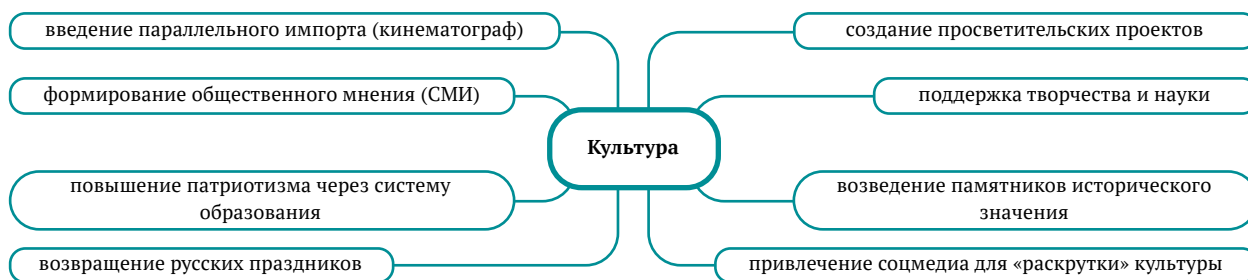
как способы по противодействию культуре отмены. На вопрос «Какое место в противодействии феномену *культура отмены* в отношении России занимают традиции России и ее регионов?» большинство респондентов затруднились с оценкой традиций в контексте поставленного вопроса, однако сошлись во мнении, что во многом влияние или его отсутствие зависит от места проживания человека. Студенты отмечали, что наиболее интенсивное воздействие традиций на социум и, соответственно, на противодействие культуре отмены наблюдается в национальных регионах страны (Чеченская Республика, Республика Ингушетия и Алтай и др.), где весомость традиций, независимо от внешних факторов, остается на достаточно высоком уровне. Значима роль традиций и в регионах, удаленных от Центральной части России, и приграничных территориях на западе страны (Крайний Север, Сибирь и Дальний Восток):

- Если смотреть на национальные регионы Чечня, Ингушетия, то там все основывается на традициях и абсолютно никакого значения не играет культура отмены;
- Традиции не оказывают большого влияния. Многое зависит от территории;
- У нас есть народности, на которые культура отмены не действует.

Рис. 3. Ментальная карта оценок студентами способов противодействия феномену культура отмены

Fig. 3. Mental map of counteract measures against cancel culture, compiled by students

Рис. 4. Ментальная карта оценок студентами изменений в культуре в рамках государственной политики по противодействию культуре отмены

Fig. 4. Mental map of cultural changes in state policy to counter cancel culture, compiled by students

Участники фокус-групп согласились с тем, что в условиях ужесточения давления со стороны западных стран на культуру и остальные сферы общества российская культура (искусство, музыка, танцы, кинематограф) оказывается действенным способом по противодействию культуре отмены как внутри страны, так и на межрегиональном уровне:

- *Российская культура влияет на противодействие культуре отмены. Появляются новые российские проекты;*
- *У нас много всяких русских ансамблей, известных во всем мире. «Березка», например. Наш русский дух, песни, танцы очень востребованы не только у нас, но и за границей. Этот наш шарм, яркие народные костюмы – это очень актуально в наше время. И по телевизору сейчас показывают не какие-то танцы, а наши русские танцы, и это повышает патриотический дух;*
- *Российская культура влияет на противодействие культуре отмены;*

- *Возросла периодичность мероприятий, однако поменялось отношение к мероприятиям.*

Особый интерес у участников фокус-групп вызвало обсуждение вопроса «Какова роль исторического наследия, просвещения и сохранения культурного наследия нашей страны в противодействии феномену культура отмены?». В своих ответах респонденты не просто констатировали факт значимости истории и исторического наследия для российской государственности, но и постарались выделить изменения, произошедшие в последние годы в системе исторического просвещения и сохранения культурного наследия:

- *Эффективность истории и исторического наследия возрастает. Возрастает понимание значимости мероприятий исторического содержания. Однако порой наблюдается падение качества самой организации мероприятий;*
- *Культура нашей истории большая. Она охватывает не только нашу страну, но и другие страны*

и континенты. Уроки в школах, занятия по истории в вузах играют в историческом просвещении и сохранении исторической памяти большое значение;

- История нашей страны за последние годы дополнилась новыми событиями, значимыми для текущего периода ее развития;
- История нашей страны обладает ресурсом, способным противостоять внешней агрессии Запада;
- С одной стороны, изучение истории полезно с позиции причинно-следственных связей. С другой стороны, историю пишут победители. У каждой страны своя история;
- События, которые происходили у нас, описываются по-другому в других странах. На историю нужно смотреть с разных сторон и оценивать, как это влияет на современное развитие государства;
- В других странах наша история «перевернута», что неправильно;
- Согласно с высказанным мнением о двойственном воздействии истории. Не могу сказать, что это в отдельных моментах плохо. Для государства нормально представлять свою историю как положительный пример.

В завершении респондентам был задан вопрос: «Какими словосочетаниями Вы бы обозначили официальную позицию РФ в процессе противодействия феномену культура отмены в России?». В своих ответах студенты воспроизвели основные приоритеты России в условиях международного давления. В числе высказанных мнений прозвучали такие словосочетания, как *импортозамещение на внутренние ресурсы и культурный спрос населения, независимость и самодостаточность, объединение, упертость, тотальный суверенитет, ставка на патриотизм* и др. Представленный перечень показывает одобрение студенческой молодежью курса государства на импортозамещение во всех сферах общества, в том числе в сфере культуры, а также подчеркивает приоритет независимости Российской Федерации в условиях современной международной ситуации.

Заключение

Примененная в работе теория культурной традиции Э. С. Маркаряна, основанная на технологическом подходе, концентрирует внимание на вопросе

деятельности человека или готовности к определенным видам его деятельности в отношении реализуемых на уровне государства мероприятий в области российской культуры, в частности в условиях поиска «новых», нестандартных решений в ответ на культурные санкции западных стран. По мнению автора, проведенный анализ не менее значим в текущей политической конъюнктуре, чем, например, акцент в сторону аксиологического подхода, направленного на осмысление ценностных оснований мировоззрения молодого поколения. Фактически восприятие студенческой молодежью феномена культура отмены как деструктивного явления со всеми его особенностями позволяет государству более четко прогнозировать дальнейшие пути по формированию ценностей молодых людей и использовать открывшиеся возможности для интенсивного развития и продвижения российской культуры не только внутри страны, но и за ее пределами в государствах-партнерах РФ.

Применение методов мозгового штурма и фокус-групп при изучении феномена культура отмены позволило выявить общую закономерность в ответах студентов: многие сгенерированные идеи, по сути, выходят на плоскость политико-правовых решений государства, определяющих «границы» развития российской культуры и общества в условиях новых глобальных вызовов. Большинство студенческой молодежи, не политизированной в силу специфики вуза, демонстрировало хорошие знания и эрудированность в затрагиваемых вопросах. Один из полученных выводов, в котором сошлась большая часть студентов, заключается в том, что происходящие в стране изменения, связанные с реализуемыми способами по противодействию «давления» на российскую культуру в целом, носят положительный характер и способствуют приданию новых импульсов развития культуры, в том числе через политику импортозамещения в кинематографе, искусстве, музыке и т. д.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Нагайчук А. Ф., Брызгалова А. В. Технологический алгоритм «культуры отмены»: интегрирующий и дезинтегрирующий аспект. *Конфликтология*. 2023. Т. 18. № 3. С. 29–36. [Nagaychuk A. F., Bryzgalova A. V. Technological algorithm of the "cancel culture": Integrating and disintegrating aspect. *Konfliktologia*, 2023, 18(3): 29–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khqwxh>
2. Соловьев В. М. Отмене не подлежит: пространство русской культуры от древности до современности. Культурологические очерки. СПб.: Научно-технологические исследования, 2024. 557 с. [Soloviev V. M. *Not subject to cancellation: The space of Russian culture from ancient times to the present. Cultural essays*. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 2024, 557. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dwfuww>
3. Зайкова О. Н. «Культура отмены» как технология разрушения российской национальной идентичности. *Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения: Междунар. науч. форум. (Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2024 г.)* СПб.: Медиапапир, 2024. Т. 1. С. 153–154. [Zaykova O. N. Cancel culture as a technology of destroying Russian national identity. *Media in the modern world. 63rd St. Petersburg Readings: Proc. Intern. Forum*, St. Petersburg, 18–20 Apr 2024. St. Petersburg: Mediapapir, 2024, vol. 1, 153–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmmacq>
4. Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России. *Власть*. 2022. Т. 30. № 3. С. 65–69. [Nikitin A. V., Orlinskaya O. M., Sedayev P. V., Ustinkin S. V., Fomenkov A. A. Cancel culture: Reasons for development challenges in Russia. *Vlast*, 2022, 30(3): 65–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9046>
5. Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 2. С. 434–444. [Rustamova L. R., Ivanova D. G. Cancel Culture towards Russia and how to deal with it. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, 25(2): 434–444. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444>
6. Щенина О. Г. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования. *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 4. С. 112–127. [Shchenina O. G. "Cancel culture" in political discourse: Multiple forms and research opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023, 14(4): 112–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.7>
7. Воронина А. А. Формирование традиционных семейных ценностей у студенческой молодежи средствами социального проектирования. *Волонтерская деятельность как ресурс профессионально-личностного становления и общественного развития: Всерос. (с Международным уч.) науч.-практ. конф. (Орел, 30 ноября 2022 г.)* Орел: ОГИК, 2023. С. 175–181. [Voronina A. A. Formation of traditional family values among students by means of social design. *Volunteer activity as a resource for professional and personal development and social development: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf.*, Orel, 30 Nov 2023. Orel: OSIC, 2023, 175–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jgrlkk>
8. Тазов П. Ю. Социокультурные условия формирования духовно-нравственных ценностей студентов вуза. *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 2. [Tazov P. Yu. Socio-cultural context in the process of formation of spiritual and moral values of university students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2019, (2). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/article/view?id=28724> (дата обращения: 25.11.2024). <https://elibrary.ru/xzwxta>
9. Матвеева Е. В., Астахов О. Ю., Сат А. В. Особенности политической культуры Республики Тыва в условиях тренда государства на формирование традиционных ценностей. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2024. Т. 18. № 3. С. 116–125. [Matveeva E. V., Astakhov O. Yu., Sat A. V. Features of the political culture of the Republic of Tuva in relation to the state direction of traditional values development. *Perm University Herald. Political Science*, 2024, 18(3): 116–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-3-116-125>
10. Меренков А. В. Социальные взаимодействия в процессе формирования у личности традиционных ценностей. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2023. Т. 29. № 3. С. 124–135. [Merenkov A. V. Social interactions in the process of formation of traditional values in a person. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Serii 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 2023, 29(3): 124–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.3.053>
11. Лисова С. Ю., Романова Н. Р. Приверженность традиционным ценностям обучающихся как основа противодействия экстремизму и терроризму. *Научный поиск: личность, образование, культура*. 2024. № 3. С. 49–54. [Lisova S. Yu., Romanova N. R. Commitment to traditional values of students as the basis for countering

- extremism and terrorism. *Scientific research: personality, education, culture*, 2024, (3): 49–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.3.9>
12. Атагимова Э. И. Государственная политика в сфере духовно-нравственного воспитания молодежи: вопросы реализации. *Мониторинг правоприменения*. 2022. № 4. С. 22–32. [Atagimova E. I. Government policy in the sphere of spiritual and moral education of the youth: Issues of implementation. *Monitoring pravoprimeneniia*, 2022, (4): 22–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tfkjkr>
  13. Рубан В. В. Деструктивное воздействие массовой культуры и блогосферы на формирование патриотических традиционных ценностей у молодежи. *Молодежь – Барнаул: XXIV науч.-практ. конф.* (Барнаул, 1–30 ноября 2022 г.) Барнаул: АлтГУ, 2023. С. 183–184. [Ruban V. V. Destructive impact of mass culture and blogosphere on the development of patriotic traditional values in young people. *Youth of Barnaul: Proc. XXIV Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 1–30 Nov 2022. Barnaul: AltSU, 2023, 183–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/soqine>
  14. Плетнев А. В. Аномия молодого поколения как фактор изменения образования в условиях цифрового общества. *Научное мнение*. 2022. № 9. С. 27–33. [Pletnyov A. V. The anomie of the younger generation as a factor in changing education in a digital society. *Nauchnoe mnenie*, 2022, (9): 27–33. (In Russ.)] https://doi.org/10.25807/22224378_2022_9_27
  15. Лазарев Д. А. Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи. *Информационный обмен в междисциплинарных исследованиях III. Взгляд начинающих ученых: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Липецк, 15 ноября 2023 г.) Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2023. С. 111–115. [Lazarev D. A. The influence of the virtual space of the Internet on the life values of modern youth. *Information Exchange in Interdisciplinary Research III. Young scientists' prospective: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Lipetsk, 15 Nov 2023. Lipetsk: LSPU P. P. Semenov-Tyanshanskiy University, 2023, 111–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mzavke>
  16. Корнакова С. В., Корягина С. А. Проблемы влияния современного медиапространства на нравственно-духовное мировоззрение студентов. *Юридическое образование и наука*. 2024. № 2. С. 16–20. [Kornakova S. V., Koryagina S. A. Problems of the impact of the contemporary media space on the moral and spiritual worldview of students. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2024, (2): 16–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/taqbxn>
  17. Саркисян Л. Ю. Влияние цифровой реальности на состояние ценностного мира молодого поколения. *Новая наука: проблемы и перспективы*. 2024. № 11. С. 211–218. [Sarkisyan L. Yu. Effect of digital reality on the values of young generation. *Novaia nauka: Problemy i perspektivy*, 2024, (11): 211–218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoriwt>
  18. Давлятова Е. В., Далимаева Е. О., Рудковский Э. И. Информационная культура молодежи. *Искусство и культура*. 2022. № 1. С. 62–68. [Davliatova E. V., Dalimayeva E. O., Rudkovski E. I. Information culture of young people. *Art and Cultur*, 2022, (1): 62–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lajcsb>
  19. Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В., Романов Д. М., Медведев И. А. Глобальный контекст влияния ценностных ориентаций на электоральное поведение россиян. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2019. № 1. С. 23–46. [Korotayev A. V., Zinkina Yu. V., Romanov D. M., Medvedev I. A. Global context of the value orientation influence on the electoral behavior of Russians. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 27: Globalistika i geopolitika*, 2019, (1): 23–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzthxb>
  20. Матвеева Е. В., Алагоз А. В., Паничкина Е. В., Асхакова А. П. Феномен культуры в системе ценностных представлений студенческой молодежи Кузбасса (на материалах фокусированных интервью). *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2023. Т. 29. № 1. С. 129–138. [Matveeva E. V., Alagoz A. V., Panichkina E. V., Askhakova A. P. The phenomenon of culture in the value system of Kuzbass university students (based on focus group interviews). *Transbaikal State University Journal*, 2023, 29(1): 129–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-129-138>
  21. Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных отличий. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2017. № 1. С. 78–86. [Fedotova V. A. Values of Russians in the context of age differences. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2017, (1): 78–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-1-78-86>
  22. Склярлова Н. Ю., Горохов С. А., Шаповалов В. Л. Мировоззренческие ценностные ориентиры в современной системе общего образования. *Педагогический журнал*. 2022. Т. 12. № 6-1. С. 155–163. [Sklyarova N. Yu.,

- Gorokhov S. A., Shapovalov V. L. Worldview value orientations in the modern system of general education. *Pedagogical journal*, 2022, 12(6-1): 155–163. (In Russ.) <https://elibrary.ru/utfliy>
23. Брянцев И. И., Брянцева О. В. Особенности процесса политической социализации молодежи в российском обществе в условиях цифровизации. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2024. Т. 19. № 3. С. 109–136. [Bryantsev I. I., Bryantseva O. V. Features of the process of youth political socialization in Russian society in conditions of digitalization. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2024, 19(3): 109–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-109-136>
24. Косинова И. И., Вовченко М. Н. Исследование предпочтений современной молодежи: к чему стремится «сетевое поколение»? *Вестник МНЭПУ*. 2021. № S1. С. 251–257. [Kosinova I. I., Vovchenko M. N. Survey of modern youth: What the "network generation" aims for? *Vestnik MNEPU*, 2021, (S1): 251–257. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kjxjas>
25. Радионова О. Р., Авалуева Н. Б. Влияние ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи на построение образов будущего. *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 494. С. 96–105. [Radionova O. R., Avalueva N. B. Analysis of axiological attitudes of Russian youth in a period of uncertainty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, (494): 96–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bblyzk>
26. Маркарян Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур. *Методологические проблемы исследования этнических культур*. 1978. С. 6–16. [Markaryan E. S. Initial methodological prerequisites for the study of ethnic cultures. *Methodological problems of studying ethnic cultures*, 1978, 6–16. (In Russ.)]
27. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с. [Sztompka P. *The sociology of social change*. Moscow: Aspekt Press, 1996, 416. (In Russ.)]
28. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. *Советская Этнография*. 1981. № 2. С. 78–96. [Markaryan E. S. Key problems of cultural tradition theory. *Sovetskaia Etnografiia*, 1981, (2): 78–96. (In Russ.)]
29. Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 655 с. [Markaryan E. S. *Selected Works. Cultural studies and the imperatives of the epoch*. Moscow: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2014, 655. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uqpvmf>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/oawack>

Изменение удовлетворенности населения жизнью: межстрановой анализ динамики индекса счастья и индекса качества жизни

Плясова Светлана Владимировна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 5487-2743
<https://orcid.org/0000-0002-4681-7011>

Павлова Людмила Владимировна

Институт пищевых технологий и дизайна – филиал
Нижегородского государственного инженерно-экономического
университета, Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 9867-2534
<https://orcid.org/0000-0001-8069-8469>

Абалакин Александр Алексеевич

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 9700-9631
9204770299@mail.ru

Башлыков Тимофей Васильевич

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 1868-8510
<https://orcid.org/0000-0003-3618-3278>

Аннотация: Глобализация, технологические изменения, пандемия COVID-19, международные вооруженные конфликты трансформировали процессы жизнедеятельности людей. Цель – провести сравнительный анализ удовлетворенности населения стран мира жизнью в ее взаимосвязи с показателями *счастье* и *качество жизни*, так как этот показатель связан с общественной поддержкой власти и социальной стабильностью и позволяет определить ключевые изменения в восприятии людьми новых условий жизни в контексте глобальных событий. Задачи: 1) раскрыть понятие *удовлетворенность жизнью* с точки зрения достижения счастья и повышения качества жизни; 2) оценить влияние внешних факторов на удовлетворенность населения жизнью в доковидный (2015–2017 гг.), ковидный (2019–2021 гг.) и постковидный (2021–2023 гг.) периоды; 3) выявить тенденции изменения удовлетворенности жизнью в результате реализуемых мер государственной политики. Для обработки данных и выявления ключевых тенденций использованы методы статистического анализа; для проведения межстрановых сопоставлений – индукция и дедукция, а также логический анализ и сравнительный метод; для анализа изменений во времени (отслеживание динамики показателей за исследуемые периоды) – временные ряды. Рассмотрены теоретические подходы к определению понятия *удовлетворенность жизнью*, проведена систематизация существующих теорий, описаны детерминирующие факторы. В том числе описаны теоретико-методические подходы к определениям *индекс качества жизни* и *индекс счастья*. Результаты исследования можно использовать для принятия управленческих решений со стороны государственных органов власти и проведения оценки эффективности государственной политики. **Ключевые слова:** удовлетворенность жизнью, качество жизни, индекс качества жизни, индекс счастья, глобальные изменения, пандемия COVID-19

Цитирование: Плясова С. В., Павлова Л. В., Абалакин А. А., Башлыков Т. В. Изменение удовлетворенности населения жизнью: межстрановой анализ динамики индекса счастья и индекса качества жизни. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 10. № 1. С. 48–61. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-48-61>

Поступила в редакцию 09.10.2024. Принята после рецензирования 15.11.2024. Принята в печать 18.11.2024.

full article

Satisfaction with Life across Countries: Happiness Index and Life Quality Index

Svetlana V. Plyasova

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5487-2743

<https://orcid.org/0000-0002-4681-7011>

Lyudmila V. Pavlova

Institute of Food Technology and Design, Nizhny Novgorod State
University of Engineering and Economics, Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 9867-2534

<https://orcid.org/0000-0001-8069-8469>

Alexander A. Abalakin

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9700-9631

9204770299@mail.ru

Timofey V. Bashlykov

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government
of the Russian Federation, Russia, Lipetsk

eLibrary Author SPIN: 1868-8510

<https://orcid.org/0000-0003-3618-3278>

Abstract: Globalization, new technologies, the COVID-19 pandemic, and international military conflicts keep affecting human lives across the globe. The article offers a comparative analysis of life satisfaction against such social indicators as *happiness* and *life quality*. Satisfaction with life is associated with pro-government attitudes and social stability, which makes it a useful tool in defining the relevant public opinions about the current global events. The concept of *life satisfaction* was identified in its connection with achieving happiness and improving the quality of life. The authors assessed the impact of external factors on life satisfaction before the pandemic (2015–2017), during the pandemic (2019–2021) and after the pandemic (2021–2023) across countries to identify the changes brought about by public policy measures. The data obtained by standard research methods were subjected to statistical analysis to conduct a cross-country comparison and the method of time series to identify the chronological changes. The authors summarized various theoretical approaches to the concept of *satisfaction with life*, *Life Quality Index*, and *Happiness Index*. The results may help public authorities in selecting effective managerial decisions in public policy.

Keywords: satisfaction with life, quality of life, life quality index, happiness index, global changes, COVID-19 pandemic

Citation: Plyasova S. V., Pavlova L. V., Abalakin A. A., Bashlykov T. V. Satisfaction with Life across Countries: Happiness Index and Life Quality Index. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 48–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-48-61>

Received 9 Oct 2024. Accepted after review 15 Nov 2024. Accepted for publication 18 Nov 2024.

Введение

Современное развитие общества характеризуется тем, что человек, его интересы, потребности, возможности становятся ключевым ориентиром деятельности государства, а такие понятия, как *удовлетворенность жизнью*, *качество жизни*, *уровень человеческого развития*, *индекс счастья* – индикаторами эффективности работы систем государственного управления. Управление удовлетворенностью жизни и ее качеством направлено на достижение различных эффектов – от социальных до культурных. Это, с одной стороны, способствует позитивному настроению среди населения, а с другой – активизирует государственные инициативы и увеличивает вовлеченность граждан в реализацию общественных проектов и мероприятий. Поэтому изучение вопросов, связанных с удовлетворенностью жизнью,

факторами ее обеспечения, измерением эффектов от реализуемых мер представляет интерес для социологов, политиков, экономистов, государственных управленцев.

Таким образом, цель статьи – провести сравнительный анализ удовлетворенности населения жизнью в различных странах мира во взаимосвязи с показателями счастья и качества жизни. Это позволит выявить ключевые изменения в восприятии людьми новых условий жизни в контексте глобальных событий. Задачи:

- 1) раскрыть понятие *удовлетворенность жизнью* с точки зрения достижения счастья и повышения качества жизни;
- 2) оценить влияние внешних факторов на удовлетворенность населения жизнью в доковидный

(2015–2017 гг.), ковидный (2019–2021 гг.) и постковидный (2021–2023 гг.) периоды в различных страновых условиях;

- 3) выявить тенденции изменения удовлетворенности жизнью в результате реализуемых мер государственной политики.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в исследовании факторов, влияющих на удовлетворенность населения жизнью сквозь призму достижения счастья и повышения качества жизни в различных страновых условиях под влиянием изменяющейся внешней среды.

Удовлетворенность населения жизнью трансформируется под влиянием различных факторов, в том числе психологических, экономических, социальных, культурных, климато-географических, экологических. Изучение изменений в удовлетворенности жизнью важно для оценки эффективности государственной деятельности, а также для прогнозирования поведенческих реакций индивидов, имеющих благоприятные или опасные для страны и ее развития последствия. Ее исследованию посвящено большое количество научных трудов. Так, удовлетворенность населения жизнью:

- 1) рассматривается через призму оценки качества жизни [1–4], а также объясняются ее неоднозначные показатели у различных групп населения, и проводится межстрановый анализ;
- 2) коррелирует с категорией *счастье* [5; 6] – отражением субъективного благополучия индивидов [7; 8];
- 3) можно повысить с помощью социального капитала и взаимопомощи [9], изменения географии проживания [10; 11], инструментов повышения благополучия населения [12].

В отличие от предыдущих работ настоящее исследование акцентирует внимание на изучении влияния изменений внешней среды на удовлетворенность населения жизнью через дефиниции *счастье* и *качество жизни*. Кроме того, нами рассматривается динамика изменений по трем периодам (доковидный, ковидный, постковидный), что является важным вкладом в понимание факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью в разных странах. Также в работе приведен ряд индексов, которые позволяют оценить уровень счастья и качества жизни.

Методы и материалы

Для обработки данных и определения ключевых тенденций были использованы методы статистического анализа. Собранная в результате исследования информация об удовлетворенности населения жизнью, индексах счастья и качества жизни была

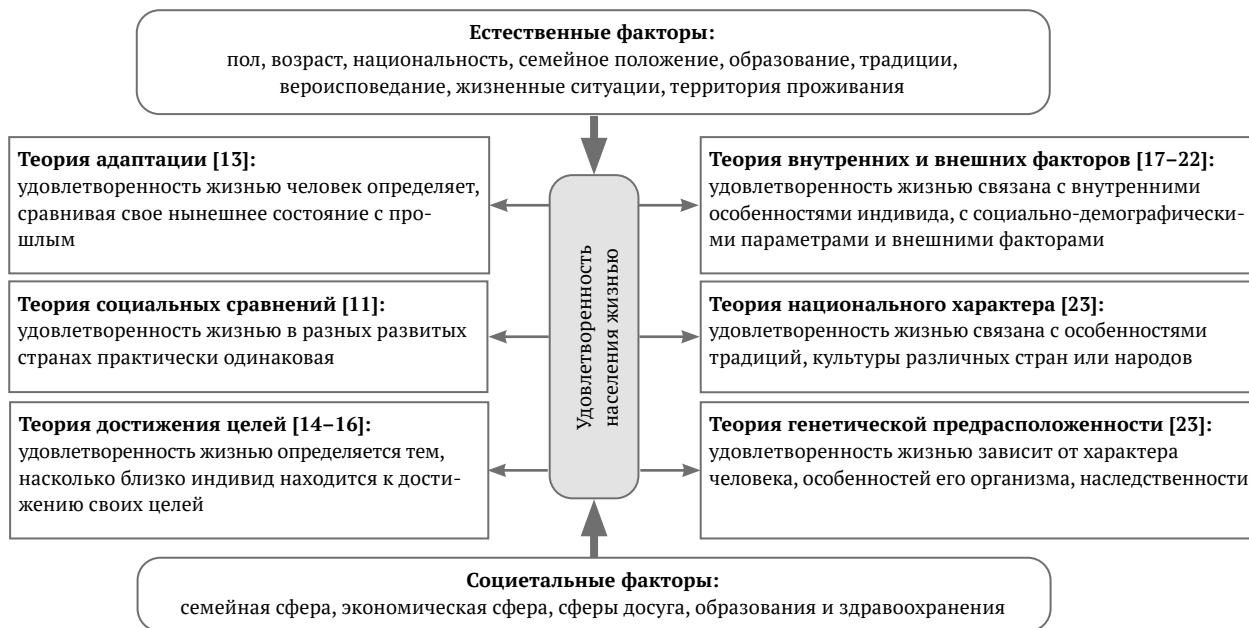
систематизирована. С помощью системного анализа выявлены устойчивые закономерности развития процессов и явлений, связанных с формированием удовлетворенности населения различных стран своей жизнью. Основные методологические подходы, необходимые для проведения межстрановых сопоставлений, включают индукцию и дедукцию, а также логический анализ и сравнительный метод. Для анализа изменений во времени использовались временные ряды, которые позволили отследить динамику показателей за исследуемые периоды. Для визуального представления выявленных закономерностей применены графический и табличный методы. Информационная база исследования представлена научно-исследовательскими работами и официальными результатами социологических исследований.

Результаты

Повышение интереса ученых и политиков к позитивным изменениям настроения человека и условий его жизнедеятельности обусловило появление теоретико-методических концепций и практических работ, посвященных изучению понятий *удовлетворенность жизнью, качество жизни, субъективное благополучие, психологическое благополучие, счастье* и т. п. [13].

С научной точки зрения важно исследовать, как государства и разные группы населения оценивают свою удовлетворенность жизнью и уровень счастья. Одновременно с этим необходимо выявлять факторы, влияющие на такие оценки, – это и стало основой для развития теорий, объясняющих причины и следствия удовлетворенности или неудовлетворенности населения жизнью (рис. 1). Помимо этого, пандемия COVID-19 способствовала появлению новых исследований, посвященных удовлетворенности населения жизнью в контексте ее воздействия на общество [24; 25]. Таким образом, с какой бы стороны не рассматривался термин *удовлетворенность жизнью*, он является важным индикатором стабильности общества, общественной поддержки государственной власти и эффективности мер по улучшению качества жизни в разных странах.

В связи с тем, что практика оценки удовлетворенности населения жизнью на постоянной основе отсутствует, а в открытых источниках нет данных о динамике этого показателя по странам за длительный период времени, то для его измерения могут использоваться коррелирующие с ним показатели, такие как *индекс счастья, индекс качества жизни, индекс субъективного благополучия, индекс развития человеческого потенциала, индекс лучшей жизни,*

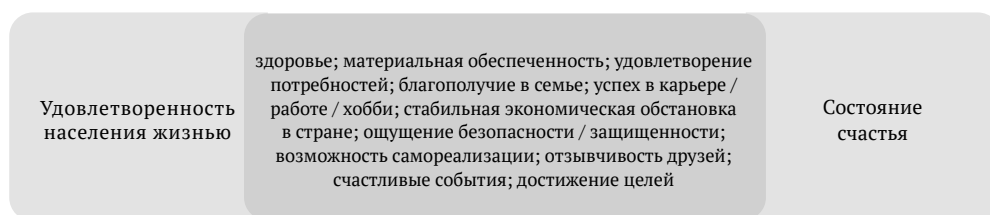
Рис. 1. Теории и факторы удовлетворенности населения жизнью
Fig. 1. Satisfaction with life: theories and factors

глобальный индекс благополучия, индекс процветания, индекс социального прогресса. Кроме того, ввиду растущего интереса к удовлетворенности населения жизнью и качеству жизни у правительств многих стран появились национальные индексы, измеряющие компоненты удовлетворенности жизни своих граждан (например, во Франции, Германии, Великобритании, Испании, Италии, Нидерландах, США, Канаде, странах Латинской Америки, Новой Зеландии, России и др.) [12].

Взаимосвязь понятий *удовлетворенность жизнью* и *счастье* проявляется в совпадении факторов, влияющих на их проявление [5; 26] (рис. 2). Согласно наиболее распространенной трактовке, разработанной R. Veenvhoven, счастье – это степень, с которой индивид оценивает общее состояние своей жизни как положительное [27]. Кроме того, нельзя не согласиться с L. W. Sumner, связывающим счастье с удовлетворением обстоятельствами своей жизни или ее условиями [28]. Исходя из взаимосвязи этих понятий, счастье можно рассматривать как субъективное понятие, характеризующееся эмоционально-физиологической удовлетворенностью индивида

своей жизнью, основанной на оценке им своего здоровья, материального благополучия, степени удовлетворения физиологических и эмоциональных потребностей в определенный период времени.

Рейтинг стран мира по индексу счастья составляется на основе формирования репрезентативных общенациональных выборок за 3 года и использования дифференцированной шкалы оценки (максимальное значение 10 отражает наилучшую возможную жизнь, минимальное значение 0 – наихудшую) [29]. В связи с тем, что индекс счастья не является константой и его значение обусловлено множеством факторов (ВВП на душу населения; продолжительность жизни; уровень социальной поддержки как со стороны государства, так и его граждан; свобода; щедрость, возможность участия в благотворительности; уровень коррупции и т. д.), целесообразно рассмотреть указанный индекс в динамике. Для этого авторами были выбраны три периода: доковидный (2015–2017 гг.), ковидный (2019–2021 гг.) и постковидный (2021–2023 гг.). Последний отличается усилением международных конфликтов и поляризацией мира. По результатам

Рис. 2. Факторы удовлетворенности населения жизнью и факторы состояния счастья
Fig. 2. Factors of life satisfaction vs. factors of happiness

оценки указанных выше параметров для индекса счастья выводилось интегральное совокупное значение.

Изменение ситуации по 15 странам-лидерам в рейтинге по индексу счастья в разрезе трех периодов представлено в таблице 1¹. Так, Финляндия, Дания, Исландия демонстрируют стабильно высокие результаты, что связано с высоким уровнем социального обеспечения и социальной защиты (действуют обширные социальные программы по поддержке населения); качественной системой обеспечения здравоохранения; экономической стабильностью, которая не снизилась даже в ковидный период; довольно высоким уровнем доверия к власти, а также развитием крепких социальных связей между гражданами; соблюдением населением баланса между работой и личной жизнью; защитой окружающей среды и сохранением природных ресурсов; предоставлением гражданам качественного образования и широкого круга культурных мероприятий.

За последние 10 лет наблюдается сближение рейтинга по индексу счастья наиболее «счастливых» стран и усиление разрыва между наиболее «несчастливыми». Этому способствуют следующие факторы [29]:

1. К 2024 г. уровень счастья граждан всех возрастов резко возрос в Центральной и Восточной Европе, а люди молодого возраста одинаково счастливы в обеих ее частях.

2. В 2021–2023 гг. у жителей стран бывшего СССР и Восточной Азии в любом возрасте также наблюдался значительный рост уровня счастья, в то время как в Южной Азии, Северной Африке и на Ближнем Востоке этот показатель сокращался, независимо от возраста.

3. Молодые люди счастливее пожилых практически во всех территориях нашей планеты, но при этом в Северной Америке уровень счастья среди граждан молодого возраста упал на 0,5 пункта в постковидный период (по сравнению с доковидным): они менее счастливы, чем люди пожилого возраста.

4. В Западной Европе уровень счастья в целом одинаков во всех возрастах, в то время как в других странах он имеет тенденцию к снижению на протяжении жизненного цикла (с периодическим подъемом у пожилых людей).

5. Кроме того, в большинстве стран (Португалия, Греция, Россия, Украина, Белоруссия и т.д.) удовлетворенность жизнью постепенно снижается, начиная

Табл. 1. Страны с высоким значением индекса счастья

Tab. 1. Countries with a high Happiness Index

2015–2017		2019–2021		2021–2023	
Страна	Индекс	Страна	Индекс	Страна	Индекс
Финляндия	7,632	Финляндия	7,821	Финляндия	7,741
Норвегия	7,594	Дания	7,636	Дания	7,583
Дания	7,555	Исландия	7,557	Исландия	7,525
Исландия	7,495	Швейцария	7,512	Швеция	7,344
Швейцария	7,487	Нидерланды	7,415	Израиль	7,341
Нидерланды	7,441	Люксембург	7,404	Нидерланды	7,319
Канада	7,328	Швеция	7,384	Норвегия	7,302
Новая Зеландия	7,324	Норвегия	7,365	Люксембург	7,122
Швеция	7,314	Израиль	7,364	Швейцария	7,060
Австралия	7,272	Новая Зеландия	7,200	Австралия	7,057
Израиль	7,190	Австрия	7,163	Новая Зеландия	7,029
Австрия	7,139	Австралия	7,162	Коста-Рика	6,955
Коста-Рика	7,072	Ирландия	7,041	Кувейт	6,951
Ирландия	6,977	Германия	7,034	Австрия	6,905
Германия	6,965	Канада	7,025	Канада	6,900

¹ Сост. по: [29].

с детства до подросткового возраста и заканчивая взрослой жизнью.

6. С течением времени возросла значимость таких критериев удовлетворенности жизнью, как *доброжелательность и поддержка окружающих*, что во многом связано с испытаниями, которые преподнесла пандемия COVID-19 (проживание в условиях изоляции, стресса, тревожности; потеря близких и рабочих мест). При этом увеличилось число людей, удовлетворенных своими социальными связями, что положительно сказывается на уровне счастья.

Качество жизни определяется интегральной оценкой качества получаемых населением благ и их количеством [1]. Применительно к исследованию удовлетворенности населения жизнью под качеством жизни авторы будут понимать объективную оценку качества жизнедеятельности населения, обусловленную влиянием детерминирующих факторов, которые определяются спецификой территории в определенный промежуток времени.

Для проведения межстранового анализа качества жизни целесообразно использовать *индекс качества*

жизни, ежегодно агрегируемый компанией Numbeo и отражающий совокупность таких факторов, как покупательная способность, уровень загрязнения, доступность жилья, стоимость жизни, безопасность, качество медицинского обслуживания, время в пути и климатические условия².

Рассмотренные выше факторы, которые повлияли на рейтинги по индексу счастья государств, также обусловили высокие позиции некоторых из них в рейтинге по качеству жизни: в таблице 2³ представлены 15 стран с высокими значениями показателя *индекс качества жизни*. Исходя из этих данных можно утверждать, что государства-лидеры по индексу счастья (табл. 1) – Финляндия, Дания, Нидерланды, Австрия, Швеция, Швейцария – также занимают лидирующие позиции и по индексу качества жизни.

Оценка индекса качества жизни не позволяет сделать объективные выводы об удовлетворенности населения жизнью, т.к., во-первых, она не учитывает субъективной оценки жителей страны, т.е. основывается лишь на статистических фактах, а во-вторых, некоторые страны, включая большинство

Табл. 2. Страны с высоким значением индекса качества жизни
Tab. 2. Countries with a high Life Quality Index

2017		2021		2023	
Страна	Индекс	Страна	Индекс	Страна	Индекс
Австрия	190,4	Швейцария	190,8	Нидерланды	196,7
Германия	189,7	Дания	190,0	Дания	194,7
Дания	184,9	Нидерланды	183,3	Швейцария	193,6
Новая Зеландия	184,7	Финляндия	182,8	Люксембург	192,9
Испания	183,6	Австрия	182,4	Финляндия	190,5
Финляндия	182,9	Австралия	181,5	Исландия	187,5
США	179,7	Исландия	179,1	Австрия	185,8
Португалия	178,4	Германия	176,8	Оман	184,7
Австралия	176,5	Новая Зеландия	175,8	Австралия	183,0
Словения	175,5	Норвегия	173,6	Норвегия	182,7
Нидерланды	175,2	Эстония	173,6	Германия	179,0
Швейцария	173,5	Оман	172,1	Новая Зеландия	176,7
Великобритания	172,9	Швеция	171,4	Япония	176,3
Швеция	172,7	Словения	168,2	Швеция	175,8
Эстония	171,1	США	167,0	Объединенные Арабские Эмираты	175,7

² Cost of Living. Numbeo. URL: <https://www.numbeo.com/cost-of-living/> (accessed 20 Sep 2024).

³ Сост. по: Quality of Life Index by Country 2017, 2021, 2023. Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2017 (accessed 20 Sep 2024).

наименее развитых, не входят в рейтинг из-за отсутствия необходимой социальной статистики. Например, в анализируемые нами периоды в оценке индекса качества жизни принимало участие от 67 до 84 стран, что ограничивает полное объективное сопоставление двух показателей.

Связь между удовлетворенностью жизнью и индексом качества жизни проявляется в том, что высокие значения второго могут способствовать повышению первого. Так, хорошие условия труда, доступ к медицинским услугам и качественное образование делают людей более счастливыми. При этом удовлетворенное жизнью население может быть более активным и вовлеченным в деятельность общества, что, в свою очередь, может способствовать улучшению качества жизни на уровне государства.

Важно учитывать и субъективные факторы при оценке уровня удовлетворенности жизнью, в числе которых культурные, социальные и индивидуальные. В некоторых случаях люди могут быть довольны жизнью, даже если индекс качества жизни в их стране не очень высок и наоборот. Например, в США индекс качества жизни в целом высокий, но имеет большие различия между регионами. В крупных городах высокая доступность образования и здравоохранения, но жизнь в некоторых сельских районах может быть сложной из-за низкой доступности образовательных и медицинских организаций вследствие их удаленности, недостатка специалистов в этих сферах и ограниченных возможностей трудоустройства по сравнению с городами. В трудах [30; 31] отмечается, что уровень стресса, связанный с работой и экономической неопределенностью, снижает общую удовлетворенность населения жизнью, особенно в экономически неблагополучных районах. Так, Япония, несмотря на высокую позицию в рейтинге по индексу качества жизни в 2023 г. (табл. 2), не занимает лидирующих позиций в рейтинге по индексу счастья (табл. 1). Это может быть обусловлено высоким уровнем стресса, тревожности и депрессии, в частности среди молодежи. Молодые люди в этой стране могут испытывать давление из-за карьерных ожиданий и социальной конкуренции, что негативно сказывается на их общем уровне удовлетворенности жизнью.

Коста-Рика занимает 13 и 12 место в рейтинге по индексу счастья в 2015–2017 гг. и 2021–2023 гг.

соответственно (табл. 1), при этом государство не находится в числе 15 стран-лидеров в рейтинге по индексу качества жизни (табл. 2). Аналогичная тенденция по несоответствию индекса счастья и индекса качества жизни присутствует в Бразилии (индекс качества жизни различается в зависимости от региона) и в некоторых других странах Латинской Америки [32]. Такие города, как Рио-де-Жанейро, сталкиваются с высоким уровнем преступности и бедности. Однако в некоторых общинах жители могут испытывать высокую удовлетворенность жизнью благодаря сильным социальным связям и культурным мероприятиям.

В таблице 3⁴ представлены 15 стран, находящихся в середине рейтинга по индексу счастья, в исследуемые периоды. Этот рейтинг является наиболее динамичным: практически все страны передвигались либо на более высокие, либо более низкие позиции. Информация о 15 странах с наименьшим значением индекса счастья в исследуемые периоды представлена в таблице 4⁵.

Информация о качестве жизни в доковидный, ковидный и постковидный периоды в Афганистане, Лесото, Малави, Сьерра-Леоне, Конго, Танзании, Ботсване, Зимбабве и других странах с низким значением индекса счастья отсутствует, что не позволяет сопоставить данные об уровне счастья с данными о качестве жизни⁶. Причины, по которым страны с низкими значениями индекса счастья продолжают демонстрировать такие результаты, многообразны и включают в себя сочетание следующих социально-экономических, политических и экологических факторов:

7. Политическая нестабильность и конфликты: Афганистан и Ливан – страны, где политическая нестабильность и продолжающиеся конфликты оказывают разрушительное воздействие на уровень счастья и качества жизни населения. У людей отсутствует базовое обеспечение потребности в безопасности.

8. Экономическая нестабильность и бедность: основными причинами низких показателей удовлетворенности жизнью для Зимбабве, Конго, Сьерра-Леоне и Лесото являются высокий уровень бедности, ограниченные возможности для трудоустройства, отсутствие доступа к образованию и здравоохранению.

9. Слабая система здравоохранения и высокая смертность: в Афганистане один из самых низких показателей ожидаемой продолжительности

⁴ Сост. по: [29].

⁵ Сост. по: [29].

⁶ При этом можно утверждать, что Бангладеш имеет низкие показатели по обоим индексам [29].

Табл. 3. Страны со средним значением индекса счастья

Tab. 3. Countries with a medium Happiness Index

2015–2017		2019–2021		2021–2023	
Страна	Индекс	Страна	Индекс	Страна	Индекс
Филиппины	5,524	Колумбия	5,781	Греция	5,934
Гондурас	5,504	Босния и Герцеговина	5,768	Босния и Герцеговина	5,877
Беларусь	5,483	Монголия	5,761	Ливия	5,866
Турция	5,483	Доминиканская Республика	5,737	Ямайка	5,842
Пакистан	5,472	Малайзия	5,711	Перу	5,841
Гонконг	5,430	Боливия	5,600	Доминиканская Республика	5,823
Португалия	5,410	Китай	5,585	о. Маврикий	5,816
Сербия	5,398	Парагвай	5,578	Молдавия	5,816
Греция	5,358	Перу	5,559	Россия	5,785
Таджикистан	5,352	Черногория	5,547	Боливия	5,784
Черногория	5,347	Эквадор	5,533	Эквадор	5,725
Хорватия	5,321	Вьетнам	5,485	Кыргызстан	5,714
Доминиканская Республика	5,302	Туркменистан	5,474	Черногория	5,707
Алжир	5,295	Северный Кипр	5,467	Монголия	5,696
Марокко	5,254	Россия	5,459	Колумбия	5,695

Табл. 4. Страны с низким значением индекса счастья

Tab. 4. Countries with a low Happiness Index

2015–2017		2019–2021		2021–2023	
Страна	Индекс	Страна	Индекс	Страна	Индекс
Ангола	3,795	Йемен	4,197	Бангладеш	3,886
Мадагаскар	3,774	Мавритания	4,153	Эфиопия	3,861
Зимбабве	3,692	Иордания	4,152	Танзания	3,781
Афганистан	3,632	Того	4,112	Коморские острова	3,566
Ботсвана	3,590	Индия	3,777	Йемен	3,561
Малави	3,587	Замбия	3,760	Замбия	3,502
Гаити	3,582	Малави	3,750	Эсватини	3,502
Либерия	3,495	Танзания	3,702	Малави	3,421
Сирия	3,462	Сьерра-Леоне	3,574	Ботсвана	3,383
Руанда	3,408	Лесото	3,512	Зимбабве	3,341
Йемен	3,355	Ботсвана	3,471	Конго	3,295
Танзания	3,303	Руанда	3,268	Сьерра-Леоне	3,245
Южный Судан	3,254	Зимбабве	2,995	Лесото	3,186
Центральноафриканская Республика	3,083	Ливан	2,955	Ливан	2,707
Бурунди	2,905	Афганистан	2,404	Афганистан	1,721

жизни в мире. Война и постоянные вооруженные конфликты негативно сказываются на медицинской инфраструктуре страны, в результате чего население испытывает значительные трудности с доступом к основным медицинским услугам. Сьерра-Леоне и Лесото сталкиваются с аналогичными проблемами, включая эпидемии инфекционных заболеваний, таких как малярия и ВИЧ. Высокий уровень младенческой и материнской смертности в этих странах обуславливается нехваткой квалифицированных медицинских работников и плохими условиями для оказания медицинской помощи.

10. Коррупция и слабые гражданские институты.

11. Климатические и экологические факторы: Афганистан, Зимбабве, Конго, Лесото, Сьерра-Леоне часто сталкиваются с засухами, нехваткой питьевой воды и низким уровнем продовольственной безопасности.

12. Социальная изоляция и низкий уровень образования.

В некоторых странах Африки (Бутан, Непал, Танзания, Кения⁷) люди могут быть довольны жизнью благодаря крепким социальным связям, традициям и общинной поддержке, т.к. устойчивые семейные ценности и общая культура способны положительно влиять на удовлетворенность жизнью и чувство счастья даже при наличии экономических и природно-климатических трудностей. Аналогичная ситуация складывается и в регионах Италии, в которой после

пандемии наблюдалось ухудшение экономической ситуации на фоне сохранения уровня счастья, связанного с проявлением устойчивых семейных ценностей и культурных традиций.

На рисунке 3⁸ представлены фактические данные, объясняющие уровень удовлетворенности жизнью в контексте индекса счастья и индекса качества жизни на примере Финляндии, Дании, Швейцарии, Афганистана, Бангладеш и Ливана. В качестве подтверждения соотношения удовлетворенности жизнью и индексов счастья и качества жизни использованы уровень ВВП на душу населения, индексы преступности, продолжительности жизни и здравоохранения. Так, наблюдается колоссальный разрыв в показателе ВВП на душу населения между странами, имеющими высокие значения индексов счастья и качества жизни (табл. 1, 2), и странами, демонстрирующими низкие значения по индексу счастья (табл. 4). В 2023 г. объем ВВП на душу населения в Финляндии был более чем в 7 раз выше, чем в Бангладеш. При этом в целом наблюдалась общая положительная динамика уровня ВВП на душу населения в Финляндии, Дании, Швейцарии и Бангладеш. В 2020 г. (пик пандемии COVID-19) показатель ВВП на душу населения в рассматриваемых странах в целом снизился.

Динамика показателя ожидаемой продолжительности жизни в исследуемых странах отражена в таблице 5⁹. Например, в странах с высоким уровнем

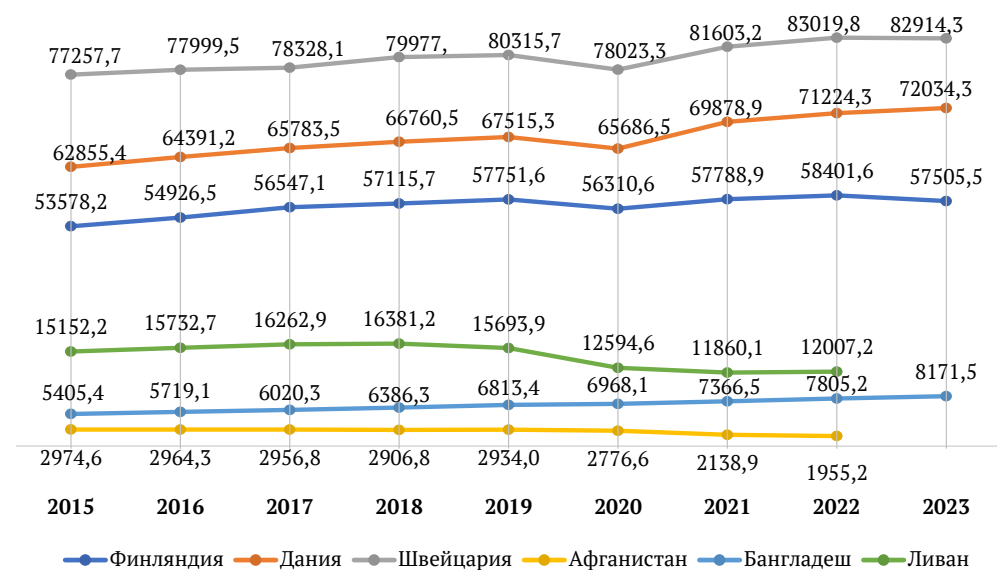

Рис. 3. ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности (ППС), международные доллары
Fig. 3. GDP per capita adjusted for purchasing power parity (PPP), international dollars

Прим.: данные за 2023 г. по Афганистану и Ливану отсутствуют.

⁷ Их нет среди 15 стран с низким значением индекса счастья, а данные по качеству жизни у всех, кроме Кении, отсутствуют.

⁸ Сост. по: World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed 1 Oct 2024).

⁹ Сост. по: World Bank Group...

счастья и качества жизни (табл. 1, 2) наблюдается незначительный разрыв между ожидаемой и фактической продолжительностью жизни, при этом в странах с низким уровнем счастья (табл. 4) этот разрыв составляет примерно от 21,9 до 4,2 лет за 2017–2022 гг.

Динамика индекса здравоохранения рассчитывалась Numbeo для оценки уровня медицинского обслуживания на основании показателей качества

систем здравоохранения, оснащенности больниц оборудованием, профессионального уровня медицинского персонала, стоимости обслуживания в клиниках. Данные на рисунке 4¹⁰ показывают наличие существенного разрыва между уровнем медицинского обслуживания в странах с высокими значениями индексов качества жизни и счастья (табл. 1, 2) и странами с низкими значениями индекса счастья (табл. 4).

Сравнительный анализ исследуемых стран по индексу преступности представлен в таблице 6¹¹: в странах с высокими значениями индексов качества жизни и счастья (табл. 1, 2) отмечается низкий уровень преступности, а в странах с низкими значениями индекса счастья (табл. 4) – высокий. Так, в 2023 г. индекс преступности Финляндии был ниже в 2,9 раза индекса преступности Афганистана, а Дании и Швейцарии – в 2,4 и 3,3 раза соответственно.

Таким образом, страны, имеющие наиболее низкий уровень ВВП, низкие значения продолжительности жизни, индекса здравоохранения, а также высокий индекс преступности, имеют более низкие индексы счастья и качества жизни. Несмотря на то, что показатели ВВП, ожидаемая продолжительность жизни, индекс преступности являются объективными, т.е. рассчитываются на основе статистических данных, прогнозных сведений, они оказывают прямое воздействие на субъективные показатели.

Табл. 5. Динамика ожидаемой продолжительности жизни, лет
Tab. 5. Dynamics of life expectancy, years

Год	Финляндия	Дания	Швейцария	Афганистан	Бангладеш	Ливан
2015	81,5	80,7	82,9	62,6	70,5	79,3
2016	81,4	80,9	83,6	63,1	71,1	79,5
2017	81,6	81,1	83,6	63,0	71,8	79,7
2018	81,7	81,0	83,8	63,1	72,6	79,7
2019	82,0	81,5	83,9	63,6	72,8	79,2
2020	81,9	81,6	83,0	62,6	72,0	77,8
2021	81,9	81,4	83,8	62,0	72,4	75,0
2022	81,2	81,3	83,5	62,9	73,7	74,4

Прим.: данные за 2023 г. еще не опубликованы.

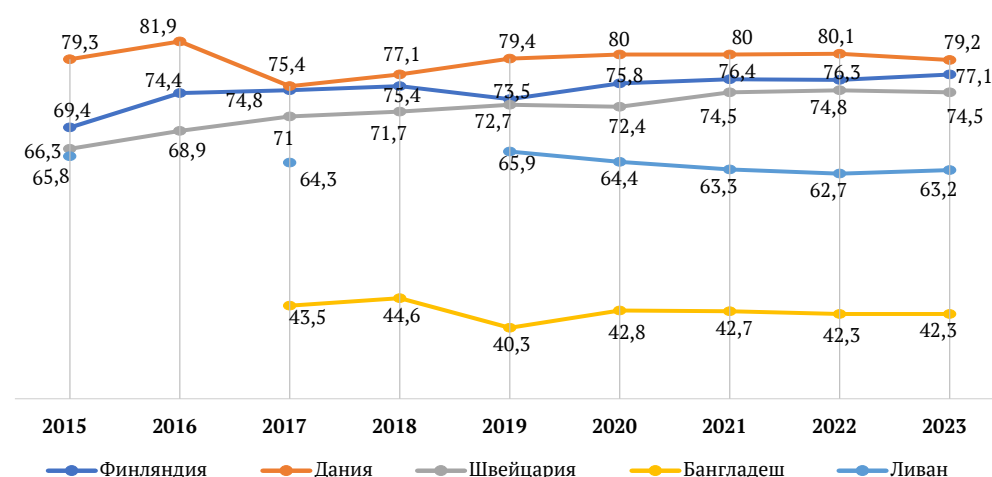

Рис. 4. Индекс здравоохранения, 2015–2023
Fig. 4. Health Index, 2015–2023

Прим.: данные по Афганистану отсутствуют за весь период времени, по Бангладеш – за 2015, 2016 гг., по Ливану – за 2016, 2018 гг.

¹⁰ Сост. по: Health Care Index by Country 2017–2023. Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp?title=2017 (accessed 20 Sep 2024).

¹¹ Сост. по: Crime Index by Country 2017–2023. Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2017 (accessed 20 Sep 2024).

Табл. 6. Динамика индекса преступности

Tab. 6. Dynamics of Crime Index

Год	Финляндия	Дания	Швейцария	Афганистан	Бангладеш	Ливан
2015	29,5	25,7	26,8	77,3	64,2	52,0
2016	28,1	25,7	25,7	–	68,6	50,6
2017	24,6	21,1	22,4	73,9	67,2	49,2
2018	23,7	22,0	21,8	–	68,5	49,2
2019	22,8	24,2	21,5	76,6	65,8	44,3
2020	23,3	25,1	21,6	76,2	63,9	43,4
2021	27,0	26,7	21,3	76,4	64,2	47,0
2022	27,3	26,6	21,7	77,0	63,4	46,9
2023	26,8	26,6	23,6	78,6	62,6	46,2

Динамика индекса счастья в доковидный, ковидный и постковидный периоды может быть неодинаковой в зависимости от государства и конкретной ситуации. За последнее десятилетие неравенство по индексу счастья увеличилось более чем на 20 % во всех регионах и возрастных группах, причем его уровень значительно различается в зависимости от возраста и региона [29].

В 2015–2017 гг. многие страны показывали стабильный уровень удовлетворенности жизнью. Мировая экономическая система демонстрировала умеренный и устойчивый рост, что влияло на улучшение условий жизни населения. В высокоразвитых странах удовлетворенность жизнью была в целом высокой, а в странах с низким уровнем экономики – недостаточно высокой вследствие проявления традиционных экономических и социальных проблем.

2019–2021 гг. связаны с появлением пандемии COVID-19, спровоцировавшей снижение удовлетворенности жизнью из-за проживания в условиях изоляции, стресса, тревожности, из-за потери близких и рабочих мест. Так, в 2020 г. уровень тревожности в некоторых странах увеличился на 30–40 %¹².

2021–2023 гг. характеризуются восстановлением стран после пандемии. В некоторых странах уровень удовлетворенности жизнью начал возвращаться к доковидному уровню, особенно в тех, которые оказали своему населению поддержку, создали условия для реабилитации после COVID-19. Постковидный

период также был связан с возникновением международных конфликтов (например на Украине и в Израиле) [33; 34]. Эти ситуации оказывают негативное влияние как на экономики стран, участвующих в конфликтах, так и на международное сообщество, повышая уровень тревожности, нестабильности, снижая уверенность населения в будущем, а также отрицательно влияя на глобальную экономику в целом. Последствия влияния конфликтов на уровень удовлетворенности населения жизнью будут проявляться и в будущем в связи с провоцированием утрат у населения как в части потери близких, так и ухудшения физического и ментального здоровья людей, непосредственно участвующих в военных действиях. Все это будет требовать обеспечения дополнительной поддержки со стороны правительств государств.

Заключение

Анализ удовлетворенности населения жизнью в межстрановой динамике позволяет утверждать, что данный показатель является ключевым индикатором социальной стабильности и общественного благополучия. Взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и уровнем счастья отражает не только индивидуальные, но и экономические факторы, влияющие на восприятие людьми их жизни, а также ее качество.

Удовлетворенность населения жизнью связана с такими категориями, как индексы счастья и качества жизни. Страны с высоким уровнем социального и экономического развития могут существенно различаться по уровню удовлетворенности жизнью. Ее важными детерминантами является экономическое благополучие, стабильность в семье, здоровье и возможность самореализации.

Существует необходимость в комплексном подходе к измерению и оценке удовлетворенности жизнью, который будет включать не только экономические показатели, но и субъективные оценки благополучия в контексте индексов счастья и качества жизни. Это позволит получить наиболее объективную картину о ситуации, отражающей удовлетворенность населения своей жизнью в различных странах. Дальнейшая исследовательская работа будет заключаться в разработке методики расчета авторского индекса, интегрирующего объективные и субъективные показатели оценки, а также проведении сравнительного межстранового анализа показателей этой оценки.

¹² Камзолова А. Когда тревожное состояние требует особого внимания. *RG.RU*. 10.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/10/kogda-trevozhnoe-sostoianie-trebuat-osobogo-vnimaniia.html> (дата обращения: 20.09.2024).

Важным аспектом государственной политики должно стать повышение уровня счастья населения через поддержку социальных институтов и улучшение качества жизни. Перспективное развитие исследования заключается в рассмотрении удовлетворенности населения жизнью в конкретных группах стран (сгруппированных по географическому или культурному принципу, с высокими / низкими значениями индекса качества жизни, высокими темпами экономического развития), а также в контексте взаимосвязи с показателями, отличными от используемых в данной статье.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Беззубко Л. В., Пушкарева Н. А. Жизнь в современном городе. *Научный диалог: вопросы социологии, политологии, философии и истории*: Междунар. онлайн-конф. (Чебоксары, 17 мая 2017 г.) Чебоксары: Интерактив плюс, 2008. [Bezzubko L. V., Pushkareva N. A. Life in a modern city. *Scientific dialogue: Issues of sociology, political science, philosophy, and history*: Proc. Intern. Online-Conf., Cheboksary, 17 May 2017. Cheboksary: Interactive plus, 2008. (In Russ.)] URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/1920/discussion_platform (дата обращения: 25.09.2024).
2. Мелехин А. И. Качество жизни в пожилом и старческом возрасте: проблемные вопросы. *Современная зарубежная психология*. 2016. Т. 5. № 1. С. 53–63. [Melehin A. I. Quality of life in elderly age: Areas of concern. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, 5(1): 53–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050107>
3. Андрееenkova А. В., Андрееenkova Н. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ. *Дискурс*. 2019. Т. 5. № 1. С. 67–81. [Andreenkova A. V., Andreenkova N. V. Comparative analysis of life satisfaction determinants in Russia and in Europe. *Discourse*, 2019, 5(1): 67–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylymyel>
4. Климонова А. Н. Историческое развитие государственной политики России в сфере повышения уровня благосостояния населения. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 26. № 193. С. 238–245. [Klimonova A. N. Historical development of the state policy of Russia in the sphere of increasing the well-being of the population. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2021, 26(193): 238–245. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-193-238-245>
5. Смирнова Т. А. Влияние уровня жизни на ощущение счастья: социально-философский анализ. *Молодой исследователь: от идеи к проекту*: IV науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 15 июня 2020 г.) Йошкар-Ола: МарГУ, 2020. С. 347–348. [Smirnova T. A. The influence of living standards on happiness: A socio-philosophical analysis. *Young researcher: From idea to project*: Proc. IV Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, 15 Jun 2020. Yoshkar-Ola: MarSU, 2020, 347–348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bptcpu>
6. Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе. *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2. С. 9–33. [Chernysh M. F. Factors of influence on the state of happiness in the contemporary Russian society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2019, 7(2): 9–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>
7. Рикель А. М., Туниянц А. А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах. *Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология*. 2017. № 2. С. 64–82. [Rikel A. M., Tuniyants A. A., Batyrova N. The concept of subjective wellbeing in the hedonistic and eudemonistic approaches. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2017, (2): 64–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrcnqb>
8. Шилова В. А. Субъективные оценки благополучия: теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования. *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 3. С. 136–150. [Shilova V. A. Classification of communicative strategies in the implementation of management decisions. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2019, 7(3): 136–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6694>

9. Helliwell J. F., Shiplett H., Barrington-Leigh C. P. How happy are your neighbours? Variation in life satisfaction among 1200 Canadian neighbourhoods and communities. *PloS ONE*, 2019, 14(1). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210091>
10. Антипина О. Н., Хомутов А. А. Как удовлетворенность жизнью зависит от типа населенного пункта? *Вопросы теоретической экономики*. 2024. № 2. С. 103–115. [Antipina O. N., Khomutov A. A. How does life satisfaction depend on the settlement type? *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2024, (2): 103–115. (In Russ.)] https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115
11. Easterlin R. A., O'Connor K. J. *The Easterlin paradox*. Bonn: IZA, 2020, 42.
12. Кислицына О. А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с. [Kislitsyna O. A. *Measuring the quality of life / well-being: International experience*. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2016, 62. (In Russ.)]
13. Heady B., Wearing A. Personality, life events, and subjective well-being: Toward a dynamic equilibrium model. *Journal of personality and social psychology*, 1989, 57: 731–739. <https://elibrary.ru/hiuykf>
14. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, 95(3): 542–575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>
15. Brunstein J. C. Personal goals and subjective well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, 65(5): 1061–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.5.1061>
16. Fang L., Allan A. and Dickson J. M. Purpose in life and associated cognitive and affective mechanisms. *Journal of Happiness Studies*, 2024, 25(63). <https://doi.org/10.1007/s10902-024-00771-6>
17. Steptoe A. Happiness and health. *Annual Review of Public Health*, 2019, 40: 339–359. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040218-044150>
18. Втюрина Е. В., Никулина Е. В. Взаимосвязь психологического благополучия и стрессоустойчивости личности. *Студенческий научный форум 2014: VI Междунар. электрон. науч. конф.* (15 февраля – 31 марта 2014 г.). [Vtyurina E. V., Nikulina E. V. Interrelation of psychological wellbeing and resistance to stress of the personality. *Student Scientific Forum 2014: Proc. VI Intern. Online Sci. Conf.*, 15 Feb – 31 Mar 2014. (In Russ.)] URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014001870> (дата обращения: 20.09.2024).
19. Zweig J. S. Are Women happier than men? Evidence from the Gallup world poll. *Journal of Happiness Studies*, 2015, 16: 515–541. <https://doi.org/10.1007/s10902-014-9521-8>
20. Ласточкина М. А. Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ. *Проблемы прогнозирования*. 2012. № 5. С. 132–141. [Lastochkina M. A. Factors of satisfaction with life: Assessment and empirical analysis. *Problemy prognozirovaniia*, 2012, (5): 132–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/piibar>
21. Черткова Ю. Д., Алексеева О. С., Фоминых А. Я. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью, диспозиционных черт личности и Темной триады личностных свойств. *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 45. [Chertkova Yu. D., Alekseeva O. S., Fominykh A. Ya. Life satisfaction, personality traits and Dark triad. *Psychological Studies*, 2016, 9(45). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.491>
22. Li L. M. V., Lun V. M.-C., Bond M. H. et al. The role of cultural heterogeneity in strengthening the link between family relationships and life satisfaction in 50 societies. *Journal of Happiness Studies*, 2024, 25(76). <https://doi.org/10.1007/s10902-024-00768-1>
23. Андрееenkova Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 5. С. 189–215. [Andreenkova N. V. Comparative analysis of life satisfaction and its determining factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2010, (5): 189–215. (In Russ.)]
24. Asselmann E., Bendau A., Hoffmann K., Ewert C. Self-compassion predicts higher affective well-being and lower stress symptoms through less dysfunctional coping: A three-wave longitudinal study during the COVID-19 pandemic. *Journal of Happiness Studies*, 2024, 25(55). <https://doi.org/10.1007/s10902-024-00755-6>
25. Шалагинова К. С., Чилачава М. К. Социально-психологические последствия пандемии COVID-19. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 2-2. С. 175–177. [Shalaginova K. S., Chilachava M. K. Socio-psychological consequences of the COVID-19 pandemic. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2022, (2-2): 175–177. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.065>
26. Романова М. М., Блинова Е. А. Индекс счастья как параметр удовлетворенности жизнью населения. *Вестник евразийской науки*. 2022. Т. 14. № 2. [Romanova M. M., Blinova E. A. The index of happiness as a parameter of satisfaction with the life of the population. *The Eurasian Scientific Journal*, 2022: 14(2). (In Russ.)] URL: <https://esj.today/PDF/14ECVN222.pdf> (дата обращения: 20.09.2024). <https://elibrary.ru/tmrdqe>

27. Veenhoven R. Is happiness relative? *Social Indicators Research*, 1991, 24(1): 1–34. <https://doi.org/10.1007/bf00292648>
28. Sumner L. W. *Welfare, happiness, and ethics*. NY: Oxford University Press, 1999, 625.
29. Helliwell J. F., Huang H., Shiplett H., Wang S. Happiness of the younger, the older, and those in between. *World Happiness Report 2024*, eds. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., De Neve J.-E., Aknin L. B., Wang S. Oxford: Wellbeing Research Centre at the University of Oxford, 2024. <http://doi.org/10.18724/whr-f1p2-qj33>
30. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению. *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Т. 20. № 1. С. 59–75. [Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. About the risks in the sphere of living standards of the Russian population, opportunities and solutions to reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2024, 20(1): 59–75. (In Russ.)] https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75
31. Заковряжин М. Ю. Влияние профессионального стресса на психическое здоровье персонала. *Вестник науки*. 2024. Т. 2. № 6. С. 1384–1393. [Zakovryazhin M. Yu. Influence of professional stress on the mental health of staff. *Vestnik nauki*, 2024, 2(6): 1384–1393. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ookdsw>
32. Rojas M. The joint enjoyment of life. Explaining High Happiness in Latin America. *Journal of Happiness Studies*, 2024, 25(100). <https://doi.org/10.1007/s10902-024-00817-9>
33. Карпунина Е. К., Карпунин Д. В., Алехина О. Ф., Швецова И. Н., Сусякова О. Н., Витютина Т. А., Пономарев С. В., Бутова Л. М., Назарчук Н. П., Абалакин А. А., Губернаторова Н. Н., Федотова Е. В., Астахин А. С. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности. М.: Русайнс, 2022. 306 с. [Karpunina E. K., Karpunin D. V., Alekhina O. F., Shvetsova I. N., Susliakova O. N., Vitiutina T. A., Ponomarev S. V., Butova L. M., Nazarchuk N. P., Abalakin A. A., Gubernatorova N. N., Fedotova E. V., Astakhin A. S. *Modern approaches to economic security of the state and regions in times of uncertainty*. Moscow: Rusains, 2022, 306. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fbodgm>
34. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Губернаторова Н. Н. Внешнеэкономическая деятельность как детерминант экономической безопасности России: оценка угроз и перспектив развития в условиях санкционных ограничений. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 5. С. 10–26. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Gubernatorova N. N. Foreign economic activity as a determinant of Russia's economic security: Assessment of threats and prospects for development under sanctions restrictions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(5): 10–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cktnde>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/iqvqqr>

Кросс-культурные коммуникации: размышления об истоках проблем взаимопонимания

Слинкова Ольга Константиновна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

eLibrary Author SPIN: 7206-2221

<https://orcid.org/0000-0003-0904-0845>

slinkova@bsuedu.ru

Слинков Анатолий Михайлович

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9266-9050

<https://orcid.org/0000-0002-6254-2767>

Аннотация: Ввиду нарастания противоречий, обусловленных трудностями взаимопонимания в современном мире, тема кросс-культурных коммуникаций приобретает особую актуальность и остроту. Проблема взаимопонимания при осуществлении кросс-культурных коммуникаций включает различные аспекты, исследованию которых ученые уделяют достаточное внимание. Однако отправной точкой для исследования и разрешения проблем кросс-культурных коммуникаций является вопрос о том, что обуславливает отличия различных культур. Понимание исходных условий формирования национальных и этнических культур позволяет сформировать более взвешенное и прагматичное отношение к особенностям различных культур и обеспечить как большую толерантность, так и осознание необходимости сохранения национальной идентичности. Цель – систематизировать научные взгляды на истоки проблем взаимопонимания в условиях кросс-культурных коммуникаций. Рассмотрено содержание категории *культура*. Предмет исследования в контексте проблем межкультурной коммуникации – субъективная составляющая культуры, отражающая ценности, стереотипы восприятия, поведения, мышления, которые являются основой образа жизни того или иного народа. Исследованы причины национальных и этнических отличий. Выделены такие культурные детерминанты, как географические, природные и климатические характеристики мест проживания, религия, экономика и политика. Определен характер их влияния на формирование культурной составляющей жизнедеятельности людей, и показана их тесная взаимосвязь и взаимообусловленность. Обозначена необходимость сохранения разнообразия культур посредством реализации принципа равноправия.

Ключевые слова: культура, этнос, нация, кросс-культурные коммуникации, культурные детерминанты, взаимопонимание

Цитирование: Слинкова О. К., Слинков А. М. Кросс-культурные коммуникации: размышления об истоках проблем взаимопонимания. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т 10. № 1. С. 62–69. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-62-69>

Поступила в редакцию 07.12.2024. Принята после рецензирования 09.01.2025. Принята в печать 09.01.2025.

full article

Cross-Cultural Communications: Reflections on the Origins of Intercultural Misunderstanding

Olga K. Slinkova

Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

eLibrary Author SPIN: 7206-2221

<https://orcid.org/0000-0003-0904-0845>

slinkova@bsuedu.ru

Anatolii M. Slinkov

Russian State Social University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9266-9050

<https://orcid.org/0000-0002-6254-2767>

Abstract: The topic of cross-cultural communications is becoming especially relevant due to the growing contradictions caused by the difficulties of mutual understanding. Misunderstanding in cross-cultural communications is a popular multifaceted research issue. The starting point for cross-cultural communications studies is the question of what determines intercultural differences. By understanding the formation of national and ethnic cultures, one can develop a more balanced and pragmatic attitude to intercultural differences, which leads to greater tolerance

and awareness of the need to preserve national identity. The article reviews publications that focus on the origins of mutual misunderstanding in cross-cultural communication. By describing the category of culture, the author explains the problems of intercultural communication as a subjective component of culture that reflects the national values, stereotypes, behavior, and thinking. National and ethnic differences take roots in such cultural factors as geography, nature, climate, religion, economy, and politics. This complex correlation shapes the cultural component of people's life. The principle of equality of cultures may help to preserve cultural diversity.

Keywords: culture, ethnicity, nation, cross-cultural communications, cultural determinants, mutual understanding

Citation: Slinkova O. K., Slinkov A. M. Cross-Cultural Communications: Reflections on the Origins of Intercultural Misunderstanding. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 62–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-62-69>

Received 7 Dec 2024. Accepted after review 9 Jan 2025. Accepted for publication 9 Jan 2025.

Введение

Достижение взаимопонимания является важным условием эффективности любых коммуникаций и представляет собой одну из острейших проблем нашего времени. Она охватывает широкий спектр аспектов человеческого взаимодействия, начиная от бытовых разговоров на кухне и заканчивая международными переговорами. Существует множество причин, объясняющих трудности в достижении взаимопонимания:

1. Проблемы, связанные с особенностями восприятия людьми друг друга в процессе коммуникации. Они часто приводят к когнитивным искажениям, например к эффекту подтверждения – склонности людей воспринимать информацию через призму своих установок, ожиданий и личного опыта и интерпретировать информацию таким образом, чтобы подтвердить уже имеющиеся убеждения.

2. Проблемы, связанные с возможностями эмоционального интеллекта людей, вступающих в коммуникацию. Способность распознавать свои эмоции и управлять ими, а также понимать эмоции других людей играет важную роль в успешном взаимодействии. Так, эмоции способны сделать общение не только более приятным, но и спровоцировать конфликт. То есть эмоциональная холодность, как и эмоциональная несдержанность, равно препятствуют эффективной коммуникации [1, с. 105].

3. Проблемы, связанные с культурным аспектом: люди разных культур могут интерпретировать одни и те же события или высказывания совершенно по-разному. Важность указанного аспекта коммуникации и необходимость преодоления барьеров, возникающих при общении представителей разных культур, уже давно признана научным сообществом. Как следствие, это стало мощным стимулом

к формированию и развитию нового направления научных изысканий – *кросс-культурные коммуникации*. Одним из первых исследователей, заложивших основы этой науки, был американский антрополог Э. Т. Холл. Он писал: «культура – это среда человека, нет ни одного аспекта человеческой жизни, который не был бы затронут и изменен культурой»¹ [2, с. 16].

Сегодня направление кросс-культурных коммуникаций активно развивается отечественными и зарубежными исследователями. Это обусловлено тем, что в условиях современной глобальной экономики и политики умение понимать особенности различных культур и адаптироваться к ним становится ключевым фактором успеха в международном сотрудничестве. Так, ученые создали множество моделей, предлагающих различные культурные измерения [3–7]. Но эти исследования не предполагают объяснения причин культурных различий людей. Именно этот вопрос является исходной точкой всех рассуждений, касающихся проблематики кросс-культурных коммуникаций, и имеет особую актуальность в условиях, когда люди остро ощущают проблему собственной идентичности. Цель – систематизировать научные взгляды на истоки проблем взаимопонимания в условиях кросс-культурных коммуникаций.

Применены контент-анализ, герменевтический анализ, предполагающий учет исторического контекста и последних научных достижений, соотнесенных с собственным опытом авторов, что позволило систематизировать и обобщить основные научные подходы к рассматриваемой проблематике и точки зрения. Основные материалы – монографии и научные статьи отечественных и зарубежных авторов, размещенные в eLibrary, Scopus и Web of Science.

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

Результаты

Для современного мира характерны две важные, но глубоко противоречащие друг другу тенденции: возрастающая взаимозависимость людей и их усиливающаяся разнородность, разнообразие [8]. Если первая объединяет людей, то вторая часто служит причиной неприятия людьми друг друга. При этом обе тенденции могут возникать как на уровне отдельных индивидуумов, так и отдельных групп и целых сообществ, формируя представления по типу *свой – чужой*. Например, на уровне государств эти тенденции проявляются, с одной стороны, в процессе глобализации, а с другой – суверенизации. На организационном уровне вследствие большого разнообразия этнического состава работников российских предприятий формирование таких представлений обнаруживается далеко не только в международном бизнесе. В частности, они усложняют задачу создания корпоративной культуры, призванной прививать работникам единые ценности [9].

Так как человек – это сложная социально-биологическая система, то всю совокупность факторов, обуславливающих индивидуальные отличия людей, можно разделить на две большие группы – физиологические и социальные. В рамках темы исследования нас интересуют последние, в которые включена культура, играющая главную роль в понимании индивидуальных особенностей человека, группы или общества в целом [10].

Сложность понятия *культура* определяется многогранностью ее содержания. Так, Б. Н. Ахиджак справедливо отмечает: «понятие "культура" относится к числу фундаментальных понятий современного обществознания и призвано выразить все своеобразие жизнедеятельности человека как социального существа» [11, с. 23]. То есть культура, по сути, – это любые небиологические проявления и результаты жизнедеятельности людей. Соответственно, все ее многообразие можно дифференцировать на две основные составляющие (рис. 1). Среди них особый интерес для нас представляет субъективная составляющая культуры, предполагающая понимание культуры как образа жизни того или иного народа или этнической общности. Такой подход позволяет проследить особенности людей, которые обусловлены принадлежностью к той или иной нации / этносу.

Понятия *этнос* и *нация* являются терминологически близкими, но не идентичными. В статье мы будем придерживаться определения этноса,

Рис. 1. Общий подход к содержанию понятия *культура*
Fig. 1. General approach to the concept of culture

предложенного Л. Н. Гумилевым, создателем пассионарной теории этногенеза. Он утверждал, что этнос – это «коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности – подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление "мы – они" и деление на "своих" и "чужих"» [12, с. 15]. В такой трактовке термина уже заложено то самое противоречие, которое разъединяет людей, представителей разных этносов. Понятие *нация* в Новейшем политологическом словаре определяется как «историческая общность людей, которая складывается в процессе формирования общности их территории, экономической жизни, культуры, языка и особого самосознания»². Однако в современном мире этот термин чаще всего связывается с политической и гражданской общностью, которая формируется внутри определенного государства. Следовательно, нация объединяет людей не только по этническому признаку, но также по гражданству, территории проживания, общей истории, языку общения и правовой системе. В этом смысле она может включать в себя представителей различных этносов, живущих вместе под одной государственной юрисдикцией. Например, россияне – это нация, широкое понятие, объединяющее все этнические группы на территории России, которых насчитывается около 190 (русские, татары, чеченцы, якуты и др.). То есть термин *нация* обычно применяется к сообществу людей, сформированному в рамках определенного государства.

К основным культурным детерминантам, т.е. факторам, которые оказывают наиболее значимое влияние на формирование той или иной культуры,

² Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филиппова К. В. Новейший политологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 162–163.

современная наука относит географические и природно-климатические характеристики мест проживания, религию, а также особенности экономических и политических систем, характерные для конкретного сообщества людей.

Географические и природно-климатические характеристики территории как культурная детерминанта. Подчеркивая роль географических и природно-климатических характеристик мест проживания, Дж. Даймонд отмечает, что «различия между людьми, живущими в разных частях света, обусловлены не только генетическими факторами, но и особенностями окружающей среды, такими как доступность природных ресурсов, климатические условия и география» [13, с. 93]. В свою очередь Ю. Н. Харари придает этим характеристикам даже цивилизационное влияние: «географическое положение играет ключевую роль в определении исторического пути развития цивилизаций. Климат, рельеф местности и наличие природных ресурсов могут существенно повлиять на то, какие технологии будут развиваться, как будет организовано общество и каким образом оно будет взаимодействовать со своими соседями» [14, с. 58].

К наиболее значимым географическим характеристикам мест проживания обычно относят особенности ландшафта, например равнинные или горные территории, и размеры территории, соотношенные с численностью проживающего населения и др. Так, несмотря на то что территория Бангладеш в 115 раз меньше территории России, численность его жителей на 26 млн человек больше нашего государства. Помимо этого, если на 1 кв. м площади в Бангладеш приходится 1265 человек, то в России эта цифра составляет меньше 9. Такая ситуация создает очень разные условия жизни, что сказывается не только на образе жизни людей, но и на их менталитете.

Климатические факторы тоже существенным образом влияют на образ жизни человека. Это касается не только того, какую одежду носят люди, но и более глубинных их характеристик и черт. При сравнении жителей южных и северных территорий, можно обнаружить, что первым обычно свойственна высокая эмоциональность, раскованность поведения, в то время как вторым – эмоциональная и поведенческая сдержанность. Также, несмотря на очевидную близость жителей пустынь (бедуинов) континентальной Африки и жителей Экваториальной Гвинеи – самого влажного места Африки, фиксируются разные условия их жизни в силу существенных климатических отличий, порождающие отличия в характере, привычках и менталитете. Стоит отметить и то, что проживание на территориях

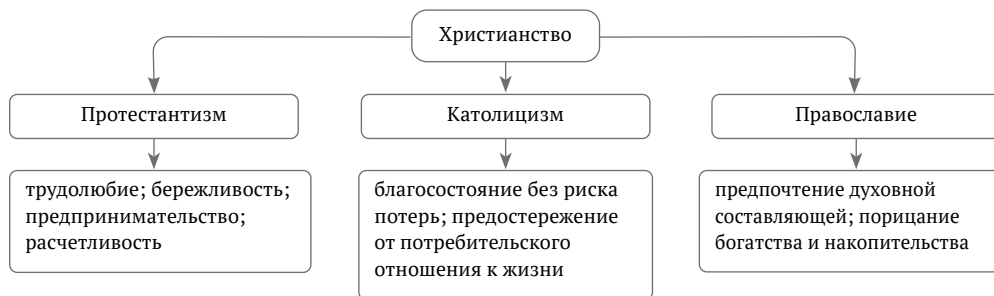
с суровыми климатическими условиями, например в пустынной местности или на крайнем севере, формирует у людей такие личностные особенности, как неприхотливость, терпение, коллективизм.

Итак, наличие или отсутствие важных для жизнедеятельности людей природных ресурсов создает принципиально разные условия жизни – благоприятные или менее благоприятные. Это отражается не только на структурных параметрах экономики, но и служит основанием для формирования определенных личностных черт. Жителям территорий, наделенных природными ресурсами в достаточном количестве, часто присуща расточительность, в то время как жители территорий, обделенных природными ресурсами, в большей степени отличаются рачительностью и умеренностью в потреблении.

Религия как культурная детерминанта. По сути, религия является первым социальным институтом, формально закрепившим в своих религиозных заповедях ценности, служащие своеобразным стержнем, на котором формируется культура [15]. «Религии играют важную роль в формировании моральных ценностей и норм поведения. Они создают ощущение общности и единства среди верующих, а также влияют на их восприятие справедливости и правоты своих действий» [16, с. 261].

В начале XX в. М. Вебер обратил внимание на то, что религия оказывает мощное воздействие не только на духовную составляющую жизни людей, но и на экономическую. Ученый, рассматривая различные ветви христианства, доказал, что наиболее развитые в экономическом плане страны придерживаются протестантской морали, католические страны занимают срединное положение, а замыкают список страны, где во главе стоит православная вера [17]. Исходя из представленных на рисунке 2 ценностей, которые поддерживаются религиозной этикой различных ветвей христианства, ранее упомянутый «рейтинг» М. Вебера в системе экономического благополучия кажется вполне обоснованным.

Ислам – одна из мировых религий, оказывающая наиболее осязаемое воздействие на образ жизни и мировоззрение мусульман, т.к. она пронизывает буквально все сферы человеческой деятельности. В духовной сфере основное влияние ислама связано с концепцией джихада, предполагающего внутреннюю борьбу верующего за духовное очищение и самосовершенствование. К сожалению, некоторые экстремистские течения исламского фундаментализма рассматривают джихад как средство вооруженной борьбы с иноверцами, что создает значительные угрозы миру. Велико влияние ислама и на экономическую жизнь мусульманского общества (рис. 3).

Рис. 2. Основные ценности религиозной этики христианства: экономический аспект
Fig. 2. The main values of religious ethics of Christianity: economic aspect

Как следствие, нормы исламской религиозной этики способствуют укреплению социальной справедливости и сплоченности, формируют такие ценности, как взаимопомощь, усердие, ответственность перед обществом.

К мировым религиям также относятся индуизм и буддизм, которые имеют много общего:

- являются политеистическими, т.е. признают множество богов;
- возникли в Индии, хотя буддизм позже распространился далеко за ее пределы;
- признают концепцию кармы – закона причинно-следственной связи, согласно которому действия человека влияют на его будущее существование;
- вера в реинкарнацию, перерождение души после смерти;
- важная роль отводится медитационным практикам, направленным на достижение внутреннего покоя, самопознания и духовного совершенствования;
- отсутствуют притязания на звание единственно истинной веры, а также нет стройной церковной организации и иерархии, которые свойственны христианству и исламу;
- проповедуют ненасилие как важный принцип поведения.

Помимо этого, индуизм и буддизм разделяют такие общие ценности, как умеренность и простота (важность умеренного образа жизни и избегания излишеств); забота о природе (уважительное отношение к окружающей среде и всем живым

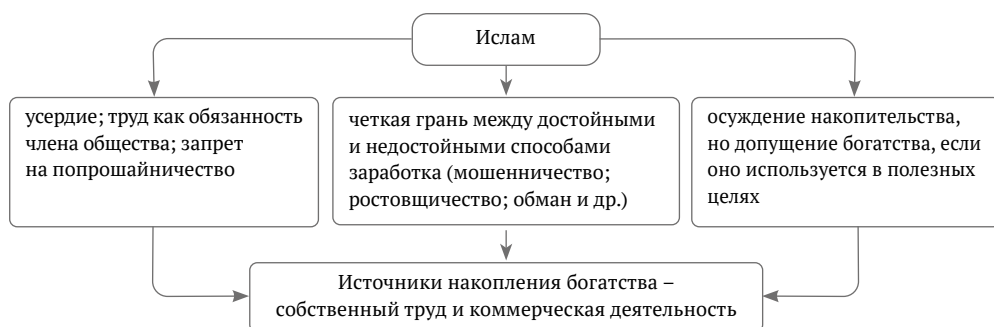
существом); семейные ценности (уважение к родителям, забота о детях и поддержание семейных связей). Они помогают формировать гармоничное общество и способствуют духовному развитию личности.

С точки зрения влияния рассматриваемых религиозных систем на экономическую жизнь общества можно отметить следующее:

1. Индуизм поддерживает кастовую систему, которая играет значительную роль в определении экономических ролей и профессий, что ограничивает мобильность и создает некоторые барьеры для экономического прогресса. Современные реформы и законы постепенно устраняют дискриминацию, связанную с кастовой системой, однако сознание людей, ощущающих свою принадлежность к определенной касте, очень сложно поддается трансформации.

2. Буддизм учит отказу от чрезмерного накопления материальных благ. Это может приводить к снижению потребительского спроса и уменьшению стимулов экономического роста. Однако буддизм проявляет достаточную адаптированность к требованиям времени, и т.к. он не поддерживает жесткую социальную иерархию, то создает предпосылки для устойчивого и социально ответственного экономического развития.

Взаимодействие людей, разделяющих различные религиозные убеждения, – серьезная проблема, усугубляемая в условиях глобализации и нарастания миграционных потоков. Носители определенных

Рис. 3. Основные ценности религиозной этики ислама: экономический аспект
Fig. 3. The main values of the religious ethics of Islam: economic aspect

религиозных убеждений, попадая в «инородную» среду, с трудом ассимилируются с местным населением, не принимают его культурных традиций, что очень часто провоцирует конфликты. Кроме того, люди нередко воспринимают свою религию как единственно правильную и истинную, что приводит к неприятию других верований и иногда может принимать радикальные формы. Также некоторые религии имеют жесткие правила поведения, которые могут противоречить нормам светского общества. В решении этих проблем помогает диалог различных религий, пропаганда их мирного существования и активная борьба с экстремизмом.

Экономика как культурная детерминанта.

Экономика и культура – две взаимосвязанные стороны жизни общества. С одной стороны, культура как важный фактор потребительского поведения в значительной степени определяет структуру и динамику развития экономики [18; 19]. С другой – экономические системы, господствующие в той или иной человеческой общности, являются важными факторами, обуславливающими культурные различия. Для характеристики экономических систем можно использовать разные параметры. Но в центре нашего внимания будет стоять уровень развития экономики и, соответственно, уровень материального благополучия людей, т.к. «уровень экономического развития оказывает значительное влияние на культурные изменения. По мере роста благосостояния люди начинают уделять больше внимания постматериальным ценностям, таким как самовыражение и качество жизни» [20, с. 34].

Действительно, неразвитая экономика, неспособная удовлетворить базовые потребности членов общества вследствие дефицита товаров или недостатка финансовых возможностей, характеризуется преобладанием материальных ценностей и ценностей безопасности. С развитием экономического благосостояния система человеческих ценностей активно пополняется ценностями более высокого порядка – экологическими, эстетическими, ценностями гражданского общества и т.п. Однако нельзя не заметить и обратной стороны этого процесса. В современных условиях в странах с развитой экономикой наблюдается особый тип социального устройства, получивший название *общество потребления*, в котором приобретение вещей связано с удовлетворением не потребностей, а честолюбивых амбиций. Вещи приобретают сакральный характер, становятся маркером социального статуса. С. А. Воронин отмечает, что «социум окружил себя культурными знаками, установив их иерархию, прежде всего, ценную» [21, с. 5]. Кроме того, экономическое развитие

может привести к конфликту между традиционными ценностями и новыми экономическими реалиями, вызывая кризис идентичности.

Экономика неразрывно связана с политикой: на их взаимосвязь указывают многие исследователи [22; 23]. С точки зрения здравого смысла главенствующую роль занимает экономика, которая создает материальный фундамент общества, а политика выступает лишь некоторой надстройкой. Однако в современных реалиях иногда создается впечатление, что они поменялись местами.

Политика как культурная детерминанта. Описывая взаимосвязь политики и культуры, Ю. М. Лотман подчеркивает, что культура всегда существует в контексте политических реалий своего времени [24]. В свою очередь американский исследователь К. Гирц добавляет: «политическая власть не просто определяет границы культурного пространства, она активно формирует его содержание, создавая условия для возникновения определенных форм культурной деятельности и подавления других» [25, с. 123]. Говоря о влиянии политических систем на культурную составляющую жизнедеятельности общества, следует отметить, что любые политические идеи содержат в своей основе ценности:

1. Либеральные политические системы: основная ценность – свобода; формирование индивидуалистического мировоззрения.

2. Демократия (в своем изначальном смысле): основные ценности – равенство прав граждан при верховенстве закона и участие людей в общественной жизни, т.к. главный принцип – принцип реализации коллективной воли при принятии значимых для социума решений за счет народного представительства.

3. Национал-патриотические политические системы консервативного толка: основные ценности – национальные ценности и традиции; сохранение культурной идентичности. Именно такие системы отличаются наибольшим разнообразием. Во всем мире, в том числе и в России, указанные идеи приобретают все большую популярность. По мнению авторов, это может быть следствием процессов глобализации, которые формируют у многих людей ощущение утраты национальной идентичности, а на уровне государственных систем – утраты суверенитета. Однако нельзя не отметить активное проявление в современном мире и крайне агрессивных национал-патриотических идей, отстаивающих права на исключительность собственной нации.

4. Коммунизм и социализм: основные ценности – социальная справедливость и равенство. Политические системы, стремящиеся реализовать эти идеи, не поощряют высокой дифференциации

различных слоев населения по доходам. При этом считается, что каждый человек должен иметь достойный уровень жизни. Эти идеи остаются популярными не только в России и Китае, но и западных странах. Так, в странах Скандинавии они реализуются на государственном уровне.

Заключение

Проведенный анализ показал, что существуют объективные предпосылки, определяющие различия человека по национальному и этническому признакам. С одной стороны, все люди действительно разные, и попытки сделать их одинаковыми явно контрпродуктивны. С другой – обилие нюансов чужой культуры может ввести в заблуждение и привести к конфликту культур в процессе межкультурной коммуникации [26]. Как следствие, необходимым является развитие навыков эффективного общения и взаимодействия с представителями различных национальностей как способа установления доверительных межличностных отношений.

Сегодня на глобальном уровне весьма актуален вопрос о судьбе национальных культур, заключающийся либо в их слиянии, либо размежевании, либо сложном взаимодействии, которое сохраняет их многообразие. Наиболее предпочтительным нам кажется последний вариант. В его реализации важное значение приобретает принцип равноправия культур, основной смысл которого сводится к необходимости признания разнообразия и права

на существование различных культур, уважения к культуре каждого народа.

И все же не следует преувеличивать значение межкультурных различий. В реальности многие другие факторы, помимо этнической и национальной принадлежности, например пол, социальный статус, профессия и др., влияют на поведение людей. Так, Н. Н. Талев обнаруживает, что «мужчина-немец больше похож на мужчину из Того, чем на женщину-немку; а у философа из Перу больше общего с философом из Шотландии, чем с дворником-перуанцем» [27, с. 122]. Понимая и принимая особенности национальных и этнических культур, следует искать то, что людей объединяет, а не разъединяет, и находить общие точки соприкосновения несмотря на все человеческие различия.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Слинкова О. К. Деловое общение и кросс-культурные коммуникации. М.: КноРус, 2022. 164 с. [Slinkova O. K. *Business communication and cross-cultural communications*. Moscow: KnoRus, 2022, 164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hqgijl>
2. Hall E. T. *Beyond Culture*. NY; London; Toronto; Sydney; Auckland: Anchor Books; Doubleday, 1976, 298.
3. Lewis R. D. *When cultures collide: Leading across cultures*. 4th ed. Boston; London: Nicholas Brealey, 2018, 560.
4. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011, 2(1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
5. Федоркова И. Р. Кросс-культурные особенности профессиональной деятельности предпринимателей восточного и западного типов. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2019. № 1. С. 101–117. [Fedorkova I. R. Cross-cultural peculiarities of the professional activity of businessmen of the eastern and western types. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2019, (1): 101–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.1.10>
6. Чанхиева Ф. Ю. Основные модели и подходы к изучению кросс-культурного менеджмента в условиях глобализации экономики. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2011. № 10. С. 267–271. [Chankhieva F. Yu. The basic models and approaches to studying the cross-cultural management in a globalizing economy. *RGGU Bulletin, "Economics. Management. Law" Series*, 2011, (10): 267–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogxxan>
7. Дюметц Ж., Сосновская А. М. Кросс-культурная коммуникация. *Управленческое консультирование*. 2013. № 8. С. 83–90. [Dumets J., Sosnovskaya A. M. Cross-cultural communication. *Administrative consulting*, 2013, (8): 83–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plzjno>

8. Lipman-Blumen J. *Connective leadership: Managing in a changing world*. NY: Oxford University Press, 2000. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195134698.001.0001>
9. Грудистова Е. Г. Практические методы формирования и развития организационной культуры. *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. 2016. Т. 2. № 4. С. 60–67. [Grudistova E. G. Practical methods of formation and development of organizational culture. *Research Result. Business and Service Technologies*, 2016, 2(4): 60–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaqhop>
10. Ландес Д. Культура объясняет почти все. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. М.: Моск. школа полит. исслед. 2002. С. 38–54. [Landes D. Culture makes almost all the difference. *Culture matters. How values shape human progress*. Moscow: Mosk. shkola polit. issled., 2002, 38–54. (In Russ.)]
11. Ахиджак Б. Н. Понятие «культура» как предмет научного исследования. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2014. № 2. С. 23–27. [Akhidzhak B. N. Concept of culture as subject of scientific research. *Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms*, 2014, (2): 23–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szzsml>
12. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: АСТ, 2008. 559 с. [Gumilev L. N. *From Rus to Russia*. Moscow: AST, 2008, 559. (In Russ.)]
13. Diamond J. History's haves and have-nots. In: Diamond J. *Guns, germs, and steel: The fates of human societies. Pt. 2. The rise and spread of food*. NY; London: W. W. Norton & Company, 1997, 93–103.
14. Harari Yu. N. *Sapiens: A brief history of humankind*. NY: HarperCollins Publishers, 2015, 464.
15. Слинкова О. К. Трудовая мотивация и организационная культура (теоретико-методологические и прикладные основы исследования): дис. ... д-ра экон. наук. Кемерово, 2006. 331 с. [Slinkova O. K. *Labor motivation and organizational culture: Theoretical, methodological, and applied research foundations*. Dr. Econ. Sci. Diss. Kemerovo, 2006, 331. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nosfyp>
16. Haidt J. *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. NY: Pantheon, 2012, 448.
17. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2023. 352 с. [Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Moscow: AST, 2023, 352. (In Russ.)]
18. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Prospective*, 2006, 20(2): 23–48. <https://doi.org/10.1257/jep.20.2.23>
19. Henrich J. Does culture matter in economic behavior? Ultimatum game bargaining among the machiguenga of the Peruvian Amazon. *American Economic Review*, 2000, 90(4): 973–979. <https://doi.org/10.1257/aer.90.4.973>
20. Inglehart R., Welzel C. A revised theory of modernization. In: Inglehart R. Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence. Pt. 1. The forces shaping value change*. NY: Cambridge University Press, 2005, 15–47. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881.004>
21. Воронин С. А. Моральный вакуум общества потребления. XXI век, «общество потребления». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2013. № 3. С. 5–7. [Voronin S. A. Moral vacuum of consumer society. XXI century and consumer society. *RUDN Journal of World History*, 2013, (3): 5–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ranfqn>
22. Шевченко Б. И. Парадигмы взаимосвязи мировой политики и мировой экономики в современном мире. *Экономический журнал*. 2016. № 2. С. 103–116. [Shevchenko B. I. Paradigms of the relationship between world politics and world economy in the modern world. *Ekonomicheskii zhurnal*, 2016, (2): 103–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcohcr>
23. Rodrik D. *Straight talk on trade: Ideas for a sane world economy*. Princeton University Press, 2017, 336.
24. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 272 с. [Lotman Yu. M. *Culture and explosion*. Moscow: Progress, 1992, 272. (In Russ.)]
25. Geertz C. Religion as a cultural system. In: Geertz C. *The interpretation of cultures*. NY: Basic Books, 1973, 87–125.
26. Одегова О. В. Соприкосновение с иноязычной культурой посредством конфликта в контексте межкультурной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 136–138. [Odegova O. V. Contacting foreign culture in the context of intercultural communication by means of conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (324): 136–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lwasr>
27. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. М.: Азбука, 2024. 736 с. [Taleb N. N. *The black swan. Under the sign of unpredictability*. 2nd ed. Moscow: Azbuka, 2024, 736. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pbzvms>

Эффекты экономических санкций для российского рынка труда

Алехина Ольга Федоровна

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 2855-0929
<https://orcid.org/0000-0002-8757-8993>

Акименко Вера Анатольевна

Калужский филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, Калуга
eLibrary Author SPIN: 5676-3760
<https://orcid.org/0000-0001-7765-8458>
akimenko.vera.a@mail.ru

Бутова Лариса Михайловна

Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, Воронеж
eLibrary Author SPIN: 7989-7056
<https://orcid.org/0000-0003-3735-9503>

Дмитров Денис Владимирович

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 7854-3377
<https://orcid.org/0009-0006-9864-6329>

Аннотация: Актуальность определена важностью изучения реакций российского рынка труда на санкционные ограничения западных стран для своевременного принятия мер, направленных на устранение дисбаланса спроса и предложения трудовых ресурсов. Цель – выявить эффекты экономических санкций 2022–2024 гг. в рамках экономико-статистического исследования рынка труда Российской Федерации, а также подготовить предложения по нивелированию их негативного воздействия. Задачи: 1) провести анализ динамики рынка труда в 2021–2024 гг.; 2) выявить и описать причины сложившейся ситуации в контексте экономических санкций; 3) выработать предложения по нивелированию негативных последствий трансформации рынка труда. Применены методы индукции и дедукции, экономический анализ, метод статистических наблюдений, логический подход и сравнительный метод. Проанализирована динамика рынка труда России в 2021–2024 гг. Выявлены и систематизированы такие эффекты влияния экономических санкций 2022–2024 гг. на российский рынок труда, как отрицательные, дуальные и положительные. Предложены способы нивелирования негативных факторов экономических санкций, влияющих на развитие российского рынка труда. Определены меры государственной политики по преодолению возникающих негативных последствий от воздействия санкций – институциональные и организационные. Обнаружена проблема «утечки мозгов» – релокации кадров за пределы страны. Установлено увеличение спроса на труд в производственных и высокотехнологичных областях из-за развития российскими компаниями собственного производства и создания новых рабочих мест. Это актуализировало проблему дефицита рабочей силы и, соответственно, усилило дисбаланс рынка труда. Выявлено, что санкционные ограничения, несмотря на их предназначение сдерживать экономическую активность предприятий, выступили в роли стимула для запуска структурных изменений российской экономики.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, занятость, экономические санкции, эффекты экономических санкций, дефицит рабочей силы, структурные изменения

Цитирование: Алехина О. Ф., Бутова Л. М., Акименко В. А., Дмитров Д. В. Эффекты экономических санкций для российского рынка труда. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 70–81. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-70-81>

Поступила в редакцию 02.11.2024. Принята после рецензирования 27.12.2024. Принята в печать 28.12.2024.

full article

Effects of Economic Sanctions on Russian Labor Market

Olga F. Alyokhina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 2855-0929

<https://orcid.org/0000-0002-8757-8993>

Larisa M. Butova

Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh

eLibrary Author SPIN: 7989-7056

<https://orcid.org/0000-0003-3735-9503>

Vera A. Akimenko

Kaluga Branch of Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Kaluga

eLibrary Author SPIN: 5676-3760

<https://orcid.org/0000-0001-7765-8458>

akimenko.vera.a@mail.ru

Denis V. Dmitrov

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government
of the Russian Federation, Russia, Lipetsk

eLibrary Author SPIN: 7854-3377

<https://orcid.org/0009-0006-9864-6329>

Abstract: Russian labor market responds to Western sanctions. A timely control of these reactions makes it possible to take measures and eliminate the imbalance of supply and demand of labor resources. The authors identified the effects of economic sanctions in 2022–2024 as part of an economic and statistical study of Russian labor market and developed a set of measures that could level the negative impact. They used the methods of economic analysis, logical approach, and comparison to conduct a dynamic analysis of the labor market in 2021–2024 and reveal the causes of the current situation in the context of economic sanctions. The effects of the economic sanctions of 2022–2024 on the Russian labor market were classified as negative, dual, and positive. The negative ones can be leveled by institutional and organizational state policy measures. Despite the current brain drain, the demand for labor in manufacturing and high-tech areas is increasing due to the development of domestic production, which creates new jobs. As a result, the labor shortage and the labor market imbalance are more acute. Instead of restraining the Russian economy, the sanctions have led to structural changes in the Russian economy. **Keywords:** labor market, unemployment, employment, economic sanctions, effects of economic sanctions, labor shortage, structural changes

Citation: Alyokhina O. F., Butova L. M., Akimenko V. A., Dmitrov D. V. Effects of Economic Sanctions on Russian Labor Market. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 70–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-70-81>

Received 2 Nov 2024. Accepted after review 27 Dec 2024. Accepted for publication 28 Dec 2024.

Введение

В последние годы развитие российского рынка труда определялось влиянием различных факторов, таких как научно-технологический прогресс, цифровизация, эпидемиологические угрозы, переориентация внутренней политики государства, внешнеэкономическая нестабильность и ограничительные экономические санкции Евросоюза. Рынок труда как динамическая структура реагирует на возникающие вызовы структурными изменениями [1–3]. В результате комплексного воздействия этих факторов в 2020–2021 гг. произошли следующие события, спровоцировавшие снижение уровня безработицы до исторических минимумов, ускорение оборота рабочей силы и резкий рост числа свободных вакансий [2; 3]:

- высвобождение рабочей силы в некоторых сферах деятельности, сокращение рабочего времени, а также переход на удаленный формат работы;

- структурная трансформация рынка труда, в том числе изменение востребованности профессий, приоритетов и требований к работодателю, мотивации со стороны работающего населения.

Кроме прямого воздействия на развитие рынка труда санкционного фактора 2022–2024 гг. целесообразно рассматривать влияние сжатия гражданской рабочей силы в рамках проведения специальной военной операции (СВО), увеличения производства в оборонном секторе экономики, частичной мобилизации, а также усиления оттока специалистов из России [3; 4]. Отдельно стоит отметить и такие факторы, как включение новых территорий в состав Российской Федерации (РФ) и последующая адаптация их рынков труда к национальному.

Цель – выявить эффекты экономических санкций в рамках экономико-статистического исследования

рынка труда Российской Федерации, а также подготовить предложения по нивелированию их негативного воздействия. Задачи:

1) провести анализ динамики рынка труда в 2021–2024 гг.;

2) выявить и описать причины сложившейся ситуации в контексте экономических санкций;

3) выработать предложения по нивелированию негативных последствий трансформации рынка труда.

В частности, необходимо исследовать негативные последствия санкций, например усиление дефицита рабочей силы, отток квалифицированных кадров за пределы страны; стимулирующий эффект санкционных ограничений, проявляющийся в создании новых рабочих мест в отраслях импортозамещения; эффекты, носящие дуальный (двойственный) характер. Изучение последствий санкционного воздействия на российский рынок труда позволяет принять оперативные меры, направленные на повышение его адаптации к новым условиям и минимизацию негативных последствий для работников и компаний.

Научные исследования, посвященные анализу российского рынка труда в период экономических санкций, отражают следующее:

1) ситуация на российском рынке труда, несмотря на испытываемые экономические санкции, имеет схожие тенденции с другими развитыми странами и определяется изменением структуры спроса на специальности со стороны работодателей [4–8];

2) описывается побочный эффект экономических санкций в области неформальной занятости [9];

3) рассматривается динамика российского рынка труда, обосновываются последствия экономических санкций 2022–2024 гг., даются рекомендации по снижению деформации рынка труда [1–3];

4) в качестве негативных эффектов экономических санкций отмечаются «утечка мозгов» – релокация высококвалифицированных специалистов за границу – низкая производительность труда, слабая работа профсоюзов, центров занятости [10];

5) определяются факторы дестабилизирующего воздействия санкций на трансформацию занятости и функционирование рынка труда в стрессовых социально-экономических условиях, выявляются направления и траектории возможных шоковых состояний рынка труда, обосновывается группировка отложенных рисков дестабилизации на рынке труда [11];

6) воздействие санкций на российский рынок труда рассматривается в контексте дополнительного воздействия такого фактора, как присоединение новых территорий [12];

7) утверждается, что минимальный уровень безработицы связан с тем, что за десять лет с момента первой волны экономических санкций против России в 2014 г., страна смогла подготовиться и оперативно адаптироваться к их возможному влиянию [13];

8) осуществляется поиск путей преодоления негативных воздействий санкций на экономику, в том числе на рынок труда [14–16].

Несмотря на достаточный объем исследований российского рынка труда в условиях экономических санкций, следует отметить, что большинство работ, опубликованных в начале введения экономических санкций в 2014 г., связаны с угрозой возможного роста безработицы из-за ухода иностранных предприятий с территории России. В 2021–2024 гг. ситуация складывается несколько иначе, поэтому целесообразно провести анализ тенденций, проявившихся не только в течение всего срока действия санкционных ограничений, но и выделить отрицательные, дуальные и положительные эффекты воздействия санкций.

Методы и материалы

С помощью методов статистических наблюдений и экономического анализа проанализирована динамика таких показателей, как уровень безработицы и номинальная заработная плата. Применение метода логического анализа позволило выявить и подробно описать закономерности и результаты воздействия санкций на российский рынок труда, определить меры государственной политики по преодолению их негативных эффектов – институциональные и организационные. Метод классификации позволил систематизировать и сгруппировать эффекты экономических санкций по трем направлениям (отрицательные, дуальные и положительные). Для визуального представления выявленных закономерностей применены графический и табличный методы. Информационная база – научно-исследовательские работы и официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Центрального банка РФ, Министерства труда РФ, Министерства экономического развития РФ, компании интернет-рекрутмента HeadHunter.

Результаты

Экономические санкции в отношении Российской Федерации, применяемые с 2022 г., существенно повлияли на экономику страны и, в частности, на рынок труда. Анализ информационных источников позволяет утверждать, что влияние санкций носит двоякий характер. С одной стороны,

они ограничивают доступ российских компаний к международным финансам и технологиям, замедляют экономический рост и создают неопределенность в бизнес-окружении, в связи с чем многие предприятия уменьшают объемы производства, реализуют политику сокращения числа рабочих мест в отраслях, связанных с вывозом продукции за границу. С другой – санкции становятся стимулами для развития отраслей импортозамещения и позволяют создавать дополнительные вакансии в определенных отраслях [1–4].

Санкции для российской экономики – явление не новое. Впервые они появились в 2014 г., после воссоединения России с Республикой Крым, когда западные страны негативно отреагировали на открывшиеся РФ перспективы и возможности. Поэтому нецелесообразно говорить о санкциях как о «новаторском» инструменте со стороны западных государств [13]. При этом воздействие санкций 2014 г. было как более мягким и последовательным, так и более внезапным для экономики страны, находящейся до этого в созависимых отношениях с экономикой стран-инициаторов санкций.

Уже в марте 2022 г. РФ стала испытывать давление на экономику: против нашей страны было введено более 5 тыс. санкций со стороны ряда государств, что в разы больше, чем у Ирана и КНДР. Ухудшающим обстоятельством явилось то, что эти страны (введшие санкции) поддерживали с Россией партнерские отношения в различных областях экономики.

Большинство санкций было применено в отношении банковского, сельскохозяйственного, нефтегазового секторов, а также экспортных направлений экономики [17]. Кроме того, обострились проблемы, не решенные еще с 90-х гг., такие как «утечка мозгов»; недостаточное развитие профсоюзного движения, что сказывается на защите прав работников; недостаточная эффективность инфраструктуры рынка труда, затрудняющая поиск работы и взаимодействие между работодателями и соискателями [10]; относительно низкая производительность труда, которая ограничивает экономический рост.

В таблице 1¹ представлена динамика основных показателей рынка труда РФ в 2021–2023 гг. Численность рабочей силы в России до 2019 г. сокращалась из-за влияния демографических факторов (недостаточно высокая рождаемость в прошлые годы и старение населения); в 2020 г. – из-за пандемии COVID-19 и ограничительных мер. 2021 г. продемонстрировал восстановительную динамику, однако уже в 2022 г. численность рабочей силы вновь стала становиться меньше из-за демографических факторов (на смену многочисленным поколениям, родившимся в 1950–1960-е гг., приходили меньшие по численности поколения 2000-х гг., что также привело к увеличению на рынке труда доли населения старших возрастов [18]), начала СВО и частичной мобилизации (в 2022 г. были мобилизованы для участия в СВО 318 тыс. человек, включая добровольцев²), оттока части экономически

Табл. 1. Динамика основных показателей рынка труда России
Tab. 1. Key indicators of Russian labor market

Показатель	2021	2022	2023	2022/2021	2023/2022
Численность рабочей силы, тыс. человек, в том числе:	75350	74924	76037	–0,6 %	+1,5 %
занятые	71719	71974	73636	+0,36 %	+2,3 %
безработные	3631	2951	2401	–18,7 %	–18,6 %
Уровень занятости, %	59,4	59,8	60,8	+0,4 п.п.	+1,0 п.п.
Уровень безработицы, %	4,8	3,9	3,2	–0,9 п.п.	–0,7 п.п.
Уровень зарегистрированной безработицы, %	1,8	0,9	0,6	–0,9 п.п.	–0,3 п.п.
Среднесписочная численность работников организаций, тыс. человек	42996	42923	–	–0,17 %	–

Прим.: данные за 2024 г. пока не опубликованы.

¹ Сост. по: Динамика показателей рынка труда в РФ. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 23.10.2024).

² Путин сообщил, что в России мобилизовали 318 тыс. человек. ТАСС. 04.10.2022. URL: <https://tass.ru/politika/16247361> (дата обращения: 23.10.2024).

активного населения за пределы страны (в 2022 г. из России мигрировали 668430 человек³).

2020 г. связан с сокращением занятости населения в результате введения карантинных мер, которые привели к закрытию многих предприятий, снижению спроса на рабочую силу и, как следствие, утрате рабочих мест. В этом году предприятия активно внедряли практику удаленного формата работы и режим неполного рабочего дня. С 2021 г. уровень занятости стал увеличиваться по мере того, как экономика начала постепенно возвращаться к допандемийному уровню и создавать новые рабочие места. В 2022–2023 гг. количество занятых граждан в экономике росло прежде всего за счет вовлечения потенциальной рабочей силы и изменения пенсионного возраста⁴. Стоит отметить, что российский опыт в международном контексте не является уникальным. Рост уровня занятости и активизация оборота рабочей силы в период постпандемийного восстановления характерны также и для США, Канады, Австралии, Германии, Скандинавских стран и некоторых стран Центральной и Восточной Европы.

С 2022 г. ситуация на рынке труда в России была детерминирована влиянием изменившейся геополитической ситуации, в результате которой многие зарубежные компании прекратили свою деятельность в стране [6]. В этот год рынок труда развивался под влиянием растущего дефицита рабочей силы, обусловленного ускорением экономического роста до 3,6 %, стагнацией производительности труда и доминированием демографических и миграционных факторов. При этом уровень безработицы после всплеска в 2020 г. до 5,8 %, постепенно сокращался (в 2021 г. он достиг 5,5 %) ⁵. По итогам 2023 г. среднегодовой уровень безработицы составил 3,2 %, что является рекордно низким значением этого показателя в России за всю историю его мониторинга (с 1992 г.) ⁶.

Недостаток свободной рабочей силы в экономике был вызван структурным сдвигом, связанным с ростом выпуска продукции, не поставляемой

в условиях санкций, в том числе необходимостью импортозамещения, а также увеличением объема государственных закупок. Кроме того, усилился квалификационный дисбаланс в связи с оперативным изменением требований к профессиональным компетенциям и знаниям. Нехватка персонала наиболее остро ощущалась в производственном, добывающем, строительном секторах и профессиях в отраслях новых регионов страны.

При ограниченности трудовых ресурсов сохранение кадров являлось одной из ключевых проблем как для бизнеса, так и для бюджетного сектора. Перераспределение трудовых ресурсов в быстроразвивающиеся сектора экономики стало очевидным. Так, в отраслях производства электронных и оптических изделий, оборудования, металлических изделий, химических веществ, лекарственных средств показатель приема на работу (трудоустройства) был выше, чем в среднем по экономике за 2019–2024 гг. [19]. В разрезе регионов России показатели уровня безработицы оставались дифференцированными. Это связано с тем, что рынки труда регионов, где хорошо развита промышленность и инфраструктура, имели больше возможностей для трудоустройства населения ⁷ [20].

Тем не менее представленный в 2023 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации прогноз баланса трудовых ресурсов на 2024–2026 гг. предвещает рост числа занятых за счет расширения возрастных границ трудоспособного населения и сохранение уровня безработицы на отметке 3,1 % в среднесрочной перспективе. К 2026 г. ожидается рост числа занятых в большинстве отраслей экономики, за исключением сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, водоснабжения, утилизации отходов, финансового сектора, сферы недвижимости и государственного управления ⁸.

Экономические санкции стали одним из ключевых факторов, повлиявших на сложившуюся ситуацию на рынке труда посредством активизации трех детерминант:

³ Численность и миграция населения Российской Федерации. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ Динамика показателей рынка труда в РФ...

⁵ Титов Д. Безработица постепенно возвращается к докризисному уровню. *Экономика и жизнь*. 16.04.2021. URL: <https://www.eg-online.ru/article/435323/> (дата обращения: 23.10.2024).

⁶ В России зафиксировали самый низкий годовой уровень безработицы с 1992 года. *TACC*. 08.02.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19927379> (дата обращения: 23.10.2024).

⁷ Численность безработных и уровень безработицы в 2000–2024 гг. *SVSPB.NET*. URL: <https://svspb.net/rossija/bezrobotica.php> (дата обращения: 20.10.2024).

⁸ Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2024–2026 гг. *Минтруд России*. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2544> (дата обращения: 20.10.2024).

1. Эмиграция части экономически активного населения, приведшая к «утечке мозгов», наиболее ощутимой в начале санкционного периода (2022 г.). Негативные последствия коснулись преимущественно таких направлений, как ИТ-сфера, технологическое развитие, наука. В 2022 г. страну покинули более 100 тыс. ИТ-специалистов, т.е. примерно 10 % от общего числа сотрудников ИТ-сферы. При этом 80 % из тех, кто уехали из России, продолжают трудиться на российских работодателях в удаленном режиме⁹ [19]. Таким образом, значимость «утечки» ИТ-специалистов на российском рынке труда снижается, но не отменяет ее.

2. Необходимость замещения в условиях санкций товаров, не поставляемых в РФ, спровоцировала структурный сдвиг в народном хозяйстве, который связан с ростом выпуска импортозамещаемой продукции. Эта детерминанта является наиболее значимой для анализа ситуации на рынке труда.

3. Общее сокращение рабочей силы в России не покрывается притоком трудовых мигрантов, который стал ниже как из-за возникших сложностей с переводом средств в зарубежные страны вследствие санкционной политики по отношению к России, так и опасений по поводу безопасности и стабильности в стране, обусловленных изменениями в политической ситуации государства и самими экономическими санкциями.

Помимо экономических санкций, отметим также те, которые объясняют нарастание объема незаполненных вакансий, начавшееся еще до второго санкционного кризиса в 2022 г., и одновременное резкое увеличение оборота рабочей силы: переход к цифровизации и автоматизации, требующие новых навыков и квалификаций; изменение ценностей и приоритетов молодежи, которая может быть меньше заинтересована в традиционных формах занятости и больше ориентирована на фриланс или удаленный формат работы; нехватка рабочих мест в одних регионах и избыток в других, что приводит к миграции рабочей силы внутри страны и увеличению незаполненных вакансий в менее привлекательных регионах [4; 8; 12; 15] и др.

Анализ количественных и качественных изменений ситуации на рынке труда в России позволил авторам выделить факторы, усиливающие эффекты экономических санкций, и систематизировать их по трем блокам (рис.).

Отрицательные факторы. Несбалансированность российского рынка труда приводит к несоответствию

объемов спроса и предложения в импортозамещающих отраслях, сфере производства и информационных технологий (ИТ-технологии). Кроме этого, наблюдается конкуренция работодателей за работников в реальном секторе экономики, особенно оборонной промышленности [3]. При этом предприятия используют наиболее очевидный инструмент привлечения сотрудников – заработную плату, резервы увеличения которой ограничены. В связи с этим от работодателей требуется развитие других форм мотивации, например предоставление возможности самореализации и улучшение условий труда. Важно уточнить, что в условиях ограниченного предложения рабочей силы продолжит увеличиваться ценность сотрудников, которые не склонны менять работу при наличии удовлетворенности условиями труда.

Дуальные факторы. Население не только РФ, но и других развитых стран стало больше ценить высокую заработную плату, комфорт на работе, обстановку в коллективе, возможность реализовать себя, удобный график, в том числе возможность удаленного формата работы. Это во многом связано с последствиями пандемии, угрозами мировых и внутригосударственных конфликтов, которые повышают ценность жизни и временного ресурса в сознании индивидов [1]. Таким образом, требования работников к работодателю стали более жесткими. К тому же вакансии, традиционно считавшиеся «престижными» (государственная служба, работа в высших учебных заведениях), стали пользоваться меньшим спросом у работников, которые все больше отдают предпочтение факторам, не связанным с объемом заработной платы, – комфорту и свободе графика. Такой запрос сотрудников находит отражение, например, в развитии тенденции *slash-карьеризм*, когда индивиды совмещают несколько работ по несвязанным между собой профессиям или альтернативных форм занятости.

Положительные факторы. Общая тенденция к уменьшению теневого рынка труда и неформальной экономики, наблюдаемая в РФ, требует пересмотра подходов к понятию *неформальная занятость*. В исследовании [9] подчеркивается, что неформальная занятость растет в благоприятных экономических условиях, когда государственный контроль ослабевает, а ресурсы доступны для всех предприятий, включая малый бизнес. В условиях же нехватки экономических ресурсов сокращается частная инициатива, что, в свою очередь, приводит к уменьшению неформальной занятости.

⁹ Злобин А. Глава Минцифры сообщил о 100 000 уехавших из России айтишников. *Forbes*. 20.12.2022. <https://www.forbes.ru/tehnologii/482755-glava-mincifry-soobsil-o-100-000-uehavsih-iz-rossii-ajtisnikov> (дата обращения: 20.10.2024).

Рис. Эффекты экономических санкций на российский рынок труда
Fig. Effects of economic sanctions on Russian labor market

Уникальность ситуации на рынке труда РФ заключается не в самом установлении рекордно низкого уровня безработицы, а в том, что, несмотря на влияние санкций, рабочих мест достаточно для трудоустройства. С трудностями сталкиваются не потенциальные соискатели вакансий, а работодатели, которым не хватает нужного количества сотрудников с определенными квалификационными характеристиками (специальность, квалификация, навыки, компетенции и т.д.). Согласно сведениям HeadHunter, в январе 2024 г. самыми востребованными работниками в России стали специалисты по продажам и обслуживанию клиентов и рабочий персонал (22,5 и 21 % активных вакансий

соответственно). Количество вакансий со стороны работодателей по этим направлениям превысило 1 млн каждая. Также представленные данные обосновывают такой эффект экономических санкций для рынка труда, как рост потребности в сотрудниках производственного сектора и сервисного обслуживания (15,2 % активных вакансий), сферы строительства и недвижимости (13,6), транспорта, логистики и перевозок (13,5), розничной торговли (11,5) и домашнего, обслуживающего персонала (10,5). При этом потребность в специалистах сферы IT-технологий занимает восьмую позицию (6,2 % активных вакансий) вопреки общественному мнению о ее лидерстве¹⁰.

¹⁰ Жильникова И. Макротренды, акценты рынка труда и новая роль HR – первые выводы 2024 года. *HeadHunter*. 04.03.2024. URL: <https://hh.ru/article/32527> (дата обращения: 23.10.2024).

С одной стороны (данные HeadHunter), в 2024 г. наблюдается наибольшая нехватка сотрудников в автомобильном и сельском хозяйстве¹¹. С другой (результаты опроса, проведенного сервисами Работа.ру и СберПодбор) – работодатели чаще всего сталкиваются с нехваткой разнорабочих (31 %), водителей (24), продавцов (23), слесарей и грузчиков (21), уборщиков (18), электриков (16), строителей (11)¹², т.е. людей рабочих профессий и сферы физического труда. Самыми же востребованными профессиями на рынке труда в 2024 г., по прогнозу РБК, должны стать рабочие профессии, а между работодателями будет наблюдаться конкуренция за менеджеров по продажам¹³.

Эксперты Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ также выявили, что максимальная потребность в работниках зафиксирована в обрабатывающих производствах, торговле и транспортной отрасли [21]. Отметим, что наряду с ростом спроса на представителей рабочих специальностей со стороны работодателей наблюдается и переизбыток некоторых специалистов, например, в области юриспруденции, бухгалтерии и финансов, управления персоналом. Это является одним из элементов проявления деформации и несбалансированности рынка труда.

Долгосрочные факторы, такие как нехватка рабочей силы, миграция и перемещение между отраслями, вынудили работодателей повысить оплату труда, т.к. работники стремятся занять более высокооплачиваемые позиции. Согласно данным Росстата и РБК, с 2021 г. отмечается рост номинальной заработной платы: в 2021 г. она составляла 57244 руб., в 2022 г. – 65338 руб., в 2023 г. – 74854 руб., а по прогнозам на 2024 г. должна достичь 88 тыс. руб.¹⁴ Это соответствует тенденциям динамики инфляции в стране: реальная покупательная способность заработной платы снижается из-за роста цен. По информации Министерства труда РФ, основной рост оплаты

труда наблюдается у сотрудников рабочих профессий, что является доказательством востребованности данного направления среди работодателей¹⁵.

По итогам лета 2024 г. самой высокооплачиваемой сферой в промышленной отрасли стало производство индустриального оборудования и станков. В среднем работодатели предлагают специалистам до 128728 руб. в месяц, т.е. на 82 % больше, чем летом 2023 г. Опережающий рост зарплат также наблюдается в следующих отраслях промышленности: добыча и переработка угля, руд и полезных ископаемых (111808 руб.), тяжелое машиностроение (103617), ракетно-космическая промышленность (79123), пищевая промышленность (62318)¹⁶. Это обусловлено необходимостью импортозамещения продукции, а также повышенным спросом со стороны военно-промышленного комплекса.

В соответствии с прогнозом, представленным Центральным банком РФ, ожидается рост номинальной заработной платы в 2024 г. до 17,2 %, далее – замедление роста в 2025 г. до 10,4 % и в 2026 г. до 7,6 %¹⁷. Ее рост является неким парадоксом, т.к. в условиях экономического кризиса оплата труда, как правило, снижается либо не растет / растет в минимально возможных пределах. Это связано с тем, что в период экономического спада компании часто сокращают расходы, в том числе и на оплату труда, чтобы сохранить свою прибыль. В настоящее время высокая инфляция сопровождается высокой ключевой ставкой Центрального Банка РФ, что уменьшает возможности бизнеса в сфере кредитования и, соответственно, снижает резервы для увеличения заработной платы [22].

Необходимо отметить, что в нивелировании негативных последствий санкционного воздействия на российский рынок труда важную роль играют государственная политика и меры государственной поддержки. Благоприятное влияние на рынок труда оказали мероприятия, проводимые

¹¹ Там же.

¹² Разнорабочие, водители и продавцы: работодатели назвали самые дефицитные профессии. *Работа.ру*. URL: <https://press.rabota.ru/raznorabochie-voditeli-i-prodavtsy> (дата обращения: 23.10.2024).

¹³ Кадровый голод и рост зарплат: как поменялся рынок труда и что его ждет. *РБК*. 05.01.2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/6589738d9a794798dc106898> (дата обращения: 24.10.2024).

¹⁴ Сост. по: Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries; Минэк спрогнозировал рост зарплат россиян к 2027 году более чем на треть. *РБК*. 18.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2024/66ea509b9a79475a7bf1d1d4> (дата обращения: 29.10.2024).

¹⁵ Минтруд назвал основным драйвером роста зарплат оплату труда рабочих. *Ведомости*. 11.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/09/11/1061668-mintrud-nazval-draiverom> (дата обращения: 28.10.2024).

¹⁶ Эксперты назвали сферу промышленности с ростом зарплат 82 % за год. *РБК*. 07.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66db31c79a7947988de80fa0> (дата обращения: 29.10.2024).

¹⁷ Макроэкономический опрос Банка России. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/?f- (дата обращения: 29.10.2024).

по федеральному проекту *Содействие занятости* национального проекта *Демография*¹⁸. Помимо этого, с 2025 г. начнется реализация национального проекта *Кадры*, который направлен на повышение эффективности функционирования рынка труда и использования трудовых ресурсов. Мероприятия нацпроекта будут распределены по четырем ключевым блокам федеральных проектов: *Управление рынком труда*, *Образование для рынка труда*, *Активные меры содействия занятости* и *Человек труда*¹⁹. Еще одним позитивным результатом государственной политики на рынке труда является создание портала *Работа России*²⁰, который открывает возможность формирования расширенной информационной базы вакансий.

Снижение уровня безработицы может восприниматься как положительный эффект, но низкие показатели, сопровождающиеся уменьшением численности и качества рабочей силы (включая мобилизацию), не способствуют необходимому экономическому развитию и росту ВВП страны. Российский рынок труда имеет значительные резервы: среди экономически неактивного населения могут быть желающие работать. К тому же стремление к трудовой деятельности может зависеть от институтов рынка труда и государственной политики, способной обеспечить большую гибкость и разнообразие трудовых отношений.

В ходе исследования авторами были систематизированы меры государственной политики, которые целесообразно использовать для преодоления отрицательных эффектов санкций на рынке труда (табл. 2).

Заключение

Выявлено, что экономические санкции, введенные против России с 2022 г., оказали значительное влияние на рынок труда, создавая одновременно вызовы и возможности для его развития, проявляющиеся в отрицательных, дуальных и положительных эффектах.

Одним из наиболее острых вопросов, вызванных проявлением санкций, особенно на первом этапе их воздействия, стала «утечка мозгов», что усугубило существовавший дефицит высококвалифици-

рованных кадров, сказывающийся на производительности и инновационном потенциале экономики страны.

По итогам 2023 г. уровень безработицы достиг рекордно низких значений, что объясняется активизацией внутреннего спроса и ростом занятости в секторах, связанных с импортозамещением. В условиях ограничений на импорт многие компании начали развивать собственное производство, создавая новые рабочие места и увеличивая спрос на труд. Установлено, что наибольшее число открытых вакансий в январе 2024 г. зафиксировано в сфере продаж и обслуживания клиентов, рабочего персонала, производственном секторе и сервисном обслуживании, в сферах строительства и недвижимости, транспорта, логистики и перевозок, розничной торговли, домашнего и обслуживающего персонала и IT-технологий.

В то же время санкции стали стимулом для структурных изменений в экономике. Работодатели были вынуждены адаптироваться к новым условиям, что привело к росту заработных плат во многих отраслях. Помимо этого, для привлечения и удержания работников в условиях растущей конкуренции за квалифицированных кадров предприятия начали активно использовать различные инструменты мотивации, такие как улучшение условий труда, гибкие графики и возможность удаленного формата работы.

Определено, что положительное влияние на ситуацию на рынке труда оказывает государственная политика и меры поддержки работодателей и соискателей вакансий, смягчающие негативные последствия введенных санкций. Следует продолжать развивать государственные инициативы, направленные на поддержку занятости, и внедрять новые меры, т.к. российский рынок труда имеет значительные резервы для развития. Обосновано, что эффективное использование данных резервов, а также гибкая и адаптивная политика в сфере труда могут привести к долгосрочной экономической стабильности.

Выявлено, что для достижения устойчивого развития рынка труда в условиях санкционного давления необходимо оптимизировать институциональные механизмы, которые обеспечивают взаимодействие

¹⁸ Об утверждении Правил предоставления и распределения в 2024 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ в целях софинансирования расходных обязательств субъектов РФ, возникающих при реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» по реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов РФ. Постановление Правительства РФ № 2021 от 29.11.2023 (ред. от 21.02.2024). СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Михаил Мишустин провел стратегическую сессию по национальному проекту «Кадры». Правительство России. 30.07.2024. URL: <http://government.ru/news/52266/> (дата обращения: 29.10.2024).

²⁰ Работа России. URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

Табл. 2. Меры по нивелированию отрицательных эффектов экономических санкций на российский рынок труда
Tab. 2. Measures to level the negative effect of economic sanctions on Russian labor market

Институциональные меры	Организационные меры
Популяризация и распространение практики института наставничества на предприятиях и в организациях, особенно в тех отраслях, где высокий уровень потребности в кадрах с определенными квалификациями и навыками	Проведение регулярных исследований рынка труда, включающих прогнозирование потребностей в кадрах как по специальностям и компетенциям, так и по регионам; выявление потребностей не только работодателей, но и потенциальных работников; доведение результатов исследования до работодателей, учебных заведений, населения в понятной форме, например в виде наглядных карточек
Постоянно действующая система стажировочных программ для студентов и школьников на предприятиях, испытывающих кадровый голод (для школьников – в краткосрочной и среднесрочной перспективах)	Разработка и постоянная актуализация Атласов востребованных профессий, их распространение
Создание постоянно действующего механизма целевой формы подготовки кадров под потребности предприятий с дальнейшим трудоустройством	Организация совместных профориентационных мероприятий учебных заведений и предприятий на постоянной основе, в том числе совместных дней открытых дверей
Создание постоянно действующего механизма разработки программ обучения, повышения квалификации, переподготовки кадров учебными заведениями с учетом требований и потребностей потенциальных работодателей	Популяризация наиболее востребованных профессий и отраслей с кадровым дефицитом среди потенциальных работников (интервью с представителями профессий, истории успехов и т.д.)
Создание механизма взаимодействия работодателей по вопросам обмена лучшими практиками поиска сотрудников с требуемой квалификацией, использования инструментов мотивации	Развитие и разнообразие форм мотивации и управления персоналом; распространение лучших практик мотивации персонала

между работодателями и работниками, улучшают условия труда сотрудников и направлены на постоянное повышение их квалификации, а также повысить качество и разнообразие организационных мероприятий на рынке труда.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего углубленного изучения в целях рассмотрения влияния экономических санкций на российский рынок труда с точки зрения развития методов привлечения и мотивации сотрудников на предприятиях или политики повышения производительности труда, или мероприятий по преодолению инфляции.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K. Labor market and employment problems: Analysis of long-term dynamics and prospects of development in Russian regions. *New behaviors of market players in the digital economy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Jul 2021. Cham: Springer, 2022: 711–722. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_77
2. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Карпунин К. Д. Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности. *Дружеровский вестник*. 2022. № 1. С. 156–165. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Karpunin K. D. Transformation of the labor market during the pandemic: New economic security risks. *Drukerovskii vestnik*, 2022, (1): 156–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-1-156-165>

3. Королюк Е. В., Пилипчук Н. В., Плясова С. В., Шевцов Н. А. Трансформация рынка труда в условиях неопределенности: новые формы, факторы и перспективы. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2023. Т. 21. № 4. С. 15–25. [Korolyuk E. V., Pilipchuk N. V., Plyasova S. V., Shevtsov N. A. Transformation of the labor market in conditions of uncertainty: New forms, factors and prospects. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, 21(4): 15–25. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).15-25](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).15-25)
4. Капелюшников Р. И. Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры). М.: НИУ ВШЭ, 2024. 60 с. [Kapeliushnikov R. I. *Escalation of vacancies in the Russian labor market: Dynamics, structure, and triggers*. Moscow: HSE University, 2024, 60. (In Russ.)]
5. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. *Вопросы экономики*. 2023. № 8. С. 5–37. [Kapeliushnikov R. I. The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background. *Voprosy Ekonomiki*, 2023, (8): 5–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>
6. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком. *Экономический журнал ВШЭ*. 2007. Т. 11. № 2. С. 163–199. [Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I., Lukyanova A. L. Demand for labor in Russian industry: Between shortage and excess. *HSE Economic Journal*, 2007, 11(2): 163–199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iaevnx>
7. Капелюшников Р. И., Ощепков А. Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития. *Вопросы экономики*. 2014. № 7. С. 66–92. [Kapeliushnikov R. I., Oshchepkov A. Yu. The Russian labor market: Paradoxes of post-crisis performance. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, (7): 66–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-66-92>
8. Эффекты коронакризиса и новых экономических санкций в цифровой экономике: высшее образование и рынок труда, ред. Г. В. Астратова. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2022. 285 с. [*Effects of the CORONA-crisis and new economic sanctions in the digital economy: Higher education and the labor market*, ed. Astratova G. V. Ekaterinburg: Ural University, 2022, 285. (In Russ.)]
9. Анисимов Р. И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.). *Социологические исследования*. 2024. № 1. С. 73–84. [Anisimov R. I. Dynamics of employment in Russia (2018 – mid-2023). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2024, (1): 73–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0132162524010078>
10. Ахмедов Ф. К. Российский рынок труда в условиях санкций: возможные пути выхода из кризисной ситуации. *Лидерство и менеджмент*. 2023. Т. 10. № 1. С. 357–366. [Akhmedov F. K. The Russian labor market under sanctions: Possible ways out of the crisis situation. *Leadership and Management*, 2023, 10(1): 357–366. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/lm.10.1.117396>
11. Былков В. Г. Социально-экономические предпосылки трансформации рынка труда в условиях введения беспрецедентных санкций. *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 10. С. 1489–1508. [Bylkov V. G. Socio-economic preconditions for labor market transformation under unprecedented sanctions. *Ekonomika truda*, 2022, 9(10): 1489–1508. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/et.9.10.116407>
12. Маслова Е. В., Колесникова О. А., Околедых И. В. Сдвиги на рынке труда в условиях санкционного давления и необходимые направления его регулирования. *Экономика труда*. 2023. Т. 10. № 1. С. 27–46. [Maslova E. V., Kolesnikova O. A., Okolelyh I. V. Shifts in the labour market under sanctions and the necessary directions for its regulation. *Ekonomika truda*, 2023, 10(1): 27–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/et.10.1.116949>
13. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Комплекс предложений по защите экономики России от санкций стран Запада на макро-, мезо- и микроуровне. *Экономические отношения*. 2022. Т. 12. № 2. С. 195–214. [Zimovets A. V., Sorokina Yu. V., Khanina A. V. A set of proposals to protect the Russian economy from Western sanctions at the macro-, meso- and micro-levels. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2022, 12(2): 195–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>
14. Захаров Д. К., Каштанова Е. В., Лобачева А. С. Рынок труда России в условиях экономических санкций. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2023. Т. 12. № 4. С. 13–17. [Zaharov D. K., Kashtanova E. V., Lobacheva A. S. Russian labor market under economic sanctions. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, 2023, 12(4): 13–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-4-13-17>
15. Андреев К. Д., Демьянова А. В., Лола И. С., Покровский С. И., Рябова А. Д., Усов Н. А. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. I квартал 2024 года. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. 53 с. [Andreev K. D., Demyanova A. V., Lola I. S., Pokrovsky S. I., Ryabova A. D., Usov N. A. *Labor market in specific sectors of the Russian economy: Current situation and expected focus of changes. Q1 2024*. Moscow: ISSEK HSE University, 2024, 53. (In Russ.)]

16. Беляев С. А., Зюкин Д. В., Репринцева Е. В., Малышева Е. В. О влиянии санкций 2022 года на рынок труда Российской Федерации. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022. № 7. С. 167–175. [Belyaev S. A., Zyukin D. V., Reprintseva E. V., Malysheva E. V. The impact of the sanctions on the labor market of the Russian Federation. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii*, 2022, (7): 167–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/abavuz>
17. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 31 с. [Milanovich B. *Global income inequality in figures: Past and present*. Moscow: HSE University, 2014, 31. (In Russ.)]
18. Ляшок В. Ю. Санкции и российский рынок труда: эффект пока неочевиден. *Экономическое развитие России*. 2022. Т. 29. № 8. С. 50–55. [Lyashok V. Yu. Sanctions and Russian labor market: The effect is not yet evident. *Russian economic development*, 2022, 29(8): 50–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahurxo>
19. Кондратьев Р. А. Влияние санкций на занятость и безработицу в регионах России: анализ динамики и основных тенденций. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*. 2024. № 2. С. 11–18. [Kondratyev R. A. Impact of sanctions on employment and unemployment in Russian regions: Analysis of dynamics and main trends. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Serii: Chelovek i obshchestvo*, 2024, (2): 11–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18137/RNU.V9276.24.02.P.011>
20. Российская экономика в 2023 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 45), ред. А. Л. Кудрин, В. А. Мау, А. Д. Радыгин, С. Г. Синельников-Мурылев. М.: Ин-т Гайдара, 2024. 456 с. [*Russian economy in 2023. Trends and outlooks. (Issue 45)*, eds. Kudrin A. L., Mau V. A., Radygin A. D., Sinelnikov-Murylev S. G. Moscow: Gaidar Institute, 2024, 456. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ciebio>
21. Андреев К. Д., Демьянова А. В., Лола И. С., Покровский С. И., Рябова А. Д., Усов Н. А. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. III квартал 2024 года. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. 46 с. [Andreev K. D., Demyanova A. V., Lola I. S., Pokrovsky S. I., Ryabova A. D., Usov N. A. *Labor market in specific sectors of the Russian economy: Current situation and expected focus of changes. Q3 2024*. Moscow: ISSEK HSE University, 2024, 46. (In Russ.)]
22. Казанцева Н. В., Остапенко В. А. Релокация специалистов из России: масштабы и экономические последствия. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2023. Т. 12. № 2. С. 24–29. [Kazanceva N. V., Ostapenko V. A. Relocation of specialists from Russia: Scale and economic consequences. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, 2023, 12(2): 24–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-2-24-29>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rlldrm>

Риск ухудшения качества жизни населения региона: концептуальные основы и методика измерения

Егорова Наталья Михайловна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4468-4746

<https://orcid.org/0000-0002-0075-3542>

gukkkk@nextmail.ru

Аннотация: В настоящее время стратегической целью любого субъекта Российской Федерации является повышение качества жизни населения. Однако современное общество все в большей мере оказывается под влиянием неопределенности, нестабильности, турбулентности во всех сферах деятельности, в связи с чем качество жизни населения подвергается воздействию разнообразных рисков. Цель – теоретико-методическое обоснование влияния рисков на качество жизни населения. Задачи: 1) обосновать взаимосвязь качества жизни населения и рисков; 2) уточнить понятие *риск ухудшения качества жизни населения*; 3) разработать классификацию таких рисков на основе существующих методических подходов к анализу взаимосвязи качества жизни населения и рисков; 4) разработать методику оценки риска ухудшения качества жизни населения. Представлены результаты апробации методического инструментария за 2012–2022 гг. на примере Кемеровской области – Кузбасса. Установлено, что в отдельные годы анализируемого периода риск ухудшения качества жизни населения региона достигал 20 %. Выявлен наиболее опасный риск для качества жизни кузбассовцев – экологический. Его уровень в начале 2023 г. составлял 92 %. Определено, что высокий уровень имеет риск личной безопасности (23,5 %) и риск в социально-трудовой сфере (20,5 %). Проведен подробный анализ факторов, вызывающих увеличение или снижение различных видов риска ухудшения качества жизни населения Кемеровской области.

Ключевые слова: качество жизни населения, риск, уровень жизни, условия жизни, регион, система индикаторов, методический подход, Кузбасс

Цитирование: Егорова Н. М. Риск ухудшения качества жизни населения региона: концептуальные основы и методика измерения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 82–95. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-82-95>

Поступила в редакцию 13.01.2025. Принята после рецензирования 06.02.2025. Принята в печать 10.02.2025.

full article

Risks to Regional Living Standards: Concepts and Assessment

Natalia M. Egorova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4468-4746

<https://orcid.org/0000-0002-0075-3542>

gukkkk@nextmail.ru

Abstract: High living standards are the strategic goal pursued by all regions of the Russian Federation. However, the overall uncertainty, insecurity, and turbulence affect the quality of life of the population. This article provides a theoretical and methodological justification of various risks that deteriorate the living standards of the regional population. The authors traced the effect of various risks on the regional quality of life to clarify the concept of risk to living standards and classified these risks. The research yielded a methodology for assessing the risks to living standards that may affect the regional population in Russia. The method was tested on the data obtained for 2012–2022 in the Kemerovo Region. Some years saw a 20% total risk level, mostly associated with environmental risks. In the early 2023, the environmental risk was as high as 92%. Other risk areas included personal safety (23.5%) as well as social and labor status (20.5%). A detailed analysis revealed some factors that could raise or reduce various types of risk in the Kemerovo Region.

Keywords: living standards, risk, quality of life, living conditions, region, system of indicators, methodical approach, Kuzbass

Citation: Egorova N. M. Risks to Regional Living Standards: Concepts and Assessment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 82–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-82-95>

Received 13 Jan 2025. Accepted after review 6 Feb 2025. Accepted for publication 10 Feb 2025.

Введение

Качество жизни населения признается высшим национальным приоритетом России, а его повышение является стратегической целью государственной социально-экономической политики, что неоднократно подчеркивал В. В. Путин в своих программных выступлениях. Например, Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» определены целевые ориентиры, направленные на повышение качества жизни россиян: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, комфортная и безопасная среда для жизни, экологическое благополучие, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы¹.

В. В. Путин заявил, что главная цель национальных проектов – поднять уровень благосостояния граждан, обеспечить доступность и качество образования, здравоохранения, разработать новые меры поддержки семьи, снизить уровень бедности². При разработке региональных стратегических документов качество жизни населения выступает также основополагающим принципом. Так, миссия Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г. ориентирована на обеспечение полноценного и достойного качества жизни кузбассовцев, а результат реализации одного из главных ее приоритетов – превращение региона в центр высокого качества жизни населения³.

Повышение качества жизни населения не только интересует представителей властных структур и научной общественности, но и входит в перечень приоритетных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021–2030 гг. (п. 5.6.1.2. «Развитие теории формирования индикаторов социально-экономического развития, определяющих качество жизни, в пространстве характеристик региональной дифференциации, как инструмента проектного управления в цифровой экономике»⁴).

Несмотря на достаточно богатую историю и полноценное научное развитие, понятие *качество жизни* до сих пор не имеет строгого закрепления, что подтверждается десятками его дефиниций, встречающихся в исследовательских работах. Большинство ученых определяют в качестве фундаментального свойства этой категории *интегральность*, всесторонне отражающую жизнедеятельность людей и при этом обращенную к человеческим потребностям и степени их удовлетворения:

- А. В. Кудров и С. А. Айвазян на основе математических методов обосновывают интегральность качества жизни на примере различных индикаторов социально-экономического развития российских регионов [1];
- П. Д. Косинский и И. П. Поварич считают, что качество жизни – это «интегральная категория, которая представляет собой совокупность основных условий и характеристик всей жизнедеятельности человека, проявляющихся в масштабе самих потребностей, а также в объеме, способах удовлетворения их» [2, с. 16];
- По мнению М. В. Михайловой, «качество жизни – интегральная категория, отражающая единство субъективной и объективной оценок различных

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024. ИПП Гарант.

² О национальных проектах. *Нацпроекты глазами людей*. URL: <https://ngl.er.ru/about> (дата обращения: 02.01.2025).

³ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области-Кузбасса на период до 2035 г. *Администрация Правительства Кузбасса*. URL: <https://ako.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie-kemerovskoy-oblasti-.php> (дата обращения: 02.01.2025).

⁴ Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.). Распоряжение Правительства РФ № 3684-р от 31.12.2020 (ред. от 22.07.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

условий жизнедеятельности субъекта (любой, в том числе территориальной общности людей) и его свойств в конкретном культурно-историческом и ресурсном контексте» [3, с. 20];

- А. В. Мухачева понимает под качеством жизни степень удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека (группы, общества), определяемую объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы и субъективно ощущаемыми характеристиками его жизни [4].
- Современные исследователи, такие как Л. М. Боблакова, Г. П. Теске, Т. Ю. Радиловская, Л. А. Тухужева, О. В. Глушакова и Н. А. Горелова, при определении данной категории смещают акцент на качество удовлетворения материальных, социальных, культурных и других человеческих потребностей [5–9].

Однако в нашем исследовании мы будем использовать вариант, предложенный Е. А. Морозовой, которая представляет качество жизни населения как совокупность двух составляющих – уровня и условий жизни. При этом она отмечает, что «уровень жизни следует понимать как степень материальной обеспеченности людей, позволяющую удовлетворять их разнообразные потребности, а условия жизни – как те обстоятельства, которые сопутствуют человеку (обществу) в процессе его жизнедеятельности и способствуют удовлетворению различных потребностей» [10, с. 36].

Риски и связанная с ними неопределенность – постоянные спутники людей, все чаще не позволяющие им достичь полного удовлетворения потребностей. Негарантированность, турбулентность, хаос, конфликты, конкуренция, временность и постоянные перемены – вот реальные составляющие современного общества, которые создают высокие риски

ухудшения качества жизни населения. Такое состояние общества, на наш взгляд, точно описывает Б. Рассел: т.к. современный мир в качестве своих фундаментальных свойств предлагает людям нестабильность, разнообразие и множественность, то они не чувствуют себя в нем в безопасности [11]. Следовательно, риск оказывает серьезное влияние на качество жизни населения, поскольку присутствует во всех сферах человеческой деятельности. Не случайно одной из влиятельных теорий в исследовании качества жизни населения считается концепция *общества риска* (табл. 1), отражающая высокий уровень рискогенности общества.

Согласно теории Э. Гидденса индустриальное общество, достигнув определенной стадии развития, превращается в общество риска, где наряду с развитым производством, технологическим прогрессом, экономическим ростом и эффективностью происходит потеря контроля над природой и результатами деятельности человека [12]. У. Бек на основе анализа различных рисков, во многом определяющих качество жизни населения, пришел к выводу, что в индустриальном обществе число рисков увеличивается из-за постоянного роста человеческих потребностей, требующих удовлетворения, а это, в свою очередь, создает социально опасные ситуации [13]. Ученые подчеркивают, что только путем последовательных действий по локализации и устранению конкретных рисков можно добиться улучшения качества жизни людей.

В современных научных публикациях все чаще встречаются исследования, посвященные изучению воздействия разных рисков на качество жизни:

1. В работе [14] авторы оценивают риски, влияющие на благосостояние личности в регионе, и понимают под ними «совокупность факторов, которые формируют кризисные ситуации – зоны риска <...> и с определенной вероятностью попадают в различные зоны риска» [14, с. 1078].

Табл. 1. Основные концепции качества жизни конца XX – начала XXI в.

Tab. 1. Key concepts of the quality of life and living standards in the late XX – early XXI centuries

Концепция	Представители	Идея
постиндустриального общества	Р. Арон, Д. Белл, У. Ростоу, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, Э. Тоффлер, Л. Мэмфорд, Э. Фромм, Г. Маркузе и др.	качество жизни понимается как совокупность материальных и духовных благ, предоставляемых гражданам постиндустриальным обществом
информационного общества	М. Кастельс, Дж. Нейсбитт, У. Мартин, Е. Масуда, А. Бюль, Ю. Хаяши, Р. Дарендорф и др.	качество жизни связывается с информацией и формами ее эксплуатации как главным ресурсом, позволяющим его изменить
общества риска	У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, О. Н. Яницкий, В. И. Зубков, А. Альгин, В. С. Диев, А. В. Мозговая и др.	качество жизни находится под влиянием разнообразных рисков. Чем выше риски, тем ниже защищенность жизни людей и, следовательно, качество их жизни

2. В статье [15] проводится оценка степени влияния социокультурных рисков на качество жизни человека и общества, а также предлагаются пути их минимизации. Кроме того, подчеркивается, что источниками глобальных угроз для современного общества выступают «социальные расколы, неравенство, кризис идентичности, структурный дисбаланс в профессиональных, этнических и иных социальных группах, а также психологические дисфункции общества: anomia, дефицит солидарности, неудовлетворенные потребности в безопасности, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, состояние неуверенности в завтрашнем дне, отсутствие долгосрочных перспектив» [15, с. 121]. Автор приходит к выводу, что наибольшее негативное влияние на качество жизни населения оказывает морально-нравственный кризис, а к рискам высокой опасности, наряду с вестернизацией, технологизацией, деформацией каналов и механизмов духовного наследия, относит цифровизацию.

Безусловно, качество жизни населения в условиях цифровизации всех сфер жизнедеятельности подвержено значительным изменениям. С одной стороны, перед людьми открываются новые возможности для повышения уровня и улучшения условий жизни: цифровая трансформация регионов позволяет обеспечить рост благосостояния населения, улучшить состояние социально-трудовой сферы, сферы здравоохранения, образования, экологии, правопорядка и др. С другой – ускоренная цифровизация имеет и негативные последствия: разная степень цифровых знаний приводит к цифровому неравенству людей, что проявляется в уровне их оплаты труда, росте безработицы, угрозах личной безопасности, дополнительных затратах на цифровое образование, повышенном стрессе из-за неспособности быстро адаптироваться к новым условиям внешней среды и неуверенности в завтрашнем дне. Данные выводы подтверждаются результатами исследований [16–19] и др.

Е. В. Щекотин рассматривает качество жизни населения с точки зрения рисков как совокупность возможных рисков, угроз и опасностей, характеризующую условия человеческой жизнедеятельности, реализация которых может привести к реальным неблагоприятным последствиям для человека [20, с. 170]. Мы поддерживаем эту точку зрения и считаем, что качество жизни определяется разнообразием внутренних и внешних факторов, к числу которых относятся риски и опасности, угрожающие

личности. Помимо этого, по мнению А. Н. Зубца, качество жизни людей можно рассматривать как избавление от неблагоприятных внешних «раздражителей» и определить его, сопоставив фактический уровень защищенности населения от опасностей с возможностями, которыми располагает общество для предотвращения неблагоприятных воздействий на человека [21].

Итак, в современных условиях жизнедеятельности первостепенным для человека становится стремление к безопасности. Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. При этом в ст. 1 Закона РФ «О безопасности» под жизненно важными интересами понимается «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает их существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства»⁵. Присутствие источников риска в жизнедеятельности людей и допустимость некоторого уровня опасности признаются как на законодательном уровне, так и авторами ряда исследований [22–24]. Например, М. М. Рожков считает, что «безопасность – это состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу, окружающей среде» [23, с. 80], а О. Н. Русак, К. Р. Малаян и И. Г. Занько понимают под безопасностью *приемлемый риск* [24].

Оценить уровень безопасности позволяет теория рисков, представляющая уровень безопасности как количественную меру опасности. При рассмотрении риска в качестве меры потерь можно сделать следующий вывод: чем меньше потери индивида и общества в процессе жизнедеятельности, тем ниже уровень риска ухудшения качества жизни населения. На рисунке 1 представлена взаимосвязь категорий *качество жизни населения* и *риск*, а также других связанных с ними понятий. Опасности реализуются через разнообразные риски, отражающие меру возможных потерь. Безопасность выступает важнейшим критерием качества жизни населения в обществе риска и обеспечивает состояние рискозащищенности от угроз и опасностей, которые могут нарушать нормальное течение жизни человека и общества.

На основе установленной взаимосвязи вышеуказанных категорий было дано авторское определение понятию *риск ухудшения качества жизни* как возможной опасности снижения уровня жизни людей и ухудшения условий их жизни под влиянием

⁵ О безопасности. Закон РФ № 2446-1 от 05.03.1992 (с изм. и доп.) (утратил силу). ИПП Гарант.

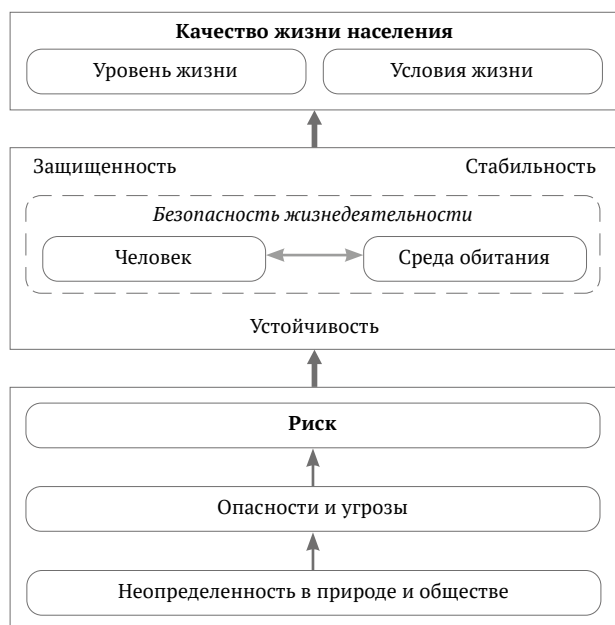

Рис. 1. Взаимосвязь категорий качество жизни населения и риск

Fig. 1. Correlation between living standards and risks

неопределенности внешней среды и (или) различных видов деятельности общества. Следует отметить, что данное понятие в научной литературе встречается крайне редко, как и типология рисков качества жизни. Классификация рисков качества жизни, т.е. их подразделение на категории по определенным критериям, была предложена Е. В. Нижегородским [25] и Е. В. Щекотиным [22]. Однако подходы данных авторов не раскрывают взаимосвязи риска с безопасностью как категорией, связующей эти понятия и имеющей особую значимость в современных условиях. Это стало причиной, по которой в основу авторской классификации рисков ухудшения качества жизни населения были положены виды безопасности.

В нормативных документах и научной литературе выделяется много видов безопасности в зависимости от ее объекта, в качестве которого может выступать человек, общество, международное сообщество, природная среда, техносфера. В рамках данного исследования мы рассматриваем безопасность человека и для классификации рисков ухудшения качества жизни населения используем положения Концепции человеческой безопасности, в которой выделяется семь ее основных видов: экономическая, продовольственная, экологическая, безопасность для здоровья, личная, политическая, общественная (культурная). З. З. Биктимирова дополнительно выделяет энергетическую безопасность, определяемую «как свобода и защита от угроз нарушения

энергообеспечения» [26, с. 188]. Мы согласны с этим мнением и считаем, что энергетике принадлежит особая роль в обеспечении безопасности человека, т.к. без достаточного уровня энергообеспечения не может быть достигнут желаемый уровень других видов безопасности. Кроме этого, рассмотренный перечень видов безопасности, на наш взгляд, необходимо расширить с учетом современных тенденций, происходящих в обществе, и добавить в него информационную безопасность, которая характеризует состояние сохранности информационных ресурсов и защищенности законных прав личности и общества в информационной сфере.

Уровень безопасности жизнедеятельности человека снижается под воздействием разных рисков, которые имеют аналогичную с ней природу происхождения, а следовательно, и виды. В работе [27] выделяются два типа рисков качества жизни – риски снижения уровня жизни населения и ухудшения условий его жизни. Каждый из них характеризуется определенным перечнем разных рисков. Так, к рискам снижения уровня жизни населения, которые наносят потери материальной обеспеченности человека, мы относим экономический, продовольственный, энергетический риски и риск в социально-трудовой сфере. К рискам же ухудшения условий жизни населения, наносящим потери результатам жизнедеятельности человека, – экологический риск, риск сферы здравоохранения, сферы образования, ухудшения жилищных условий, культурно-досуговой сферы, личной безопасности, информационный и политический риски. Все риски взаимосвязанные, т.е. они оказывают непосредственное влияние друг на друга, которое усиливает воздействие других рисков.

Методы и материалы

Методологическая основа – научные труды российских и зарубежных ученых в области изучения качества жизни населения и рисков. Информационная база – официальные материалы Федеральной службы государственной статистики, а также аналитические отчеты Министерства экономического развития и Министерства здравоохранения РФ. Методика оценки риска ухудшения качества жизни населения региона (рис. 2) опирается на ряд исследований [4; 28–31]. Для характеристики уровня и условий жизни людей используется система индикаторов, которые сгруппированы в два блока – позитивные и негативные. Позитивные индикаторы оказывают обратное влияние на риск, т.е. чем выше значение индикатора, тем ниже уровень риска (и наоборот), а негативные – прямое, т.е. чем выше значение, тем выше уровень риска (и наоборот).

Существует точка зрения, в соответствии с которой риск рассматривается как возможность отклонения от целевых показателей [32–35]. Например, Н. А. Рыхтикова считает, что «риск можно рассматривать как экономическую категорию, характеризующую возможность, вероятность отклонения от цели, несовпадения фактического результата с намеченным в условиях существующей неопределенности» [35, с. 7]. Мы также придерживаемся данной позиции и в качестве целевых показателей используем среднероссийские значения, с которыми сравниваются региональные. Такая процедура предварительной нормализации (стандартизации) позволяет привести показатели по региону и в среднем по России к сопоставимому виду, т.е. перейти от величин с разной размерностью к единой шкале измерения.

Результаты

Рассмотрим более подробно предложенный методический подход на примере отдельных рисков ухудшения качества жизни населения Кемеровской области – Кузбасса (табл. 2). За 2012–2022 гг. уровень риска в социально-трудовой сфере региона вырос с 17,7 % до 20,5. В 2015, 2016 и 2017 гг. он имел максимальные значения (39,3 %, 40,3 и 37,3 соответственно), превышая уровень 2012 г. (17, 7).

С учетом возможностей информационной базы современной официальной статистики для оценки уровня риска социально-трудовой сферы использовались индикаторы, представленные в таблице 3. Уровень общей безработицы в России и Кемеровской области в целом за 11 лет снизился, однако в отдельные периоды (в 2014–2016 гг., 2020 г.) отмечался его рост. В Кузбассе показатели безработицы

Рис. 2. Методика оценки риска ухудшения качества жизни населения в регионе
Fig. 2. Methodology for assessing the risk to living standards in the region

Табл. 2. Интегральные значения риска ухудшения качества жизни населения в Кузбассе, %

Tab. 2. Risk to living standards in the Kemerovo Region: integral values, %

Вид	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Риски снижения уровня жизни</i>	3,7	7,4	7,7	7,6	9,1	8,3	7,3	6,2	7,6	9,3	6,0
Продовольственный риск	9,9	9,1	10,8	10,3	10,4	11,9	11,4	11,8	10,2	11,6	10,9
Энергетический риск	-16,9	-5,2	-11,9	-23,4	-19,2	-20,1	-14,0	-12,5	-9,8	-3,8	-9,1
Риск в социально-трудовой сфере	17,7	18,3	25,1	39,3	40,3	37,3	29,0	24,2	30,3	28,0	20,5
<i>Риски ухудшения условий жизни</i>	29,8	30,7	28,2	28,2	30,7	33,4	28,5	34,2	31,5	31,8	29,9
Риск личной безопасности	24,5	23,1	23,5	18,5	21,2	23,8	19,3	21,4	22,5	23,1	23,5
Риск ухудшения жилищных условий	29,9	29	25	17,3	23,6	22,2	18,9	12,8	9,3	16,9	13,3
Риск в сфере здравоохранения	1,7	2,2	3,4	3,1	3,6	9,5	5,5	8,7	8,7	6,5	7,3
Риск в сфере образования	5,6	4,7	4,8	5,1	7,1	6,2	4,8	5,7	4,8	11	13,5
Риск ухудшения качества жизни	16,8	19,1	13,5	17,9	19,9	20,9	17,9	20,2	19,6	20,6	18,0

имеют более выраженный характер и более высокие темпы изменения, чем среднероссийские. В 2012–2022 гг. уровень безработицы в регионе был выше федерального показателя, что негативно отразилось на уровне риска в социально-трудовой сфере. С 2016 по 2020 гг. наблюдалась тенденция снижения уровня занятости населения как в среднем по России, так и в Кемеровской области. Следовательно, из-за отрицательного влияния данного фактора уровень риска в социально-трудовой сфере региона стал выше.

Кроме того, за 11 лет произошло снижение доли работников, пострадавших при несчастных случаях на производстве на 41 %. Этому способствовало ежегодное выделение средств на мероприятия по охране труда, сумма которых возросла более чем в 2 раза за 2012–2022 гг., что существенно превышало федеральные значения. Данный фактор оказывал положительное влияние на уровень риска в социально-трудовой сфере, снижая его. Однако на протяжении всего исследуемого периода доля работников, пострадавших при несчастных случаях на производстве в Кузбассе, была примерно в 2 раза выше среднероссийского значения.

Также фактором негативного влияния на уровень риска выступает удельный вес занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, который вырос с 58,1 % в 2012 г. до 67,3 % в 2022 г., что тоже значительно выше, чем в среднем по России. Такой фактор, как среднее время поиска работы безработными гражданами, влиял на степень риска

в социально-трудовой сфере положительно в 2012 и 2013 гг., т.к. его значения были ниже федеральных показателей. В 2015–2022 гг. влияние данного фактора было отрицательным. В 2012–2022 гг. среднее время поиска работы и в России, и в Кузбассе варьировалось от 6,3 до 8,5 месяцев, но в 2022 г. оно заметно снизилось.

Коэффициент напряженности на рынке труда Кемеровской области в 2019–2022 гг. имел значения ниже среднероссийских, а во все остальные годы был выше их. Значительное превышение регионального значения этого коэффициента над его федеральным уровнем фиксировалось в 2014–2017 гг., что обусловило высокие значения уровня риска в социально-трудовой сфере. Однако следует отметить и положительную динамику данного показателя, т.к. за 11 лет он снизился наполовину в среднем по России и на 61 % по Кузбассу.

Уровень риска в сфере здравоохранения региона увеличился с 1,7 % в 2012 г. до 7,3 % в 2022 г. из-за ряда рискообразующих факторов (табл. 4):

1. Более высокие региональные значения по первичной заболеваемости населения на 1000 человек в сравнении со среднероссийскими, особенно в 2013–2018 гг., когда уровень заболеваемости кузбассовцев превышал на 10 % и более общероссийский (хотя в целом за 11 лет этот показатель в Кузбассе снизился).

2. Риск ухудшения здоровья населения напрямую связан с серьезными проблемами в кадровом обеспечении системы здравоохранения Кузбасса.

Табл. 3. Индикаторы риска в социально-трудовой сфере

Tab. 3. Risk indicators in the social and labor sphere

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Уровень безработицы по методологии МОТ, %</i>											
Россия	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8	4,8	4
Кузбасс	7,1	6	6,2	7,7	7,9	7,1	6,2	5,5	6,7	5,4	4,1
Кузбасс / Россия, %	29,1	9,1	19,2	37,5	43,6	36,5	29,2	19,6	15,5	12,5	2,5
<i>Уровень занятости населения, %</i>											
Россия	64,9	64,8	65,3	65,3	65,6	65,4	65,4	64,7	63,4	64,6	65,2
Кузбасс	62	63,7	63,6	61,8	62	61,2	61	60,3	59,2	59,8	60,3
Кузбасс / Россия, %	-4,5	-1,7	-2,6	-5,4	-5,5	-6,4	-6,7	-6,8	-6,6	-7,4	-7,5
<i>Удельный вес занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, %</i>											
Россия	31,8	32,2	39,7	39,1	38,5	37,9	37,9	38,3	37,3	36,4	36,1
Кузбасс	58,1	59,9	66,8	67,7	67,3	67,7	67,1	67,2	67,0	68,1	67,3
Кузбасс / Россия, %	82,7	86,0	68,3	73,1	74,8	78,6	77,0	75,5	79,6	87,1	86,4
<i>Удельный вес работников, пострадавших от несчастных случаев, %</i>											
Россия	0,19	0,17	0,14	0,13	0,13	0,13	0,12	0,12	0,10	0,11	0,10
Кузбасс	0,34	0,30	0,27	0,27	0,26	0,27	0,23	0,22	0,24	0,24	0,20
Кузбасс / Россия, %	81,2	78,4	85,9	101,7	103,5	111,1	96,6	91,8	132,7	118,2	100,0
<i>Среднее время поиска работы безработными, мес.</i>											
Россия	7,5	7,6	7,3	7,3	7,6	7,6	7,4	6,9	6,3	6,8	6,2
Кузбасс	7,4	7,0	7,3	7,6	8,2	8,5	8,0	7,8	6,7	7,5	7,0
Кузбасс / Россия, %	-1,3	-7,9	0,0	4,1	7,9	11,8	8,1	13,0	6,3	10,3	12,9
<i>Коэффициент напряженности на рынке труда</i>											
Россия	3,18	3,00	2,78	3,76	3,30	2,70	2,30	2,10	2,70	1,80	1,60
Кузбасс	3,37	3,32	3,99	6,53	5,30	3,70	2,51	2,00	2,90	1,70	1,30
Кузбасс / Россия, %	5,8	10,6	43,4	73,9	60,6	37,0	9,0	-4,8	7,4	-5,6	-18,8
<i>Израсходовано средств на мероприятия по охране труда в расчете на 1 работающего, руб.</i>											
Россия	8758	8881	9616	10900	11480	12965	14246	14862	18825	20476	21997
Кузбасс	15579	13310	13802	13162	13092	15586	17592	19670	25671	27354	32320
Кузбасс / Россия, %	77,9	49,9	43,5	20,7	14,0	20,2	23,5	32,3	36,4	33,6	46,9
Уровень риска, %	17,7	18,3	25,1	39,3	40,3	37,3	29,0	24,2	30,3	28,0	20,5

Таким образом, численность врачей всех специальностей на 1000 человек населения в 2022 г. в регионе составляла 43,2 человека, что на 11,5 % меньше, чем в 2012 г. Соответственно, имеет место более высокая нагрузка на врачебный персонал кузбасской медицины. При этом на протяжении всего исследуемого периода отмечалось отставание Кемеровской

области по данному показателю от среднефедеральных значений.

3. Общий коэффициент смертности в Кемеровской области на протяжении 2012–2022 гг. стабильно превышал среднероссийские значения. Коэффициент младенческой смертности в регионе хотя и демонстрировал положительную динамику,

Табл. 4. Индикаторы риска в сфере здравоохранения (отклонение региональных значений от среднероссийских), %
Tab. 4. Healthcare risk indicators: Kemerovo Region vs. Russia's average, %

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Первичная заболеваемость на 1000 человек населения	3,1	11,6	9,9	11,9	10,0	14,3	10,1	6,4	4,6	2,0	1,9
Численность населения на одну больничную койку, человек	-5,1	-3,4	-1,3	-7,0	-9,1	-10,8	-12,1	-11,5	-11,0	-14,5	-15,9
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10000 человек населения, посещений в смену	7,3	8,1	11,7	8,7	9,0	11,0	6,6	5,7	2,6	2,9	2,9
Численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения, человек	-0,7	-3,5	-5,6	-6,8	-5,6	-6,1	-7,6	-10,2	-12,6	-15,2	-14,8
Численность среднего медицинского персонала на 10000 человек населения, человек	6,5	5,5	4,2	8,3	9,5	8,5	3,5	1,4	0,3	-1,7	2,1
Общий коэффициент смертности	14,3	11,5	11,5	11,5	10,9	13,7	15,2	15,4	11,0	9,0	13,0
Коэффициент младенческой смертности	2,3	-11,0	-2,7	3,1	21,7	23,2	2,0	26,5	24,4	19,6	31,8
Расходы на здравоохранение, руб. на душу населения	-12,1	-19,4	-20,4	-15,8	-8,6	-48,6	-31,2	-29,7	-31,1	-21,9	-18,1
Уровень риска, %	1,7	2,2	3,4	3,1	3,6	9,5	5,5	8,7	8,7	6,5	7,3

снизившись на 34 % к 2022 г. (с 8,8 в 2012 г. до 5,8 в 2022 г.), но имел более высокие значения, чем в среднем по России (исключение составляли только 2013 и 2014 гг.). Стоит отметить, что особенно сильное его превышение в 2017, 2019, 2020 и 2022 гг. привело к существенному скачку уровня риска в сфере здравоохранения.

4. Недостаточное финансирование кузбасского здравоохранения по сравнению со среднероссийскими показателями также стало весомой причиной повышения уровня риска в этой сфере. Расходы на здравоохранение в регионе имели отрицательное отклонение от среднефедеральных значений, особенно возросшее к концу 2022 г. Если в 2012 г. этот показатель на 12,1 % был меньше, чем в среднем по России, то в 2014 г. – на 20,4 %, в 2017 г. – на 48,6 %, а в 2020 г. – на 31,1 %. Но в последние два года анализируемого периода наметилась положительная тенденция – разрыв между региональными и федеральными значениями уменьшился.

В то же время были и индикаторы, которые способствовали снижению отрицательного влияния указанных выше факторов на риск в сфере здравоохранения в течение 11 лет. В 2012–2022 гг. численность населения на одну больничную койку,

т.е. обеспеченность населения местами в медицинских стационарах в Кузбассе, была выше, чем в среднем по России. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10000 человек населения в Кемеровской области увеличилась за этот промежуток времени на 7,5 %: с 283,3 посещений в смену в 2012 г. до 304,6 в 2022 г. (это самое высокое значение за весь период). Среднероссийский показатель также увеличился (только с большими темпами) на 12 %. В Кузбассе в течение всего исследуемого периода наблюдались высокие значения данного показателя по сравнению со среднероссийскими значениями. Численность же среднего медицинского персонала на 10000 человек населения на региональном уровне в 2012–2022 гг. превышала федеральные значения.

Аналогичным образом были изучены факторы положительного и отрицательного влияния на другие риски, ухудшающие качество жизни населения. Так, увеличению экономического риска способствовало отрицательное отклонение от среднероссийских значений таких показателей, как среднедушевые денежные доходы населения и их соотношение с величиной прожиточного минимума, а также более высокий уровень бедности в регионе, чем

в среднем по стране. Благодаря более низким, чем в среднем по России, значениям коэффициента дифференциации доходов, индекса концентрации доходов и доли расходов на питание в потребительских расходах в Кузбассе уровень экономического риска в Кемеровской области невысокий. Значения уровня энергетического риска, который представляет собой угрозу нарушения энергообеспечения граждан, в регионе отрицательные, т. е. показывают насколько процентов он ниже, чем в среднем по России. Индикаторы, используемые для оценки уровня этого риска (мощность электростанций и производство электроэнергии на душу населения), находятся в обратной зависимости с ним: чем выше значение показателя, тем ниже риск.

В 2012–2020 гг. риск в сфере образования характеризовался невысокими значениями (в пределах 5–7 %), однако в 2021 и 2022 гг. возрос до 11 % и 13,5 соответственно. К основным рискообразующим факторам относятся отрицательные отклонения региональных значений от федеральных по таким показателям, как численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; расходы на образование на душу населения; среднее число учащихся, приходящееся на одного учителя по программам начального, основного и среднего общего образования. Особенно сильное негативное влияние оказало значительное сокращение расходов на образование: если в 2012 г. региональное и среднероссийское значения данного показателя были примерно одинаковыми, то в 2021 и 2022 гг. в Кузбассе при значительном сокращении расходов на образование в абсолютном выражении (на 36,5 % по сравнению с 2020 г.) их уровень был примерно в 2 раза ниже, чем в среднем по России (на 49 % и 51 соответственно). Более высокие региональные значения, в сравнении со среднефедеральными, по таким показателям, как валовой коэффициент охвата детей дошкольным образованием, обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных учреждениях и численность студентов, обучающихся по программам специалистов среднего звена, способствовали снижению риска в сфере образования Кузбасса.

Риск ухудшения жилищных условий снизился за 2012–2022 гг. более чем в 2 раза. Рассмотрим индикаторы, которые использовались для оценки уровня данного вида риска:

1. Общая площадь жилых помещений на душу населения существенного влияния на уровень риска ухудшения жилищных условий не оказывала,

т.к. региональные значения данного показателя незначительно отстают от федеральных: на одного жителя России и Кузбасса приходится в среднем практически одинаковое количество квадратных метров. В Кемеровской области ситуация с аварийным жильем более критичная, чем в среднем по России, о чем свидетельствует высокое положительное отклонение региональных значений показателя от федеральных. Это значительно увеличивает риск ухудшения жилищных условий населения в Кузбассе. К концу 2022 г. разрыв между значениями по региону и в среднем по стране стал еще более заметным, что негативно отразилось на общем уровне риска.

2. Важное значение при оценке риска ухудшения жилищных условий населения имеют характеристики жилья. В 2022 г. в Кемеровской области было оборудовано водопроводом 87 % жилищного фонда, а в среднем по России – 86. Хотя и за 2012–2022 гг. Кузбасс незначительно продвинулся по данному показателю, но его региональные значения в течение этих 11 лет были выше федеральных, что положительно повлияло на уровень риска, т.е. снизило его. Однако удельный вес жилья, оборудованного в Кузбассе канализацией, отоплением, горячим водоснабжением и газом, в 2012–2022 гг. был стабильно ниже, чем в среднем по России, что негативно отразилось на уровне риска. Такие факторы, как доля семей, нуждающихся в жилых помещениях и получивших жилье, в динамике которых сложились положительные тенденции, снижали риск ухудшения качества жизни кузбассовцев. Еще один фактор – ввод в действие жилых домов – оказывает влияние на уровень риска ухудшения жилищных условий населения и находится в обратной зависимости с ним. В течение 11 лет его региональные значения не превышали федеральные, причем разрыв между ними усилился к концу 2022 г., существенно увеличив оцениваемый риск.

Риск личной безопасности населения Кемеровской области к 2022 гг. незначительно снизился, однако в целом имеет достаточно высокий уровень в основном из-за отрицательного влияния такого рискообразующего фактора, как количество зарегистрированных преступлений на 100000 человек населения. Несмотря на снижение в 2012–2022 гг. количества зарегистрированных преступлений в Кузбассе на 24,5 %, их число значительно превышало уровень данного показателя в среднем по России (хотя разрыв к концу исследуемого периода уменьшился). В течение 11 лет Кемеровская область по количеству зарегистрированных преступлений

всего по региону была в первой десятке по Российской Федерации, за исключением 2020 г., когда занимала 11 место⁶. К фактору, снижающему в отдельные периоды риск личной безопасности населения Кузбасса, можно отнести уменьшение количества дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них на 100000 человек населения (на 32,8 % за 2012–2022 гг.). Данный показатель превышал среднероссийские значения только в 2012 и 2020–2022 гг., в остальные годы он был ниже.

Факторы экологического риска в регионе подробно рассмотрены в авторском исследовании [27], а результаты изучения продовольственного риска как опасности отсутствия продуктов питания в достаточном количестве и свободного к ним доступа представлены в работе [36].

Таким образом, качество жизни кузбассовцев на начало 2023 г. было на 18 % ниже среднероссийского уровня, а риск снижения уровня жизни населения в регионе оказался незначительным (выше на 3–9 %, чем в среднем по России), что обусловлено в основном наличием проблем в социально-трудовой сфере. В большей же степени негативное влияние на качество жизни населения в Кузбассе оказал повышенный риск ухудшения условий жизни, которые примерно на треть хуже, чем в среднем по России (при этом основная проблема – состояние экологии).

Рассмотренный в статье методический подход к оценке рисков ухудшения качества жизни населения можно усовершенствовать, например, путем корректировки всех индикаторов, формирующих каждый вид риска на весовые коэффициенты значимости, полученные на основе экспертных оценок.

Заключение

Современное общество все чаще называют *обществом риска*, поскольку неопределенность и риск, а также связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а наоборот, возрастают. Предложено разделить все риски ухудшения качества жизни на две группы (риски снижения уровня жизни и ухудшения условий жизни населения), каждая из которых включает набор различных рисков, характеризующихся соответствующими статистическими индикаторами. Сформированная система индикаторов включает обширный перечень показателей, обеспеченных регулярной статистической отчетностью. Это позволяет всесторонне оценивать в динамике возможные риски

ухудшения качества жизни населения как сложной, комплексной и многогранной категории. Следует отметить, что перечень статистических индикаторов, предложенных в статье для оценки риска ухудшения качества жизни населения, может быть изменен при условии, что он будет отражать специфику и особенности развития того или иного региона.

Авторская методика оценки рисков ухудшения качества жизни населения предполагает расчет относительного отклонения значений индикаторов регионального риска от среднероссийского уровня, агрегирование рисков в соответствии с предложенной классификацией в укрупненные группы (риски уровня и условий жизни населения) с последующим вычислением интегрального показателя риска ухудшения качества жизни населения. В результате ее апробации с помощью объективных статистических показателей за 2012–2022 гг. на примере Кемеровской области – Кузбасса были получены следующие выводы:

1. Группа *рисков ухудшения качества жизни населения*, которые обусловлены главным образом сложившимися условиями жизни людей, включает:

- Экологический риск, представляющий большую угрозу для качества жизни населения и составляющий на начало 2023 г. 92 %. В большей степени такое высокое значение обусловлено увеличением количества выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в атмосферный воздух.
- Угроза личной безопасности кузбассовцев в 2022 г. была на 23,5 % выше, чем в среднем по России. Это объясняется высоким значением числа зарегистрированных преступлений на 100000 человек населения.
- Риск ухудшения жилищных условий в Кузбассе (вызванный в основном высоким удельным весом аварийного жилья и значительным отставанием от среднероссийских значений доли газифицированного жилья и вводом в действие жилых домов), а также риск в сфере образования (из-за значительного сокращения в последние годы расходов на образование) находились на уровне 13 %.
- Уровень риска в сфере здравоохранения Кузбасса составлял порядка 7 %, что в основном связано с высокими показателями смертности, сокращением расходов на здравоохранение и нехваткой врачей всех специальностей.

⁶ Всего зарегистрировано преступлений. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 12.01.2025).

2. К группе *рисков снижения уровня жизни населения* относятся:

- Риск в социально-трудовой сфере, имеющий в 2022 г. высокий уровень (20,5 %), который объясняется двукратным превышением доли работников, пострадавших при несчастных случаях на производстве, а также большей численностью занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда по сравнению со средними показателями по России.
- Продовольственный риск, составляющий в 2022 г. примерно 11 %. Он обусловлен тем, что значения региональных показателей потребления большей части жизненно важных продовольственных товаров (в % от рекомендуемой нормы) отстают от среднефедеральных.

Предложенный в статье рискологический подход позволяет получить объективную оценку уровня риска ухудшения качества жизни населения региона в сравнении с общероссийским уровнем, что может быть использовано для сопоставления таких рисков в субъектах Российской Федерации, построении соответствующего рейтинга регионов, а также при анализе и составлении прогнозов их социально-экономического развития.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Кудров А. В., Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю. Индикаторы основных направлений развития и интегральный индикатор качества условий жизни на региональном уровне. *Вестник ЦЭМИ*. 2019. Т. 2. Вып. 1. С. 2–16. [Kudrov A. V., Aivazian S. A., Afanasiev M. Yu. Indicators of the main directions of development and an integral indicator of the quality of life at the regional level. *Herald of CEMI*, 2019, 2(1): 2–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33276/S265838870005372-2>
2. Косинский П. Д., Поварич И. П. Управление качеством жизни населения региона на основе финансово-промышленной группы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 130 с. [Kosinskii P. D., Povarich I. P. *Managing the quality of life of the regional population on the basis of a financial and industrial group*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, 130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlvebb>
3. Михайлова М. В. Качество жизни населения как социальная доминанта государственной и муниципальной политики. СПб.: СПбГЭУ, 2020. 133 с. [Mikhailova M. V. *Quality of life of the population as a social dominant of state and municipal policy*. St. Petersburg: SPbSUE, 2020, 133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msorno>
4. Мухачева А. В., Морозова Е. А. Качество жизни в условиях кризиса: региональный аспект. Кемерово: КемГУ, 2016. 232 с. [Mukhacheva A. V., Morozova E. A. *Quality of life in times of crisis: Regional aspect*. Kemerovo: KemSU, 2016, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/spjazf>
5. Боблакова Л. М., Дмитриев В. В. Интегральная оценка качества жизни населения г. Санкт-Петербурга и г. Москвы. *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 3. С. 91–95. [Boblakova L. M., Dmitriev V. V. Integral assessment of the quality of life of the population in St. Petersburg and Moscow. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniia*, 2014, (3): 91–95. (In Russ.)]
6. Теске Г. П., Радиловская Т. Ю. Теоретико-методологический анализ методов исследования качества жизни населения в условиях глобальной цифровизации. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2020. № 4. С. 278–289. [Teske G. P., Radilovskaya T. Yu. Theoretical and methodological analysis of methods to study the quality of life of the population in the conditions of global digitalization. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2020, (4): 278–289. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.4.21>
7. Тухужева Л. А., Джанкулаев А. А. Качество и уровень жизни населения. *Вопросы науки и образования*. 2018. № 29. С. 52–54. [Tukhuzheva L. A., Dzhankulaev A. A. Quality and standard of living of the population. *Voprosy nauki i obrazovaniia*, 2018, (29): 52–54. (In Russ.)]
8. Глушакова О. В. Публичное управление процессами обеспечения качества жизни в социально-экономических системах. Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2012. 454 с. [Glushakova O. V. *Public management of processes to ensure quality of life in socio-economic systems*. Novosibirsk: Siberian Academy of Finance and Banking, 2012, 454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qviugn>

9. Политика доходов и качество жизни населения, ред. Н. А. Горелов. СПб.: Питер, 2003. 653 с. [*Income policy and the quality of life of the population*, ed. Gorelov N. A. St. Petersburg: Piter, 2003, 653. (In Russ.)]
10. Морозова Е. А. Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2018. № 3. С. 35–41. [Morozova E. A. Living standards as indicator of socio-economic development of single-industry towns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskije, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (3): 35–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xncxpf>
11. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире. In: *Индивидуализированное общество*, ред. В. Л. Иноземцев. М.: Логос, 2005. С. 176–192. [Bauman Z. Identity in the globalizing world. In: *The individualized society*, ed. Inozemtsev V. L. Moscow: Logos, 2005, 176–192. (In Russ.)]
12. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. *Thesis*. 1994. № 5. С. 107–134. [Giddens A. Fate, risk and security. *Thesis*, 1994, (5): 107–134. (In Russ.)]
13. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 316 с. [Beck U. *What is globalization?* Moscow: Progress-Traditsiia, 2001, 316. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raytkt>
14. Печеркина М. С., Коробков И. В. Оценка рисков, влияющих на благосостояние регионов. *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 4. С. 1077–1087. [Pecherkina M. S., Korobkov I. V. Assessment of the risks impacting the regions' welfare. *Ekonomika regiona*, 2019, 15(4): 1077–1087. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtbxhf>
15. Маякова А. В. Анализ социокультурных рисков современного социума. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2019. № 3. С. 120–127. [Mayakova A. V. Analysis of sociocultural risks of modern society. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii*, 2019, (3): 120–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/laeaud>
16. Мухачева А. В., Никитская Е. Ф. Развитие цифрового потенциала региона в управлении качеством жизни населения. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024. Т. 14. № 3. С. 859–884. [Mukhacheva A. V., Nikitskaya E. F. Developing the region's digital potential in managing the quality of life. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2024, 14(3): 859–884. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.14.3.120602>
17. Казачек Н. А., Захарова Е. Ю. Социальные риски цифровой экономики. *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15. № 4. С. 33–45. [Kazachek N. A., Zakharova E. Yu. Social risks of digital economy. *Humanitarian vector*, 2020, 15(4): 33–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45>
18. Литвинцева Г. П., Шмаков А. В., Стукаленко Е. А., Петров С. П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации. *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. № 3. С. 107–127. [Litvintseva G. P., Shmakov A. V., Stukalenko E. A., Petrov S. P. Digital component of people's quality of life assessment in the regions of the Russian Federation. *Terra Economicus*, 2019, 17(3): 107–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzvaga>
19. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. [Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, 19(1): 108–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
20. Щекотин Е. В. Качество жизни в глобальном обществе риска: методологический подход. *Общество. Среда. Развитие*. 2012. № 1. С. 167–171. [Shchekotin E. V. Quality of life in a global risk society: A methodological approach. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2012, (1): 167–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/panatr>
21. Зубец А. Н. Российские и международные подходы к измерению качества жизни. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2020. 112 с. [Zubets A. N. *Russian and international approaches to quality-of-life assessment*. Moscow: Financial University Under the Government of the Russian Federation, 2020, 112. (In Russ.)]
22. Щекотин Е. В. Проблема оценки качества жизни в условиях неустойчивого социума. *Вестник НГУЭУ*. 2013. № 1. С. 151–161. [Shchekotin Ye. V. Issue of evaluation of quality of life in conditions of unstable socium. *Vestnik NSUEM*, 2013, (1): 151–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ryciir>
23. Рожков М. М. Риск как категория безопасности жизнедеятельности. Критерии качества жизни населения Российской Федерации. *Экономика, статистика и информатика*. 2014. № 5. С. 79–83. [Rozhkov M. M. Risk category as safety. Criteria quality of life of the population of the Russian Federation. *Ekonomika, statistika i informatika*, 2014, (5): 79–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svurzn>
24. Русак О. Н., Малаян К. Р., Занько И. Г. Безопасность жизнедеятельности. СПб.: Лань, 2000. 448 с. [Rusak O. N., Malayan K. R., Zanko I. G. *Life safety*. St. Petersburg: Lan, 2000, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrrvxr>

25. Нижегородов Е. В. Анализ управления рисками качества жизни. *Экономика и управление качеством: учет, анализ, методы, модели, инструменты и аудит*. 2008. Вып. 5. С. 48–56. [Nizhegorodov E. V. Quality of life risk management analysis. *Ekonomika i upravlenie kachestvom: Uchet, analiz, metody, modeli, instrumenty i audit*, 2008, (5): 48–56. (In Russ.)]
26. Биктимирова З. З. Безопасность человека в регионе. *Экономика региона*. 2007. № 2. С. 187–200. [Biktimirova Z. Z. Man's safety in region. *Ekonomika regiona*, 2007, (2): 187–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwvtjt>
27. Егорова Н. М. Методический подход к оценке рисков качества жизни населения региона (на примере Кемеровской области). *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего*: Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 17–23 ноября 2023 г.) М.: Российская академия наук, 2024. Т. 3. С. 118–123. [Egorova N. M. Methodological approach to assessing the risks of the quality of life of the population in the Kemerovo Region. *Development of productive forces of Kuzbass: History, modern experience, and strategy for the future*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 17–23 Nov 2023. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2024, vol. 3, 118–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ixrtmg>
28. Калмыкова И. Е. Управление социально-экономическим развитием региона на основе риск-менеджмента: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2011. 26 с. [Kalmykova I. E. *Management of socio-economic development of the region based on risk management*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2011, 26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qhvhvl>
29. Буянова М. Э. Оценка риска социально-экономического развития регионов Юга России (факторный подход). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика и экология*. 2012. № 1. С. 84–93. [Buyanova M. E. Risk assessment of the social and economic development of the regions of the South of Russia (factor approach). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika i ekologiya*, 2012, (1): 84–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbkhal>
30. Безденежных Т. И., Кадничанская М. О., Кормановская И. Р. Оценка рисков устойчивого развития регионов (на примере Новгородской области). *Инновации*. 2015. № 7. С. 99–102. [Bezdenezhnykh T. I., Kadnichanskaya M. O., Kormanovskaya I. R. Component approach to the risks assessment of regional development (using Novgorod Region as an example). *Innovatsii*, 2015, (7): 99–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uho9rh>
31. Оценка социально-экономического состояния региона и реализации стратегии его развития, ред. Е. А. Морозова. Кемерово: КемГУ, 2021. 335 с. [Assessing of the socio-economic state of the region and the implementation of its development strategy, ed. Morozova E. A. Kemerovo: KemSU, 2021, 335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbhyef>
32. Концептуальное моделирование процессов управления экономическим риском на основе теории нечеткой логики, ред. Р. М. Качалов. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. 113 с. [Conceptual modeling of economic risk management processes based on the theory of fuzzy logic, ed. Kachalov R. M. Moscow: SEMI RAS, 2017, 113. (In Russ.)]
33. Бачкай Т., Мессен Д., Мико Д. Хозяйственный риск и методы его измерения. М.: Экономика, 1979. 184 с. [Bachkai T., Messen D., Miko D. *Economical risk and methods for its estimation*. Moscow: Ekonomika, 1979, 184. (In Russ.)]
34. Альгин А. П. Грани экономического риска. М.: Знание, 1991. 63 с. [Algin A. P. *Facets of economic risk*. Moscow: Znanie, 1991, 63. (In Russ.)]
35. Рыхтикова Н. А. Анализ и управление рисками организации. М.: Форум, 2010. 240 с. [Rykhtikova N. A. *Organizational risk analysis and management*. Moscow: Forum, 2010, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsypin>
36. Морозова Е. А., Котов Р. М., Пастухова Е. Я., Егорова Н. М. Продовольственный риск снижения качества жизни населения региона. *Техника и технология пищевых производств*. 2024. Т. 54. № 4. С. 837–847. [Morozova E. A., Kotov R. M., Pastukhova E. Ya., Egorova N. M. Food risks as an indicator of the quality of life in the region. *Food Processing: Techniques and Technology*, 2024, 54(4): 837–847. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2074-9414-2024-4-2544>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/uidmtz>

Концептуальные основы трансформации институциональной среды инфраструктуры сервиса в условиях цифровизации экономики

Жаров Василий Геннадьевич

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1225-0116

<https://orcid.org/0000-0002-0950-8711>

basille@mail.ru

Аннотация: Интеграция цифровых сервисов, платформ, экосистем, социальных сетей в инфраструктуру сервиса формирует новую институциональную среду. Существующая система формальных и неформальных правил не отвечает вызовам современности в полной мере. Ограниченная рациональность и оппортунистическое поведение заказчиков (потребителей) и поставщиков (исполнителей) услуг не способствуют формированию доверительных отношений. В связи с этим возрастающие издержки снижают эффективность деятельности и вызывают состояние неопределенности. Цель – сформировать концептуальные основы институциональной среды инфраструктуры сервиса в условиях развития цифровой экономики, которые базируются на рациональном сочетании институтов и комбинации правил, позволяющих организовать развитие хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса на основе доверительных отношений между потребителем и исполнителем услуг. В качестве благоприятного исхода ожидается формирование новых экономических связей, построенных на основе взаимного доверия субъектов взаимодействия и такого сочетания формальных и неформальных правил, при котором образуется саморегулируемая система – институт доверительных отношений. Задачи: 1) конкретизировать этапы развития хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса на основании институционального подхода; 2) проанализировать сценарии взаимодействия заказчика и поставщика в условиях проявления ограниченной рациональности и оппортунистического поведения; 3) обосновать и определить целевую траекторию формирования доверительных отношений в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики. Предложена концептуальная модель формирования доверительных отношений в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики. Она обладает высокой теоретической и практической значимостью, так как позволяет конкретизировать представление о формировании доверительных отношений и их роли при взаимодействии хозяйствующих субъектов не только в инфраструктуре сервиса, но и в сферах, для которых характерны проявления ограниченной рациональности и оппортунистического поведения.

Ключевые слова: инфраструктура сервиса, формальные правила, неформальные правила, институты, институциональная среда, ограниченная рациональность, оппортунистическое поведение, поведенческие установки, доверительные отношения

Цитирование: Жаров В. Г. Концептуальные основы трансформации институциональной среды инфраструктуры сервиса в условиях цифровизации экономики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 96–108. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-96-108>

Поступила в редакцию 22.10.2024. Принята после рецензирования 10.12.2024. Принята в печать 16.12.2024.

full article

Framework for Institutional Shift of Service Infrastructure in Digital Economy

Vasily G. Zharov

Kosygin Russian State University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1225-0116

<https://orcid.org/0000-0002-0950-8711>

basille@mail.ru

Abstract: Digital services, platforms, ecosystems, and social networks integrate into the service infrastructure to form a new institutional environment. The current system of formal and informal rules fails to meet this challenge. Service consumers and providers demonstrate limited rationality and opportunistic behavior that prevent them from establishing trusting relationships. The increasing costs eventually result in low efficiency and uncertainty. The paper describes is to form the conceptual framework for the institutional environment of the service infrastructure in the context of digital economy. This framework relies on a rational combination of institutions and rules that make it possible to build economic relations on the trust between the service consumer and the service provider. The resulting economic ties form a self-regulating system based on mutual trust and a combination of formal and informal rules. The author used the institutional approach to study the stages of economic development in the sphere of service infrastructure. The analysis of customer/provider interaction scenarios in the context of limited rationality and opportunistic behavior made it possible to outline the target trajectory for the development of trusting relationships in digital economy and build its conceptual model. The model is applicable to other social spheres associated with limited rationality and opportunistic behavior.

Keywords: service infrastructure, formal rules, informal rules, institutions, institutional environment, limited rationality, opportunistic behavior, behavioral attitudes, trusting relationships

Citation: Zharov V. G. Framework for Institutional Shift of Service Infrastructure in Digital Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 96–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-96-108>

Received 22 Oct 2024. Accepted after review 10 Dec 2024. Accepted for publication 16 Dec 2024.

Введение

В экономике порядок функционирования и развития хозяйственных отношений определяется действующими институтами – набором формальных и неформальных правил, включающих своды действующих законов, устоявшихся норм и ценностей и образующих институциональную среду [1]. От степени ее зрелости во многом зависит эффективность взаимодействия субъектов в экономических, политических системах и социальных группах на разных уровнях [2; 3].

Формальные институты, как правило, создаются на различных уровнях системы государственного управления и основываются на документально зафиксированном своде разрешенных действий и ограничений, выход за рамки которых влечет за собой применение мер санкционного воздействия в отношении нарушителя в пределах действующего законодательства. При движении в фарватере данного подхода предполагается неукоснительное соблюдение правил, строгое следование утвержденным

процедурам и регламентам. Однако такие особенности функционирования формальных институтов имеют существенные недостатки в виде роста бюрократической нагрузки и запаздывания формальных инструментов за темпами развития новаций в условиях цифровизации экономики.

Формальный подход в чистом виде не способен полноценно регламентировать экономические отношения во всем многообразии возможных комбинаций взаимодействия хозяйствующих субъектов. Следовательно, пробелы, которые при этом неизбежно возникают, заполняются за счет применения иных подходов – неформальных. Причем ряд исследователей видят в этом положительные стороны. В частности, Д. Норт считает, что при формировании институтов инструментарий неформального подхода является наиболее приоритетным, т. к. он представляет собой развернутые и дополненные формальные правила, актуализированные особенностями внутреннего взаимодействия отдельных сообществ,

которые могут иметь кардинальные отличия в различных социумах [4]. Данная точка зрения, на наш взгляд, наиболее соответствует характеру хозяйственных отношений, преобладающих в инфраструктуре сервиса с ее многообразием форм и видов взаимодействия, и позволяет в полной мере учесть все имеющиеся аспекты деятельности. Более того, излишняя формализация деятельности и ее тотальный контроль могут спровоцировать такую проблему, как развитие скрытого / теневого рынка.

Рассматривая институты как совокупность теории человеческого поведения и издержек транзакций [5], А. А. Аузан отмечает, что решение следовать тем или иным правилам принимает непосредственно человек, основываясь на анализе транзакционных издержек [6]. Они возникают при физическом перемещении товаров, оказании услуг как внутри одной организации, так и при поставке благ во внешнюю среду аналогично возникновению силы трения при перемещении физических объектов [7, с. 53].

В современном представлении об институциональной среде исследователи фиксируют ее трансформацию под влиянием цифровых технологий [8–12]. Также подчеркивается, что принятые потребителями инновационные формы хозяйственных отношений, реализуемые за счет цифровых сервисов, платформ, экосистем, социальных сетей, формируют в инфраструктуре сервиса новую институциональную среду, концентрирующую в себе потенциал для решения проблем взаимодействия заказчиков (потребителей) и поставщиков (исполнителей), которые проявляются в ограниченной рациональности и оппортунистическом поведении [13].

В рамках цифровизации участники хозяйственных отношений сталкиваются с многочисленными вызовами, появление которых во многом обусловлено несоответствием действующих формальных и неформальных подходов текущим векторам развития экономики [14–16]. К наиболее острым из них относятся институциональные проблемы при регулировании обращения с персональными данными; проблемы верификации пользователей, исключая создание клонов аккаунтов; манипулирование информационными потоками и формирование потребительского поведения в интересах глобальных компаний.

Пробелы в формальных и неформальных подходах, которые тормозят развитие хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса, нуждаются в содержательном заполнении [17]. Указанная проблема определяет цель исследования – формирование концептуальных основ институциональной среды инфраструктуры сервиса в условиях

развития цифровой экономики, которые базируются на рациональном сочетании институтов и комбинации правил, позволяющих организовать развитие хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса на основе доверительных отношений между заказчиком и поставщиком услуг. Задачи:

- 1) конкретизировать этапы развития хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса на основании институционального подхода;
- 2) проанализировать сценарии взаимодействия заказчика и поставщика в условиях проявления ограниченной рациональности и оппортунистического поведения;
- 3) обосновать и определить целевую траекторию формирования доверительных отношений в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики.

Методы и материалы

Применены не только общенаучные методики, включающие теоретико-методологический анализ литературных источников, индуктивный и дедуктивный методы, анализ, обобщение, но и специальные, такие как поведенческий анализ, метод сценариев, графическое моделирование, чтобы учесть интересы заказчиков и поставщиков (а точнее – концепты тех институтов, которым они будут следовать в той или иной ситуации с учетом рациональности выбора и оппортунистического поведения).

Результаты

Модели поведения, которые демонстрируют заказчик и поставщик услуг в инфраструктуре сервиса, с точки зрения институционального подхода направлены на уменьшение транзакционных издержек – элементарных операций, которые возникают при поиске потребителя и исполнителя, анализе информации о товарах, работах, услугах, изучении отзывов в различных источниках и их обработке, а также других действиях, не относящихся непосредственно к созданию блага [18]. Однако наличие опасений, которые связаны с отсутствием одностороннего или обоюдного доверия к участникам хозяйственных отношений, наоборот, приводят к росту издержек.

При исследовании поведения заказчиков и поставщиков в институциональном аспекте экономических и социальных связей особое внимание стоит уделить взаимодействию потребителя и исполнителя услуг, являющихся физическими лицами, в инфраструктуре сервиса. Так как человек – это не робот или искусственный интеллект, а уникальный индивидуум, обладающий набором компетенций и опытом,

которые он приобрел в процессе своей жизни, то в конкретных условиях среды он демонстрирует характерное только для него поведение и исходит из субъективной рациональности в рамках формальных и неформальных ограничений – институтов, которые играют важную роль в выстраивании экономических отношений. Следовательно, большое значение придается аспектам, связанным с внутренним представлением индивидуума об оптимальной модели поведения в социальной среде в региональном срезе. Причиной этого является влияние унаследованного исторического и религиозного багажа социума, проживающего на исследуемой территории, который связан с уникальным представлением отдельных народов о роли и ценности различных благ в формировании социально-экономических связей. Так, И. Н. Шапкин и Н. О. Воскресенская выделяют институциональные матрицы народа, сформированные при становлении системы базовых формальных и неформальных институтов [19]. Существенные отличия при выборе приоритетных правил ведения хозяйственных отношений в региональном аспекте, которые встречаются в статье [19], связаны непосредственно с уникальной национальной психологией, менталитетом, характером и темпераментом, соответствующим двум отличным друг от друга основным типам историко-экономических систем – восточной и западной [20].

В подтверждение вышесказанного рассмотрим пример из сферы сервиса при оказании услуг общественного питания, когда в кафе или ресторане после выставления счета за обед или ужин принято оставлять помимо суммы, указанной в чеке, некий дополнительный взнос – чаевые. Такая практика распространена в большинстве европейских стран, принадлежащих к западному типу историко-экономических систем. Иная ситуация в ряде государств юго-восточной Азии: чаевые там не просто не приветствуются, а запрещены. В США можно говорить об институте чаевых, т.к. они неотъемлемы от системы услуг и фактически формализуются. В ряде случаев чаевые рассчитываются по установленной методике и включаются в кассовый чек отдельно от основной суммы заказа. Способы их получения и размер различны от штата к штату. Итак, отличия ментальных предпочтений индивидуумов, социальных групп, бизнес-сообществ и их поведенческих установок оказывают влияние на приоритеты выбора применяемых правил, а противоречия, которые возникают при контакте индивидуумов или социальных групп с различными поведенческими матрицами приводят к проблемам при взаимодействии хозяйствующих субъектов.

С точки зрения институциональной теории поведение человека в предложенном примере (из сферы сервиса) оценивается как подвластное формальным и неформальным установкам, диктующим ему предпочтительную модель взаимодействия с хозяйствующими субъектами. То есть в случае с чаевыми в странах, где это принято, возникает дилемма: формально оставлять дополнительную сумму, помимо указанной в чеке, люди не обязаны, т.к. это не фиксируется документально, однако неформальные правила подсказывают, что денежная благодарность за обслуживание является важной составляющей данной историко-экономической системы.

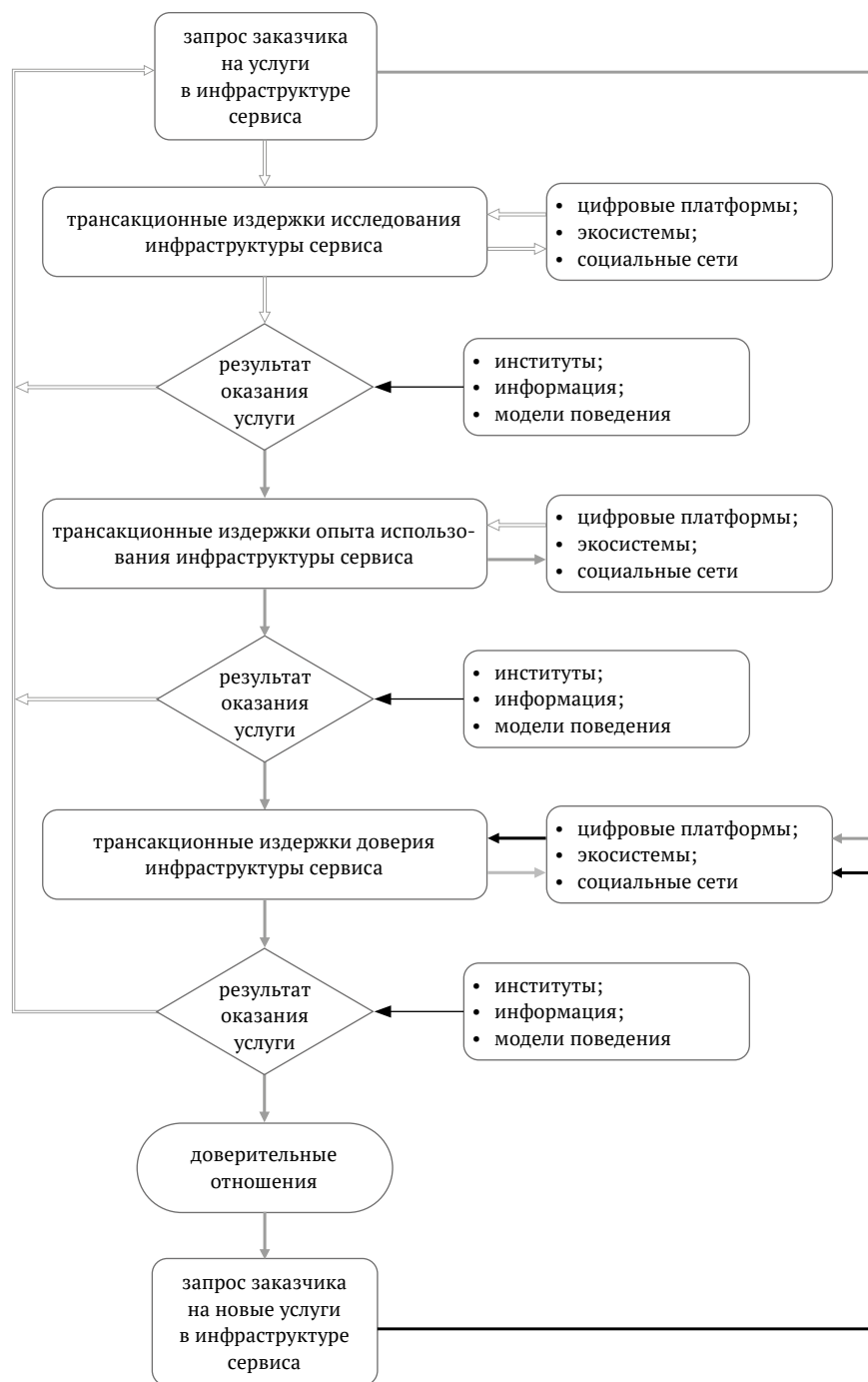
Таким образом, институциональная среда тесно связана не только с экономическими процессами, но и затрагивает социальные отношения, помогая идентифицировать принадлежность индивида в социуме по базовой дихотомии *свой – чужой*. Институциональная среда определяет социальную матрицу, в которой находится тот или иной человек. При сопоставлении матриц индивидуума и социума можно определить, насколько они близки или какие ментальные скрепы не совпадают, возможно ли создание предпосылок для создания доверительной атмосферы при социально-экономическом взаимодействии хозяйствующих субъектов.

С учетом изложенных аспектов рациональное сочетание институтов и комбинаций правил, которые позволяют организовать оптимальную траекторию развития хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики, может быть представлено в виде авторской модели на рисунке. В ее основу заложен концепт, который базируется на постулатах институциональной теории [21] и стремлении сформировать доверительные отношения между заказчиком и поставщиком услуг [22]. Достичь их можно за счет реализации трех возможных сценариев:

- 1) исследовательский: исследование свойств товаров, работ, услуг, изначально заявленных поставщиком;
- 2) опытный: принятие решений исходя из полученного ранее опыта поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг;
- 3) основанный на доверии: принятие решений, основанных на доверии к поставщику товаров, работ, услуг.

Важно уточнить, что выбор последнего сценария может быть продиктован безальтернативностью ряда предлагаемых услуг, а не доверительными отношениями. В их число входят обеспечивающие реализацию конституционных прав граждан государственные услуги министерств и ведомств;

Прим.: белым цветом обозначена линия траектории отрицательного опыта; серым – линия траектории положительного опыта; черным – линия цикла развития инфраструктуры сервиса на доверительных отношениях.

Рис. Концептуальная модель формирования доверительных отношений в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики
Fig. A conceptual model for developing trust relationships in the service infrastructure as part of digital economy

услуги сферы ЖКХ; услуги по обеспечению энергетическими и иными ресурсами; услуги получения обязательного среднего образования; медицинское обслуживание по полисам ОМС и т. п.

Далее мы рассмотрим более подробно каждый из сценариев предлагаемой модели.

Исследовательский сценарий возникает на этапе формирования хозяйственных отношений между заказчиком и поставщиком, которые взаимодействуют впервые. Субъекты исследуют поведение

друг друга в рамках действующих институтов и используют информацию, полученную из различных источников, для оценки партнера. Информация может носить как верифицированный, экспертный, так и субъективный, эмоциональный характер. На основе анализа доступных данных в условиях необходимости парирования вызовов цифровизации экономики в инфраструктуре сервиса (открытость персональных данных; проблемы при верификации пользователей; наличие аккаунтов-клонов

цифровых сервисов; манипулирование информационными потоками и формирование потребительского поведения в интересах глобальных компаний) выстраивается модель первоначального взаимодействия хозяйствующих субъектов, в которой, с одной стороны, потребитель хочет заплатить за поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг минимальную цену, а с другой – поставщик, который хочет получить вовремя и в полном объеме максимальное вознаграждение за предоставленные блага. При этом заказчик часто опасается, что он не будет удовлетворен / его обманут, а поставщик переживает о том, что не получит оплату и столкнется с волюнтаристским поведением клиента. Такие предположения связаны с рисками дополнительных издержек, которым подвергаются оба субъекта.

Цифровая экономика зародилась в последнем десятилетии XX в. [15], поэтому осмотнительное поведение участников хозяйственных отношений обусловлено не только социальными матрицами индивидуумов, но и наличием уникального собирательного потребительского опыта в сети Интернет, который может иметь как положительную, так и отрицательную стороны (вплоть до отсутствия доверия ко всему, что связано с новым форматом взаимодействия, основанном на информационных технологиях). Важно отметить, что наличие базовых установок у потребителя цифрового сервиса, которые основаны на социально-экономических аспектах и ретроспективном взаимодействии с цифровой средой, безусловно, сказывается на результатах исследовательского сценария, однако такой опыт не является тождественным опыту использования непосредственно инфраструктуры сервиса. В этой связи автор воспринимает исследовательский сценарий как этап формирования экономических связей между хозяйствующими субъектами, не имеющими опыта в рассматриваемой сфере. Этот этап также включает в себя оказание услуги, результаты которой могут быть следующими:

1. *Отрицательный опыт.* Результат оказания услуги заказчиком не принимается, его потребность остается не удовлетворенной, доверительные отношения при этом не формируются, и он возвращается в исходную ситуацию поиска поставщика. Снова разворачивается исследовательский сценарий, который продолжается до тех пор, пока потребность в услуге не будет удовлетворена. При этом нельзя сказать, что запрос на услугу в соответствии с заявленными потребителем критериями останавливает развитие системы, т.к. идет накопление необходимой информации и отрицательного опыта, которые

впоследствии позволяют потребителю перейти на следующую ступень реализации своих потребностей или скорректировать оценочную шкалу.

2. *Положительный опыт.* При совпадении ожидаемых заказчиком результатов оказания услуги и ее реального воплощения потребитель принимает услугу, что создает предпосылки для формирования долгосрочных хозяйственных связей и моделей поведения на основе собранного положительного опыта. Этому во многом способствуют инструменты цифровой экономики (социальные сети, платформы, экосистемы). Для соответствия нововведениям современности в целях завоевания лояльности потребителей бизнес анализирует отклики в соцсетях и трансформируется. Также возрастает роль и авторитет институтов, корректируются параметры оценки информации. Достаточное количество положительных исходов при оказании услуг способствует формированию доверительных отношений, т.к. позитивный опыт, накопленный при долговременном взаимодействии участников, позволяет нивелировать текущие проблемы. Переход в исходную точку возможен в случае проявления волюнтаристского или деструктивного поведения заказчика и поставщика услуг, связанного с издержками, неприемлемыми для сторон.

Опытный сценарий подразумевает, что правильность принятого решения относительно заключенной сделки со стороны каждого из участников хозяйственных отношений возможно будет оценить только с учетом фактора времени и изменений в экономике, затрагивающих исследуемую сферу деятельности.

Цикл выбора поставщика услуг в инфраструктуре сервиса, основанный на продолжительном опыте при рациональном сочетании институтов и комбинации правил, которые позволяют организовать оптимальную траекторию развития хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса, способствует реализации **сценария, основанного на доверии**. Он характеризуется минимальным размером транзакционных издержек при равновесном учете интересов участников и подразумевает институциональную защиту персональных данных пользователей цифровых сервисов; подтверждение верификации пользователей и цифровых сервисов через государственные ресурсы; институциональную защиту информационных потоков, определяющих потребительское поведение. Возврат в исходное положение возможен в случае нарушения баланса в системе при одностороннем изменении институциональных основ взаимодействия и / или волюнтаристском поведении субъектов хозяйственных

отношений, например при необоснованном повышении оператором тарифов на услуги мобильной связи.

Признаком наличия устойчивых доверительных отношений является прямой запрос потребителя к поставщику на предоставление новой услуги без реализации исследовательского и опытного сценариев. Возникающие при этом циклы свидетельствуют о зрелости сформировавшейся системы, дальнейшее развитие которой обеспечивается информацией, закрепляющей доверительный образ поставщика услуг у потребителя. Такая форма взаимодействия, по мнению автора, наиболее полно обеспечивает условия для активного внедрения нововведений с положительной оценкой потребителей.

Представленная на рисунке модель взаимодействия заказчиков и поставщиков услуг в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики демонстрирует механизм реализации саморегулируемой системы институциональной среды, в рамках которой идут непрерывные процессы развития и поиска оптимальной устойчивой модели взаимодействия участников, отражающей их интересы на основании институтов с учетом снижения транзакционных издержек при использовании цифровых сервисов [23; 24].

Далее рассмотрим практическое применение предложенной модели. Так, при оказании услуги сервисом заказа такси отдельно взятому пассажиру (заказчик / потребитель) водитель автомобиля (поставщик / исполнитель) увидел, что в месте предполагаемой высадки клиента грязно и скользко. С одной стороны, поставщик, основываясь на формальных правилах, ничего не нарушит, если высадит заказчика в назначенном месте. Однако, следуя неформальным правилам и проявив личную инициативу, водитель такси может высадить пассажира на более подходящей локации, где ему будет удобнее покинуть автомобиль. Данный пример демонстрирует ситуацию, когда возникают предпосылки предоставления по инициативе исполнителя неформальной услуги, отличной от первоначальной формальной и обладающей улучшенными свойствами – более высоким уровнем комфорта и безопасности.

При этом формально в цифровом программном продукте сервиса заказа такси соразмерное увеличение размера вознаграждения или тарифа за предоставление услуги в улучшенном виде в таком случае не предусмотрено, т.к. это была неформальная личная инициатива водителя автомобиля. Но если брать во внимание неформальный подход и потенциал доверительных отношений, то в этом случае

исполнитель может рассчитывать на доплату к основному тарифу от заказчика ввиду индивидуальности и уникальности предоставленной услуги, например в форме чаевых.

Если рассматривать предложенный пример в соответствии с положениями институциональной теории, то наиболее рациональным с точки зрения оптимальности будет являться поведение хозяйствующих субъектов, при котором достижение максимального результата, удовлетворяющего стороны и не ущемляющего права других участников взаимодействия, возможно за счет приведения системы к состоянию баланса интересов [25; 26].

Исходя из принципа рациональности, можно утверждать, что в текущей ситуации наиболее выгодным для пассажира исходом является вариант получения улучшенного сервиса с оплатой по стандартному тарифу, т.е. без доплат и чаевых для водителя. Такая ситуация встречается, когда заказчиком не принимается инициатива по улучшению услуги (не принимаются «правила игры»), предложенная водителем, и реализуется стратегия, при которой соблюдение формальных правил обеспечивает достижение максимальной выгоды только для одного участника. В этом случае поставщик услуги лишается мотивации проявлять инициативу при выполнении последующих заказов, что приводит к торможению процессов развития сервиса. Если же заказчик услуги принимает «правила игры», предложенные исполнителем, то ситуация стремится к равновесной и становится оптимальной / близкой к ней.

Данная стратегия поведения создает стимулы для развития и роста качества сервиса, закладывает основы для зарождения новых форм взаимодействия между заказчиком и поставщиком. В долгосрочной перспективе, когда исполнитель стремится оказать услугу максимально качественно, а потребитель ее принимает и адекватно оценивает, происходит осознание необходимости друг в друге. По мнению автора, основной ценностью этого взаимодействия является такое сочетание формальных и неформальных правил, при котором образуется саморегулируемая система – институт доверительных отношений. При этом также формируются экономические связи, основанные на взаимном доверии, что является основой для эффективных хозяйственных отношений. Доверие воспринимается как ресурс, используя который можно планировать долговременные связи в бизнес-среде, способствующие минимизации транзакционных издержек и позволяющие избежать попадания в ситуацию преобладания оппортунистического поведения. Отсутствие доверия,

в свою очередь, тормозит развитие хозяйственных отношений¹.

Основными потребителями благ в инфраструктуре сервиса являются физические лица. Соответственно, основополагающим институтом, который формализует отношения между заказчиком и поставщиком услуг, является Закон РФ «О защите прав потребителей». При использовании формального подхода в инфраструктуре сервиса большую роль играют регуляторные аспекты, предлагаемые этим институтом. Так, данный закон формализует отношения, возникающие между заказчиком и поставщиком услуг при выполнении работ, оказании услуг, получении информации о них, просвещении, государственной и общественной защите интересов потребителей, а также при определении механизма реализации этих прав².

Заказчик использует данный инструментальный при некачественном оказании услуг, например при ремонте бытовой, офисной, электронной, автомобильной или иной техники, для защиты своих интересов в суде. При этом если факт некачественного оказания услуг будет подтвержден, а требования истца будут удовлетворены, то поставщик услуги понесет финансовые издержки, связанные с устранением выявленных проблем. Поставщик же может отследить возможные уязвимости в бизнес-процессах, препятствующие формированию долгосрочных взаимовыгодных хозяйственных связей. Таким образом, данный формальный подход является действенным для обеспечения соблюдения интересов заказчика и полезным для оценки эффективности бизнеса. Но стоит отметить, что безоглядное следование фарватеру формальных правил приводит к излишней формализации бизнеса и росту бюрократической нагрузки, связанной с защитой от судебных исков.

Опыт автора статьи, накопленный за время работы в сервисном предприятии, показывает, что отсутствие оптимальной устойчивой модели взаимодействия участников, которая отражает их интересы на основании баланса институциональных подходов, является источником возникновения проблем, в частности, при преобладании формального подхода. Например, когда разногласия, возникающие при оказании услуг, не удается разрешить на уровне хозяйствующих субъектов, то потребитель, полагая, что его права ущемлены, подает исковое заявление в суд. Обычно такие ситуации имеют

объективные причины, однако в последнее время все чаще встречаются случаи, в которых заказчик услуги преследует цели личного обогащения, демонстрируя оппортунистическое поведение. Во многом это становится возможным благодаря развитию цифровых технологий, которые, формируя новый потребительский опыт в сети Интернет [15], искажают концептуальные основы формирования хозяйственных отношений на основе баланса интересов и акцентируют внимание на достижении личной выгоды. В качестве «путеводителя» заказчик услуги использует информационные ресурсы, содержащие видеоконтент и текстовую информацию «блогеров-экспертов», которые убеждают людей в правильности и успешности подобных действий. В связи с этим потребитель демонстрирует соответствующее поведение, отражающее движение к поставленной цели и максимизации желаемого результата при минимуме необходимых для этого затрат (различного рода издержек). Подобное поведение, когда позиция индивидуума ставится выше или противопоставляется позиции большинства, характеризуется как эгоистичное и напрямую связано с понятием оппортунизма [27; 28].

Исследованием причин данного поведения занимались такие ученые, как Т. Веблен [29], О. И. Уильямсон [30] и др. В результате сложилось традиционное понимание оппортунизма как недобросовестного поведения, направленного на получение максимального результата для одного из участников и игнорирующего интересы противоположной стороны, а также не берущего во внимание нормы морали. Данный подход допускает пренебрежение условиями сделки в угоду собственным интересам. Однако стремление достичь желаемой цели любой ценой способно привести к деградации восприятия участниками сложившейся системы формальных и неформальных правил – институтов. Этому способствуют смещенные акценты при анализе массива тематической информации из сети Интернет и отсутствие необходимого объема верифицированных данных для принятия решения о целесообразности закупки товаров, работ и услуг, что характеризуется как условия ограниченной рациональности.

Описанная ситуация наиболее характерна для цифровой экономики, т.к. роль информации и информационного обеспечения при использовании современных интернет-ресурсов выходит на первые позиции. Цифровые технологии, помимо

¹ Лобунов Ю. Экономика на вере. Как рост ВВП зависит от культуры доверия. *Forbes*. 05.02.2019. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/372023-ekonomika-na-vere-kak-rost-vvp-zavisit-ot-kultury-doveriya> (дата обращения: 03.06.2024).

² О защите прав потребителей. Закон РФ № 2300-1 от 07.02.1992 (ред. от 08.08.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

потенциала по улучшению качества жизни, содержат в себе и серьезные вызовы, такие как новые возможности по формированию нужных для бенефициаров (финансовые, торговые, промышленные, фармацевтические, медийные и другие компании) потребительских предпочтений и моделей поведения граждан в глобальном масштабе; контроль общественного мнения социальных групп и профессиональных сообществ в условиях вывода на рынок нововведений. Реализация нужного сценария обеспечивается с привлечением ресурсов ангажированных социально-информационных и торгово-информационных сетей. Навязывание потребителю тех или иных сервисов происходит вопреки исследовательскому и опытному сценариям за счет массива данных, накопленного пользователями из деструктивного информационного шума, который организован бенефициарами из-за наличия пробелов и уязвимостей в механизмах защиты информации на цифровых платформах³.

В рамках темы статьи основную опасность вызовов цифровизации экономики представляет дисбаланс институциональной среды инфраструктуры сервиса под влиянием искаженной информационной среды: крупные компании, доминирующие в медиаресурсах, формируют образ доверительного сервиса, основанный на желаемом представлении заказчика о нем. В результате оппортунистическое стремление бизнеса, не совместимое с соблюдением принципа баланса интересов, пополняет багаж клиента отрицательным опытом и возвращает потребителя в исходную точку выбора сервиса, которая базируется на исследовательском сценарии и тормозит процессы развития.

Особенно ярко это проявляется в инфраструктуре сервиса при оказании различного рода услуг. Когда благо не имеет вещественного воплощения, а лишь является эффектом труда и неотделимо от его создателя, то возникающие при этом психологические, ментальные, личностные и экономические установки

создают у потребителя объективные трудности при оценке услуги. Это приводит к искажениям в восприятии заказчика ценности блага, его заявленной стоимости и объема [31].

Широкий ассортимент предоставляемых сервисов существует в условиях информационного шума, поэтому заказчику бывает затруднительно дать объективную оценку ценности блага. Отсутствие критерияльного аппарата формирования стоимости услуг, учитывающего, помимо рыночных принципов, показатели, которые отражают удовлетворенность полученными благами, приводит к непринятию услуги потребителем. Как следствие, происходит разрушение текущих и ретроспективных связей между хозяйствующими субъектами, формируются препятствия для зарождения доверительных отношений. В условиях цифровизации экономики данные негативные проявления возникают по причине несоответствия текущей институциональной среды новым формам взаимодействия субъектов хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса, определяемых алгоритмами работы цифровых платформ, экосистем, агрегаторов и других информационных продуктов, и провоцируют дисбаланс в хозяйственных отношениях.

Например, в соответствии с Законом «О защите прав потребителей», при рассмотрении претензии заказчика к поставщику товаров, работ, услуг прослеживается лояльное отношение к удовлетворению требований первого, т.к. он, будучи физическим лицом, находится в более уязвимом положении по сравнению с представителем организации⁴. Следовательно, это вызывает рост количества дел в отношении прав потребителей, удовлетворяемых судами. Об этом свидетельствуют публикации в сети Интернет⁵, обзоры судебной практики⁶ и следующая статистика: в 2014–2018 гг. в среднем в 70 % случаев суды принимали сторону потребителей⁷, а в 2020 г. удовлетворяли уже 82 % их исковых требований⁸.

³ Глазьев С. Великая цифровая экономика. *Завтра.ру*. 13.09.2017. URL: https://zavtra.ru/blogs/velikaya_tcifrovaya_ekonomika (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ О защите прав потребителей. Закон РФ № 2300-1 от 07.02.1992 (ред. от 08.08.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Комракова А. Потребитель скорее прав, чем нет: статистика судебных решений. *vc.ru*. 26.09.2019. URL: <https://vc.ru/legal/84790-potrebitel-skoree-prav-chem-net-statistika-sudebnyh-resheniy?ysclid=lr4yuy3m4sb358137415> (дата обращения: 15.10.2024).

⁶ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.10.2020). *СПС КонсультантПлюс*; Судебная практика по защите прав потребителей. *Судебные и нормативные акты РФ*. URL: <https://sudact.ru/practice/pro-zashite-prav-potrebiteldej/?ysclid=lr4z8qugrg721596511>; Роспотребнадзор защищает права потребителей и в судебном порядке. Итоги за 1 полугодие 2023 года. *Роспотребнадзор*. 04.08.2023. URL: <https://zpp.rosпотребнадzor.ru/info/stat/462001> (дата обращения: 15.10.2024).

⁷ Куликов В., Щедрина М. Суды удовлетворили более 70 процентов исков потребителей. *Rg.ru*. 19.07.2018. URL: <https://rg.ru/2018/07/19/sudy-udovletvorili-bolee-70-procentov-iskov-potrebiteldej.html?ysclid=lr4zbpuydxv649420621> (дата обращения: 15.10.2024).

⁸ Варакин М. Судьи Верховного суда рассказали о потребительских спорах. *Pravo.ru*. 27.10.2021. URL: <https://pravo.ru/story/236194/?ysclid=lr4z4z5x19253245740> (дата обращения: 15.10.2024).

В данном случае наблюдается дисбаланс в институциональной среде, который выражается в явном приоритете формального подхода. Закон РФ «О защите прав потребителей» стоит на стороне заказчика, жестко регламентируя при этом допустимые действия поставщика. В связи с этим создаются предпосылки для недобросовестного поведения потребителя, которое заключается в злоупотреблении своим положением с целью получения выгоды при взаимодействии с исполнителем. Наличие уязвимостей и правовых лазеек в формальных институтах, регулирующих деятельность инфраструктуры сервиса, негативно отражается на потенциале ее развития.

Помимо этого, все усугубляется запаздыванием и ранним устареванием законодательных инициатив, направленных на исправление ошибок и адаптацию норм и правил хозяйствования к текущим экономическим условиям, и уровнем развития цифровых технологий ввиду высокой инерционности процессов их разработки и принятия. В результате система хозяйственных отношений заказчик – поставщик остается несбалансированной, т.к. исполнитель, находясь в ограниченных институтах формальных правил рамках и будучи скованным дополнительной нагрузкой из-за оппортунистического поведения потребителя, вынужден закладывать в цифровые платформы оппортунистические алгоритмы, которые ограничивают возможности онлайн-сервисов и завышают реальную цену товара, работ, услуг с учетом компенсации возможных издержек на судебные тяжбы. Соответственно, в институциональной среде возникает дисбаланс: заявленная стоимость товара, работ, услуг и результат от их использования не соответствуют ожиданиям заказчика (имеют более высокий уровень, чем в представлении заказчика, «правила игры» им не принимаются). Разбалансировка институциональной среды приводит к возрастающим рискам от судебных исков, повышению соответствующих издержек, репутационным потерям, накладным расходам. Такая ситуация сопровождается потерей доверия обеими сторонами и не способствует формированию эффективных хозяйственных отношений в текущих условиях и в перспективе.

Отсутствие доверия вызывает деградацию рациональных хозяйственных отношений между субъектами: поставщик осознает, что при преобладании

одного из институтов заказчик потенциально готов после получения услуги пожаловаться на него, избрав даже формальный повод. В то же время потребитель, зная, что может заработать на судебных тяжбах с исполнителем, старается этот повод найти. В результате возникают предпосылки для возникновения институциональной проблемы, связанной с формированием стойкого оппортунистического поведения у заказчика, которое доходит до потребительского экстремизма. Это подтверждает рост числа жалоб на предпринимателей в Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) более чем на 10 % ежегодно⁹.

Однако стоит отметить и положительный эффект от действия формальных институтов. Например, аналитические исследования показывают, что значительная доля услуг в Российской Федерации все еще остается в «тени»: от 7,5 % до 15% от оборота всех медицинских услуг составляют доходы, не оформленные документально в установленном порядке¹⁰. В связи с этим наличие эффективных сбалансированных институтов в инфраструктуре сервиса, которые опираются на формальные правила, имеют потенциал для защиты не только заказчика, но и поставщика услуг. В частности, при оформлении сделок с помощью сервисов, основанных на технологии блокчейн, исключаются манипуляции с документацией и ее подделка, а также минимизируются риски, связанные с расчетами за поставленные товары, работы, услуги.

Заключение

Исследование показало, что эффективность взаимодействия субъектов в экономических, политических системах и социальных группах на разных уровнях во многом зависит от степени зрелости институциональной среды. При этом ключевым аспектом в данном случае является рациональное сочетание институтов и комбинаций правил, позволяющих организовать оптимальную траекторию развития хозяйственных отношений, которая основана на взаимном доверии.

Было установлено, что в условиях цифровизации экономики формирование институциональной среды для инфраструктуры сервиса дополнительно усложняется наличием широкого ассортимента

⁹ Клиент не всегда прав. Кто такие «потребители-экстремисты». ТАСС. 03.04.2019. URL: <https://tass.ru/opinions/6290351>; Что такое потребительский экстремизм и как с ним бороться. РБК. 12.03.2020. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e37e6679a79477edc39163e> (дата обращения: 15.10.2024).

¹⁰ Коллегия адвокатов: ежегодный оборот теневого рынка медуслуг в России достигает 215 млрд рублей. Коммерсантъ. 23.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5889433> (дата обращения: 15.10.2024).

предоставляемых благ, разнообразием форм и вариантов их реализации с помощью ресурсов социально-информационных и торгово-информационных сетей, в которых отсутствуют независимые механизмы верификации контента. Ангажированность информации, содержащейся в электронном виде на площадках и платформах цифровых сервисов, формирует дисбаланс в системе хозяйственных отношений заказчиков и поставщиков услуг и проявляется в форме ограниченной рациональности и оппортунистического поведения субъектов взаимодействия.

Для устранения указанных проблем предложена авторская концептуальная модель формирования доверительных отношений в инфраструктуре сервиса в условиях цифровизации экономики. Она демонстрирует оптимальную траекторию развития хозяйственных отношений в инфраструктуре сервиса, которая учитывает рациональное сочетание институтов и комбинаций правил, что позволяет выработать поведенческие установки доверительных отношений.

В основу авторской модели положены три сценария взаимодействия заказчиков и поставщиков услуг в инфраструктуре сервиса – исследовательский, опытный и основанный на доверии, – в рамках которых идут непрерывные процессы поиска и развития оптимальной устойчивой модели взаимодействия хозяйствующих субъектов в цифровой среде в соответствии с постулатами институциональной теории. Целевой установкой при этом выступает стремление

к формированию новых экономических связей, построенных на основе взаимного доверия субъектов взаимодействия и образованных таким сочетанием формальных и неформальных правил, при котором образуется саморегулируемая система – институт доверительных отношений. Предсказуемость и прогнозируемость поведения заказчиков и поставщиков услуг в представленной модели способствует формированию эффективных хозяйственных отношений в долгосрочной перспективе и внедрению новаций в инфраструктуру сервиса.

Предложенный в работе методический инструментарий имеет высокую теоретическую и практическую значимость, т.к. универсальность предложенных подходов позволяет конкретизировать представление о формировании доверительных отношений при взаимодействии хозяйствующих субъектов в условиях цифровизации экономики не только в инфраструктуре сервиса, но и в других сферах, для которых характерны проявления ограниченной рациональности и оппортунистического поведения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория, ред. А. А. Аузан. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 447 с. [*Institutional economics. A new institutional economic theory*, ed. Auzan A. A. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2011, 447. (In Russ.)]
2. Чаусовский А. М., Гончарова И. В., Дедух Т. М. Институциональная экономика: сущность, содержание и функции для экономик развивающихся рынков. *Менеджер*. 2017. № 4. С. 104–108. [Chausovsky A. M., Goncharova I. V., Dedukh T. M. Institutional economics: Essence, content, and functions for emerging market economies. *Menedzher*, 2017, (4): 104–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yozbqd>
3. Смышляев В. А., Яреско И. И. Институциональная среда российской цифровой экономики: особенности становления и развития. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2020. № 11. С. 20–33. [Smyshlyayev V. A., Yaresko I. I. Institutional environment of the Russian digital economy: Features of formation and development. *Sovremennaiia ekonomika: Problemy i resheniia*, 2020, (11): 20–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/meps.2020.11/2461>
4. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010. 253 с. [North D. *Understanding the process of economic change*. Moscow: HSE, 2010, 253. (In Russ.)]
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. [North D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqdvyv>
6. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с. [Auzan A. A. *The economy of everything. How institutions define our lives*. М.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014, 160. (In Russ.)]

7. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. In: Уильямсон О. И. *Экономическая теория трансакционных издержек*. СПб.: Лениздат, 1996. Гл. 1. С. 48–90. [Williamson O. E. The economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting. In: Williamson O. E. *Transaction cost economics*. St. Petersburg: Lenizdat, 1996, chapt. 1, 48–90. (In Russ.)]
8. Мотовиц Т. Г. Трансформация институциональной среды в условиях цифровой экономики. *Ученые заметки ТОГУ*. 2023. Т. 14. № 3. С. 83–87. [Motovits T. G. Transformation of the institutional environment in the digital economy. *Uchenye zametki TOGU*, 2023, 14(3): 83–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxtbgk>
9. Высоцкая Н. В., Камчатова Е. Ю., Верников В. А. Институциональная экономика и инновационное развитие экономики. М.: Государственный университет управления, 2022. 211 с. [Vysotskaya N. V., Kamchatova E. Yu., Vernikov V. A. *Institutional economics and innovative economic development*. Moscow: State University of Management, 2022, 211. (In Russ.)]
10. Федулов Д. В., Демин А. А., Демина Н. К. Новая институциональная экономика: теория и практика. *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 1. С. 164–168. [Fedulov D. V., Demin A. A., Demina N. K. The new institutional economics: Theory & practice. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2019, (1): 164–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvfvavz>
11. Швайко А. А. Цифровая экономика и институциональный капитал фирмы. *Modern Economy Success*. 2019. № 6. С. 117–123. [Shvayko A. A. Digital economy and institutional capital of a company. *Modern Economy Success*, 2019, (6): 117–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/takyo1>
12. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение, науч. ред. Л. М. Гохберг. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 82 с. [*What is the digital economy? Problems of economic and social development*, ed. Gokhberg L. M. Moscow: HSE University, 2019, 82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dobqrf>
13. Аузан А. А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2019. № 6. С. 12–19. [Auzan A. A. Digital economy as an economy: Institutional trends. *Moscow University Economic Bulletin*, 2019, (6): 12–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38050/01300105201963>
14. Колбанев М. О., Палкин И. И., Татарникова Т. М. Вызовы цифровой экономики. *Гидрометеорология и экология*. 2020. № 58. С. 156–167. [Kolbanev M. O., Palkin I. I., Tatarnikova T. M. The challenges of the digital economy. *Gidrometeorologiya i Ekologiya*, 2020, (58): 156–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqnnfr>
15. Лapidус Л. В. Вызовы цифровой экономики как триггеры цифровой трансформации: эволюционная шкала и причинно-следственные связи. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2023. № 3. С. 11–27. [Lapidus L. V. The digital economy challenges as the digital transformation triggers: Evolutionary scale and the cause-and-effect relationships. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 2023, (3): 11–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-3-11>
16. Усков В. С. К вопросу о цифровизации российской экономики. *Проблемы развития территории*. 2020. № 6. С. 157–175. [Uskov V. S. On the issue of the Russian economy digitalization. *Problems of Territory's Development*, 2020, (6): 157–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.10>
17. Егина Н. А., Балясова А. А. Проблемы и перспективы формирования институциональной среды цифровой экономики. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 2. № 8. С. 16–33. [Egina N. A., Balyasova A. A. Challenges and opportunities of the digital economy's institutional environment formation. *Ekonomika i upravlenie: Problemy, resheniia*, 2020, 2(8): 16–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgvvby>
18. Тамбовцев В. Л. Трансакционные издержки: трактовки и следствия. *Экономическая наука современной России*. 2023. № 1. С. 18–32. [Tambovtsev V. L. Transaction costs: Renderings and consequences. *Ekonomicheskaiia nauka sovremennoi Rossii*, 2023, (1): 18–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/avflse>
19. Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации. *Век глобализации*. 2016. № 4. С. 100–114. [Shapkin I. N., Voskresenskaya N. O. Institutional matrix of Russia in the context of globalization issues. *Vek globalizatsii*, 2016, (4): 100–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xameqj>
20. Маньковский И. А. Институциональная экономическая теория как теоретическая основа построения инновационной экономики: современное состояние и перспективы развития. *Национальный вестник Республики Крым*. 2022. № 1. С. 117–129. [Mankovsky I. A. Institutional economic theory as a theoretical basis of construction innovative economy: Modern state and development prospects. *Natsionalnyi vestnik Respubliki Krym*, 2022, (1): 117–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gznnzw>

21. Боровская Л. В. Институциональная среда и особенности ее формирования в результате институциональных изменений. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2018. № 4. С. 5–12. [Borovskaya L. V. Institutional environment and peculiarities of its formation as a result of institutional changes. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Ekonomika i upravlenie*, 2018, (4): 5–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yujfet>
22. Мартыянов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности. *Журнал институциональных исследований*. 2018. Т. 10. № 1. С. 41–58. [Martyanov V. S. The institutional trust as an economic resource: Incentives and obstacles of efficiency. *Journal of Institutional Studies*, 2018, 10(1): 41–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.041-058>
23. Котляров И. Д. Транзакционные издержки и функционирование хозяйствующих субъектов. *Журнал институциональных исследований*. 2017. Т. 9. № 1. С. 69–87. [Kotliarov I. D. Transaction costs and activity of economic agents. *Journal of Institutional Studies*, 2017, 9(1): 69–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.069-087>
24. Тамбовцев В. Л. Что могут делать институты? Метафоры организационного институционализма. *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 2. С. 22–38. [Tambovtsev V. L. What can institutions do? Metaphors of the organizational institutionalism. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2022, (2): 22–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwwans>
25. Парето В. Учебник политической экономии. 2-е изд. М.: РИОР, 2018. 592 с. [Pareto V. *Manual of political economy*. 2nd ed. Moscow: RIOR, 2018, 592. (In Russ.)]
26. Одинцова М. И. Институциональная экономика. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 459 с. [Odintsova M. I. *Institutional economics*. 4th ed. Moscow: Iurait, 2021, 459. (In Russ.)]
27. Тутов Л. А., Лозина О. И. Оппортунистическое поведение человека в современной экономике: междисциплинарный подход. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 74. С. 255–272. [Tutov L. A., Lozina O. I. Opportunistic behavior in modern economy: Interdisciplinary approach. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 2019, (74): 255–272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vihual>
28. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Оппортунизм как ключевое понятие институциональной экономики. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 6. С. 28–37. [Pletnev D. A., Kozlova E. V. Opportunism as a key term of institutional economics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, (6): 28–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10603>
29. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с. [Veblen T. *The theory of the leisure class*. Moscow: Progress, 1984, 367. (In Russ.)]
30. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. *THESIS*. 1993. Вып. 3. С. 39–49. [Williamson O. E. Behavioral prerequisites of modern economic analysis. *THESIS*, 1993, (3): 39–49. (In Russ.)]
31. Бурганов Р. А. Институциональные аспекты трансформации сферы услуг. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2014. 200 с. [Burganov R. A. *Institutional aspects of the transformation in the service sector*. Kazan: Kazan. gos. energ. un-t, 2014, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylwqab>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/umalwb>

Перспективы реализации модели ответственного производства и потребления в период нестабильности

Корякина Татьяна Валерьевна

Липецкий филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 2931-2261
<https://orcid.org/0000-0001-8922-8973>

Шевцов Никита Анатольевич

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск
eLibrary Author SPIN: 2845-4986
<https://orcid.org/0000-0003-1829-2577>
eng15@mail.ru

Башлыков Тимофей Васильевич

Липецкий филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 1868-8510
<https://orcid.org/0000-0003-3618-3278>

Плеханова Елена Олеговна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 6830-3717
<https://orcid.org/0000-0001-6972-3993>

Аннотация: В условиях увеличения нагрузки на экосистему появляется необходимость поиска инструментов обеспечения устойчивого развития. Цель – изучить особенности модели ответственного производства и потребления, реализуемой различными странами, и определить направления государственной политики, которые способствуют достижению целей устойчивого развития в развивающихся странах. Задачи: 1) оценить уровень и состояние ответственного производства и потребления в развитых и развивающихся странах; 2) выявить факторы роста и сдерживания активности исследуемых стран в обеспечении устойчивого развития; 3) обосновать выбор направлений государственной политики, нацеленных на укрепление позиций развивающихся стран в области устойчивого развития. Применены методы сравнения, экономико-статистического анализа, систематизации, логический и графический методы, системный подход. Систематизированы условия, оптимальные для реализации принципов ответственного производства и потребления и выравнивания позиций развитых и развивающихся стран в области устойчивого развития. Доказано, что модель ответственного производства и потребления в наибольшей степени соответствует целям устойчивого развития, стоящим перед развивающимися странами. Обоснованы направления государственной политики развивающихся стран в области устойчивого развития на основе реализации модели ответственного производства и потребления.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ответственное производство, ответственное потребление, государственная политика, развитые страны, развивающиеся страны, период нестабильности

Цитирование: Корякина Т. В., Башлыков Т. В., Шевцов Н. А., Плеханова Е. О. Перспективы реализации модели ответственного производства и потребления в период нестабильности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 109–118. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-109-118>

Поступила в редакцию 06.12.2024. Принята после рецензирования 27.12.2024. Принята в печать 28.12.2024.

full article

Prospects for Implementing a Responsible Production and Consumption Model in a Period of Instability

Tatyana V. Koryakina

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Lipetsk
eLibrary Author SPIN: 2931-2261
<https://orcid.org/0000-0001-8922-8973>

Timofey V. Bashlykov

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Lipetsk
eLibrary Author SPIN: 1868-8510
<https://orcid.org/0000-0003-3618-3278>

Nikita A. Shevtsov

Southwest State University, Russia, Kursk
eLibrary Author SPIN: 2845-4986
<https://orcid.org/0000-0003-1829-2577>
eng15@mail.ru

Elena O. Plekhanova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 6830-3717
<https://orcid.org/0000-0001-6972-3993>

Abstract: With the increasing industrial burden on the ecosystem, sustainable development requires new, more effective tools. The best experience in the sphere of responsible production and consumption may help to identify the optimal public policy that contributes to sustainable development in developing countries. The authors assessed the level of responsible production and consumption in various countries to identify growth and inhibition factors. They used the methods of comparison, economic and statistical analysis, systematization, logical analysis, graphical analysis, and systematic approach to study various public policies employed by developing countries in the field of sustainable development. The analysis yielded a system of optimal conditions for the implementation of the principles of responsible production and consumption in developed vs. developing countries. The model of responsible production and consumption was found consistent with the sustainable development goals in developing countries, where the state policy should follow a model of responsible production and consumption.

Keywords: sustainable development, responsible production, responsible consumption, public policy, developed countries, developing countries, period of instability

Citation: Koryakina T. V., Bashlykov T. V., Shevtsov N. A., Plekhanova E. O. Prospects for Implementing a Responsible Production and Consumption Model in a Period of Instability. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 109–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-109-118>

Received 6 Dec 2024. Accepted after review 27 Dec 2024. Accepted for publication 28 Dec 2024.

Введение

Под влиянием современных вызовов внешней среды, таких как экономическая нестабильность, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, усиление нагрузки на окружающую среду и возникновение природных катастроф, ухудшение геополитической обстановки в мире, происходят сдвиги в восприятии целей, задач и способов обеспечения устойчивого развития [1–3]. При этом существует явная дифференциация стран с разным уровнем жизни, связанная с уровнем их включенности в реализацию инициатив по обеспечению устойчивого развития.

Например, развитые страны, которые имеют ресурсы для внедрения программ по поддержке экологического благополучия и снижению негативного воздействия человеческой деятельности на экосистему, в то же время трансформируют модели производства и потребления, чтобы снизить экологический след и не допускать дальнейшей деградации окружающей среды. Развивающиеся страны, в свою очередь, преимущественно заняты решением проблемы поддержания экономического и социального благополучия и не придают существенного значения финансированию

природоохранных мероприятий¹ [4–10]. В связи с этим наше исследование направлено на анализ модели ответственного производства и потребления, реализуемой развитыми странами в целях достижения экологического эффекта и экономизации ресурсов, как важного инструмента обеспечения устойчивого развития развивающихся стран в период нестабильности.

Проблема устойчивого развития государств отражена в работах [5; 10–13]. Помимо этого, цель стратегии устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ООН) подчеркивает необходимость обеспечения перехода к рациональным моделям потребления и производства². Следует уточнить, что четкой теоретико-методологической детерминации понятия *рациональная модель потребления и производства* не выработано. Однако чаще всего данный термин приравнивается к ответственному, осознанному, экологичному, этичному, разумному, устойчивому производству и потреблению. Так, в Концепции минимизации образования отходов в Российской Федерации модель ответственного производства и потребления связывается с минимизацией образования отходов производства и потребления посредством глубокой трансформации экономической системы³.

В рамках статьи модель ответственного производства и потребления определяется как процесс организации производства и потребления товаров, в основе которого лежит:

- формирование осознанного отношения потребителя к идентификации собственных потребностей и выбора рациональных способов их удовлетворения (с точки зрения соотношения экономических, социальных выгод и экологических последствий);
- развитие ответственного поведения производителя, предполагающего рациональное освоение и эффективное использование природных ресурсов, минимизацию отходов, применение устойчивых методов производства, которое реализуется в соответствии с этическими и экологическими принципами и для достижения социальной справедливости.

Помимо этого, исследовательское внимание посвящено изучению особенностей и принципов реализации модели ответственного производства и потребления [14–16]; межстрановой дифференциации применительно к реализации концепции ответственного производства и потребления [17–21]; изменений в подходах к реализации практик ответственного производства и потребления в странах мира в период нестабильности [9; 22; 23].

Цель – изучить особенности модели ответственного производства и потребления, реализуемой различными странами, и определить направления государственной политики, которые способствуют достижению целей устойчивого развития в развивающихся странах. Задачи: оценить уровень и состояние ответственного производства и потребления в развитых и развивающихся странах; выявить факторы роста и сдерживания активности исследуемых стран в обеспечении устойчивого развития; обосновать выбор направлений государственной политики, нацеленных на укрепление позиций развивающихся стран в области устойчивого развития.

Методы и материалы

В исследовании использованы методы сравнения, экономико-статистического анализа, систематизации, логический и графический методы. Системный подход применялся в исследовании модели ответственного производства и потребления в единстве ее структурных элементов, обладающих определенной спецификой в различных страновых условиях, и с сохранением причинно-следственных связей между ними. Информационная база – статистические данные Worldbank, Statista и ООН.

Результаты

Для проведения исследования авторами выбраны страны, имеющие существенные отличия по уровню социально-экономического развития и занимающие различные позиции в рейтинге стран по устойчивому развитию⁴:

- Финляндия, Швеция, Франция (развитые страны) – страны ОЭСР с высоким уровнем

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 70/1 от 25.09.2015. *ИПП Гарант*; Re: thinking consumption: Consumers and the future of sustainability. *GlobeScan*. URL: https://www.stern.nyu.edu/sites/default/files/assets/documents/Rethinking_Consumption_Consumers_and_the_Future_of_Sustainability_The_Regeneration_Roadmap.pdf (accessed 1 Dec 2024).

² Преобразование нашего мира...

³ Концепция минимизации образования отходов в Российской Федерации. *Российский экологический оператор*. URL: https://www.president-sovet.ru/docs/2024/Концепция_минимизации_образования_отходов_проект.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

⁴ World economic outlook database: Groups and aggregates information. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October/groups-and-aggregates#cee> (accessed 1 Dec 2024).

социально-экономического развития (на основе классификации Международного валютного фонда, включающей оценку среднего дохода на душу населения, диверсификации экспорта, уровня интеграции в глобальную финансовую систему⁵), которые входят в первую пятерку рейтинга устойчивого развития;

- Россия, Китай, Южная Африка (ЮАР) (развивающиеся страны) – страны-участницы БРИКС, имеющие более низкий уровень социально-экономического развития, но в последние годы усиливающие свои позиции в мировой экономике⁶.

Для сравнения приведем данные исследуемых стран по уровню ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 2023 г. Так, наибольшие значения имели Швеция (69,2 тыс. долл. США), Финляндия (64,1) и Франция (61,5). Наименьшее значение продемонстрировала ЮАР (15,2), в то время как Россия и Китай занимали промежуточные позиции (44,1 и 24,6 соответственно), отставая от развитых стран, но опережая Южную Африку⁷. Также в этом году исследуемые страны имели следующие значения индекса SDG (*Sustainable Development Goals Index* – индекс достижения целей в области устойчивого развития), от которых зависела их позиция в рейтинге устойчивого развития: Финляндия – 86,4 (1 место), Швеция – 85,7 (2), Франция – 82,8 (5), Россия – 73,1 (56), Китай – 70,9 (68), ЮАР – 63,4 (115) [24].

При сопоставлении стран по этим двум показателям (уровню ВВП на душу населения по паритету покупательной способности и позиции в рейтинге устойчивого развития) мы приходим к выводу, что с ростом показателя ВВП на душу населения по паритету покупательной способности у страны появляется больше возможностей реализации программ в области устойчивого развития. Однако, существуют доказательства того, что чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем выше ее нагрузка на экосистему в связи с высоким уровнем отходов производства

и потребления⁸. Именно по этой причине развитые страны делают акцент на реализации модели ответственного производства и потребления в рамках достижения целей устойчивого развития⁹ [9; 25].

Модель ответственного производства и потребления развитых стран может использоваться в качестве инструмента разрешения существующих противоречий развития развивающихся стран за счет обеспечения ей нескольких эффектов:

- снижения уровня экологической нагрузки от функционирования систем производства и потребления за счет распределения ответственности за решение экологических проблем между потребителем (который на основе пересмотра морально-этических, нравственных и социальных норм сокращает объемы своего потребления и пересматривает характер поведения в отношении отходов) и производителя (который внедряет новые технологии организации производственного процесса для минимизации экологического следа) [6];
- экономии ресурсов за счет бережливого отношения потребителей к личным ресурсам и сокращения объемов потребляемых благ (осознанное поведение в части экономии денежных средств и стремления сократить количество используемых вещей из-за осознания ущерба, наносимого природе в процессе их производства); внедрения принципов бережливого производства производителями товаров для минимизации убытков в процессе производственной деятельности, экономии ресурсов и сокращения отходов производства [26];
- роста культуры потребления как базовой характеристики цивилизованного общества (трансформация нравственно-ценностных установок индивидов; осознанное изменение потребительского поведения, нацеленного на достижение гармонии с природой и социумом; пересмотр образа жизни и выбор новых более экологических моделей жизнедеятельности [23].

⁵ World economic outlook (WEO): Frequently asked questions. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/frequently-asked-questions#4q2> (accessed 1 Dec 2024).

⁶ В соответствии с выбранной классификацией Россия отнесена к странам типа *Европа с формирующимся рынком и развивающаяся Европа*, Китай – к странам типа *Развивающаяся Азия с формирующимся рынком*.

⁷ GDP per capita, PPP (current international \$). *Worldbank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2023&start=2022&view=chart> (accessed 1 Dec 2024).

⁸ Tiseo I. Global regional waste disposal by method 2016. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/239666/waste-disposal-worldwide/> (accessed 1 Dec 2024).

⁹ О сокращении национальных выбросов в атмосферный воздух определенных загрязняющих веществ, об изменении Директивы 2003/35/ЕС и об отмене Директивы 2001/81/ЕС. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/2284/ЕС от 14.12.2016. *ИПП Гарант*.

Эффективность реализации мер по ответственному производству и потреблению может быть оценена через анализ показателей соответствующего субиндекса SDG 12 (субиндекс ответственного производства и потребления), ежегодно рассчитываемого ООН (табл.¹⁰). С помощью них ООН оценивает достижение странами прогресса в области устойчивого развития. Представленные значения, с одной стороны, показывают, что развитые страны (Финляндия, Швеция и Франция) больше и потребляют, и производят, например электронных отходов (19,85, 20,13 и 20,95 кг на душу населения соответственно). Помимо этого, они активно загрязняют не только воздух в связи с импортом (11,07, 10,69 и 8,58 DALYs на 1000 человек населения соответственно), но и атмосферу выбросами азота, связанными с производством (42,54, 24,39 и 39,21 кг на душу населения соответственно) и импортом (33,71, 37,29 и 28,33 кг на душу населения соответственно). С другой – Финляндия, Швеция и Франция имеют большой прогресс в оказании положительного воздействия на окружающую среду: они ежегодно сокращают размер выбросов и отходов, создают инновационные рециклинговые

производства и внедряют инновационные способы переработки мусора.

Так, развитые страны являются не только крупными производителями мусора, но и в то же время имеют эффективные механизмы управления твердыми бытовыми отходами. Это отличает их от развивающихся стран, где эти отходы вывозятся на открытые свалки и полигоны и сжигаются, что приводит к загрязнению окружающей среды¹¹. Рассмотрим подробнее меры, принимаемые развитыми странами для минимизации отрицательного воздействия на окружающую среду:

1. Финляндия: только 1 % отходов отправляется на полигоны, 41 % проходит повторную переработку, а 58 % становятся энергетическим топливом путем переработки на мусоросжигательных заводах, ежегодно обеспечивая рост доходов предприятий сферы утилизации отходов¹² [13].

2. Швеция: реализует подобную Финляндии практику инновационного управления отходами, приносящими реальный экономический доход. Так, годовой оборот отрасли по сбору отходов в указанном государстве вырос в 2022 г. на 586,02 млн евро по сравнению с 2019 г., составив 2145,22 млн евро¹³.

Табл. Показатели субиндекса SDG 12 в развитых и развивающихся странах, 2024 г.

Tab. SDG 12 subindex indicators in developed vs. developing countries, 2024

Показатель	Финляндия	Швеция	Франция	Россия	Китай	ЮАР
Электронные отходы, кг на душу населения	19,82	20,13	20,95	11,34	7,23	7,09
Производственное загрязнение воздуха, DALYs на 1000 человек населения	7,03	3,85	4,6	9,99	21,96	4,05
Загрязнение воздуха, связанное с импортом, DALYs на 1000 человек населения	11,07	10,69	8,58	3,04	1,14	2,26
Выбросы азота в результате производства, кг на душу населения	42,54	24,39	39,21	29,99	27,85	34,66
Выбросы азота, связанные с импортом, кг на душу населения	33,71	37,29	28,33	10,84	8,05	5,64
Экспорт пластиковых отходов, кг на душу населения	4,9	10,62	5,45	0,2	0,04	0,04
Неперерабатываемые твердые бытовые отходы, кг на душу населения в день	1,05	0,69	0,87	–	–	–
Твердые бытовые отходы, кг на душу населения в день*	–	–	–	1,14	0,76	0,97

Прим.: * – рассчитано для стран за пределами Европейского союза.

¹⁰ Сост. по: [24].

¹¹ Tiseo I. Projection of waste generation worldwide in 2016, 2030, and 2050, by region. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/233613/waste-generation-worldwide-by-region/> (accessed 1 Dec 2024).

¹² Annual turnover of the waste collection industry in Finland from 2013 to 2022. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/430076/turnover-waste-collection-industry-finland/> (accessed 1 Dec 2024).

¹³ Annual turnover of the waste collection industry in Sweden from 2013 to 2022. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/430085/turnover-waste-collection-industry-sweden/> (accessed 1 Dec 2024).

3. Франция: делает акцент на реализацию концепции *Zero Waste* (*Ноль отходов*), предотвращая образование отходов и выбросов в окружающую среду различными способами, в частности с помощью снижения использования пластиковой упаковки и популяризации многоразовой тары, компостирования органических отходов, полного запрета перерабатываемого пластика, использования более экологически безопасного транспорта¹⁴. Помимо этого, в стране реализуются инновационные преобразования в энергетической сфере и прогнозируется достижение не только нулевого уровня выбросов к 2050 г., но и сокращение выбросов парниковых газов на 55 % к 2030 г. Это возможно благодаря внедрению политики, направленной на стимулирование инвестиций в инновационные технологии и повышение энергетической эффективности¹⁵.

Кроме того, после введения в действие Директивы Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/2284/ЕС от 14.12.2016 на полный запрет утилизации пластика через страны, не входящие в ОЭСР, главной задачей европейских стран стало производство и стимулирование инноваций, направленных на переработку несортированного, перерабатываемого пластика и низкокачественных отходов¹⁶.

Развивающиеся страны (Россия, Китай, ЮАР) имеют разнонаправленную динамику использования инноваций для достижения целей устойчивого развития:

1. Китай: производит 12 млн тонн электронных отходов в год, возглавляя мировой рейтинг стран по объему электронных отходов на душу населения, но не реализует инновационную активность по их утилизации и переработке¹⁷. Также многие компании развитых стран перенесли производственные линии на территорию Китая, в связи с чем выросла нагрузка на экологию из-за загрязнения воздуха, связанного с производством. Это подтверждается наибольшим значением показателя *производственное загрязнение воздуха* среди остальных исследуемых стран – 21,96 DALYs на 1000 человек.

Тем не менее в последние годы Китай стал стремиться к углеродной нейтральности и реализовывать ряд стратегических инициатив (система двойного контроля за энерго- и углеродоемкостью; масштабное развитие возобновляемых источников энергии; реализация реформ в области «зеленых» технологий; разработка собственной системы управления углеродным следом), а также в сентябре 2016 г. ратифицировал Парижское соглашение; в 2021 г. представил обновленный определяемый на национальном уровне вклад¹⁸, принял «План по совершенствованию системы двойного контроля интенсивности и общего потребления энергии», утвердил четвертый пятилетний план по возобновляемой энергетике (2021–2025 гг.); в 2024 г. принял «Рабочий план по ускорению создания системы двойного контроля за выбросами углекислого газа», а в 2023 г. – отраслевой план в области «зеленого» транспорта¹⁹; с 2021 г. реализует план по повышению энергоэффективности и экологическому строительству; в 2017 г. запустил пилотные зоны «зеленого» финансирования, направленные на создание «зеленой» финансовой системы на национальном уровне [27]. Но, несмотря на реализуемые меры, преодолеть последствия чрезмерной нагрузки на экосистему к настоящему моменту Китаю не удалось, что и подтверждают данные международной статистики (табл.).

2. Россия: в последние годы активно следует политике устойчивого развития, принимая соответствующие нормативные документы и реализуя практики ответственного производства и потребления корпоративным сектором. Так, в настоящее время реализуется Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.», Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.» и «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации», Постановление

¹⁴ Shared Mobility: market data & analysis. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/study/40459/mobility-services-report/> (accessed 1 Dec 2024).

¹⁵ Agir pour réduire la pollution de l'air. *Ministères aménagement du territoire transition écologique*. 13.10.2024. URL: <https://www.ecologique-solidaire.gouv.fr/politiques-publiques-reduire-pollution-lair> (accessed 1 Dec 2024).

¹⁶ О сокращении национальных выбросов в атмосферный воздух...

¹⁷ Tiseo I. Projection of waste generation worldwide in 2016, 2030, and 2050, by region. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/233613/waste-generation-worldwide-by-region/> (accessed 1 Dec 2024).

¹⁸ China's achievements, new goals and new measures for nationally determined contributions. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/China%E2%80%99s%20Achievements,%20New%20Goals%20and%20New%20Measures%20for%20Nationally%20Determined%20Contributions.pdf?clckid=0f7350c2> (accessed 1 Dec 2024).

¹⁹ Xue Yu. China's plan to fully electrify public vehicles to give NEV sector US\$118 billion boost, analyst says. *myNEWS*. 09.02.2023. URL: <https://www.scmp.com/business/china-business/article/3209534/chinas-plan-fully-electrify-public-vehicles-give-nev-sector-us118-billion-boost-analyst-says> (accessed 1 Dec 2024).

Правительства РФ «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации», а в 2024 г. внесены изменения в ФЗ «Об отходах производства и потребления» и «Об охране окружающей среды».

Однако по оценке ООН, ситуация в стране пока остается неизменной / увеличивается менее чем на 50 % от требуемой нормы. Состояние рынка переработки твердых бытовых отходов отражает существующие проблемы, а их утилизация преимущественно реализуется путем захоронения на полигонах (90–92 % отходов), и лишь 3–4 % этих отходов подлежат промышленной переработке²⁰. Кроме того, Россия имеет высокие показатели по производственному загрязнению воздуха (9,99 DALYs на 1000 человек населения) и выбросам азота в результате производства (29,99 кг на душу населения) (табл.). Помимо этого, экспорт пластиковых отходов из России в Узбекистан, Беларусь, Азербайджан в 2015–2019 гг. увеличился в 2,3 раза [28]. Среди причин сложившейся ситуации выделяются такие, как отсутствие системы сортировки мусора для глубокого рециклинга; сдержанная инновационная активность предприятий сферы переработки в силу отсутствия институциональной базы и государственной поддержки [12]; отсутствие действующих механизмов стимулирования инвестиционных вложений в развитие внутренней инфраструктуры утилизации пластика; несформированность культуры ответственного потребления [28].

3. ЮАР: несмотря на попытки улучшить уровень и качество жизни населения и укрепить свои позиции на мировой арене за счет участия в объединении БРИКС, ЮАР производит органические отходы и отходы от строительства и сноса зданий (по данным за 2017 г., 16 и 13 % от общего объема образующихся отходов соответственно)²¹. При этом страна не имеет развитой инфраструктуры по переработке отходов, позволяющей эффективно управлять ими²². Отходы, как правило, вывозятся на открытые свалки²³. Кроме того, выбросы азота в результате производства составляют в ЮАР 34,66 кг на душу населения, что

является наибольшим значением этого показателя среди исследуемых развивающихся стран (табл.).

Итак, развитые страны – наиболее продвинуты с точки зрения реализации программ ответственного производства и потребления. Развивающиеся же страны, с одной стороны, лишены финансовых возможностей для реализации инициатив в части ответственного производства и потребления, особенно в период нестабильности, когда и без того ограниченные финансовые ресурсы государства направляются на решение неотложных социальных и экономических проблем. С другой – модель ответственного производства и потребления в наибольшей степени соответствует задачам по сокращению объемов потребления, росту его рациональности и, соответственно, снижению производственной нагрузки на экологию, что очень актуально в кризисных условиях. Другими словами, развивающиеся страны могут перейти к реализации концепции ответственного производства и потребления как антикризисной модели функционирования экономики.

Стоит отметить, что для решения задач устойчивого развития в развивающихся странах целесообразно реализовывать соответствующие меры государственной политики в следующих направлениях:

- нравственно-ценностное: формирование новой «ответственной» культуры производства и потребления; развитие и повышение экологической грамотности; популяризация практик ответственного производства и потребления с использованием инновационных технологий.
- инновационно-инвестиционное: внедрение предприятиями инновационных практик организации бережливого производства; создание экономических стимулов для предприятий в целях осуществления ими перехода к модели ответственного производства.
- социальное: развитие коллективной инициативы для укрепления горизонтального сотрудничества между ассоциациями по реализации инноваций в устойчивом развитии; социальная интеграция и стимулирование экологически устойчивых форм потребления.

²⁰ Share of waste utilized in selected countries worldwide in 2019, by method. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1176725/methods-of-waste-disposal-by-country/> (accessed 1 Dec 2024).

²¹ Distribution of generated waste in South Africa in 2017, by waste type. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1090261/generated-waste-volume-south-africa-by-type/>; South Africa State of Waste. A report on the state of the environment. First draft report. Department of Environmental Affairs, 2018. URL: <https://sawic.environment.gov.za/documents/8635.pdf> (accessed 1 Dec 2024).

²² Tiseo I. Volume of generated and landfilled waste in South Africa in 2017, by type. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1086069/generated-landfilled-waste-volume-south-africa-by-type/> (accessed 1 Dec 2024).

²³ Tiseo I. Projection of waste generation...

Заключение

В статье проведен сравнительный анализ развитых (Финляндия, Швеция, Франция) и развивающихся (Россия, Китай, ЮАР) стран в разрезе уровня их устойчивого развития (в соответствии с рейтингом устойчивого развития) и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Выявлено, что чем выше ВВП на душу населения страны по паритету покупательной способности, тем больше у нее возможностей для обеспечения устойчивого развития.

Определено, что модель ответственного производства и потребления, реализуемая большинством развитых стран для достижения целей устойчивого развития, может выступать в период нестабильности как эффективный инструмент разрешения существующих противоречий, затормаживающих развитие развивающихся стран. Это возможно благодаря оказываемым данной моделью эффектам, направленным на снижение экологической нагрузки от функционирования систем производства и потребления; экономию ресурсов; рост культуры потребления как базовой характеристики цивилизованного общества.

Помимо этого, в исследуемых странах проанализированы показатели ответственного производства и потребления и выявлены факторы сдерживания активности в обеспечении устойчивого развития в развивающихся странах. Также для решения задач устойчивого развития в развивающихся странах определены направления (нравственно-ценностное, инновационно-инвестиционное и социальное) реализации мер государственной политики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a subject of the digital economy*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102
2. Fraymovich D. Y., Konovalova M. E., Roshchektaeva U. Y., Karpunina E. K., Avagyan G. L. Designing mechanisms for ensuring the economic security of regions: Countering the challenges of instability. *Towards an increased security: Green innovations, intellectual property protection and information security*, eds. Popkova E. G., Polukhin A. A., Ragulina J. V. Cham: Springer, 2022, 569–581. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93155-1_63
3. Sukhanova I. G., Igonin V. V., Gorbunova O. N., Vandanimaeva O. M., Karpunina E. K. The business landscape transformation in terms of the circular economy development. *Modern global economic system: Evolutional development vs. revolutionary leap*. Cham: Springer, 2021, 858–869. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_97
4. Yin C., Zhao W., Fu B., Meadows M. E., Pereira P. Key axes of global progress towards the sustainable development goals. *Journal of Cleaner Production*, 2023, 385. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.135767>
5. Бобылев П. М., Семейкин А. Ю. «Зеленый» протекционизм Европы. *Энергетическая политика*. 2020. № 10. С. 24–33. [Bobylev P. M., Semeikin A. Yu. Green protectionism of Europe. *Energeticheskaja politika*, 2020, (10): 24–33. (In Russ.)] https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_10152_24
6. Кашеев О. В., Усик С. П., Вингерт А. И. Ответственное потребление как новая парадигма культуры современного общества. *Вестник славянских культур*. 2021. № 61. С. 127–135. [Kashcheev O. V., Usyk S. P., Wingert A. I. Responsible consumption as a new paradigm in modern society's culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, (61): 127–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-127-135>
7. Cristancho C., Loukakis A. A comparative regional perspective on alternative action organization responses to the economic crisis across Europe. *American Behavioral Scientist*, 2018, 62(6): 758–777. <https://doi.org/10.1177/0002764218768856>
8. Papadaki M., Kalogeraki S. Exploring social and solidarity economy (SSE) during the Greek economic crisis. *Special issue: Socio-political Responses during Recessionary Times in Greece*, 2018, 11(1): 38–69.

9. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 85–96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_10
10. Karpunina E. K., Beilina A. F., Butova L. M., Trufanova S. A., Astakhin A. S. Towards sustainable development through bridging digital penetration gaps. *Scientific and technical revolution: Yesterday, today and tomorrow*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2020, 476–485. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_53
11. Московцева Л. В., Головлева И. В., Усанов А. Ю., Корякина Т. В. Устойчивое развитие России и регионов в условиях пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 129–141. [Moskovtseva L. V., Golovleva I. V., Usanov A. Yu., Koryakina T. V. Sustainable development of Russia and its regions during the pandemic. *Vestnik Kemeroskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 129–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-129-141>
12. Путинцева Н. А., Чекалин В. С. Обзор мер по организации управления отходами в России, как фактора повышения ее энергоэффективности. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. № 4. С. 68–74. [Putinseva N. A., Chekalin V. S. Review of waste management in Russia as the factor of improving its energy efficiency. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2018, (4): 68–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xubjhw>
13. Hupponen M., Havukainen J., Horttanainen M. Long-term evolution of the climate change impacts of solid household waste management in Lappeenranta, Finland. *Waste Management*, 2023, 157: 69–81. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2022.11.038>
14. Кудинов В. В., Мухина Е. Г. Продовольственная безопасность в Европе: от права на обеспечение продовольствием до реализации права на достаточное питание (особенности экономико-правового обеспечения). *Правопорядок: история, теория, практика*. 2021. № 4. С. 122–131. [Kudinov V. V., Mukhina E. G. Food security in Europe: From the right to food security to the realization of the right to adequate food (features of economic and legal support). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2021, (4): 122–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ghxeqg>
15. Cruz H., Martínez Moreno R., Blanco I. Crisis, urban segregation and social innovation in Catalonia. *Partecipazione e Conflitto*, 2017, 10(1): 221–245. <https://doi.org/10.1285/i20356609v10i1p221>
16. Kantzara V. Solidarity in times of crisis: Emergent practices and potential for paradigmatic change. Notes from Greece. *Research in Sociology*, 2014, (3): 261–280.
17. Abad-Segura E., Batlles de la Fuente A., González-Zamar M.-D., Belmonte-Ureña L. J. Effects of circular economy policies on the environment and sustainable growth: Worldwide research. *Sustainability*, 2020, 12(14). <https://doi.org/10.3390/su12145792>
18. Коданева С. И. Роль цифровых технологий в обеспечении устойчивого развития. *Социальные новации и социальные науки*. 2022. № 1. С. 58–73. [Kodaneva S. I. Digital technologies in sustainable development. *Sotsialnye novatsii i sotsialnye nauki*, 2022, (1): 58–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.01.05>
19. Коданева С. И. Зеленая экономика – от осмысления содержания концепции к практике ее реализации (опыт России и зарубежных стран). М.: КноРус, 2020. 144 с. [Kodaneva S. I. *Green economy: From understanding the content to its implementation in Russia and abroad*. Moscow: KnoRus, 2020, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxhmdv>
20. Болотов П. В. Применение технологии блокчейн в распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии. *Управление качеством*. 2021. № 8. С. 38–43. [Bolotov P. V. Blockchain technology in distributed generation based on renewable energy sources. *Upravlenie kachestvom*, 2021, (8): 38–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/urgcai>
21. Анисимова А. И., Лебедева А. С. Исследование инноваций в сфере экологической безопасности транспорта мегаполиса. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*. 2020. № 3. С. 11–21. [Anisimova A. I., Lebedeva A. S. Research of innovations in the sphere of environmental safety of megalopolis transport. *Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, 2020, (3): 11–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2020-13-3-11-21>
22. Karpunina E. K., Yakovleva E. A., Shurupova O. S., Oganessian T. L., Gorbunova O. N. Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership. *International Journal of Knowledge-Based Development*, 2024, 14(3): 290–313. <https://doi.org/10.1504/IJKBD.2024.141632>

23. Suárez E., Hernández B., Gil-Giménez D., Corral-Verdugo V. Determinants of frugal behavior: The influences of consciousness for sustainable consumption, materialism, and the consideration of future consequences. *Frontiers in psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.567752>
24. Sachs J. D., Lafortune G., Fuller G. *The SDGs and the UN Summit of the Future. Sustainable Development Report 2024*. Dublin: Dublin University Press, 2024. <https://doi.org/10.25546/108572>
25. Karpunina E. K., Moskovtseva L. V., Zabelina O. V., Zubareva N. N., Tsykora A. V. Socio-economic impact of the COVID-19 pandemic on OECD countries. *Research in Economic Anthropology*, 2022, 42: 103–114. <https://doi.org/10.1108/S0190-128120220000042011>
26. Connolly J., Prothero A. Green Consumption. *Journal of Consumer Culture*, 2008, 8(1): 117–145.
27. Василенко Е. П., Сидоровский М. О., Шишигин С. В. Китай на пути к углеродной нейтральности. Аналитическая записка. М., 2024. 23 с. [Vasilenko E. P., Sidorovskii M. O., Shishigin S. V. China on its way to carbon neutrality. Analytical Note. Moscow, 2024, 23. (In Russ.)] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166501/analytic_note_20241018_dfs.pdf (дата обращения: 05.12.2024).
28. Сперанская О., Понизова О., Цитцер О., Гурский Я. Пластик и пластиковые отходы в России: ситуация, проблемы и рекомендации. *Международная Сеть по Ликвидации Загрязнителей*, 2021. [Speranskaya O., Ponizova O., Zitzer O., Gursky Ya. Plastic and plastic waste in Russia: Current state, problems, and recommendations. *International Pollutants Elimination Network*, 2021. (In Russ.)] URL: https://ipen.org/sites/default/files/documents/ipen-russia-2021-era_v1_4q-ru.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mfqfwx>

Геймификация как инструмент внутреннего маркетинга персонала

Мазур Данил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
danyl_mazur@list.ru

Шадрин Владислав Георгиевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 5809-0560
<https://orcid.org/0000-0001-7145-6775>

Аннотация: Сотрудники – ключевой и критически важный ресурс в организации. Ввиду этого растет спрос на инновационные подходы к повышению мотивации, вовлеченности и производительности персонала. Практика геймификации, первоначально применявшаяся в маркетинге и образовании, набирает популярность в корпоративной среде благодаря своей способности повышать мотивацию сотрудников и стимулировать их вовлеченность с помощью игровых элементов. Цель – изучить преимущества интеграции геймификации персонала во внутренние управленческие процессы, а также обозначить проблемы и вызовы, с которыми при этом может столкнуться организация. Использован подход, сочетающий анализ тематических исследований и общедоступной информации. Подтверждено, что геймификация может стать эффективным инструментом, вовлекающим сотрудников в рабочий процесс, но при этом она требует определенных условий, включающих техническую оснащенность, учет психофизических и культурных особенностей персонала. Определены основные метрики для оценки эффективности геймификации: 1) уровень вовлеченности; 2) производительность труда; 3) снижение текучести кадров; 4) уровень удовлетворенности; 5) показатель командной работы; 6) рентабельность инвестиций. Обнаружены наиболее часто применяемые элементы геймификации, такие как система лидербордов и грейдов, внутренняя валюта компании.

Ключевые слова: геймификация, маркетинг персонала, мотивация сотрудников, лидерборды, грейды, внутренняя валюта, мотивация, корпоративная культура, управление персоналом

Цитирование: Мазур Д. С., Шадрин В. Г. Геймификация как инструмент внутреннего маркетинга персонала. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 119–131. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-119-131>

Поступила в редакцию 28.10.2024. Принята после рецензирования 20.12.2024. Принята в печать 23.12.2024.

full article

Gamification as a Tool of Personnel Marketing

Danil S. Mazur

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
danyl_mazur@list.ru

Vladislav G. Shadrin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 5809-0560
<https://orcid.org/0000-0001-7145-6775>

Abstract: Employees are a key and important resource of any company, which means a growing demand for innovative tools of improving motivation, adaptability, and productivity. Gamification, originally applied in marketing and education, is gaining popularity in corporate environment. It increases employees' motivation by using slot elements to stimulate their performance. The author studied the benefits, problems, and challenges of personnel gamification in corporate management. The analysis involved case studies and public data. Gamification proved quite effective in work engagement. However, it required certain conditions, e.g., technical equipment, particular psychophysical and cultural staff profile, etc. The main indicators that show the effectiveness of gamification were defined as follows: 1) engagement level; 2) labor productivity; 3) low staff turnover; 4) good work satisfaction level; 5) teamwork; 6) return on investment. The most popular gamification elements included leaderboards, grade systems, and corporate currency.

Keywords: gamification, personnel marketing, employee motivation, leaderboards, grades, corporate currency, motivation, corporate culture, personnel management

Citation: Mazur D. S., Shadrin V. G. Gamification as a Tool of Personnel Marketing. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 119–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-119-131>

Received 28 Oct 2024. Accepted after review 20 Dec 2024. Accepted for publication 23 Dec 2024.

Введение

В условиях дефицита кадров на современном рынке труда, особенно в наукоемких отраслях, квалифицированные сотрудники выступают важным стратегическим ресурсом организации. Как следствие, развитие и повышение эффективности персонала становится одной из главных целей компании, которую можно достичь с помощью маркетинга персонала. Он предполагает применение маркетинговых методов, способов и инструментов при работе с сотрудниками и позволяет более эффективно реализовывать их потенциал. Помимо этого, внедрение маркетинговых технологий в рамках управления персоналом позволяет оптимизировать внутреннюю среду предприятия и избежать угрозы, поступающие из внешней среды.

В России понятие *маркетинг персонала* совсем недавно стали включать в перечень основных функциональных обязанностей кадровых сотрудников. Маркетинг персонала – это в первую очередь внутренний процесс, который начинается с найма сотрудника и длится до его увольнения, и предполагает выявление и устранение недостатков в управлении работниками. По признаку нахождения целевой аудитории относительно границ организации различают два его вида:

1) внешний: продвижение бренда работодателя вне пределов компании, на рынке труда, среди потенциальных кандидатов на вакантные должности;

2) внутренний: взаимодействие с действующим штатом сотрудников, анализ их трудовой активности, выраженной в достигнутом уровне производительности труда, и степени удовлетворенности рабочими условиями в целях обеспечения лояльности и мотивации персонала.

Интерес для нас будет представлять второй вид, т.к. он предполагает, что рынок труда находится *здесь и сейчас*, а также анализ степени удовлетворенности и активности работников для усиления их мотивации и предоставления им возможности быть амбассадорами компании вне ее и после ухода из нее.

Использование механизмов и инструментов маркетинга персонала в компании способствует повышению уровня кадрового потенциала и качества трудовых ресурсов в целом. При таком подходе закономерно применение инструмента геймификации,

которую активно используют в классическом маркетинге для создания сообществ и стимулирования продаж. Так, в 1973 г. Ч. А. Кунрадт предложил применять игровые элементы для повышения продуктивности сотрудников [1]. Сам же термин *геймификация* в 2002 г. ввел Н. Пеллинг, который утверждал, что игровые механики способны улучшить взаимодействие с пользовательскими интерфейсами, например в банкоматах, и сделать рабочие процессы более увлекательными [2].

Геймификация как метод управления и мотивации сотрудников является относительно новой концепцией. Классический подход к мотивации персонала при стимулировании продаж не всегда оказывал необходимый эффект [3]. Как следствие, для мотивации персонала стала использоваться геймификация, ранее применяемая в маркетинге и образовании [4]. Помимо этого, на данный момент возросла ее значимость и в управлении персоналом (HR), и менеджменте. Причиной служит то, что геймификация в первую очередь базируется на внутренней мотивации человека [5]. По мнению А. Маслоу, наивысшей потребностью осознанного человека является потребность в самоактуализации, т.е. наиболее полной реализации потенциала личности, осуществлении человеческого назначения, призвания, использовании своих навыков. До внедрения геймификации эта потребность могла реализовываться через признание со стороны начальства и коллег, благодарность от клиентов или потребителей, планирование и достижение целей и т.д.

Отличительная черта современного рынка труда – явный переход от традиционного *рынка работодателя* к современному *рынку работника*, на котором спрос на квалифицированных и опытных специалистов превышает предложение [6]. В связи с этим четко прослеживается не только проблема подбора и найма персонала, но и необходимость удержания кадров, обладающих достаточным уровнем знаний и опыта. В ситуации конкурентной борьбы за персонал менеджеры, занимающиеся рекрутментом и управлением персоналом, используют современные методы и приемы эффективного управления сотрудниками организации [7]. Например, внутренний маркетинг создает комфортные условия

труда для людей при решении задач компании и требует относиться к сотрудникам как к внутренним клиентам и прилагать усилия, чтобы заслужить их лояльность. Инструментом, способствующим этому, является геймификация как нетрадиционная, вовлеченная, интерактивная, привычная форма деятельности сотрудника вне рабочего процесса. Цель – изучить преимущества интеграции геймификации персонала во внутренние управленческие процессы, а также обозначить проблемы и вызовы, с которыми при этом может столкнуться организация. В работе применены сравнение, систематизация, логический метод, системный подход.

При изучении особенностей маркетинга персонала и геймификации внимание ученых фокусируется на нескольких проблемах:

1) рассмотрение задач и подходов маркетинга персонала в системе управления человеческими ресурсами компании в разрезе диджитализации как одного из процессов внедрения новейших цифровых технологий [7];

2) исследование различных аспектов игры как процесса и формы умственной обратной связи, возникающей после успешной адаптации человека и усиливающей у него изменчивость и устойчивость к переменам вокруг [8];

3) выделение концептуальных, организационных и методических аспектов создания элементов контента информационно-обучающих веб-сред и сервисов, использующих геймификацию [9];

4) предложение внедрения пошаговой методики геймификации в процесс обучения в образовательной сфере [10];

5) вовлечение торгового персонала в повышение продаж с помощью элементов игровой механики [11];

6) попытка связать геймификацию с управлением персонала для повышения его эффективности на основе кейсового подхода; рассмотрение существующих на данный момент теоретических аспектов геймификации в управлении персоналом; обсуждение перспектив геймификации и проблем ее внедрения на предприятия [12].

В работах [7–12] отмечается, что управление персоналом испытывает сильное влияние множества факторов: от сопротивления сотрудников изменениям до интеграции и мотивации коллектива на реализацию стратегий компании и совершенствование системы внутренних коммуникаций. Развитие

гуманистического подхода в менеджменте способствовало эволюции принципов подбора и управления кадрами. Так, организация рабочего процесса, найм, мотивация и удержание сотрудников стали рассматриваться с позиции товарно-денежных отношений, в которых компания стремится выступать в качестве привлекательного «продукта», чтобы привлечь профессионалов нужной квалификации. Ввиду этого маркетинг персонала приобретает большое значение в системе менеджмента¹.

Несмотря на многоаспектность исследований в области управления персоналом и повышения его эффективности, остается недостаточно изученным вопрос о том, как маркетинг персонала и геймификация взаимодействуют между собой и взаимно усиливают эффективность друг друга, как и вопрос о геймификации как неотъемлемой части маркетинга персонала. В исследованиях геймификация чаще выступает в качестве отдельного инструмента или метода, а не элемента, интегрированного в стратегию и систему управления маркетингом.

Большинство авторов исследуют эти проблемы отдельно, упуская их потенциал, который можно применить при создании комплексной системы управления персоналом. Такой подход ограничивает возможности использования интегрированных инструментов, способных повысить вовлеченность и продуктивность сотрудников через игровые механики, встроенные в маркетинговые и организационные процессы. В связи с этим требуется рассмотреть и систематизировать теоретические изыскания и практические подходы к геймификации в маркетинге персонала и выявить взаимосвязь между внутренним маркетингом персонала и геймификацией.

Главная причина, которая влияет на распространенность геймификации в контексте маркетинга персонала, – общий консерватизм, заключающийся в разделении труда и развлечений. Он сложился еще в индустриальном обществе, где работа была трудоемкой и, как правило, имела физический характер, т.е. сотрудника было легче заменить, чем вкладываться в него. В сознании людей не складывается связи между инвестициями в отдел HR и ростом прибыли, т.к. новые методы маркетинга персонала, в том числе геймификация, только набирают популярность и требуют высоких организационных и исследовательских вложений.

Внедрение геймификации в корпоративные процессы связано с такими основными проблемами, как:

¹ Сущность маркетинга персонала. НИУ ВШЭ. 28.03.2023. URL: https://marketing.hse.ru/blog/suschnost_marketinga_personala/ (дата обращения: 20.10.2024).

1. Четкие стандартизированные процессы внедрения и обеспечение готовности сотрудников к инновационным подходам. Если в компании отсутствует сплоченная психологическая атмосфера, а менеджеры не поддерживают идею внедрения геймификации, то это вызовет лишь негативную реакцию коллектива. Когда сотрудники чувствуют себя недооцененными и разобщенными, то попытки мотивировать их работать лучше через игровые механики зачастую неэффективны.

2. Значительные затраты времени, ресурсов и энергии. Интегрированная в рабочий процесс система геймификации нуждается в постоянной поддержке, обновлении и вовлечении сотрудников на всех уровнях управления. Без участия менеджеров и собственников, демонстрирующих уверенность и энтузиазм, эта система не сможет долго существовать и поддерживать высокую мотивацию сотрудников. Геймификация – это, по сути, образная среда, создаваемая усилиями организаторов.

3. Интерес к геймификации со временем угасает: требуется планирование циклов активности, периодическое обновление игровых механик. Понимание временных рамок и частоты изменений помогает сохранить интерес сотрудников и повысить их вовлеченность. Именно поэтому игровые рейтинги или квесты обычно реализуются на ограниченный срок, по истечению которого вносятся изменения, чтобы избежать снижения заинтересованности работников.

Успешная деятельность компании зависит от правильно подобранных кадров, которые позволяют достичь поставленных целей организации. Важным критерием для работодателя является высокий уровень квалификации работника, помогающий ему справляться с вызовами бизнеса. Компании, осознавая эту зависимость, инвестируют значительные ресурсы в развитие и обучение персонала, хоть такой шаг и сопряжен с риском перехода обученных работников к конкурентам. Однако при отсутствии обучения персонала организация рискует остаться с неквалифицированными сотрудниками.

Таким образом, сущность маркетинга персонала заключается в привлечении сотрудников нужной квалификации, минимизации временных и финансовых затрат на их поиск и найм, применении нематериальных методов мотивации и формировании лояльности, что позволяет удерживать специалистов в компании. Инвестиции во внутренний маркетинг способствуют повышению отдачи персонала в течение всего их профессионального цикла и служат значимым ресурсом пролонгации их продуктивной деятельности, а также снижают риски перехода квалифицированных кадров к конкурентам.

Результаты

Внутренний маркетинг персонала – это подход, который фокусируется на взаимодействии с сотрудниками организации и рассматривает их не просто как исполнителей задач, а как ключевых партнеров в достижении стратегических целей компании. Геймификация, в свою очередь, предполагает использование игровых элементов и механик в неигровых контекстах. Внутренний маркетинг персонала и геймификация – два важных аспекта управленческой практики, которые имеют сильную взаимосвязь (последняя воспринимается как часть первого) и могут быть использованы для повышения мотивации и вовлеченности сотрудников (табл.). Таким образом, внутренний маркетинг и геймификация дополняют друг друга, создавая комплексный подход к управлению человеческими ресурсами и повышая вовлеченность сотрудников.

Использование геймификации в рамках внутреннего маркетинга может значительно повысить производительность труда компании и помочь в достижении ее целей. Эффективное сочетание внутреннего маркетинга и геймификации позволяет организации создать позитивную и продуктивную рабочую атмосферу, что очень важно в современных условиях жесткой конкуренции на рынке труда. При этом с технической точки зрения геймификация проявляется в переносе в профессиональную деятельность сотрудника следующих элементов, присущих играм:

- эстетика игры: создание тематического фона, позволяющего поддерживать эмоциональную атмосферу игры;
- динамика игры: набор действий или сценарий, помогающий игроку достичь конкретной цели;
- механика игры: особые правила и условности, действующие внутри игры и отражающие продвижение к цели, например награды, таблицы с рейтингом, виртуальные очки [13] и т. д.

Для достижения эффективной взаимосвязи между внутренним маркетингом персонала и геймификацией наиболее подходящими элементами с учетом систематизации зарубежной российской практики являются система лидербордов и грейдов (*grade* – уровень), внутренняя валюта, награды и поощрения. Рассмотрим некоторые из них более подробно:

1. Система лидербордов – совокупность таблиц почета, на которых сотрудники могут сравнить свои показатели с показателями коллег. Основной недостаток такой системы – противодействие развитию группы сотрудников как коллектива, т. к. вперед выходит личный результат. Вариантом решения такой проблемы может выступать сокрытие точных показателей эффективности, их замена диапазонами

Табл. Связь внутреннего маркетинга персонала и геймификации

Tab. Corporate personnel marketing and gamification

Основные элементы внутреннего маркетинга	Направления геймификации	Связь
<i>Коммуникация:</i> эффективное общение руководства и сотрудников, которое позволяет прийти к пониманию цели компании и роли каждого сотрудника в ее достижении	<i>Поощрение участия:</i> сотрудники получают баллы за выполнение определенных задач или достижение целей	<i>Обратная связь и адаптивность:</i> разработка геймифицированных решений требует постоянного анализа и обратной связи от сотрудников, что соответствует принципам внутреннего маркетинга, ориентированного на нужды персонала
<i>Обучение и развитие:</i> инвестиции в обучение персонала (повышение квалификации сотрудников, развитие их навыков), увеличивающие удовлетворенность их работой и повышающие их преданность компании	<i>Создание конкурентной среды:</i> внедрение игровых элементов, таких как лидерборды и рейтинги, для побуждения сотрудников к соревнованию друг с другом в целях достижения лучших результатов	<i>Установление лояльности:</i> одна из целей внутреннего маркетинга – повышение лояльности работников, чему и способствует геймификация за счет создания более интересного и мотивирующего окружения
<i>Участие сотрудников:</i> вовлечение работников в процесс принятия решений и обсуждения стратегий, что способствует созданию чувства принадлежности к компании	<i>Вовлеченность:</i> геймификация – креативный инструмент внутреннего маркетинга, помогающий сделать рутинные задачи более интересными и значимыми	<i>Повышение мотивации и увеличение вовлеченности:</i> использование игровых элементов способствует созданию позитивной корпоративной культуры

или уровнями, а также применение положительных подкреплений для отделов с наибольшим количеством сотрудников в целевом диапазоне.

2. Система грейдов – элемент, помогающий оценить уровень квалификации работников внутри одной должности и замотивировать сотрудников на ее повышение. Изначально эта система использовалась только в IT-сфере, а затем стала набирать популярность и вне ее. Система грейдов и наличие привилегий для сотрудников с высокими результатами будут способствовать формулированию точной цели работы персонала и выстраиванию шагов по ее достижению [14; 15].

3. Внутренняя валюта компании – вспомогательный элемент, играющий роль неденежного вознаграждения. Его основной плюс для работодателя – меньшие затраты в сравнении с обычными премиями и большие возможности реализации. Например, в некоторых компаниях за внутреннюю валюту можно купить дополнительный выходной или продукцию бренда организации. Таким образом, деньги, которые сотрудник мог бы унести из компании, заменяются внутренней валютой, контролируемой работодателем и способствующей большей интеграции работника в рабочий процесс. Данный элемент также можно отнести к совокупности наград и поощрений, т.к. он представляет собой как материальные, так и нематериальные бонусы,

например признание успехов сотрудника на корпоративных мероприятиях, предоставление дополнительных привилегий или сертификатов. Такое положительное подкрепление способствует повышению мотивации труда.

При применении указанных систем и подобных им важно учитывать следующее:

1. Положительное подкрепление более эффективно, чем отрицательное (наказание), и больше мотивирует человека к развитию и попыткам пробовать новое. Следовательно, чтобы сотрудник был замотивирован на работу, необходимо избегать в системе геймификации наказаний и делать упор на выгоду от достижения результата.

2. Внедрение таких систем – сложный и комплексный проект, предполагающий совместные усилия HR-отдела, юридического и технического отделов и высокий коэффициент неизвестности на его реализацию. Возможно, компании рациональнее найти специализированного подрядчика для такого проекта, который сможет разработать полезную систему под цели, задачи и специфику бизнеса, иначе высок риск некупаемости инвестиций.

3. Если рассматривать системы как продукты, то потребитель и целевая аудитория – сотрудники организации. Ввиду этого при проектировании систем необходимо делать упор на обратную связь

именно от них. Реализовать это можно не только с помощью обычных опросников, но и серии глубинных интервью, чтобы выявить цели и мотивы работы сотрудников организации.

4. Важно учитывать специфику как бизнеса, так и конкретной корпоративной культуры (средний возраст, пол, национальность, распространенный формат лидерства в компании, либеральный или консервативный характер восприятия изменений).

Следует отметить, что элементы геймификации по-разному воспринимаются персоналом разных поколений:

1. Работники поколений Z и Y, как правило, мотивированы соревновательными элементами (лидерборды, виртуальные награды и внутренняя валюта). Помимо этого, они подчеркивают важность возможности развивать свои *soft skills* и *hard skills*, необходимые для постоянного личного и профессионального роста [16].

2. Работники поколений X и беби-бумеров лучше воспринимают элементы геймификации, которые предоставляют символическое или статусное признание и цель которых состоит в поддержке коллективной работы [17]. Для работников этих поколений важна стабильность, внутренние связи в коллективе и поощрения, повышающие их статус и дающие отчет об их вкладе в развитие компании, например награды за наставничество / профессионализм. Интерес у них вызывают не соревновательные механики, а командные задачи, в которых они могут использовать свой опыт и знания.

При этом качества, статистически присущие поколениям, не всегда будут присутствовать у конкретного коллектива или группы. Также важно учитывать как внутренние особенности коллектива, так и особенности его корпоративной культуры. Подобные особенности были рассмотрены в работе [18] в отношении покупателей товаров и услуг, но применимы и при анализе персонала.

Для оценки эффективности геймификации как части внутреннего маркетинга персонала обычно используют показатель роста производительности труда. Однако в современных условиях развития цифровых платформ и сервисов требуется применять более широкий перечень метрик: уровень вовлеченности; производительность труда; снижение текучести кадров; уровень удовлетворенности; показатель командной работы, основа которого – оценка достижений команды и их совокупных

показателей эффективности; рентабельность инвестиций (ROI).

Результативность интеграции геймификации во внутренний маркетинг персонала подтверждается практикой:

1. В целях ускорения выпуска операционной системы Windows 7 компания Microsoft создала Language Quality Game: сотрудники из разных стран и регионов проверяли качество перевода интерфейса программы на различные языки. Работники получали очки за просмотренные экраны, итоговую сумму которых могли сравнить с суммой очков своих коллег. В одном из раундов игры, длившемся месяц, приняли участие более 4,5 тыс. сотрудников и было совместно проверено свыше 530 тыс. экранов, один из лучших игроков просмотрел более 9 тыс. экранов. Среди всех офисов Microsoft, принявших участие в Language Quality Game, особо отличился японский. Его сотрудники настолько увлеклись игрой, что взяли корпоративный выходной день, чтобы посвятить его исключительно проверке переводов. Как следствие, команда Японии возглавила таблицу лидеров, показав лучшие результаты. Стоит уточнить, что цель игры состояла не только в сборе компанией обратной связи от сотрудников, но и создании соревновательной атмосферы, в которой работники ощущали свою значимость для компании и вносили свой вклад в ее развитие. Это повысило их вовлеченность, а также улучшило качество продукта – Windows 7.

2. Крупный федеральный бренд по продажам автомобилей внедрил геймификацию в систему мотивации, используя такие ее элементы, как баллы за выполнение задач и сертификаты в качестве игровых валют. Сначала в программе участвовали всего 16 сотрудников, но уже через несколько месяцев их количество увеличилось в 4 раза, достигнув 64 человек. В итоге впервые за последние несколько лет продажи автомобилей выросли в 10 раз².

Компании используют геймификацию не только для привлечения клиентов извне, но и как средство мотивации сотрудников. Консервативную точку зрения теории игр (элементы игры и работа несовместимы) опроверг Б. Саттон-Смит, утверждавший, что противоположность игры – не работа, а депрессия [6]. Следовательно, осознанное внедрение игровых элементов в рабочий процесс не может ухудшить выполнение работы за счет ее несовместимости с игрой.

² Как превратить скучные задачи в увлекательную игру: 3 примера геймификации. *Executive.ru*. 04.10.2024. URL: <https://www.executive.ru/career/hr-management/1998039-kak-prevratit-skuchnye-zadachi-v-uvlekatelnuyu-igru-3-primera-geimifikatsii> (дата обращения: 20.10.2024).

Геймификация рабочего процесса способствует решению ряда важных задач:

1. Повышение производительности сотрудников. В условиях, когда требуется увеличить объемы продаж или достичь других измеримых показателей KPI, геймификация предлагает альтернативные способы мотивации сотрудников, которые помогают обходить ограничения денежного стимулирования [19]. Денежная мотивация не всегда эффективна и со временем, как правило, утрачивает свою актуальность. Более того, денежные вознаграждения часто сопряжены с личными проекциями: у каждого человека свои представления о достаточном уровне оплаты и о том, какой результат достоин материального поощрения.

2. Повышение вовлеченности сотрудников [20]. Геймификация создает иллюзию роста и профессионального развития. Постоянное обещание карьерного роста не всегда возможно и зачастую не приносит ощутимого эффекта, т.к. далеко не все сотрудники стремятся к развитию в данной сфере. Например, в ресторанной индустрии или сфере доставки и логистики часть персонала – официанты, доставщики, фасовщики – могут рассматривать свою деятельность как временную работу и не планируют оставаться здесь надолго. Геймификация помогает сформировать ощущение развития и достижения целей, мотивируя персонал к выполнению задач без необходимости изменения их должностных перспектив.

Работа в подобных сферах часто монотонна и однообразна. Сотрудники, стремясь развеять скуку, находят способы отвлечься, и, как следствие, их внимание рассеивается. Геймификация при грамотном внедрении предоставляет работодателю возможность поддержать интерес сотрудников, что при современном состоянии рынка труда становится серьезным конкурентным преимуществом. Дополнительный элемент игры, присутствующий в рабочем процессе, помогает нанимателю удерживать персонал и снижать текучесть кадров.

3. Снятие напряжения. Перед сотрудниками часто стоят задачи, которые могут оказывать на них психологическое давление, например проведение холодных звонков и организация продаж, взаимодействие с неудовлетворенными клиентами, обучение новым, сложным навыкам. Обычно работники испытывают неприязнь к задаче, если боятся не справиться с ней. Применение игровых элементов позволяет снизить уровень стресса и облегчить выполнение поставленных перед персоналом задач, т.к. игровой процесс уменьшает серьезность их восприятия.

4. Разбивание глобальных целей на более мелкие и достижимые задачи, что также является отражением некоторых аспектов SMART-метода постановки задач – конкретности (Specific) и измеримости (Measurable). Так, если перед сотрудником стоит месячный план, то чаще всего ему сложно решить, с чего начинать его осуществление и сколько времени уйдет на его выполнение. Но разделение большого плана на небольшие ежедневные или еженедельные этапы с видимыми промежуточными успешными результатами позволяет поддерживать интерес к его выполнению и удовлетворенность от проделанной работы, а также избегать прокрастинации.

При разработке геймификационных систем необходимо учитывать индивидуальные качества сотрудников, которые влияют на их стиль игры. Р. Бартл выделил 4 категории игроков [21]:

1. *Achiever* (достигатор) – игрок, ориентированный на достижения и возможность показать другим собственное развитие. Достигатору важно получить максимум наград и признание. По оценке Р. Бартла, примерно 10 % всех людей являются игроками этого типа. Наиболее простой способ определить такую модель поведения – проследить, как часто человек рассказывает о том, что он, например, использовал более быстрый маршрут, чтобы добраться до места назначения, или нашел новый способ выполнения своей задачи. Наличие внутренней игровой валюты, значков и грейдов дает возможность достигаторам быть более вовлеченным в геймифицированный процесс.

2. *Explorer* (исследователь) – игрок, который познает новую для себя сферу и стремится разобраться в ней. В отличие от достигатора ему не так интересно получение внутриигровых очков и грейдов, т.к. для него важен сам процесс познания (его мотивирует постоянное получение новой информации и исследование игровых элементов), являющийся одновременно достижением и наградой. Такой человек будет стремиться узнать что-то новое и понять предел своих возможностей. Исследователь хорошо справляется с повторяющимися задачами, и около 10 % игроков относятся к этой категории.

3. *Socializer* (социализатор) – игрок, мотивация которого сосредоточена на взаимодействии и сотрудничестве с коллегами. Для социализатора важны командные цели, требующие общих усилий коллективной работы и взаимодействия для достижения высоких результатов. В рамках корпоративной среды вовлечение таких игроков будет осуществляться посредством обмена бонусами или совместных целей. Социализаторы – самая обширная категория, составляющая около 80 % людей.

4. *Killer* (киллер) – игрок, мотивированный соревнованием, т.е. его основная цель – стремление быть лучше других. Для киллера важны не столько достижения, сколько чувство превосходства, которое они получают над другими игроками. Данная категория ориентирована на лидерство и будет прилагать усилия, чтобы занять первые места в рейтинге, участвовать в соревновательных процессах и побеждать других. Считается, что таких игроков менее 1 %.

В чистом виде указанные категории встречаются редко, и игроки могут демонстрировать черты сразу нескольких из них. Однако при разработке систем геймификации важно учитывать эти 4 основные категории, чтобы система могла удовлетворить различные потребности и мотивации ее пользователей.

Внешний и внутренний маркетинг персонала подразделяется на три уровня в зависимости от структурной иерархии предприятия: сотрудники низового, среднего и высшего звеньев. Для внешнего маркетинга данное разделение обосновано тем, что целевая аудитория на каждом из перечисленных уровней имеет отличия по карьерным интересам, ожиданиям от работодателя и мотивационным факторам [22] и количественным потребностям найма. Для внутреннего маркетинга, ориентированного на поддержку и развитие корпоративной культуры, все объясняется тем, что на каждом из трех уровней формируется уникальная корпоративная субкультура, характерная для конкретного иерархического «этажа» организации [23].

Применительно к традиционному маркетингу товаров и услуг такое разделение существует и в бизнесе для развития и продвижения суббрендов различных сегментов рынка – массового, среднего и премиального. Таким образом, кампания по продвижению бренда работодателя, нацеленная как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию, строится в трех направлениях, в которых используются различные каналы и коммуникационные сообщения, адаптированные под специфику каждого уровня.

Функциональная деятельность маркетинга персонала направлена на формирование привлекательного бренда работодателя. Значительную роль в этом процессе играет внутренний маркетинг, который помогает формировать у сотрудников связь с компанией и коллегами. Основными целями внутреннего маркетинга персонала являются:

- оценка удовлетворенности сотрудников своим трудом и компанией (с помощью внутрифирменного исследования работников) и, соответственно, понимание и изменение их мотивации;
- формирование лояльности, приверженности сотрудников компании.

Элементы геймификации играют ключевую роль в достижении обозначенных целей, т.к. именно они обеспечивают структурированное и мотивационное воздействие на персонал. Успех стратегий геймификации зависит от ряда факторов: ясности целей, прозрачности системы вознаграждений, адаптации задач под конкретные потребности работников и наличия постоянной обратной связи, а также верно подобранных элементов геймификации, например наград и поощрений. Благодаря последним задействуется механизм положительного подкрепления, когда человек сразу же видит результат своей деятельности в понятном цифровом значении и создается атмосфера конкуренции, в которой сотрудник замотивирован получить показатели выше, чем у коллег.

Результатом внедрения системы геймификации в рабочий процесс является повышение мотивации сотрудников, развитие имеющихся навыков и получение новых, а также большой объем свежих идей в бизнесе. Основная причина перечисленных особенностей заключается не только в соревновательном элементе, имеющемся в большинстве игр, но и в успешной интеграции человека в коллектив посредством укрепления связей с коллегами в рамках механики игр. Однако стоит отметить, что геймификация – это неполная замена материальной мотивации, а лишь ее дополнение, способствующее вовлечению в рабочий процесс и предполагающее быстрый позитивный отклик и особую атмосферу взаимодействия.

В отделах, связанных со стратегическим управлением, аналитикой и научными исследованиями, геймификация будет иметь меньшую эффективность в связи со сложностью измерения показателей успеха и наличием большого количества долгосрочных, более абстрактных и нетипичных задач. В подобных отделах сотрудники сталкиваются с большими объемами данных, проводят аналитику и занимаются принятием решений на уровне, требующем продолжительного времени на анализ и высокой развитости управленческих качеств. В таких случаях попытка использовать геймификацию приведет к снижению эффективности, т.к. механики игр, зачастую ориентированные на краткосрочные достижения и конкретные измеримые результаты, неуместны в контексте долгосрочных, стратегических целей. Вместо методов геймификации эффективнее использовать более традиционные формы мотивации, способствующие развитию ответственности и профессионализма: гибкие возможности развития карьеры, регулярные программы повышения квалификации и вознаграждение за успешное окончание проекта.

В развитии командной динамики и взаимодействия важную роль играют стадии развития группы, через которые проходит команда на протяжении своего существования [24]:

1. *Forming* (стадия формирования): члены команды знакомятся друг с другом, распределяют роли и устанавливают первоначальные правила взаимодействия. На этой стадии группа не является полноценной командой, а представляет собой лишь набор индивидуумов, которые еще не нашли места в структуре. В связи с этим геймификацию следует использовать с осторожностью. Применение индивидуальных краткосрочных игровых механик, таких как рейтинги или небольшие соревнования, может помочь участникам лучше узнать друг друга и установить начальные контакты. Однако важно, чтобы эти механики были простыми и необязательными, чтобы не вызвать стресс.

2. *Storming* (стадия бурления): члены команды начинают активно взаимодействовать, что может приводить к нарушению установленных на первой стадии норм и правил, возникновению конфликтов и недопонимания. *Storming* является критически важной для формирования командной сплоченности, поскольку успешное преодоление конфликтов позволяет команде перейти к следующей стадии. Если команда не справляется с конфликтами, она может либо распаться, либо перейти в стадию скрытых конфликтов, что негативно скажется на дальнейшем развитии. В данном случае использование геймификации может как помочь, так и навредить. Если не учитывать текущие напряженные отношения в группе, неправильное применение игровых механик усугубит конфликты. Рекомендуется использовать механики, основа которых заключена в сотрудничестве и взаимопомощи, например совместные задания.

3. *Norming* (стадия нормирования): члены команды начинают понимать свои роли и обязанности, формируются реальные нормы и правила взаимодействия. Группа устанавливает четкие договоренности, что позволяет каждому участнику более эффективно выполнять свои задачи. Именно на стадии нормирования команда становится сплоченной единицей, готовой к достижению общих целей. На этой стадии геймификация начинает играть более значимую роль. Команда уже установила свои нормы и правила взаимодействия, и использование игровых механик укрепляет командный дух.

4. *Performing* (стадия выполнения): члены команды работают согласованно, что позволяет достичь максимальных результатов. Стадия выполнения характеризуется высокой продуктивностью и эффективностью

работы группы, которая демонстрирует отличную слаженность и взаимодействие. На этой стадии геймификация используется без ограничений. Команда функционирует на высоком уровне, и можно применять как командные, так и индивидуальные игровые механики. Разнообразные испытания, соревнования и сложные задачи могут значительно повысить продуктивность и вовлеченность участников.

5. *Adjourning* (стадия расставания): члены команды в случае достижения поставленных целей могут либо отделиться (перейти в стадию расставания, что подразумевает ее распад), либо создать новые структуры, что иногда может привести к возвращению к стадии формирования. На последнем этапе применение геймификации становится менее уместным. Хотя можно использовать некоторые игровые механики для облегчения процесса расставания, но их эффективность будет значительно ниже по сравнению с предыдущими стадиями. Важно помнить, что расставание часто сопровождается эмоциями и попытка активно внедрить геймификацию может вызвать противоречивые чувства среди участников [25].

Стоит также учитывать, что в условиях недостаточно стабильной атмосферы рекомендуется отдать предпочтение командным заданиям, направленным на совместные усилия. Такие задания снижают стресс от конкуренции и поддерживают коллективную атмосферу. В случае же когда конкуренция вводится на уровне нескольких филиалов, важно продумать, как решать проблемы взаимодействия, например при замещении сотрудников между филиалами, чтобы не возникало конфликтов и несогласованности.

Рассматривая конкретные примеры внедрения систем геймификации внутри компании, можно отметить, что наиболее активно такие инструменты внедряются в IT-сфере. Это связано с тем, что, как правило, в IT-компаниях сформированы корпоративные экосистемы, включающие сотрудников в коммуникацию и помогающие в решении рабочих задач.

В компании Amazon активно внедряется и используется система геймификации для сотрудников, работающих в центре обработки заказов. Программа называется FC Games и включает в себя до 6 мини-игр в аркадном стиле, в которые можно играть, только выполняя задачи на рабочем месте. Цель программы – побудить сотрудников повышать свою эффективность и соревноваться с другими за цифровые награды.

Исходя из открытых источников, как минимум с 2019 г. компания Amazon использует элементы

геймификации в виде игр на рабочих местах, чтобы мотивировать сотрудников улучшать работоспособность³. Большинство из игр представляют собой простые виртуальные симуляции того, как быстро работник выполняет задачу. Одна из них, называемая MissionRacer, перемещает автомобиль по трассе, а в это время сотрудник, занимающийся сортировкой, раскладывает продукты по соответствующим коробкам. При этом, по словам сотрудников, они удовлетворены и заинтересованы в играх на их рабочих местах.

Заключение

Обобщим основные метрики, которые можно использовать для оценки эффективности геймификации как части внутреннего маркетинга персонала:

1. Уровень вовлеченности – фиксирование активности сотрудников при выполнении геймифицированных задач. Вычисляется путем нахождения среднего арифметического частоты участия, времени, потраченного на выполнение задач, и прогресса по стадиям у всех сотрудников. Чем выше этот показатель, тем успешнее интеграция игровых элементов в рабочий процесс. Наиболее эффективно следить за ним в динамике, тестируя различные гипотезы и измеряя результат от внедрения геймификации.

2. Производительность труда – оценка результатов работы до и после внедрения геймификации, анализ таких показателей, как количество выполненных задач, их качество и скорость. Рассчитывается, как правило, количеством выполненных задач за определенное время и выражается в цифровых значениях, что позволяет увидеть реальные изменения. Но важно понимать, что во многих сферах этот показатель теряет актуальность из-за типичности выполняемых задач, в связи с чем скорость их выполнения может оставаться на прежнем уровне, в то время как качество и проработанностькратно возрастают.

3. Снижение текучести кадров: измерение процента сокращения увольнений от среднесписочного состава команды. Высокая текучесть указывает на недостаточную мотивацию или неудовлетворенность сотрудников трудовой деятельностью, а ее снижение можно интерпретировать как положительное влияние геймификации на удержание персонала.

4. Уровень удовлетворенности – одна из сложных для расчета метрик, дающая реальное представление

об ощущениях сотрудников от внедрения геймификации. Выявляется через опросы (выбор числа, указывающего на уровень удовлетворенности от 1 до 10) и глубинные интервью. Первые могут дать примерное представление о результатах внедрения геймификации, но вторые позволяют понять, какие ее элементы используются наиболее удачно, а какие, наоборот, препятствуют развитию сотрудников и демотивируют их.

5. Показатель командной работы оценивается на основе достижений команды, их совокупных показателей эффективности. Его можно использовать в рамках А/В-тестирования (проверка двух или нескольких схожих гипотез) разных отделов. Например, в одну команду может быть внедрена система лидербордов, а в другую – нет. Таким образом легче будет определить влияние интеграции этого игрового элемента на персонал.

6. ROI – соотношение затрат на внедрение геймификации к ее положительному экономическому эффекту. Однако в реальных компаниях множество процессов (в том числе и внешних) происходит одновременно, и, как следствие, сложно оценить является ли внедрение геймификации результатом повышения прибыли или на это повлиял другой фактор.

Мы рассмотрели элементы геймификации во взаимосвязи с внутренним маркетингом персонала, проблемы их использования и ее влияние на повышение эффективности сотрудников. Среди наиболее часто встречаемых элементов геймификации авторы выделили следующие:

- система лидербордов – таблица лидеров компании, позволяющая сотрудникам сравнить свои результаты с результатами коллег;
- система грейдов – элемент, помогающий оценить уровень квалификации работников внутри одной должности и замотивировать сотрудников на ее повышение;
- внутренняя валюта компании – вспомогательный элемент, играющий роль денежного вознаграждения.

На основе систематизации теоретических и практических данных выявлено, что элементы геймификации по-разному воспринимаются в организации в разрезе теории поколений. Поколения Z и Y отдадут предпочтение лидербордам, виртуальным наградам и внутренней валюте. Поколения X и беби-бумеров высоко ценят командную работу и состязательность.

³ Statt N. Amazon expands gamification program that encourages warehouse employees to work harder. *The Verge*. 15.03.2021. URL: <https://www.theverge.com/2021/3/15/22331502/amazon-warehouse-gamification-program-expand-fc-games> (accessed 20 Oct 2024).

Элементы геймификации зачастую требуют больших инвестиций и имеют высокий риск и коэффициент неизвестности на реализацию. В связи с этим важно учитывать показатели, позволяющие измерять эффективность этого инструмента в корпоративной среде – особенности корпоративной культуры и стадии командной работы сотрудников (формирование, бурление, нормирование, выполнение и расставание). Для каждой из стадий командной работы с точки зрения внутреннего маркетинга персонала предложено определенное использование элементов геймификации и ее отдельных механик.

Однако стоит понимать, что геймификация – не только соревновательно-призовая модель, но и вовлечение в игру, реальное общение, предполагающее приятную и интересную атмосферу взаимодействия⁴. Таким образом, геймификация как важная часть внутреннего маркетинга персонала повышает мотивацию и эффективность сотрудников, дополняет материальные стимулы и способствует развитию и вовлеченности работников. Успешность применения элементов геймификации зависит от адаптации к специфике компании, социологическим особенностям коллектива и от наличия обратной связи с руководством. Немаловажную роль при этом играет стратегическое планирование, сложившееся в организации. Принципы этого подхода позволят внедрить данную систему и отслеживать ее эффективность [26].

По мнению авторов, геймификация принесет наибольшую пользу в отделах, в которых есть много небольших типовых задач, необходима мотивация для достижения краткосрочных целей и четкие метрики успеха. Это, в первую очередь, относится к сферам, связанным с продажами, клиентским

обслуживанием, IT-сферой и логистикой. В продажах геймификация обеспечивает стремление сотрудников к увеличению показателей посредством соревнования с коллегами за награды или звания. В отделах с клиентским обслуживанием игровые механики могут мотивировать работников на достижение высоких показателей удовлетворенности клиентов, успешных разрешений запросов или времени ответа. Для IT-специалистов геймификация будет полезна при решении задач, требующих постоянного развития, например при освоении новых программ или повышении квалификации.

Выявленная устойчивая взаимосвязь между внутренним маркетингом персонала и геймификацией может быть в дальнейшем изучена более детально в рамках метрологического и фактологического обоснования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. С. Мазур – анализ данных, формулирование результатов и подведение итогов, написание и редактирование статьи. В. Г. Шадрин – подбор, обработка и агрегация актуальных сведений, необходимых для работы.

Contribution: D. S. Mazur provided data analysis, formulated the results, wrote the manuscript, and edited its final version. V. G. Shadrin selected the material, as well as processed and aggregated the relevant data.

Литература / References

1. Coonradt C. A. *The game of work*. Kaysville, Utah: Gibbs Smith, 2012, 192.
2. Shpakova A., Dörfler V., MacBryde J. Gamification and innovation: A mutually beneficial union. *BAM 2016: Proc. 30th Annual Conf.*, Newcastle, 6–8 Sep 2016. London: British Academy of Management, 2016. URL: https://www.researchgate.net/profile/Agnessa-Spanellis/publication/306364960_Gamification_and_innovation_a_mutually_beneficial_union/links/57c8743408ae9d640480e144/Gamification-and-innovation-a-mutually-beneficial-union.pdf (accessed 20 Oct 2024).
3. Коновалова О. В., Шадрин В. Г., Лысенко Е. А. Методы стимулирования продаж. Кемерово: КемГУ, 2023. 115 с. [Konovalova O. V., Shadrin V. G., Lysenko E. A. *Sales promotion methods*. Kemerovo: KemSU, 2023, 115. (In Russ.)]
4. Алексеева А. З., Соломонова Г. С., Аетдинова Р. Р. Геймификация в образовании. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия*. 2021. № 4. С. 5–10. [Alekseeva A. Z., Solomonova G. S., Aetdinova R. R. Gamification in education. *Vestnik*

⁴ Сущность маркетинга персонала...

- Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya*, 2021, (4): 5–10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pfyajo>
5. Садыкова А. Я. Феномен самоактуализации А. Маслоу в современном мире. *Символ науки*. 2020. № 2. С. 66–70. [Sadykova A. Ya. The phenomenon of A. Maslow's self-actualization in the modern world. *Simvol nauki*, 2020, (2): 66–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xfsijr>
  6. Файзрахманова И. И., Мухаметшина Г. Р. Удовлетворенность персонала как основной инструмент удержания сотрудников в условиях кадрового голода. *Достижения науки и образования*. 2024. № 2. С. 19–21. [Faizrahmanova I. I., Mukhametshina G. R. Staff satisfaction as the main tool for employee retention in conditions of staff shortage. *Dostizheniia nauki i obrazovaniia*, 2024, (2): 19–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzpcjs>
  7. Мищенко Т. Л. Маркетинг персонала как инструмент развития компании. *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 7. С. 10–13. [Mishchenko T. L. Personnel marketing as a company development tool. *Finansovye rynki i banki*, 2022, (7): 10–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owstgh>
  8. Sutton-Smith V. *The ambiguity of play*. London: Harvard University Press, 2001, 288.
  9. Кононова О. В. Проектирование информационно-обучающей веб-среды с элементами геймификации. *Вопросы организации текстового и игрового контента*. СПб.: НИУ ИТМО, 2017. 70 с. [Kononova O. V. Designing an information and training web environment with gamification elements. *Organization of text and game content*. St. Petersburg: ITMO University, 2017, 70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgkofa>
  10. Богданова Е. Л. Маркетинговая концепция организации персонал-менеджмента и конкурентоспособной рабочей силы. М.: Прогресс-Академия, 1999. 122 с. [Bogdanova E. L. *Marketing concept of the organization of personnel management and competitive workforce*. Moscow: Progress-Akademiia, 1999, 122. (In Russ.)]
  11. Голова А. Г. Управление продажами. 3-е изд. М.: Дашков и К, 2020. 278 с. [Golova A. G. *Sales management*. 3rd ed. Moscow: Dashkov i K, 2020, 278. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tunhhn>
  12. Сичкарев Д. В. Геймификация в управлении персоналом. *Актуальные проблемы авиации и космонавтики: Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 8–12 апреля 2019 г.)* Красноярск: СибГУ, 2019. Т. 3. С. 73–75. [Sichkarev D. V. Gamification in staff management. *Current issues of aviation and cosmonautics: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 8–12 Apr 2019*. Krasnoyarsk: SibSU, 2019, vol. 3, 73–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jmxqwm>
  13. Мельничук А. В. Геймификация в управлении персоналом. *Материалы Афанасьевских чтений*. 2016. № 2. С. 104–109. [Melnichuk A. V. Gamification in human resources management. *Materialy Afanasevskikh chtenii*, 2016, (2): 104–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtklif>
  14. Панарина С. Н., Сапожникова А. В., Яковлева Н. Л. Повышение практической значимости триады Points, Badges, Leaderboards в образовательном процессе. *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 1. С. 127–133. [Panarina S. N., Sapozhnikova A. V., Yakovleva N. L. Increasing the practical significance of the Points, Badges, Leaderboards triad in the educational process. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2021, (1): 127–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxivoh>
  15. Скалиух К. В. Современные подходы к обучению персонала в организации. *Вестник науки*. 2024. Т. 1. № 3. С. 152–156. [Skaliukh K. V. Modern approaches to staff training in an organization. *Vestnik nauki*, 2024, (3): 152–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijsgxm>
  16. Хворова В. А. О социологическом портрете поколения миллениалов. *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 8. С. 197–201. [Hvorova V. A. A sociological portrait of the millennial generation. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2019, (8): 197–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xmxqjz>
  17. Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю., Дробышева М. М. Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «беби-бумеров», «X» и «миллениум»). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 3. С. 220–230. [Drobysheva T. V., Voitenko M. Yu., Drobysheva M. M. Generation image in different groups of Russians: baby boomer, generation X, and millennials. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (3): 220–230. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/byhepf>
  18. Романов А. А., Басенко В. П., Жуков Б. М. Маркетинг. М.: Дашков и К, 2011. 320 с. [Romanov A. A., Basenko V. P., Zhukov B. M. *Marketing*. Moscow: Dashkov i K, 2011, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxyaz>
  19. Валиева Ф. Р. Теоретические основы и эволюция системы KPI в управления человеческими ресурсами. *Maktabgacha ta'lim tizimi hodimlarini rivojlantirish: amaliyot va xorijiy tajriba*: Республ. науч.-практ. конф. (Ташкент, 23–24 мая 2024 г.) Ташкент, 2024. [Valieva F. R. Theoretical foundations and evolution of the KPI

- system in human resource management. *Staff development of the preschool education system: Practice and foreign experience*: Proc. Republic. Sci.-Prac. Conf., Tashkent, 23–24 May 2024. Tashkent, 2024. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.11234395>
20. Сивачева К. Е. Повышение вовлеченности сотрудников компании. *Инновационная наука*. 2022. № 6-1. С. 76–78. [Sivacheva K. E. Increasing employee engagement. *Innovatsionnaia nauka*, 2022, (6-1): 76–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxtqmv>
21. Bartle R. Hearts, clubs, diamonds, spades: Players who suit MUDs. *Journal of MUD research*, 1996, 1(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/247190693_Hearts_clubs_diamonds_spades_Players_who_suit_MUDs (accessed 20 Oct 2024).
22. Ефаненков Н. М., Зорин К. А. Геймификация и влияние геймификации на когнитивные способности и мотивацию в обучении как элемента образовательной культуры. *Актуальные исследования*. 2024. № 25-1. С. 99–102. [Efanenkov N. M., Zorin K. A. Gamification and the impact of gamification on cognitive abilities and motivation in learning as an element of educational culture. *Aktualnye issledovaniia*, 2024, (25-1): 99–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gqyjsj>
23. Магомедов А. А., Алиева П. Р. Корпоративная культура. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 8. С. 427–436. [Magomedov A. A., Alieva P. R. Corporate culture. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, 2022, 7(8): 427–436. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_8_477
24. Tuckman B. W. Developmental sequence in small groups. *Psychological Bulletin*, 1965, 63(5): 384–399. <https://doi.org/10.1037/h0022100>
25. Карпова Е. А., Воронина М. Ф. Перспективы формирования и развития групп: ролевой подход. *Социология и право*. 2016. № 2. С. 14–23. [Karpova E. A., Voronina M. F. Prospects of formation and development groups: Role approach. *Sociology and Law*, 2016, (2): 14–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqssmn>
26. Фомичев А. Н. Стратегический менеджмент. 3-е изд. М.: Дашков и К, 2021. 466 с. [Fomichev A. N. *Strategic management*. 3rd ed. Moscow: Dashkov i K, 2021, 466. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mxkcir>

Реализация национальных проектов в социальной сфере в условиях цифровой экономики и дефицита ресурсов

Мухачева Анна Валентиновна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8481-8721

oblakko@mail.ru

Аннотация: Актуальность определена необходимостью более жесткого подхода к формированию и обеспечению эффективности реализации национальных проектов в условиях нарастающего сокращения финансирования, с учетом рисков их реализации и применения цифровых инструментов. Цель – выявить наиболее действенные пути повышения эффективности реализации нацпроектов в социальной сфере ввиду имеющихся цифровых возможностей, рисков и ресурсных ограничений. Задачи: рассмотреть соотношение национальных проектов в социальной сфере и государственных программ, рисков и эффективность их реализации, направлений ее повышения с помощью цифровых инструментов. Использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, формализация, дедукция и индукция, сравнение и описание. Изучены нормативно-правовые акты (паспорта национальных проектов, тексты государственных программ, стратегические документы федерального и регионального развития Российской Федерации) и официальные порталы с государственно-правовой информацией. Выявлено: 1) отсутствие однозначного разграничения между государственными программами и национальными проектами и, следовательно, размывание ответственности и финансирования между этими документами; 2) отсутствие единой методологии оценки реализации нацпроектов, то есть невозможность осуществить общественный контроль за расходованием средств, достижением целей и задач национальных проектов; 3) отсутствие учета рисков реализации нацпроектов в их паспортах; 4) недостаточное применение цифровых инструментов для продвижения и реализации национальных проектов в социальной сфере. Определены меры по повышению эффективности реализации нацпроектов, связанные с решением указанных проблем.

Ключевые слова: национальный проект, государственная программа, социальная сфера, цифровизация, регион, управление, качество жизни, органы власти

Цитирование: Мухачева А. В. Реализация национальных проектов в социальной сфере в условиях цифровой экономики и дефицита ресурсов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 132–146. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-132-146>

Поступила в редакцию 05.10.2024. Принята после рецензирования 14.11.2024. Принята в печать 18.11.2024.

full article

National Social Projects in the Context of Digital and Shortage Economy

Anna V. Mukhacheva

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8481-8721

oblakko@mail.ru

Abstract: National projects require a more rigorous approach in the context of constrained budget, looming risks, and digital economy. The author used standard general research methods to propose a number of improvements for the current national projects in the social sphere, taking into account the existing digital potential, possible risks, and resource shortage. The research covered such open-access legal documents as passports of national projects, state programs, and documents on strategic development on the federal and regional levels. The analysis

revealed a merge between state programs and national projects, which resulted in diluted responsibility and financing. The sphere of national projects revealed no unified assessment methodology, i.e., no public control over expenditures and results. In addition, the passports of national projects featured no implementation risks. The national projects under consideration demonstrated a rather poor use of digital tools for promotion purposes. The article introduces a set of measures that could resolve the abovementioned issues and raise the efficiency of national social projects.

Keywords: national project, state program, social sphere, digitalization, region, management, quality of life, authorities

Citation: Mukhacheva A. V. National Social Projects in the Context of Digital and Shortage Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 132–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-132-146>

Received 5 Oct 2024. Accepted after review 14 Nov 2024. Accepted for publication 18 Nov 2024.

Введение

Национальный проект является частью социально-экономической стратегии государства и общественного развития, содержит в себе конкретизацию целей, этапов, средств, институтов и механизмов для получения определенных результатов [1]. Рационализация, концентрация, координация и повышение эффективности использования бюджетных средств органами власти различных уровней – основная цель внедрения национальных проектов [2]. Они имеют собственную структуру, критерии (определяющие основную цель проекта) и индикаторы (отражающие аспекты, «маркеры» достижения цели) [3].

Методологическая основа нацпроектов – сочетание традиционных программ и проектного подхода. В законодательных документах Российской Федерации отражены особенности регламентации нацпроектов, их утверждения и реализации:

1. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.»¹: основная цель – повышение качества жизни населения.

2. Указ Президента РФ «О Совете при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам»²: описание структуры управления реализацией нацпроектов. Собственно, указанный Совет и является основным курирующим органом.

3. Постановление Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»³: отражение принципов

формирования и реализации проектов, их структуры, порядок мониторинга за их исполнением.

Субъекты России разрабатывают собственные региональные программы и проекты на базе национальных проектов с учетом имеющихся ресурсов и специфики социального развития. Однако не всегда адаптация национальных проектов на региональном уровне проходит успешно, а показатели региональных программ часто не достигаются [4].

С 2005 г. началась реализация национальных проектов в РФ. Последующие направления их реализации, как правило, были схожи и обладали преемственностью во времени. Стоит указать также и то, что традиционно большинство нацпроектов реализуется именно в социальной сфере – остальные в той или иной степени ее затрагивают [5]. Важным этапом в развитии нацпроектов стали Указы Президента РФ № 596–606 от 07.05.2012 (майские указы), отражающие основные положения официальной социально-экономической политики, в том числе в социальной сфере (акцент на темах, связанных со здравоохранением, образованием, жилищным обеспечением, социальной защитой и развитием). Именно приоритетные направления стратегического развития майских указов легли в основу национальных проектов 2018–2024 гг. [6].

Помимо того, что Указом Президента РФ «О Совете при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам» был утвержден новый вариант названия Совета, также этот

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 (с изм. и доп. от 21.07.2020). *ИПП Гарант*.

² О Совете при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Указ Президента РФ № 306 от 30.06.2016 (ред. от 19.07.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

³ Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ. Постановление Правительства РФ № 1288 от 31.10.2018 (ред. от 21.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

Указ содержал 11 приоритетных направлений социально-экономического развития страны, практически полностью дублирующих перечень приоритетных нацпроектов 2018–2024 гг. В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.», который является продолжением развития национальных проектов и государственных программ, начатых в 2014–2017 гг., утверждаются 13 проектов, сгруппированных в три блока (два из которых напрямую связаны с социальной сферой)⁴:

1. Человеческий капитал: *Здравоохранение, Демография, Образование, Культура*.

2. Комфортная среда для жизни: *Безопасные и качественные автомобильные дороги, Жилье и городская среда, Экология*.

3. Экономический рост: *Наука, Малое и среднее предпринимательство, Туризм и индустрия гостеприимства, Цифровая экономика, Производительность труда и поддержка занятости, Развитие атомной науки и технологии* [7; 8].

К концу осени 2024 г. планировалось закончить разработку паспортов новых национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»: *Семья, Молодежь России, Продолжительная и активная жизнь, Кадры и Экономика данных*⁵. При реализации указанных национальных проектов в условиях дефицита ресурсов важно учитывать прошлый опыт, тем более что основные направления их реализации остаются прежними (связано с указанной нами ранее преемственностью).

Главной проблемой при реализации нацпроектов является их логическая и структурная взаимосвязь с действующими государственными социальными программами. Так как они во многом дублируют друг друга, например по названию и содержанию, то некоторые исследователи предлагают либо унифицировать их, либо убрать один из арсенала средств государственного управления [9]. Дополнительная путаница также возникает в связи с тем, что каждый регион самостоятельно адаптирует цели и задачи национальных проектов в своих региональных программах [10]. То есть возникает неструктурированный пул государственных программ и национальных проектов,

федеральных и региональных программ в социальной сфере, которые реализуются на бюджетные отчисления в условиях их дефицита. При этом полные отчеты об их реализации недоступны для общественных структур и населения и, следовательно, неподконтрольны им.

В регионах РФ при реализации национальных проектов отмечается отсутствие диалога власти с населением, что является особенно острой проблемой для всех социальных программ и проектов. Так, не учитывается удовлетворенность граждан проводимыми мероприятиями, не проводится сбор предложений по их реорганизации и финансированию, часто не исследуется даже уровень осведомленности россиян о реализуемых программах и проектах. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в 2024 г., 73 % опрошенных знают о существовании национальных проектов, 76 % что-то слышали о таких нацпроектах, как *Демография, Здравоохранение*⁶. При этом, как отмечено в работе [5], только 7 % населения обладают реальными знаниями о конкретных мероприятиях в рамках национальных проектов и от 14 до 37 % респондентов (большую их часть составляют молодые люди в возрасте 18–25 лет) удовлетворены результатами реализации национальных проектов.

В условиях развития экономики внедрение цифровых технологий является неотъемлемой частью национальных проектов, инструментом их реализации и повышения эффективности. Флагманами в применении цифровых технологий традиционно является бизнес. Согласно статистическим данным, за 2005–2022 гг. использование облачных сервисов российскими организациями увеличилось с 18,3 % до 28,9. В 2020–2022 гг. большое распространение в регионах получили технологии сбора и обработки больших данных (в 2022 г. ими пользовались 30,4 % организаций; в 2020 г. – 22,4 %), а также технологии искусственного интеллекта (в 2022 г. эти технологии применяли 6,6 % организаций; в 2020 г. – 5,4 %). При этом использование в 2022 г. устройств Интернета вещей (*Internet of Things – IoT*) снизилось на 3 % и составило 10 %, а цифровых платформ – на 2,3 %, достигнув 14,9 %. Однако в региональном разрезе различия не столь существенны: минимальные значения указанных выше показателей цифровизации наблюдаются в федеральных

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. ...

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Национальные проекты: мониторинг. ВЦИОМ. 09.09.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/nacionalnye-proekty-monitoring-2> (дата обращения: 01.10.2024).

округах Дальневосточный, Сибирский и Уральский, максимальные – в Центральном и Северо-Западном федеральных округах⁷.

Для цифровизации социальной сферы важно обеспечить доступ населения к сети Интернет. За последние годы в России количество пользователей Интернета значительно увеличилось: в 2023 г. более 90 % населения имели доступ к Сети, что способствовало росту цифровой экономики. Различия между регионами в обеспеченности населения широкополосным доступом минимальны (от 83 % до 88)⁸. При этом за 2020–2022 гг. у регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов был самый значительный прирост указанного показателя развития цифровой инфраструктуры, значения которого и на сегодняшний день не уступают регионам центральной части страны.

Цифровые инструменты уже активно применяются в рамках реализации национальных проектов в социальной сфере, что отражено в их паспортах, документах стратегического развития и страны, и регионов. Развитие цифрового потенциала в социальной сфере субъектов РФ реализуется как в рамках национального проекта *Цифровая экономика*, так и указывается в паспортах проектов *Здравоохранение, Демография, Образование, Культура, Безопасные и качественные автомобильные дороги, Жилье и городская среда, Экология*, которые при последовательном подходе должны быть связаны с первым, но фактически эта связь выявляется слабо.

Рассмотрим применение цифровых технологий в рамках различных национальных проектов в социальной сфере:

1. *Здравоохранение*⁹: создание механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе государственной информационной системы (единый цифровой контур в здравоохранении), электронных медицинских карт; усовершенствование системы онлайн-записи на прием к врачу; развитие телемедицины. На реализацию этих мероприятий было

выделено порядка 13 млрд руб. В результате создано более 1 млн руб. автоматизированных рабочих мест в учреждениях здравоохранения, замкнутых в единую сеть.

2. *Образование*¹⁰: внедрение цифровых технологий и систем для обеспечения «глобальной конкурентоспособности российского образования»¹¹, заявленной в качестве основной цели проекта; постройка 340 мобильных технопарков для детей, проживающих в сельской местности; внедрение системы мониторинга трудоустройства выпускников; развитие онлайн-образования.

3. *Безопасные и качественные автомобильные дороги*¹²: внедрение интеллектуальных транспортных систем (в целях снижения количества мест концентрации ДТП и смертности), общедоступной информационной системы контроля за формированием и использованием средств дорожных фондов всех уровней, автоматизированных и роботизированных технологий организации дорожного движения и контроля за соблюдением правил дорожного движения, системы контроля формирования и расходования дорожного фонда на всех уровнях.

Например, в рамках федерального проекта *Общесистемные меры развития дорожного хозяйства* проводились мероприятия по автоматизации процессов управления дорожным движением в городах с населением свыше 300 тыс. человек и внедрению на региональных и федеральных автомобильных дорогах общего пользования отдельных элементов интеллектуальных транспортных систем на основе технологий фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения, автоматического весогабаритного контроля, автоматизации управления искусственным освещением автомобильных дорог с использованием энергосберегающего оборудования¹³.

4. *Жилье и городская среда*¹⁴: применение современных виртуальных средств картирования территории и моделирования ее пространственного

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.10.2024).

⁸ Там же.

⁹ Здравоохранение. Паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁰ Образование. Паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

¹¹ Там же.

¹² Безопасные и качественные автомобильные дороги. Паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 15 от 24.12.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

¹³ Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной сети интеллектуальных транспортных систем на автомобильных дорогах общего пользования. Распоряжение Минтранспорта России № АК-247-р от 30.09.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁴ Жилье и городская среда. Паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

развития, формирования градостроительных моделей, в том числе посредством цифровых двойников. Нацпроект требует качественных способов визуализации информации о состоянии и оснащении жилищного фонда в каждом муниципальном образовании, ценах на жилую недвижимость, доступности приобретения жилья в регионах, субъектах рынка жилой недвижимости. В современном картографировании наблюдается применение круговых или столбиковых картодиаграмм, т.к. популярные геоинформационные системы (ArcGIS, ArcView и др.) без дополнительных модулей позволяют строить только их. Однако С. А. Гуров предлагает строить картограммы на основе псевдоизолиний (изоцен) в ППП ArcView – Spatial Analyst [11].

Отечественными разработчиками вслед за мировыми тенденциями активно разрабатываются цифровые двойники территории, представляющие собой комбинацию концепций *Умный город* и *Цифровой двойник* (под последним понимается цифровая модель территории). Цифровой двойник территории (в текущем воплощении – чаще всего городов и их отдельных районов, в перспективе – регионов и даже страны) – прототип реальной территории, на базе которого можно анализировать жизненные циклы объекта, его реакцию на возможные изменения и внешние воздействия. Среди компаний-разработчиков в РФ можно выделить DigiCity, ООО «Цифровой двойник», Градостроительный институт «Гипрогорпроект» [12]. Наиболее популярными слоями цифрового двойника территорий выступают: численность и состав жителей домов / районов, технические параметры домов, функциональные зоны, кадастровые данные, инфраструктура, объекты соцкультбыта, обеспеченность социальными учреждениями, графы дорог и пр. Также в них часто предусмотрена модель для сбора обращений жителей [13].

5. *Экология*¹⁵: использование цифровых методов отслеживания уровня загрязнения (через датчики и другие IoT), квадрокоптеров для выявления поврежденных деревьев, экологических правонарушений; активное развитие системы цифровых сортировщиков отходов.

6. *Культура*¹⁶: внедрение цифровых технологий в сферу культуры началось еще с пандемийного

периода, когда в театры, музеи и даже на концерты граждане стали ходить онлайн. В 2020–2021 г. число посещений портала *Культура* достигло рекордных значений (69 млн человек при планируемых 32 млн, из которых четверть – дети), возросло и посещение электронной национальной библиотеки (16,5 млн человек). Тем не менее Т. Н. Маршова и Н. В. Моисеенко констатируют, что полностью удовлетворять духовные потребности в онлайн-режиме невозможно, а потому реализация цифрового потенциала в этой области при всей своей широте будет иметь естественные ограничения [14].

Также в рамках реализации национальных проектов развивается цифровое государственное управление. Согласно Постановлению Правительства РФ «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ»¹⁷, проектная деятельность на уровне государственного управления осуществляется с помощью государственной интегрированной информационной системы *Электронный бюджет* (система *Электронный бюджет*), интегрирующей информацию о расходовании бюджетов всех уровней по различным направлениям за каждый месяц, квартал, год (в случае месячных отчетов – только в электронном виде). В отчете отражаются контрольные точки, срок достижения которых еще не наступил / уже наступил, либо результаты которых не были достигнуты; а также финансовое обеспечение указанных мероприятий. Проверка отчетов включает их оценку по таким требованиям, как полнота, актуальность, корректность отражаемых данных на основе государственной автоматизированной системы (ГАС) *Управление*. Интеграция этих данных должна происходить в соответствии с данными системы *Электронный бюджет*. Ответственность за реализацию проекта, оценка которой производится исходя из представленных выше систем, несет его руководитель (он указан в паспорте, чаще всего является руководителем профильных министерств). ГАС «Управление» имеет следующие недостатки [15]:

- предусматривает сбор информации лишь от федеральных органов исполнительной власти на уровне подсистемы *Федерация*;
- не предусматривает возможность оценки корреляции и системного сбора информации совместно

¹⁵ Экология. Паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁶ Культура. Паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018). *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁷ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации. Постановление Правительства РФ № 1288 от 31.10.2018 (ред. от 21.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

с базами данных Росстата, что существенно могло бы снизить нагрузку на саму систему, в том числе на органы исполнительной власти.

Мониторинг реализации национальных проектов проводит Счетная палата РФ. Она указывает, что основные проблемы реализации нацпроектов связаны с несвоевременной подготовкой и согласованием большинства из них (некоторые мероприятия уточнялись вплоть до середины 2019 г., когда проекты уже должны были быть запущены). Однако имелись объективные причины поздней реализации ряда национальных проектов, требующие значительных временных затрат и связанные с необходимостью разработки проектно-сметной документации на строительство крупных строительных объектов и ее согласования, проведением торгов и тендерных мероприятий. Следовательно, последующая разработка нацпроектов должна предполагать учет указанных задержек, что является главным образом административной задачей. В решении указанной проблемы может помочь ускоренный процесс согласования мероприятий в рамках реализации национальных проектов, заявленный органами власти в качестве ключевого преимущества проектного подхода, внедряемого в государственную практику.

Счетная Палата РФ, ответственная за мониторинг реализации национальных проектов в стране, особенно в части финансового распределения средств и оценки его эффективности, уже в 2019 г. указала в своем отчете ключевые риски реализации региональных проектов: низкий темп выделения и освоения средств, регулярности их распределения; невыполнение (срыв) графиков финансирования проектов; корректировка целевых показателей в паспортах проектов и др.

К нацпроектам *первой волны* (с 2006–2010 гг. до 2018 г.) относятся проекты по развитию агропромышленного комплекса (не был пролонгирован), обеспечению доступного и комфортного жилья (отсрочен на 4 года) и проекты в сфере здравоохранения (к 2018 г. не был достигнут целевой показатель обеспечения продолжительности жизни в 74 года). В числе основных причин неудачной реализации нацпроектов стоят прежде всего организационные просчеты в системе управления проектом: не были налажены горизонтальные межведомственные связи; наблюдался недоучет успешной реализации программ СССР и зарубежных стран; не был отработан процесс планирования целевых

показателей и подбора средств их достижения; недостаточно обеспечена мотивация региональных органов власти, бизнеса и других заинтересованных сторон.

Помимо рисков реализации национальных проектов, указанных Счетной Палатой РФ, исследователями также выделяются¹⁸:

1. Проблемы в менеджменте, коммуникации, мотивации руководителей проектов и глав регионов, ответственных департаментов; отсутствие методологии формирования проектов на региональном уровне и расчета отдельных показателей, необходимого финансирования для их обеспечения, ответственности регионов в реализации проектов (часть из них почти не требует региональных усилий); несовершенство отчетной системы, непрозрачность и недоступность отчетов по всем регионам; низкая координация проектов между собой, с программами стратегического развития; недоучет региональной специфики (копирование федеральных документов); дефицит средств из внебюджетных источников; несоответствие сроков реализации проектов трехлетнему стандарту региональных бюджетов; кадровый дефицит; пробелы в нормативной базе [16; 17].

2. Ресурсные (дефицит региональных ресурсов: финансовых, строительных и пр.), временные (длительные процедуры поиска подрядчика, проведения торгов, оформления документов по госзаказу; задержки в строительстве объектов), организационные (корректировка проектно-сметной документации; задержки в поставках; некачественные материалы; недобросовестные подрядчики), финансовые (неритмичное расходование бюджета в связи со смещением мероприятий на последний квартал; дефицит финансовых средств) риски [14].

3. Риски оплаты невыполненных работ, завышения стоимости работ, некомпетентности кадров (дефектные акты на ремонт объектов культуры, в результате которых приходилось повторно производить ремонт; неумение работать с цифровыми программами и сервисами); риск недостижения целевых показателей – самый значительный риск всех нацпроектов [14]; риски сговоров в Сибирском федеральном округе (в результате чего происходит повышение цен), а также просчетов при реализации национальных проектов в области демографии и образования, особенно в части строительства детских садов (завышение стоимости; погрешности по качеству; срыв сроков и т. д.) [18].

¹⁸ Учитывая данные риски, целевые показатели национальных проектов целого ряда регионов (Вологодская, Тюменская, Новгородская, Свердловская области, Башкортостан) существенно отличались от федеральных [14].

Таким образом, реализация национальных проектов в социальной сфере требует дополнительного изучения, анализа ретроспективной практики, учета новых возможностей и ограничений [19–22], совершенствования системы мониторинга, в том числе с использованием информационно-аналитических систем [15; 23], дальнейшего развития проектного управления в органах власти [24], финансирования и борьбы с коррупцией при реализации национальных проектов в регионах [25–27].

Цель исследования – определить пути повышения эффективности реализации национальных проектов на основе современных цифровых возможностей и с учетом рисков, ресурсных ограничений. Задачи заключаются в рассмотрении соотношения национальных проектов в социальной сфере и государственных программ, рисков и эффективности их реализации, направлений ее повышения с помощью цифровых инструментов.

Методы и материалы

Были использованы методы экономико-статистического и системного анализа и синтеза, сравнения, а также качественные методы анализа (изучение документов, нормативно-правовых актов федерального и регионального уровня). Информационная база – материалы публикаций о проблемах, перспективах, рисках и различных аспектах реализации национальных проектов в социальной сфере; паспорта национальных проектов; тексты государственных программ; данные официальных порталов государственных органов власти.

Результаты

Анализ существующих национальных проектов и государственных программ в социальной сфере показывает их значительное пересечение в части регулирования сферы здравоохранения, образования, культуры, экологии, жилья и городской среды, развития физической культуры и спорта, содействия занятости (табл.¹⁹). Некоторые национальные проекты (действующие до 2024 г.) реализовывались параллельно с государственными программами (до 2030 г.): нацпроект *Здравоохранение* – параллельно с госпрограммой *Развитие здравоохранения*; *Образование* – с *Развитие образования и Доступная среда*; *Жилье и городская среда* – с *Обеспечение жильем и ЖКХ* и *Комплексное развитие сельских территорий*; *Культура* – с *Развитие культуры*; *Экология* – с *Охрана*

окружающей среды; *Безопасные и качественные дороги* – с *Развитие транспортной системы*. Также отдельные направления национального проекта *Демография* дублируются в государственных программах *Содействие занятости* и *Развитие физической культуры и спорта* (в ней же встречаются некоторые положения нацпроекта *Здравоохранение*). Однако, например, госпрограмма *Социальная поддержка граждан* (до 2024 г.) не имеет прямых аналогов среди нацпроектов.

По данным системы *Электронный бюджет*, затраты на государственные программы и национальные проекты по одним и тем же направлениям (за весь период реализации) составляют значительные суммы: 4296,17 млрд руб. – для финансирования госпрограмм и 20483,61 млрд руб. – для нацпроектов²⁰. При этом необходимо учитывать, что все национальные проекты реализовывались в шестилетний период (2018–2024 гг.), тогда как государственные программы стартовали в различное время (с 2011 по 2020 гг.). В этом смысле корректнее было бы анализировать годовые показатели выделяемого бюджета. Однако и в текущем варианте прослеживается дублирование финансирования в больших объемах по одним и тем же направлениям развития социальной сферы.

Сравнительный анализ национальных проектов с текущими государственными программами в социальной сфере показал, что, во-первых, они пересекаются не только в названиях, но и целях, структуре, показателях эффективности, временных рамках (однако у государственных программ они обычно шире), содержании. Но, несмотря на то что содержание в большей степени сходно, все же имеются несоответствия отдельных целей, показателей и мероприятий. Во-вторых, государственные программы и национальные проекты имеют различный формат формирования, реализации и мониторинга:

1. Госпрограммы: директивный характер формирования; предполагают вертикальную интеграцию органов государственной власти, применение консервативных, но эффективных принципов единичности и централизации; задают общую повестку и принципы реализации мероприятий.

2. Нацпроекты: предполагают вертикальную интеграцию между документами национального и регионального уровней, соподчинение соответствующих структур, однако нередко требуют

¹⁹ Сост. по: Национальные проекты. *Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет»*. URL: <https://www.budget.gov.ru/web/guest/Национальные-проекты?regionId=45000000> (дата обращения: 01.10.2024).

²⁰ Национальные проекты...

Табл. Соотношение государственных программ и национальных проектов в социальной сфере

Tab. State social programs vs. national social projects

Госпрограммы	Бюджет*, млрд руб.	Нацпроекты	Бюджет, млрд руб.
Развитие здравоохранения (с 2018 г.)	1236,84	Здравоохранение (с 2019 г.)	2360,6
Развитие образования (с 2018 г.)	95,3	Образование (с 2019 г.)	1633,4
Доступная среда (с 2011 г.)	520,6		
Обеспечение жильем и ЖКХ (с 2013 г.)	847,2	Жилье и городская среда (с 2019 г.)	1265,8
Комплексное развитие сельских территорий (с 2020 г.)	58,6		
Развитие транспортной системы (с 2018 г.)	1190	Безопасные и качественные дороги (с 2019 г.)	6764,3
Развитие культуры (с 2013 г.)	164,03	Культура (с 2019 г.)	256,2
Охрана окружающей среды (с 2012 г.)	88,7	Экология (с 2019 г.)	2583,7
Содействие занятости (с 2013 г.)	45,1	Демография (с 2019 г.)	5619,61
Развитие физической культуры и спорта (с 2013 г.)	49,8	Демография и Здравоохранение (с 2019 г.)	см. данные выше
Итого	4296,17	Итого	20483,61

Прим.: * – бюджет высчитан с начала реализации до 2024 г. включительно.

взаимодействия нескольких разнопрофильных министерств и ведомств, творческого проектного подхода с большим количеством горизонтальных связей (в том числе с населением и бизнесом), учитывающего региональную специфику и принцип демократических основ при адаптации основного документа в субъектах РФ. Наличие двух документов одинаковой направленности позволяет также диверсифицировать риски неисполнения ключевых показателей проектов и программ на национальном и региональном уровнях; обеспечивает гибкость адаптации предлагаемых мероприятий под местные задачи. Особенностью национальных и входящих в их состав федеральных проектов является особая система управления, предусматривающая ускоренные процедуры принятия управленческих решений и постоянное участие в проекте руководства Правительства РФ.

Проекция целей и критериев национальных проектов на региональный уровень проходит либо в полном воспроизведении и копировании федеральных паспортов, либо в адаптированной версии, учитывающей специфику развития региона. Организация проектной деятельности на территории России как в федеральном, так и в региональном форматах определяет стандартные механизмы обеспечения ее эффективности: формальный и детально прописанный паспорт; структура ролей и функций; описание результатов различных видов,

контрольных точек (промежуточных результатов); контроль за реализацией, в том числе с помощью программных продуктов (информационных систем) ГАС «Управление», системы *Электронный бюджет*. Однако большинство из указанных информационных систем доступны только органам власти – населению предоставляются отдельные результаты реализации национальных проектов в СМИ преимущественно в позитивном ключе (упоминается количество построенных домов, больниц и др.).

Проведенный нами анализ региональных проектов в рамках реализации национальных проектов в социальной сфере позволил сделать несколько выводов:

1. Тексты региональных проектов далеко не всегда присутствуют на официальных порталах органов власти регионов, либо их поиск существенно затруднен.

2. Найденные тексты региональных проектов практически полностью дублируют содержание федеральных проектов, созданных, как правило, по отдельным направлениям национальных социальных проектов. Как следствие, крайне редко учитывается специфика региона при разработке региональных социальных программ, предусмотренная федеральными актами и рекомендациями по составлению региональных программ развития. В некоторых случаях, например в регионах Дальнего

Востока, отсутствие адаптации федеральных показателей нацпроектов *Демография* и *Здравоохранение* привело к невозможности достижения высоких значений общенациональных показателей, т.к. были поставлены заведомо невыполнимые цели этих двух региональных проектов.

3. Не существует единой общедоступной методики оценки реализации национальных проектов в социальной сфере как по стране в целом, так и в отдельных регионах. Отчеты о выполнении региональных проектов сдаются в федеральные органы власти, на их основании составляется рейтинг регионов по достижению национальных целей. Однако общественности с результатами указанного рейтинга ознакомиться трудно, следовательно, эти результаты неподконтрольны ей. В связи с этим информационная компания «Медиалогия» разработала и опубликовала собственные рейтинги регионов по реализации национальных проектов на основе упоминаний в СМИ²¹. Кроме того, результаты кассового исполнения национальных проектов в социальной сфере можно найти на сайте информационного агентства IMonitoring²² или системы *Электронный бюджет*. Однако показатель процента исполнения бюджета не позволяет в полной мере оценить эффективность расходования средств, а другие данные в приводимых источниках отсутствуют.

Данные исследований и социологических опросов, приводимые выше, также свидетельствуют о недостаточном уровне вовлеченности граждан в процесс реализации национальных проектов и о необходимости просветительской деятельности в целях повышения осведомленности и доверия со стороны граждан и бизнес-сообщества. В продвижении информации о реализации национальных проектов в социальной сфере могут помочь инструменты цифрового маркетинга, а также применение новых актуальных инструментальных трендов, таких как виртуальные помощники и чат-боты; искусственный интеллект; IoT; QR-коды; мобильные устройства; ноутбуки; планшеты; умные гаджеты; цифровое телевидение; реклама в онлайн-играх и мобильных приложениях, мессенджерах, на цифровых экранах; технологии 5G.

Среди цифровых инструментов маркетинга социальных программ государственного и муниципального уровней, применяемых в субъектах РФ,

можно отметить следующие: сайты национальных проектов и программ федерального и регионального уровней; реклама в федеральной государственной информационной системе *Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)* (Госуслуги), на сайтах министерств и ведомств, ответственных госучреждений; онлайн-конференции и форумы, трансляции встреч органов власти с населением, виртуальные приемные; освещение целей и задач социальных программ в СМИ, тематических медиа с привлечением экспертных мнений науки и общественности; email-маркетинг (электронные рассылки, например, от Госуслуг и mos.ru); виртуальные помощники и чат-боты (реализованы на сайте Госуслуг, министерств и ведомств); контекстная и таргетированная реклама (частично). Не все указанные инструменты цифрового маркетинга используются с полной реализацией заложенного в них потенциала в различных регионах России, что открывает резерв для повышения эффективности их применения.

На наш взгляд, можно также выделить перспективные цифровые инструменты маркетинга социальных программ государственного и муниципального уровней: применение QR-кодов при продвижении сайтов социальных программ, цифровом партизанском маркетинге; реклама социальных программ через умных помощников IoT; применение искусственного интеллекта в социальной сфере (например, Единая медицинская информационно-аналитическая система²³ предлагает услуги госпрограммы *Здравоохранение*, а также другие решения на основе данных государственных систем); информирование с помощью средств цифрового маркетинга льготных категорий граждан, например участников программы *Содействие занятости*, о наличии для них предложений; таргетированная и контекстная реклама для привлечения целевой аудитории (Яндекс.Директ); реклама в популярных Telegram-каналах, мессенджерах, социальных сетях; реклама на банковских сайтах и в приложениях (охватывают все категории населения).

Использование цифровых технологий на уровне национальных проектов способствует ускорению обмена данными между участниками (органами власти и ведомствами, населением, бизнесом, общественными организациями); повышению прозрачности

²¹ Топ-20 регионов РФ на тему «национальные проекты» – сентябрь 2024. *Медиалогия*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/research/13471/> (дата обращения: 01.10.2024).

²² Исполнение национальных проектов. *IMonitoring*. URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/np/ispolnenie-natsionalnyh-proektov?territory=78000000> (дата обращения: 01.10.2024).

²³ ЕМИАС. URL: <https://emias.info/> (дата обращения: 01.10.2024).

затраченных средств для общественности и полученных результатов; реализации полного государственного и общественного контроля, препятствующего коррупции и появлению ошибок; прогнозированию результатов в долгосрочной перспективе; доступности услуг для населения; снижению затрат в связи с экономией человеческих ресурсов.

Вместе с тем наблюдаются определенные сложности по внедрению цифровизации в управление национальными проектами, связанные с требованием постоянного поддержания и развития цифровых компетенций государственных и муниципальных служащих; разработкой специализированных программных продуктов и сервисов, отвечающих требованиям информационной безопасности; исправностью технического обеспечения для эксплуатации указанных программ (что не всегда возможно в некоторых отдаленных регионах России в связи с отсутствием сети Интернет); требованием цифровой компетентности населения (что особенно затруднительно реализовать в отношении граждан пенсионного возраста и жителей отдаленных территорий без устойчивого доступа к Сети). Для устранения указанных проблем нужно принимать следующие меры:

- повысить цифровые компетенции всех участников системы управления национальными проектами в социальной сфере и ее пользователей;
- развивать отечественные разработки государственных автоматизированных систем и технически обеспечивать органы власти и население необходимыми средствами для доступа к системе;
- разработать адаптированные программы развития цифровых навыков у населения старшего возраста и альтернативных (консервативных, нецифровых) путей получения государственных социальных услуг.

Стоит отметить, что постановка задач управления отражена в национальных целях и целях утвержденного перечня национальных проектов, а промежуточный и итоговый контроль результатов управления позволяет отслеживать их выполнение. Для анализа полученной информации В. В. Зундэ, А. И. Морозова, Е. Е. Мезенцева [5] и др. предлагают использовать алгоритмы текущей оценки влияния внешней среды региона (на основе экспертных мнений, качественных данных) и состояния региона (на основе агрегации информации о количественных параметрах с опорой на статистические показатели, результатов математического

моделирования с использованием регрессионных моделей). Алгоритм принятия решений в области управления национальными проектами в социальной сфере должен базироваться на автоматизированной системе поддержки принятия решений в техническом аспекте и на сопоставлении результатов оценки влияния внешней среды региона и его состояния в методологическом аспекте.

Безусловными преимуществами цифровизации в социальной сфере являются новые передовые возможности поддержания высокого качества жизни за счет внедрения сквозных цифровых технологий в сферах:

- образования (электронные дневники; зачетные книжки; данные о посещаемости, успеваемости, питании учащихся; системы электронного документооборота, развития онлайн-образования);
- здравоохранения (виртуализация больничных баз данных о приемах у врача, пройденных обследованиях, выданных направлениях; электронные системы записи к специалистам);
- охраны правопорядка (снижение преступности за счет выявления правонарушений системами видеонаблюдения, использования современных баз данных с распознаванием лиц на основе искусственного интеллекта; цифровые методы проведения экспертизы);
- социальной защиты (расширение перечня и повышение доступности социальных услуг для населения через платформу Госуслуги, специализированные сервисы департаментов социальной защиты региона);
- экологической безопасности (отслеживание параметров окружающей среды, загрязнений воздуха, воды, почв с помощью датчиков и детекторов; управление промышленным воздействием на природу; охрана лесов и водоемов с помощью электроники, автономных летательных аппаратов и пр.);
- рынка труда (внедрение электронных трудовых книжек и систем документооборота; создание условий для гибкой и дистанционной занятости за счет применения информационно-коммуникационных технологий и сервисов; облегчение аналитики динамического равновесия спроса и предложения на рынке труда; совершенствование порталов по поиску работы; облегчение возможности дистанционных собеседований с целью эффективной межрегиональной миграции);
- демографии (формирование электронных баз данных о численности и составе населения, миграционных потоках; облегчение расчетов

показателей рождаемости, смертности, миграционного прироста; повышение продолжительности жизни за счет улучшения условий труда на основе автоматизации);

- общественного потребления (внедрение цифровых технологий в коммерческие структуры; цифровая трансформация бизнеса; развитие интернет-торговли, маркетплейсов; сокращение цепочки доведения ценностного предложения предпринимательских структур до целевой аудитории потребителей; новые возможности поиска информации о товарах и услугах; создание условий для совершенной конкуренции и реализации ее преимуществ для потребителя на основе прозрачности информации; развитие платежных систем и терминалов);
- жилищной инфраструктуры (внедрение системы сбора показаний счетчиков; совершенствование систем безналичных платежей за услуги ЖКХ, расхождений в данных об использовании энергии, тепла и воды; снижение аварийности; интерактивный и оперативный сбор обращений граждан; проведение собраний собственников жилья с помощью онлайн-систем);
- градостроительства и проектирования общественных пространств (создание цифровых двойников муниципалитетов и регионов; моделирование на их основе оптимального градостроительного плана по количеству и этажности жилых домов, социальных учреждений различного типа (исходя из анализа численности и структуры жителей, ежедневных транспортных потоков), зон отдыха и экологических зон, плана строительства дорог, схемы работы дорожной техники);
- транспорта, связи, инфраструктуры (формирование графов новых дорог и модернизация существующих; регулирование транспортных потоков, в том числе с помощью системы умных светофоров, датчиков движения, автоматической фиксации транспортных правонарушений; формирование плана ремонтных работ дорожного полотна и коммуникаций; развитие сети проводного и беспроводного Интернета, мобильной связи современных типов);
- социального взаимодействия, развития социальных институтов (появление эффективных способов дистанционного создания и поддержания контактов между людьми на основе интернет-технологий, современных платформ для социального взаимодействия, объединения в социальные группы и общности со схожими

интересами; возможность подавать заявления в ЗАГС через цифровые государственные платформы);

- политической жизни (возможности обращений граждан к органам муниципальной и государственной власти через сервисы по сбору петиций, путем направления писем в виртуальные приемные; возможности широкой политической пропаганды и активности граждан в регулируемых законом рамках);
- культуры, искусства, духовного и личностного развития (возможность покупки электронных билетов на культурные мероприятия, электронных абонементов в библиотеки, курсов личностного роста и саморазвития за счет возможностей самообразования и онлайн-образования; применение AR- и VR-технологий в искусстве для создания иммерсивных выставок, театров);
- путешествий (возможность онлайн-формирования туристических поездок в стандартном и модульном вариантах исходя из личных предпочтений, поиска и покупки билетов на транспорт, бронирования объектов размещения через специализированные платформы и сервисы при самостоятельных путешествиях; возможности AR- и VR-технологий для онлайн-путешествий и первичного ознакомления с интересующей местностью).

Цифровые инструменты могут также применяться для управления рисками реализации национальных проектов: внедрения систем программного обеспечения закупок, проектного управления строительством и эксплуатацией объектов, отслеживания сроков, финансового обеспечения. При этом для управления рисками национальных проектов рекомендуется также совершенствовать нормативно-правовую базу, особенно в части согласования задач проектов, чтобы избежать затягивания сроков их обсуждения. Риск-менеджмент реализации национальных проектов должен быть формально закреплен в методических рекомендациях по их разработке. В рамках реализации национальных проектов региональные программы должны содержать раздел *Анализ рисков*. На текущий момент он есть в федеральных программах по обеспечению финансовой поддержки семьи, развитию дорожной сети и безопасности дорожного движения. Важно указать, что анализ возможных рисков проектов должен производиться Советом при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам с последующим их включением в паспорт проектов.

Заключение

В части установленного дублирования национальных проектов и государственных программ в социальной сфере требуется дальнейшая большая методическая работа по унификации, разграничению указанных документов либо исключению одного из них для экономии материально-технических, трудовых, финансовых ресурсов и более точного определения зоны ответственности руководителей проектов и программ. Национальные проекты как базовый вектор и маркетинговая «надстройка» над реализуемыми государственными программами в социальной сфере демонстрируют эффективность в представлении населению задач государственного социального развития на среднесрочную перспективу, которую необходимо повышать за счет применения цифровых инструментов продвижения социальных программ. Это может вызвать неоднозначную позицию у органов власти, т.к. полная подотчетность обществу – стратегия, редко реализуемая в современной России. Однако это единственный путь, формирующий доверие населения и объективную оценку участия органов власти в поддержании и повышении качества жизни граждан.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Анализ соотношения национальных проектов в социальной сфере и государственных программ показал, что невозможно однозначно разграничить указанные документы, т.к. они дублируют друг друга. Это приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств и размыванию ответственности. В связи с этим требуется унификация документов либо упразднение одного из них.

2. Отсутствует доступная для общественности и обеспечивающая ее контроль за принятием решений методика оценки эффективности национальных проектов на федеральном и региональном уровнях и ее аналитическая база. Региональные проекты сложно, а иногда практически невозможно найти на официальных порталах органов власти региона. Оценка полученных результатов производится по обрывочной информации из СМИ (что эффективно с точки зрения связи с общественностью, но не всегда

позволяет произвести объективную оценку), научных публикаций, доступных государственных рейтингов. Существующие информационные системы поддержки решений в области национальных проектов доступны только узкому кругу лиц и не предоставляют сопоставимых полных данных.

3. Потенциал цифровых технологий применяется не полностью. Прежде всего они используются для маркетинга социальных программ (население все еще демонстрирует низкую информированность о целях и результатах национальных проектов, что снижает доверие к органам власти). Также внедрение цифровых технологий указано в паспортах большинства национальных проектов в социальной сфере и предусмотрено национальным проектом *Цифровая экономика*. Так происходит повсеместное внедрение в социальную сферу цифровых технологий, однако необходима оценка цифрового потенциала России и регионов для обозначения возможного и желаемого порога внедрения цифровизации в социальную сферу.

Внедрение рекомендаций по управлению рисками реализации национальных проектов необходимо и требует:

1) дополнительных усилий, временных и финансовых затрат по уточнению паспортов национальных проектов картами рисков и сценарного развития при возникновении конкретных обстоятельств преодолимой и непреодолимой силы;

2) предварительного обсуждения на совещании Совета Президента РФ по стратегическому развитию и национальным проектам и их согласования;

3) корректировки методических рекомендаций по формированию федеральных и региональных программ в рамках национальных проектов с включением соответствующих форм и пунктов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Иваненко Л. В., Тасеев В. Б. Инновационные подходы к реализации национального проекта «Демография» в городах Самарского региона. *Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика*. 2020. № 1. С. 26–33. [Ivanenko L. V., Taseev V. B. Innovative approaches to the implementation of the national demographic project in the cities of the Samara Region. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seria: Ekonomika*, 2020, (1): 26–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcijkg>

2. Шапошникова Б. Д., Болдырева А. В., Сармадаева А. Ц., Андреев А. С., Эрдниев Т. С., Бимбеева А. В. Реализация приоритетных национальных проектов на региональном уровне. *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 10. С. 684–689. [Shaposhnikova B. D., Boldyreva A. V., Sarmadaeva A. Ts., Andreev A. S., Erdniev T. S., Bimbeyeva A. V. Implementation of priority national projects at the regional level. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2023, (10): 684–689. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.139>
3. Битерман О. Э., Комаров С. А., Воробьев С. М. Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации. *Теория государства и права*. 2023. № 2. С. 20–42. [Biterman O. E., Komarov S. A. Vorobyov S. M. Legal basis for ensuring national projects in the field of artificial intelligence development in the Russian Federation. *Theory of State and Law*, 2023, (2): 20–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fodplf>
4. Kalenova T. S., Abdrakhmanova G. S., Kolumbaeva Z. E. National projects of the Alash intelligence in the field of education. *Bulletin of the L. N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series*, 2024, 146(1): 67–86. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-146-1-67-86>
5. Зундэ В. В., Морозова А. И., Мезенцева Е. Е. Диагностический профиль как инструмент управления реализацией национальных проектов. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2021. № 2. С. 21–26. [Zunde V. V., Morozova A. I., Mezentseva E. E. Diagnostic profiling as a tool for managing the implementation of national projects. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2021, (2): 21–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zluyvqs>
6. Атавов А. М. Национальные проекты Российской Федерации 2019–2024 годов: реализация и финансирование. *Социальные и экономические системы*. 2023. № 5-2. С. 119–128. [Atavov A. M. National projects of the Russian Federation, 2019–2024: Implementation and financing. *Sotsialnye i ekonomicheskie sistemy*, 2023, (5-2): 119–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdqltw>
7. Патракеева О. Ю. Перспективы социально-экономического развития Краснодарского края в контексте реализации национальных проектов в сфере транспортной инфраструктуры. *Региональная экономика. Юг России*. 2020. Т. 8. № 2. С. 122–130. [Patrakeeva O. Yu. Prospects for social and economic development of Krasnodar Krai in the context of national transport infrastructural projects. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii*, 2020, 8(2): 122–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.2.12>
8. Блохина И. М., Зимакова О. В., Левшина В. В., Захарченко Т. Г., Добрых Д. И. Национальные проекты как инструмент стабилизации и развития социальной и экономической сфер государства. *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 6. С. 205–211. [Blokhhina I. M., Zimakova O. V., Levshina V. V., Zakharchenko T. G., Dobrikh D. I. National projects as a stabilization tool and development of social and economic spheres of the state. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2021, (6): 205–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.037>
9. Чернышева Т. К. Анализ процессов стратегического управления государственными программами и национальными проектами. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2022. № 2. С. 162–168. [Chernysheva T. K. Analysis of the processes of strategic management of state programs and national projects. *Menedzhment i biznes-administrirovaniye*, 2022, (2): 162–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2022-2-162-168>
10. Яковлева Е. А., Титова Е. В. Региональные приоритеты реализации национальных проектов (на примере Воронежской области). *Региональная экономика и управление*. 2020. № 2. [Yakovleva E. A., Titova E. V. Regional priorities for the implementation of national projects (for example, the Voronezh Region). *Regional economy and management*, 2020, (2). (In Russ.)] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-prioritety-realizatsii-natsionalnyh-proektov-na-primere-voronezhskoy-oblasti> (дата обращения: 01.10.2024). <https://elibrary.ru/mqzkyu>
11. Гуров С. А. Подходы к картографированию регионального рынка жилья для обеспечения визуализации национального проекта «Жилье и городская среда». *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2020. Т. 26. № 1. С. 503–515. [Gurov S. A. Approaches to mapping the regional housing market to provide visualization of the national project "Housing and urban environment". *InterKarto. InterGIS*, 2020, 26(1): 503–515. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-503-515>
12. Mukhacheva A. V., Ugryumova M. N., Morozova I. S., Mukhachyev M. Yu. Digital twins of the urban ecosystem to ensure the quality of life of the population. *ISPCR 2021: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Veliky Novgorod, 7–8 Dec 2021*. Atlantis Press, 2022, vol. 208, 331–338. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.220208.047>

13. Мухачева А. В., Иванова О. Э., Парфенов А. А. Цифровые двойники городов: возможности и преимущества. *Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Экономика и управление*. 2022. № 3-4. С. 91–101. [Mukhacheva A. V., Ivanova O. E., Parfenov A. A. City digital twins: Opportunities and benefits. *Vestnik of Volga State University of Technology. Ser.: Economics and Management*, 2022, (3-4): 91–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2022.3-4.91>
14. Маршова Т. Н., Моисеенко Н. В. Риски реализации национальных проектов (на примере национального проекта «Культура»). *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика*. 2021. № 4. С. 20–39. [Mukhacheva A. V., Ivanova O. E., Parfenov A. A. City digital twins: Opportunities and benefits. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serii: Ekonomika*, 2021, (4): 20–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2312-6647.2021.30.4.2>
15. Першина Т. А., Авилова А. С., Измайлов Р. Р. Оценка существующей системы мониторинга реализации национальных проектов. *Социальные и экономические системы*. 2023. № 5-1. С. 262–275. [Perschina T. A., Avilova A. S., Izmailov R. R. Assessment of the existing system for monitoring national projects. *Sotsialnye i ekonomicheskie sistemy*, 2023, (5-1): 262–275. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mglbtbx>
16. Ильченко С. В. Национальные проекты России и риски их реализации. *Бизнес и дизайн ревью*. 2021. № 2. [Ilchenko S. V. National projects of Russia and the risks of their implementation. *Biznes i dizain reviu*, 2021, (2). (In Russ.)] URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2021-g-2-22-iyun/ilchenko-s-v-natsionalnye-proekty-rossii-i-riski-ih-realizatsii/> (дата обращения: 01.10.2024). <https://elibrary.ru/wexjil>
17. Попов А. Н. Риск ориентированный подход в разработке и реализации национальных и региональных проектов. *Global and Regional Research*. 2021. Т. 3. № 4. С. 114–120. [Popov A. N. Risk-based approach in the development and implementation of regional and federal projects. *Global and Regional Research*, 2021, 3(4): 114–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gzuptp>
18. Дошатов А. А. Внедрение национальных проектов Российской Федерации в государственное управление. *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 35. С. 2278–2287. [Doshchatov A. A. Implementation of national projects of the Russian Federation in public administration. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, (35): 2278–2287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swkkzu>
19. Масюк Н. Н., Бауэр Е. А., Бушуева М. А. Национальные проекты как инструменты активизации инновационной деятельности в регионе. *Фундаментальные исследования*. 2022. № 7. С. 69–76. [Masyuk N. N., Bauer E. A., Bushueva M. A. National projects as instruments of activization of innovative activities in a region. *Fundamental research*, 2022, (7): 69–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/fr.43286>
20. Ворошилов Н. В. Тенденции, проблемы и перспективы реализации национального проекта России «Безопасные качественные дороги». *Вопросы территориального развития*. 2022. Т. 10. № 2. [Voroshilov N. V. Trends, problems, and prospects for implementing the Russian national project "Safe and high-quality roads". *Territorial development issues*, 2022, 10(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/tdi.2022.2.62.3>
21. Аверченкова Е. В., Паринов А. В. Информационная составляющая процесса управления реализацией национальных проектов развития региона с позиций системного анализа. *Вестник Воронежского института ФСИИ России*. 2023. № 1. С. 22–28. [Averchenkova E. E., Parinov A. V. Information component of the process of managing the implementation of national development projects in the region from the standpoint of system analysis. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 2023, (1): 22–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmalvu>
22. Бражин Ю. Ю. Теоретико-прикладное исследование служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: сущность и содержание. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2022. № 2. С. 56–64. [Brazhin Yu. Yu. Theoretical and applied research of the white-collar crimes in the sphere of implementation of the national healthcare project: Its nature and scope. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, (2): 56–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-2-95-100>
23. Yashina N., Kashina O., Yashin S., Pronchatova-Rubtsova N. Methodology of financial monitoring based on cluster analysis for the implementation of national projects in the Russian regions. *Sustainable development and engineering economics*, 2023, (3): 22–33. <https://doi.org/10.48554/SDEE.2023.3.2>
24. Кузнецов Н. В., Першина Т. А. Проектный подход как инструмент реализации национальных проектов в России. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 14. № 4. С. 716–732. [Kuznetsov N. V., Perschina T. A. Project approach as a tool for the implementation of national projects in Russia. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, 2023, 14(4): 716–732. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.4.716-732>

25. Истомина Н. А., Летов П. И. Финансирование национальных проектов в РФ за счет средств федерального бюджета: аналитика, выводы, акценты. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова*. 2023. № 4. С. 160–166. [Istomina N. A., Letov P. I. Financing of national projects in the Russian Federation at the expense of the federal budget: Analytics, conclusions, accents. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2023, (4): 160–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2023-4-160-166>
26. Яковлева Е. Н., Андреева М. В., Крюкова И. В. Диагностика исполнения региональных целей национального проекта «Экология» (на примере Вологодской области). *Вестник университета*. 2024. № 5. С. 92–102. [Yakovleva E. N., Andreeva M. V., Krukova I. V. Diagnostics of accomplishing regional goals of the national project "Ecology" (on the example of the Vologda Region). *Vestnik Universiteta*, 2024, (5): 92–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-92-102>
27. Кузьмин М. Н. К вопросу о методике раскрытия и расследования хищений бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов (программ). *Юрист-Правовед*. 2024. № 2. С. 142–147. [Kuzmin M. N. On the issue of the subject of disclosure and investigation of embezzlement of budget funds allocated to finance national projects (programs). *Jurist-Pravoved*, 2024, (2): 142–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dqytng>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wurcqj>

Изменение социально-экономического положения населения России

Окунькова Елена Александровна

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1173-3677

Плюснина Оксана Владимировна

Ухтинский государственный технический университет,

Россия, Ухта

eLibrary Author SPIN: 5956-8623

<https://orcid.org/0000-0002-5059-1246>

sv-science@yandex.ru

Иода Юлия Владимировна

Липецкий филиал Финансового университета

при Правительстве РФ, Россия, Липецк

eLibrary Author SPIN: 8423-0962

<https://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Усанов Александр Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4552-8574

<https://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Аннотация: Факторы неопределенности обуславливают необходимость изучения социально-экономического положения населения Российской Федерации и выработки эффективных решений, позволяющих нивелировать их негативное влияние. Цель – оценить социально-экономическое положение населения России и обосновать меры по улучшению его благосостояния. Задачи: 1) проанализировать демографическую ситуацию в стране; 2) изучить изменения трудовой активности населения в результате трансформаций рынка труда и формы предпринимательской деятельности; 3) исследовать доходы и потребление населения и их изменение в период неопределенности; 4) выработать соответствующие рекомендации по преодолению существующих рисков и ограничений. Применены методы анализа информации из открытых источников, ее систематизации, построения рядов динамики и их анализа, графический и логический методы и системный подход. Проанализировано социально-экономическое положение населения России в 2019–2023 гг. Выявлены общие закономерности изменений демографического положения россиян. Определены тенденции, свидетельствующие о дестабилизации рынка труда, а также о его структурных изменениях. Обнаружены кризисные тенденции доходов и структуры потребления населения в 2019–2021 гг. Обоснованы направления реализации мер государственной политики в рамках поддержания благосостояния населения России и преодоления существующих рисков неопределенности. Установлена восстановительная динамика по всем показателям, характеризующим социально-экономическое положение россиян в 2022–2023 гг. Выявлены адаптационные способности населения нашей страны в условиях неопределенности, вызванной пандемией.

Ключевые слова: социально-экономическое положение, рынок труда, доходы, благосостояние населения, качество жизни, COVID-19, неопределенность

Цитирование: Окунькова Е. А., Плюснина О. В., Иода Ю. В., Усанов А. Ю. Изменение социально-экономического положения населения России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 147–155. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-147-155>

Поступила в редакцию 26.08.2024. Принята после рецензирования 11.10.2024. Принята в печать 14.10.2024.

full article

Changes in the Economic and Social Status of the Russian Population

Elena A. Okunkova

Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1173-3677

Oksana V. Plyusnina

Ukhta State Technical University, Russia, Ukhta

eLibrary Author SPIN: 5956-8623

<https://orcid.org/0000-0002-5059-1246>

sv-science@yandex.ru

Yulia V. Ioda

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Lipetsk

eLibrary Author SPIN: 8423-0962

<https://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Alexander Yu. Usanov

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4532-8574

<https://orcid.org/0000-0002-2329-8300>

Abstract: Uncertainty factors make it necessary to study the economic and social status of the Russian population and develop effective solutions to counterbalance their negative impact. The authors assessed the domestic socio-economic situation and proposed a set of measures to improve the national well-being. They analyzed such indices as demographic situation, labor market, entrepreneurial activity, income vs. consumption patterns, and how they changed under the impact of the current period of uncertainty. The analysis yielded a set of recommendations for overcoming the existing risks and constraints. The data from open sources describing the socio-economic situation in Russia in 2019–2023 were subjected to systematization, construction of dynamics series, graphical analysis, and logical methods. The data analysis revealed some general patterns in the demographic changes. The labor market demonstrated some destabilization trends and structural changes. The income and consumption patterns in 2019–2021 showed crisis trends. The research included a survey of state policy measures aimed at improving the well-being of the Russian population and overcoming the existing risks of uncertainty. The period of 2022–2023 demonstrated definite recovery for all economic and social indicators due to the admirable adaptive abilities of the population in the conditions of uncertainty caused by the COVID-19 pandemic.

Keywords: socio-economic situation, labor market, income, well-being of the population, quality of life, COVID-19, uncertainty

Citation: Okunkova E. A., Plyusnina O. V., Ioda Yu. V., Usanov A. Yu. Changes in the Economic and Social Status of the Russian Population. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 147–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-147-155>

Received 26 Aug 2024. Accepted after review 11 Oct 2024. Accepted for publication 14 Oct 2024.

Введение

Современный этап жизнедеятельности общества ООН называет «времена неопределенности»¹. Действительно, различные проявления неопределенности накладываются друг на друга одновременно. Не успели сойти на нет последствия экономического кризиса, как все чаще стали проявляться признаки экологической катастрофы [1, с. 480]. Еще не было найдено общемировое решение проблемы глобального изменения климата, как получила масштабное распространение коронавирусная инфекция,

подорвав привычный уклад жизни людей и поставив под угрозу их будущее благополучие [2, с. 631]. Пандемия ускорила многие зародившиеся ранее тенденции: запустила структурные трансформации рынка труда и занятости, способствовала цифровизации человеческого взаимодействия, заставила пересмотреть формат социальных ценностей, проявила слабые стороны многих процессов и явлений, создав предпосылки для отмирания определенных видов деятельности и секторов экономики [3, с. 720].

¹ Доклад о человеческом развитии за 2021–2022 гг. Времена неопределенности, неустроенные жизни: наше будущее в меняющемся мире. *United Nations Development Programme*. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22ru.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

Жизнь в период таких значимых изменений характеризуется повышенным беспокойством и тревожностью, неуверенностью в завтрашнем дне, а неопределенность обуславливает невозможность прогнозирования процессов и явлений даже на среднесрочную перспективу. Специальная военная операция России на Украине и введенные санкционные ограничения только усилили неопределенность² [4, с. 15]. Следовательно, от людей требуется максимальная адаптивность, способность принимать решения в информационном вакууме, подстраивать личные и профессиональные активности под новые форматы жизни [5, с. 641].

С 2020 г. неопределенность среды функционирования экономик увеличилась, и изменились сами люди, их привычки потребления, уровень благосостояния. В связи с этим именно неопределенность, вызванная пандемией, представляет особый интерес с исследовательской точки зрения. Однако нельзя рассматривать происходящие изменения только в негативном ключе, т.к. многие события оказали благоприятное воздействие на членов общества. Например, интенсивная цифровизация открыла в этот период новые возможности для общения, трудоустройства и развития. Также появились инновационные, более продуктивные методы организации производственной деятельности. Помимо этого, сформировались новые тренды ответственного потребления и защиты окружающей среды.

Цель – оценить социально-экономическое положение населения Российской Федерации и обосновать меры по улучшению его благосостояния. Задачи:

- 1) проанализировать демографическую ситуацию в России;
- 2) изучить изменения трудовой активности населения в результате трансформаций рынка труда и формы предпринимательской деятельности;
- 3) исследовать доходы и потребление населения и их изменение в период неопределенности;
- 4) выработать соответствующие рекомендации по преодолению существующих рисков и ограничений.

Социально-экономическое положение населения можно рассматривать как с позиций изменения численности и структуры населения, параметров занятости и профессиональной реализации, доходной составляющей, так и в контексте изменений качественных аспектов жизни его – уровня

образованности, индекса человеческого развития, изменения потребительских привычек и образа жизни, появления новых возможностей самореализации. Так, научные исследования в этой области посвящены:

- исследованию параметров уровня жизни населения и факторов, определяющих возможности повышения благосостояния россиян [6; 7];
- поиску подходов к оценке бедности в России и путей ее снижения [8];
- такой причине изменения демографической структуры общества, структуры занятости и рынка труда российского общества, как старение населения [9; 10];
- проведению регулярного мониторинга социально-экономического положения и социального самочувствия населения России, что позволяет оперативно отслеживать изменения, происходящие в доходной обеспеченности, потребительском и финансовом поведении домашних хозяйств в Российской Федерации [11];
- анализу причин и факторов изменения доходов населения, рынка труда и покупательной способности россиян [12; 13];
- изучению вопросов психоэмоционального состояния населения, которые в условиях неопределенности становятся важными в контексте адаптации и перспективного развития [5; 14].

Гипотеза проводимого исследования заключается в том, что пандемия и вызванная ей неопределенность, с одной стороны, создали предпосылки для ухудшения социально-экономического положения населения России, с другой – открыли новые возможности для самореализации и развития, потребовав большей адаптивности населения и бизнес-структур к изменяющимся условиям.

Методы и материалы

Исследование реализовано в несколько этапов:

I. Формирование информационной и статистической базы исследования: проведение анализа информации из открытых источников и сбор статистических материалов о различных параметрах социально-экономического положения населения России (использованы преимущественно данные Росстата).

II. Систематизация информации, построение рядов динамики и их анализ, выявление закономерностей: применение метода экономического анализа, анализа и синтеза, графического метода.

² Правительство утвердило перечень недружественных России стран и территорий. *Правительство России*. 07.03.2022. URL: <http://government.ru/news/44745/> (дата обращения: 20.08.2024).

Выявленные закономерности подтверждались выкладками из исследований других авторов, в некоторых случаях – опровергались.

III. Формирование целостной картины изменений социально-экономического положения населения России в период неопределенности, вызванной пандемией: использование логического метода и системного подхода. Это позволило авторам сформулировать практические рекомендации для системы государственного управления в части реализации мер, способствующих повышению уровня и качества жизни населения и улучшению его социального самочувствия.

Результаты

Данные, представленные в таблице 1³, подтверждают, что в 2019–2023 гг. сокращение численности населения России, которое было связано с прямыми или косвенными эффектами COVID-19, составило 0,95 %. На естественный прирост населения, т.е. показатель, отражающий разницу между количеством родившихся и умерших, пандемия также оказала негативное влияние: 2020 и 2021 гг. характеризуются ростом естественной убыли населения. Помимо этого, сократилась и ожидаемая продолжительность жизни при рождении: с 73,34 лет в 2019 г. до 70,06 лет в 2021 г. (с незначительным ростом показателя к 2022 г.).

Российский рынок труда 2020 г. характеризовался следующими тенденциями:

1. Резкое сокращение занятости, рост безработицы и снижение предпринимательской активности населения из-за страхов работодателей, связанных с утратой своей платежеспособности; стремление снизить расходы предприятий, в том числе за счет экономии затрат на содержание постоянного штатного состава работников; отсутствие мер поддержки со стороны государства в самом начале санитарных простоев.

2. Работники были вынуждены приспосабливаться к новым требованиям и форматам труда. Как следствие, дистанционный формат работы стал вынужденной мерой для большинства предприятий и в дальнейшем частично закрепился в качестве удобной формы взаимодействия сотрудников и руководства.

3. Угроза потери рабочего места и чувство неопределенности будущего подтолкнули людей к рассмотрению альтернативной формы занятости. Например, использование такой поддержки со стороны государства, как самозанятость, которая была введена во всех регионах России в 2020 г., позволило реализовать населению свои таланты, обеспечив приток финансовых средств и дав ощущение стабильности.

4. Значительная часть россиян в этот период стала делать первые шаги на платформах глобальной онлайн-занятости и таким образом трудоустроиваться полностью или частично посредством сети Интернет [15, с. 258]. Это также стало мерой, которая стабилизировала занятость в период пандемии.

В пандемийном 2020 г. уровень безработицы, отражающий дефицит кадров – ключевую проблему российской промышленности, составил 5,8 %, что является максимальным значением за весь исследуемый период (табл. 2⁴). В дальнейшем наблюдалось снижение ее уровня: в 2021 г. – до 4,8 %, в 2022 г. – до 4,0 %, в 2023 г. – до 3,2 %. Дефицит же кадров, возникший до 2022 г., усилился из-за потребности в наращивании импортозамещающей и оборонной продукции в условиях введения санкционных ограничений западных стран, а также вследствие сохранения штатной численности работников на предприятиях в условиях сокращения выпуска [16].

Уровень занятости в 2020 г. имел минимальное значение (63,7 %), но к 2023 г. вырос на 2,6 % (66,3 %). В 2020 г. численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства снизилась

Табл. 1. Демографическая ситуация в России

Tab. 1. Demographic situation in Russia

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Численность населения, млн человек	147,8	147,9	147,4	147,0	146,4
Естественный прирост населения, человек	-317233	-702072	-1043341	-594557	-495200
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет	73,34	71,54	70,06	72,73	73,40

³ Сост. по: Демография. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Сост. по: Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». *Федеральная налоговая служба*. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 20.08.2024).

на 5,5 % по сравнению с 2019 г., что отражает кризисные явления COVID-19. После прохождения пика пандемии (с 2021 г.) динамика этого показателя стабилизировалась. Однако противоположной тенденцией в острой фазе пандемии характеризовалась динамика численности самозанятых: в 2020 г. их количество выросло на 461 % относительно 2019 г., а в дальнейшем рост только продолжался. Так, Правительство РФ отмечает бум самозанятости в 2020–2023 гг., т.к. значение показателя увеличилось в 22 раза. В 2024 г. численность самозанятых достигла уже 9 млн человек⁵. В связи с этим подтверждается эффективность использования такой поддержки со стороны государства, как самозанятость, в качестве антикризисного инструмента стимулирования предпринимательской активности населения.

Относительно благосостояния населения России, доходов граждан и, соответственно, моделей потребления и расходования средств в 2020 г., можно отметить следующее:

1. Сокращение реальных денежных доходов населения.

2. Индексация заработных плат несколько искажала реальную ситуацию, т.к. все категории населения в пик пандемии испытывали страх потери работы, снижения уровня дохода и неблагополучия в будущем⁶.

3. Изменение моделей потребления. Люди, ощущая неопределенность будущего, стали потреблять более разумно, осознанно, экономно, т.е. еще большее распространение получила модель ответственного (осознанного) потребления⁷, в том числе применительно к поддержанию экологического благополучия.

Данные таблицы 3⁸ демонстрируют сокращение доходов от предпринимательской деятельности в 2020 г. (–11,9 % в сравнении с 2019 г.). Далее наблюдался рост показателя, однако к допандемийному уровню он вернулся только в 2023 г. Оплата труда в 2019–2021 гг. оставалась практически неизменной. Начиная с 2022 г. доля оплаты труда в общих доходах населения стала увеличиваться (+3,2 % в сравнении с 2020 г.).

В кризисные периоды роль государства усиливается. Так, несмотря на рост доли социальных выплат в 2020 г. на 13,8 %, в последующем (до 2023 г.) их доля планомерно снижалась. Стоит отметить, что в этот период не только государство, но и российские бизнес-структуры активно предпринимали такие адаптационные действия, как сокращение издержек в связи с нарастанием неопределенности (19 % компаний), реализация мер по сохранению численности персонала (3 % компаний), поиск новых поставщиков, переориентация на новые рынки сбыта,

Табл. 2. Трудовая активность населения России, 2019–2023 гг.

Tab. 2. Labor activity of the Russian population, 2019–2023

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет, %	4,6	5,8	4,8	4,0	3,2
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет, %	64,9	63,7	64,9	65,2	66,3
Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, человек	3442741	3253932	3552199	3685500	4061466
Численность плательщиков налога на профессиональный доход*, человек	260000	1458792	3636753	6223063	5754462

Прим.: * – к этой категории также относятся самозанятые лица.

⁵ Статистика. Самозанятость в РФ. *Защита прав самозанятых*. URL: <https://sznzd.ru/statistika/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁶ Household Income per Capita by Country Comparison. *CEIC*. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/united-states/annual-household-income-per-capita> (accessed 20 Aug 2024); Гимпельсон В., Капелюшников Р. Карантинная экономика и рынок труда. *Эконс*. 02.06.2020. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-gynok-truda/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁷ Ее основа – принципы экологичности, этичности, социальности и экономии ресурсов в целом и бережливого отношения к личным ресурсам; она необходима для решения задач ограничения потребления из-за осознания ущерба вследствие производства продуктов / услуг. Например, сюда относится отказ от спонтанных покупок на основании осознания нужности продукта, «гигиеничности» потребления, желания сократить количество окружающих индивида вещей. Так, в период пандемии получили развитие практики экологического «осознанного шопинга», повторного использования тары и упаковки. Подробнее см. в [17; 18].

⁸ Сост. по: Уровень жизни. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#> (дата обращения: 20.08.2024).

Табл. 3. Доходы и расходы населения России

Tab. 3. Income and expenses of the Russian population

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Доходы от, %:					
• предпринимательской деятельности	5,9	5,2	5,7	5,7	6,8
• оплаты труда	57,3	57,2	57,2	57,5	59,0
• социальных выплат	18,8	21,4	20,6	20,0	19,5
• доходов от собственности	5,1	5,8	5,7	7,8	4,4
• прочих денежных поступлений	12,9	10,4	10,8	9,0	10,3
Реальные денежные доходы населения, % к соответствующему периоду прошлого года	101,9	98,6	103,9	104,0	106,0
Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности по РФ, % от общей численности населения	12,3	12,1	11,0	9,8	9,3
Использование денежных доходов населения, %:					
• покупка товаров и оплата услуг	80,9	75,7	80,2	78,3	78,7
• оплата обязательных платежей, взносов и прочие расходы	15,2	15,2	15,5	15,9	14,4
• прирост, уменьшение сбережений населения	3,4	4,6	3,4	3,4	6,4
• прирост, уменьшение наличных денег на руках в рублях и иностранной валюте	0,5	4,5	0,9	2,4	0,5
Расходы на потребление (в среднем на одного члена домаш- него хозяйства), руб/мес	19727,7	19180,8	21154,3	23787,9	24900,0

разработка новых продуктов при расширении связей с государством (21 % компаний)⁹.

Показатель доходов от собственности имел наибольшие значения в 2020 и 2022 гг., а доля прочих денежных поступлений в эти кризисные периоды резко сокращалась (–19,4 и –16,7 % соответственно). Таким образом, 2023 г. отражал тенденции посткризисного восстановления и наращивания предпринимательской активности населения на фоне сокращения помощи от государства. Важно уточнить, что численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в исследуемый период сокращалась.

Структура использования денежных доходов населения также позволяет делать выводы о благоприятной / неблагоприятной ситуации в национальной экономике. Так, в 2020 г. население стало меньше приобретать товаров и услуг (–6,4 % относительно 2019 г.), больше сберегать (+35,3 % относительно 2019 г.) и увеличивать количество наличных денег в рублях и иностранной валюте (в 9 раз больше, чем в 2019 г.), что является нормой для периодов неопределенности, когда население стремится

создать «подушку безопасности» и сохранить свои доходы [19, с. 110]. Если расходы на потребление (в среднем на одного члена домашнего хозяйства) в 2019 г. составляли 19727,7 руб/мес, то в 2020 г. – 19180,8 руб/мес. Значения указанных показателей в 2023 г. подтверждают появление тенденции восстановительного роста потребления.

Самоизоляция в период пандемии создала предпосылки для ускоренной цифровизации, широкого распространения цифровых торговых площадок, создания сервисов для взаимодействия потребителей и производителей [20, с. 79; 21; 22]. У населения, в свою очередь, возникли потребности в расширении доступа к широкополосной сети Интернет и повышении цифровой грамотности. Появились новые формы доставки товаров и услуг – бесконтактные. Это в значительной мере трансформировало сам процесс потребления, сделав его более быстрым, удобным [23, с. 515; 24, с. 365]. Кроме того, расширение доступа к сети Интернет стало своеобразной антикризисной мерой, которая компенсировала упущенные возможности реализации человеческого потенциала.

⁹ Прокудин И. Российская экономика в новой реальности: как бизнес преодолевает санкции. *HSE Daily*. 22.04.2024. URL: <https://daily.hse.ru/post/rossiiskaya-ekonomika-v-novoi-realnosti-kak-biznes-preodolevaet-sankcii> (дата обращения: 20.08.2024).

Заключение

Проведенное исследование позволило представить развернутый анализ социально-экономического положения населения России в период неопределенности, вызванной пандемией. Были рассмотрены общие закономерности изменений демографического положения населения России в 2019–2023 гг., сделан вывод о негативном влиянии пандемии на численность населения, росте естественной убыли россиян и сокращении продолжительности их жизни.

Анализ данных о трудовой активности населения России позволил установить тенденции, свидетельствующие о дестабилизации рынка труда, его структурных изменениях, включая рост безработицы, сокращение занятости, снижение предпринимательской активности населения, а также об одновременном росте численности самозанятых как реакции на угрозы неопределенности. Исследование доходов и структуры потребления населения и их изменений в указанный период подтвердило наличие кризисных тенденций прежде всего по уровню и структуре потребления и сбережений населения и их восстановительную динамику в 2022–2023 гг.

Проведенный анализ подтверждает предположение авторов о негативном влиянии пандемии на социально-экономическое положение населения России, а также о хорошей адаптации граждан к изменяющимся условиям, которая позволила в сжатые сроки продемонстрировать восстановительную динамику большинства показателей. Тем не менее в процессах постковидного восстановления очевидна значимая роль государственной политики. В связи с этим целесообразно и дальше делать акцент на реализацию мер в следующих направлениях:

- налоговое, кредитное и институциональное стимулирование предпринимательской активности населения (в том числе через совершенствование института самозанятости);
- развитие системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров с целью повышения адаптивности рынка труда к условиям неопределенности;
- развитие региональных и всероссийских площадок работы с молодежью для стимулирования их инновационной и предпринимательской инициативы;
- поддержка проектов в рамках обеспечения устойчивого развития территорий прежде всего в части снижения экологической нагрузки;
- расширение цифровой инфраструктуры для обеспечения доступа населения к сети Интернет с целью реализации человеческого потенциала.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Karpunina E. K., Beilina A. F., Butova L. M., Trufanova S. A., Astakhin A. S. Towards sustainable development through bridging digital penetration gaps. *Scientific and technical revolution: Yesterday, today and tomorrow*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2020, 476–485. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_53
2. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: Assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66
3. Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K. Labor market and employment problems: Analysis of long-term dynamics and prospects of development in Russian regions. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*. Cham: Springer, 2022, 711–722. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_77
4. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Губернаторова Н. Н. Внешнеэкономическая деятельность как детерминанта экономической безопасности России: оценка угроз и перспектив развития в условиях санкционных ограничений. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 5. С. 10–26. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu.,

- Trufanova S. A., Gubernatorova N. N. Foreign economic activity as a determinant of Russia's economic security: Assessment of threats and prospects for development under sanctions restrictions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(5): 10–26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cktnde>
5. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a subject of the digital economy*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102
  6. Жаркова Н. Ю. Исследование уровня жизни населения России и стран Европейского союза. *Экономика труда*. 2018. Т. 5. № 1. С. 285–294. [Zharkova N. Yu. A study of the living standards of the population of Russia and countries of the European Union. *Russian Journal of Labor Economics*, 2018, 5(1): 285–294. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/et.5.1.38767>
  7. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Валишина Н. Р. Рост благосостояния населения как фактор укрепления экономической безопасности региона: постковидная перспектива. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 3. С. 60–72. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Valishina N. R. The growth of the welfare of the population as a factor of strengthening the economic security of the region: Postcovid perspective. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(3): 60–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njovtv>
  8. Печеная Л. Т., Толкачева С. В., Домарев И. Е. Проблема бедности в России и в мире: способы оценки, пути снижения. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2017. Т. 7. № 6А. С. 78–100. [Pechenaya L. T., Tolkacheva S. V., Domarev I. E. The problem of poverty in Russia and in the world: Methods of evaluation, ways of reduction. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2017, 7(6A): 78–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsngij>
  9. Tishchenko E. S., Karpunina E. K., Strelnikova T. D., Gundorova M. A., Gonezhuk M. K. Demographic problems of Russian regions: Analysis of long-term dynamics and tools for overcoming. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 784–797. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_84
  10. Горбунова В. В. Старение населения и его влияние на социально-экономическое развитие современного российского общества. *Научное обозрение. Экономические науки*. 2019. № 1. С. 11–15. [Gorbunova V. V. Socio-economic consequences of population ageing. *Scientific review. Economic sciences*, 2019, (1): 11–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pqbwhn>
  11. Овчарова Л. Н., Красильникова М. Д., Пишняк А. И. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: итоги 2020 года. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 32 с. [Ovcharova L. N., Krasilnikova M. D., Pishniak A. I. *National socio-economic situation and social well-being in 2020*. Moscow: HSE University, 2021, 32. (In Russ.)]
  12. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. *IBIMA 2021: Proc. 37th Intern. Conf., Cordoba, 30–31 May 2021*. IBIMA, 2021, 5248–5257. <https://elibrary.ru/zqkoip>
  13. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В., Рязанцев В. И., Чашина Т. В., Черных Е. А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год. М.: ИЭ РАН, 2023. 166 с. [Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Kolmakov I. B., Odintsova E. V., Riazantsev V. I., Chashchina T. V., Chernykh E. A. *Incomes and living standards of the Russian population in 2022*. Moscow: IE RAS, 2023, 166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yyfjoy>
  14. Шушпанова И. С. Тревоги российского гражданского общества в условиях распространения COVID-19. *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20. № 3. С. 183–190. [Shushpanova I. S. Concerns of the Russian civil society in the context of the spread of COVID-19. *Social'naya politika i sociologiya*, 2021, 20(3): 183–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/czmqfe>
  15. Karpunina E. K., Pilipchuk N. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R., Zubareva N. N. Measuring the activity of the population of Russian regions in the global online labour market. *International Journal of Human Resources Development and Management*, 2023, 23(3): 250–267. <https://doi.org/10.1504/ijhrdm.2023.136388>
  16. Изряднова О. И. Динамика рынка труда. *Российская экономика в 2023 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 45)*, ред. А. Л. Кудрин, В. А. Мау, А. Д. Радыгин, С. Г. Синельников-Мурылев. М.: Ин-т Гайдара, 2024. С. 239–242. [Izriadnova O. I. Labor market dynamics. *The Russian economy in 2023. Trends and prospects (Issue 45)*, eds. Kudrin A. L., Mau V. A., Radygin A. D., Sinelnikov-Murylev S. G. Moscow: Gaidar Institute, 2024, 239–242. (In Russ.)] URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2023/book.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

17. Кашеев О. В., Усик С. П., Вингерт А. И. Ответственное потребление как новая парадигма культуры современного общества. *Вестник славянских культур*. 2021. Т. 61. С. 127–135. [Kashcheev O. V., Usyk S. P., Vingert A. I. Responsible consumption as a new paradigm in modern society's culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, 61: 127–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-127-135>
18. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N., Zubareva N. N., Luchaninov R. S. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 85–96. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_10
19. Karpunina E. K., Moskvotceva L. V., Zabelina O. V., Zubareva N. N., Tsykora A. V. Socio-economic impact of the COVID-19 pandemic on OECD countries. *Research in Economic Anthropology*, 2022, 42: 103–114. <https://doi.org/10.1108/S0190-128120220000042011>
20. Yussuf A. A., Okunkova E. A., Ioda Yu. V., Tleptserukov M. A., Butova L. M. Assessment of the risks of transition from a global pandemic crisis to a model of long-term economic growth. *Sustainable development risks and risk management*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 75–81. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34256-1_14
21. Okunkova E. A., Kosorukova I. V., Lazareva T. G., Korolyuk E. V., Bogomolova A. V. Global gig economy: Prospects and key growth threats for developing countries. *International Journal of Work Innovation*, 2023, 3(4): 403–417. <https://doi.org/10.1504/ijwi.2023.128862>
22. Барометр экономического поведения домохозяйств в России. Подводим итоги года: на что люди тратят деньги и почему. *Потребительские расходы и потребительское поведение населения*, ред. Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская. НИУ ВШЭ, 2023. Вып. 2. 25 с. [A barometer of economic behavior of households in Russia. Year's results: What people spend money on and why. *Consumer spending and consumer behavior of the population*, eds. Ovcharova L. N., Siniavskaja O. V. HSE University, 2023, iss. 2, 25. (In Russ.)] URL: <https://isp.hse.ru/mirror/pubs/share/886241889.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
23. Karpunina E. K., Nazarova I. G., Iljina L. I., Shvetsova I. N., Chernenko E. M. The economic security threats of the region in terms of digitalization: Assessment and development of leveling tools. *Geo-economy of the future: Sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 515–525. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_55
24. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yubomj>

Условия и факторы цифрового развития: сравнительный анализ в России и Китае

Пономарев Сергей Валерьевич

Калужский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, Калуга
eLibrary Author SPIN: 6115-8899
<https://orcid.org/0000-0001-6216-1190>

Кукина Елена Евгеньевна

Липецкий филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 9847-6307
<https://orcid.org/0000-0002-9047-3359>

Иода Юлия Владимировна

Липецкий филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 8423-0962
<https://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Труфанова Светлана Александровна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 8099-8688
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>
egenkak@gmail.com

Аннотация: Цель – провести сравнительный анализ цифрового развития Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе в условиях влияния внешних вызовов, выявить возникающие противоречия и выработать стратегию их преодоления. Задачи: 1) проанализировать ключевые показатели, определяющие специфику цифрового развития России и Китая в 2018–2022 гг.; 2) определить факторы роста и ограничения цифрового развития исследуемых стран; 3) обосновать направления дальнейшего совершенствования цифрового развития. Применены методы сравнительного и экономического анализа, диалектический, графический и табличный методы. Научная новизна заключается в раскрытии особенностей цифрового развития России и Китая на основе проведения сравнительного анализа, выявления сильных и слабых сторон реализуемых политик цифровизации и обоснования эффективного инструментария преодоления существующих противоречий. Проанализированы показатели финансирования НИОКР, экспорта ИКТ-услуг и высокотехнологичных товаров, дохода от цифровых технологий по сферам деятельности, индексов цифрового интеллекта, развития электронного правительства и инновационного развития, показатели, отражающие состояние и динамику развития цифровой инфраструктуры, а также некоторые данные, касающиеся оценки цифровых компетенций населения. С одной стороны, обнаружена уверенная динамика развития секторов экономики России, активно внедряющих цифровые технологии, а с другой – выявлено явное отставание страны на фоне интенсивного цифрового развития Китая. Предложены направления совершенствования условий для цифрового развития России и Китая: совершенствование цифровой инфраструктуры; развитие институтов цифрового общества; повышение цифровой грамотности населения; организация финансирования НИОКР.

Ключевые слова: цифровое развитие, цифровая инфраструктура, цифровые технологии, ИКТ-сектор, адаптация к изменениям, Россия, Китай

Цитирование: Пономарев С. В., Кукина Е. Е., Иода Ю. В., Труфанова С. А. Условия и факторы цифрового развития: сравнительный анализ в России и Китае. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 156–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-156-169>

Поступила в редакцию 24.11.2024. Принята после рецензирования 23.12.2024. Принята в печать 23.12.2024.

full article

Conditions and Factors of Digital Development in Russia and China

Sergey V. Ponomarev

Kaluga Branch of Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Kaluga
eLibrary Author SPIN: 6115-8899
<https://orcid.org/0000-0001-6216-1190>

Yulia V. Ioda

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government
of the Russian Federation, Russia, Lipetsk
eLibrary Author SPIN: 8423-0962
<https://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Elena E. Kukina

Lipetsk Branch of the Financial University Under the Government
of the Russian Federation, Russia, Lipetsk
eLibrary Author SPIN: 9847-6307
<https://orcid.org/0000-0002-9047-3359>

Svetlana A. Trufanova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 8099-8688
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>
egenkak@gmail.com

Abstract: The article introduces a comparative analysis of the current digital development in the Russian Federation and the People's Republic of China. Both countries face external challenges that lead to certain contradictions, which could be resolved with the help a proper strategy. The authors analyzed the conditions, growth factors, and limitations that defined the process of digitalization in Russia and China in 2018–2022. The analysis yielded a roadmap for further digital development. The methodology included the comparative and economic analysis, as well as dialectical, graphical, and tabular methods. The research revealed the strengths and weaknesses of both digitalization policies, as well as made it possible to develop effective tools that may help to overcome the existing contradictions. The analysis relied on such indicators as R&D financing, exports of information and communication services and high-tech goods, income from digital technologies in different spheres, digital intelligence index, e-government development index, innovative development index, digital infrastructure development, and digital competencies of the population. On the one hand, Russian economy demonstrated some positive dynamics in the sectors that implement digital technologies. On the other hand, China's digital development is by far more intensive. For more prolific digitalization, both countries should improve their digital infrastructure, develop institutions of the digital society, increase digital literacy, and stimulate R&D.

Keywords: digital development, digital infrastructure, digital technologies, ICT sector, adaptation to changes, Russia, China

Citation: Ponomarev S. V., Kukina E. E., Ioda Yu. V., Trufanova S. A. Conditions and Factors of Digital Development in Russia and China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 156–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-156-169>

Received 24 Nov 2024. Accepted after review 23 Dec 2024. Accepted for publication 23 Dec 2024.

Введение

С каждым годом цифровое развитие становится все более интенсивным и глубоким [1; 2]. По оценкам международных организаций, цифровое развитие обладает чертами «расширяющегося общества», которое характеризуется увеличением возможностей человеческого развития за счет использования потенциала цифровых технологий и доступа к сети Интернет, получением большей экономической выгоды и поддержанием экономического роста¹.

За последнее десятилетие практически не осталось ни одной сферы деятельности, куда бы ни проникли цифровые технологии. В производстве, торговой

деятельности, коммуникациях, образовании, медицине, финансах и сельском хозяйстве даже появились отдельные направления – финтех, агротех, телемедицина, онлайн-образование, электронная коммерция, Индустрия 4.0 и др. [3–5]. Безусловно, цифровые технологии проникли и в сферу быта и жизнедеятельности людей, облегчив выполнение многих рутинных задач и высвободив пространство и время для реализации человеческого потенциала.

Прогресс цифровых технологий стал особенно ощутим во время пандемии, когда в короткие сроки индивиды, субъекты хозяйствования и органы

¹ Measuring the digital economy: A new perspective. OECD, 2014, 156. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264221796-en> (accessed 22 Nov 2024).

государственного управления перешли на повсеместное использование сети Интернет, дистанционных технологий обучения, цифровых платформ управления производством, онлайн-сервисов государственных услуг. В этот период значительно улучшилось качество цифровой инфраструктуры, произошел пересмотр форматов деятельности предприятий, взаимодействия с контрагентами и потребителями.

Вызовы внешней среды требуют непрерывной адаптации к изменениям, и цифровые технологии становятся тем самым инструментом, позволяющим снять возникающие противоречия развития [6; 7]. При этом их использование имеет и негативные последствия для субъектов, в связи с чем важна гибкость в применении мер по кибербезопасности и освоению цифровых навыков. Характер цифрового развития весьма дифференцирован в различных странах [8]. Это определяется множеством факторов, например стратегическими задачами развития государства на основе цифровых технологий, наличием финансовых ресурсов, необходимых для цифровой трансформации, состоянием сферы образования и науки, определяющих способность продуцирования цифровых технологий в стране и т.д.

Примером страны с интенсивным цифровым развитием служит Китайская Народная Республика (КНР): ее эффективная государственная политика выводит страну на глобальные лидерские позиции в таких сферах, как электронная торговля товарами, услугами и финансовые технологии (электронные платежи) [9; 10]. Исследование позитивного опыта Китая позволит выделить составляющие, которые можно имплементировать для преодоления ограничений цифрового развития других стран. Например, Российской Федерации (РФ) могут быть полезны некоторые меры государственной политики цифрового развития Китая для нивелирования межрегионального цифрового разрыва, организации финансирования НИОКР как основы цифрового развития, а также стимулирования высокотехнологичного экспорта и т.п. [11; 12].

Россия в свою очередь имеет значительный потенциал роста цифровых технологий и сильную научно-техническую и образовательную базу для производства инноваций, что делает ее привлекательной для новаторов и инвесторов [13]. Это стратегическое

преимущество РФ может быть полезно для укрепления позиций КНР в области цифрового развития. Учитывая тот факт, что Россия и Китай являются стратегическими партнерами в рамках единого интеграционного объединения БРИКС и имеют совместные цели в глобальном масштабе, то преимущества обеих стран можно использовать в процессе реализации единой политики и преодолевать имеющиеся у них ограничения.

Таким образом, цель исследования состоит в проведении сравнительного анализа цифрового развития Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе в условиях влияния внешних вызовов, выявлении возникающих противоречий и выработке стратегии их преодоления. Задачи: анализ ключевых показателей, определяющих специфику цифрового развития России и Китая в 2018–2022 гг.; определение факторов роста и ограничений цифрового развития исследуемых стран; обоснование направлений дальнейшего совершенствования цифрового развития. Научная новизна – раскрыть особенности цифрового развития России и Китая на основе проведения сравнительного анализа, выявить сильные и слабые стороны реализуемых политик цифровизации, а также обосновать эффективный инструментарий преодоления существующих противоречий.

На международном уровне используют два подхода к определению термина цифровое развитие (развитие цифровой экономики):

1. Развитие исключительно ИКТ-отраслей, т.е. сектора телекоммуникаций, Интернета, IT-услуг, производств комплектующих, программного обеспечения и т.п. [10].

2. Процесс совершенствования широкого спектра экономической активности с использованием цифровых знаний и информации как ключевого фактора производства, а также современных информационных сетей в качестве основной среды деятельности². Этот подход применяется международными организациями, такими как «Группа двадцати» (G20), Всемирный банк (World Bank) и ОЭСР. В этом случае цифровое развитие охватывает не только ИКТ-отрасли, но и отрасли «традиционной» экономики, которые совершенствуются благодаря внедрению цифровых технологий.

Отечественными исследователями цифровое развитие рассматривается как:

² G20 digital economy development and cooperation initiative. *President of Russia*. 05.09.2016. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5111>; G20 digital economy development and cooperation initiative delivered at 2016 Hangzhou Summit renews impetus to global economy. *China Daily*. 28.09.2016. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2016hangzhoug20/2016-09/28/content_26927065.htm; World development report 2016: Digital dividends. Washington, DC: World Bank, 2016, 330. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016> (accessed 22 Nov 2024).

- процесс интеграции цифровых технологий в различные сферы жизни и деятельности [1], что согласуется с позицией Всемирного банка, который рассматривает цифровое развитие сквозь призму системы экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий³;
- неотъемлемое условие достижения современного экономического роста и ускорения экономического развития, повышения производительности отраслей и освоения новых рынков [2; 5; 13].

В статье авторы используют понятие *политика цифровизации*, которая реализуется различными странами. Научные взгляды относительно понимания *цифровизации* также дифференцированы:

- основа – фундаментальные и прикладные положения системно-кибернетической теории, а сама она связана с использованием программного обеспечения для поддержки выполнения бизнес-процессов с целью расширения возможностей взаимодействия предприятия с внешней средой на фоне минимизации участия человека [14];
- представляет собой переход от аналоговых данных к цифровым [15];
- рассматривается в контексте реализации бизнес-моделей и отождествляется с использованием новейших бизнес-технологий, которые связаны с интернет-торговлей [16].

Задачей исследования не является установление терминологического соответствия между понятиями *цифровое развитие* (развитие цифровой экономики) и *цифровизация*. Однако в первом случае авторы связывают цифровое развитие прежде всего с совершенствованием имеющихся процессов жизнедеятельности и производственной активности при помощи цифровых технологий. Во втором случае речь идет о политике цифровизации, реализуемой различными странами и направленной на внедрение новых технологий, которые носят инновационный характер, в различные отрасли экономики и сферы деятельности.

Передовой опыт Китая по внедрению цифровых технологий, преодолению кризисных условий и наращиванию конкурентных преимуществ (благодаря использованию цифровых технологий)

отражен в работах [17–20]. Специфика цифровых процессов в экономике России – в трудах [3; 21; 22], в которых также установлено существование межрегиональной дифференциации по уровню цифрового развития, обусловленной территориальными, технологическими и демографическими особенностями. Помимо этого, исследователи обращаются к анализу эффективных инструментов цифрового развития и возможностей минимизации рисков политики цифровизации, в частности проблем в области кибербезопасности [8; 18; 23].

Методы и материалы

Теоретическая основа – научные работы, объектом исследования которых является цифровое развитие государства и его регионов, а также процессы цифровизации [5; 6; 21; 24]. Информационная база – материалы компании Statista, Всемирного банка, Организации Объединенных Наций (ООН), Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Speedtest Global Index.

Для измерения уровня цифрового развития стран мира используются различные подходы. Однако наиболее распространен индексный метод. Международные организации производят формирование мировых рейтингов, применяя определенный набор индексов. Например:

1. Международный союз электросвязи (*International Telecommunication Union – ITU*) использует набор уникальных и своевременных статистических данных для оценки эволюционного характера цифрового разрыва и прогресса в его преодолении. Речь идет о наборе показателей, отражающих сформированность ИКТ-инфраструктуры и управление использованием спектра, политики и регулирование телекоммуникаций в чрезвычайных ситуациях, кибербезопасности⁴.

2. Компания Cisco рассчитывает индекс цифровой готовности (*Digital Readiness Index – DRI*), используя показатели для оценки технологической инфраструктуры и внедрения технологий, человеческого капитала, основных потребностей человека, простоты ведения бизнеса, инвестиций бизнеса и государства, условий для создания стартапов⁵.

3. Международный институт управленческого развития (*International Institute for Management*

³ World development report 2016: Digital dividends...

⁴ Measuring digital development. Facts and figures: Focus on least developed countries. Geneva: ITU, 2023, 21. URL: https://newspageconomy.ca/wp-content/uploads/2023/07/d-ind-ict_mdd-2023-pdf-e.pdf (accessed 22 Nov 2024).

⁵ Cisco digital readiness index. Cisco. URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/about/csr/research-resources/digital-readiness.html> (accessed 22 Nov 2024).

Development – IMD) ежегодно рассчитывает мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности (*World Digital Competitiveness Ranking* – WDCR), формируя общие рейтинги и тенденции за последние пять лет по каждому из трех факторов цифровой конкурентоспособности (знания, технологии и готовность к будущему)⁶.

4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) оценивает состояние и динамику развития информационного общества, предлагая широкий спектр показателей, отражающих доступ домашних хозяйств к информационным технологиям и информационно-телекоммуникационным сетям, активность использования населением персональных компьютеров и сети Интернет, их применения в повседневной жизни, распространение и использование информационных технологий в организациях предпринимательского сектора, социальной сферы и государственного управления⁷.

Кроме того, для сопоставления стран в глобальном разрезе используются индексы цифрового интеллекта, развития электронного правительства, инновационного развития, которые подчеркивают отдельные аспекты цифрового развития стран мира⁸.

В рамках статьи авторы используют интегрированный подход к выбору показателей для оценки и динамики цифрового развития России и Китая. Часть предложенных показателей (темпы роста ВВП; расходы на НИОКР; экспорт услуг в области ИКТ; ожидаемый доход от использования цифровых технологий по сферам деятельности) демонстрирует позиции исследуемых стран в мире и их возможности по созданию и внедрению технологий в рамках национальной экономики и высокотехнологичного экспорта. Оставшиеся показатели (число абонентов фиксированной широкополосной связи; число пользователей мобильного Интернета; доля домохозяйств, подключенных к широкополосному Интернету со скоростью 100 Мбит/с и выше) отражают состояние цифровой инфраструктуры, подчеркивают уровень доступа различных категорий населения к сети Интернет и цифровым

технологиям, направления их использования в различных сферах деятельности и потенциал дальнейшего развития.

При проведении международных сравнений важным условием является наличие сопоставимых показателей для оценки, а также доступность данных. В связи с этим наше исследование охватывает 2018–2022 гг., т.к. сопоставимые данные по исследуемым странам в настоящий момент не позволяют оценить динамику цифрового развития за 2023 г.

Применены следующие методы:

- сравнительный анализ: анализ динамики цифрового развития России и Китая за 2018–2022 гг.; выявление преимуществ и недостатков реализуемых моделей цифрового развития двух стран;
- экономический анализ (используется совместно со сравнительным анализом): определение динамики происходящих изменений в национальных экономиках исследуемых стран и их позиции в мировой экономике;
- диалектический метод: обоснование авторской гипотезы о существующих качественных различиях моделей цифрового развития, реализуемых в России и Китае; рассмотрение процесса развития сквозь призму определяющих его противоречий;
- графический и табличный методы: наглядное представление полученных результатов и закономерностей, выявленных в процессе исследования.

Результаты

Данные рисунка 1⁹ показывают более устойчивые позиции Китая в обеспечении роста ВВП, несмотря на существенное его сокращение в 2020 (до 2,2 %) и 2022 гг. (до 3 %). Вместе с тем в России темпы роста ВВП отражают неблагоприятное воздействие внешних факторов: в 2020 г. негативное влияние пандемии привело к сокращению темпов роста ВВП до –2,7 %; в 2022 г. из-за роста военно-политической напряженности и проявления первых последствий введенных экономических санкций со стороны

⁶ IMD. World digital competitiveness ranking 2024. The digital divide: Risks and opportunities. Lausanne: IMD, 2024, 213. URL: <https://imd.widen.net/s/xvhldkrkw/20241111-wcc-digital-report-2024-wip> (accessed 22 Nov 2024).

⁷ Информационное общество в Российской Федерации. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251> (дата обращения: 22.11.2024).

⁸ Исследование ООН: электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства. ООН, 2022. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023-02/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf>; Резюме. Глобальный инновационный индекс 2023. ВОИС, 2023. <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-2000-2023-exec-ru-global-innovation-index-2023.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

⁹ Сост. по: GDP growth (annual %). *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2023&start=2018> (accessed 21 Nov 2024).

стран Европейского союза этот показатель составил $-2,1\%$ [25; 26].

Динамика изменения расходов на НИОКР в общем объеме ВВП в течение исследуемого периода представлена на рисунке 2¹⁰. Эти данные важны прежде всего для понимания ситуации в части финансирования НИОКР, т.к. именно они формируют условия для цифрового развития современных государств. Все страны, демонстрирующие цифровое опережение в настоящий момент, на протяжении длительного времени увеличивали свои расходы на финансирование научных исследований [6].

Например, в США, которые по-прежнему являются лидером по числу возглавляемых ими рейтингов цифрового развития и инновационной деятельности¹¹, на финансирование исследований ежегодно тратят в среднем около 3% ВВП (в 2021 г. расходы на НИОКР составили $3,5\%$ ВВП), в то время как в странах Евросоюза усредненное значение показателя составляет $2,2\%$ ВВП. Однако важно учитывать и структуру данных расходов, т.к. во многих странах, в частности в США, большая их доля финансируется бизнес-структурами¹². В КНР же можно увидеть как стабильно растущую динамику расходов на НИОКР ($+19,2\%$ за 2018–2022 гг.)¹³, так и высокое значение самого показателя. Несмотря на то что Китай относится к странам со средним уровнем доходов населения, тем не менее он занимает ведущие позиции в области инноваций наряду со странами с высоким уровнем доходов¹⁴.

Расходы на НИОКР в Китае финансируются предприятиями, правительственными научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями. Например, в 2022 г. вклад предприятий в рост расходов на НИОКР достиг 84% ($+4,6$ п. п. в сравнении с 2021 г.)¹⁵. За 2018–2022 гг. произошло усиление интенсивности инвестиций в НИОКР как в целях создания условий для ключевых технологических прорывов и улучшения основных промышленных возможностей, так и реализации фундаментальных научных исследований. Но также

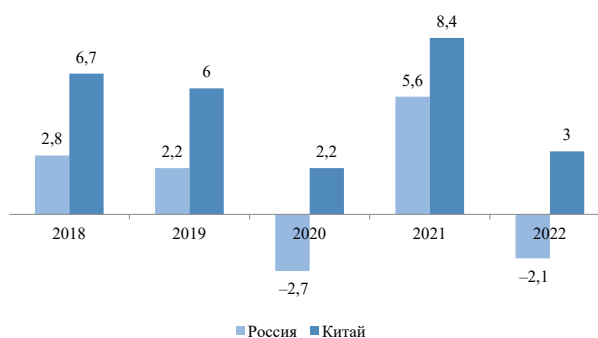

Рис. 1. Темпы роста ВВП России и Китая, %
Fig. 1. GDP growth rates in Russia and China, %

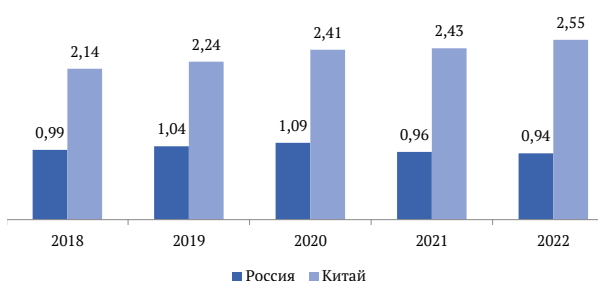

Рис. 2. Расходы на НИОКР в России и Китае, % от ВВП
Fig. 2. R&D expenditures in Russia and China, % of GDP

возникли и некоторые изменения в финансировании НИОКР. Так, несмотря на растущие расходы государственного бюджета Китая на науку и технологии, политика поддержки инновационной активности становится более диверсифицированной в первую очередь в части адресации налоговых преференций и оказания финансовой поддержки предприятиям¹⁶.

Динамика расходов на НИОКР в России не отличается постоянством: до 2020 г. наблюдался рост показателя ($+10,1\%$), далее, до 2022 г., происходило его сокращение ($-13,8\%$ относительно 2020 г.). Это является следствием реагирования страны на внешние вызовы (восстановление после пандемии, военнополитическая нестабильность). Однако ослабление данных расходов может привести к неблагоприятным последствиям в долгосрочном периоде,

¹⁰ Сост. по: Research and development expenditure (% of GDP). World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2022&start=2018> (accessed 20 Nov 2024).

¹¹ Резюме. Глобальный инновационный индекс 2023...

¹² Там же.

¹³ Расходы Китая на НИОКР в 2022 году превысили 3 трлн юаней. СИНЬХУА Новостям. 23.01.2023. URL: <https://russian.news.cn/2023/01/23/cf1a11a34d4806bafcb4a09fbb5589/c.html> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁴ Национальное бюро статистики интерпретирует «Статистический бюллетень о национальных инвестициях в финансирование науки и технологий в 2022 году»: Инвестиции в НИОКР быстро выросли, а основная роль предприятий в инвестициях в НИОКР еще больше укрепилась. Теория Китая. 06.12.2023. URL: <https://ru.theorychina.org.cn/c/2023-12-06/1488132.shtml> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

сократив возможности страны в достижении цифрового и инновационного лидерства [21].

Сведения на рисунке 3¹⁷ указывают на то, что в России экспорт услуг в области ИКТ увеличивался до 2021 г. (+54,8 % по сравнению с 2018 г.), а в 2022 г. сократился на 8,5 %. Сокращение экспорта высокотехнологичных товаров произошло в 2020 г., после чего в течение двух последующих лет значение показателя удерживалось на отметке 10 % от экспорта промышленных товаров. В Китае динамика показателей в исследуемый период также не отличается постоянством: до 2020 г. наблюдался рост экспорта услуг в области ИКТ (+31,8 % относительно 2018 г.), а в 2021 г. произошло его снижение (-12,4 %), после чего в 2022 г. он достиг 15 % от общего объема экспорта услуг. В 2018–2022 гг. экспорт высокотехнологичных товаров в Китае оставался на высоком уровне (30,4 %), но к 2022 г. также наблюдалось его незначительное сокращение (-6,7 % в сравнении с 2021 г.). Вместе с тем показатели Китая не являются самыми высокими в мире. Так, Индия признана мировым лидером по экспорту информационно-коммуникационных технологий¹⁸.

Рост экспорта товаров и услуг в области ИКТ свидетельствует о том, что КНР находится на этапе развития отрасли информационных и коммуникационных технологий и имеет хорошие ресурсы для дальнейшей реализации имеющегося потенциала [17; 18]. При этом интенсивное развитие сектора ИКТ в настоящее время является источником благополучия населения страны, формирующим возможности для его трудоустройства и, как следствие,

способствующим повышению эффективности других отраслей экономики [6].

Для формирования представления о характере цифрового развития государства существует индекс цифрового интеллекта (*Digital IQ*). В соответствии с ним страны подразделяются на четыре типа: лидеры; с замедляющимся темпом роста; перспективные; проблемные [27]. При этом индекс дает комплексную оценку прогресса цифровой экономики в рамках двух групп показателей:

- 1) *цифровая эволюция*: отражает состояние и темпы цифровой эволюции и определяет последствия для инвестиций, инноваций и политических приоритетов;
- 2) *цифровое доверие*: отражает надежность цифровой экосистемы, уровень и типы разногласий в сфере цифровых технологий, глубину вовлеченности пользователей Интернета и уровень доверия к цифровой экосистеме со стороны граждан.

В 2020 г. и Россия, и Китай входили в группу перспективных стран в части цифровизации [27], т.е. внедряемые цифровые технологии развивались динамично, а значительный потенциал их роста делал данные страны привлекательными для новаторов и инвесторов. В 2012–2021 гг. средние темпы роста цифровой экономики Китая составляли 15,9 %, а вклад цифровой экономики в ВВП страны увеличился на 18,9 %, достигнув в 2021 г. 39,8 %¹⁹. По данным НИУ ВШЭ, в России средний темп роста валовой добавленной стоимости сектора ИКТ в 2018–2021 гг. составлял 13,2 %²⁰.

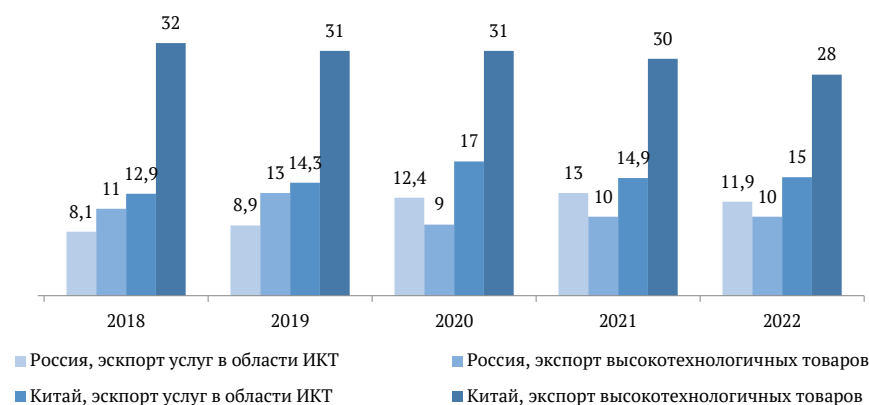

Рис. 3. Динамика экспорта услуг в области ИКТ (% от общего объема экспорта услуг) и экспорта высокотехнологичных товаров (% от экспорта промышленных товаров) в России и Китае
Fig. 3. Exports of ICT services (% total exports of services) and high-tech goods (% exports of manufactured goods) in Russia and China

¹⁷ Сост. по: ICT service exports (% of service exports, BoP). *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.CCIS.ZS>; High-technology exports (% of manufactured exports). *World Bank Group*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS?end=2023&start=2000&view=chart&year=2014> (accessed 20 Nov 2024).

¹⁸ India exports: ICT goods. *CEIC*. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/india/exports-ict-goods> (accessed 20 Nov 2024).

¹⁹ China's digital economy hits 7.1 trln USD: white paper. *XINHUANET*. 30.07.2022. URL: <https://english.news.cn/20220730/7ca9d8ab61ae4657aae0ec8c38381f57/c.html> (accessed 20 Nov 2024).

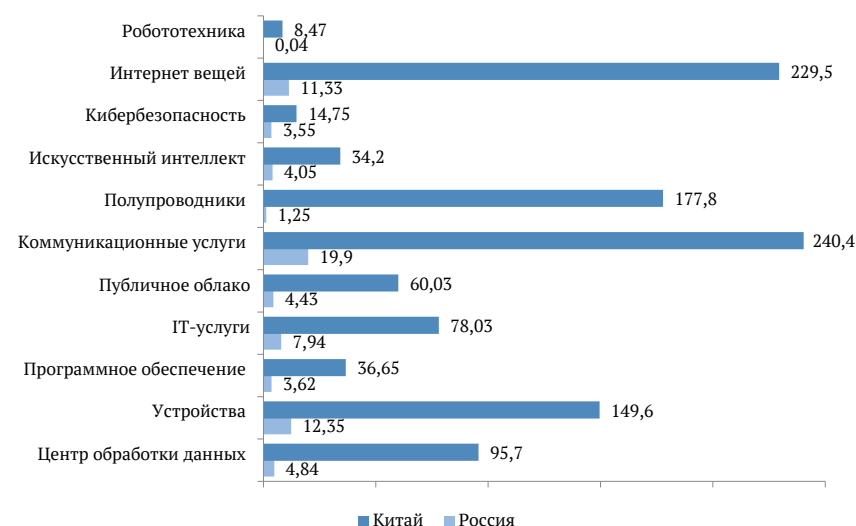
²⁰ Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник, ред. О. М. Климова. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.

Направленность использования цифровых технологий в Китае и в России различна и чрезвычайно разнообразна [28; 29]. По прогнозам Statista, к 2024 г. доход, полученный Россией и Китаем от использования цифровых технологий в секторе ИКТ по видам деятельности, будет распределен следующим образом, представленным на рисунке 4²¹.

В Китае, помимо сектора ИКТ, наибольшее применение получили цифровые технологии в сфере финансов, культурной и креативной индустрии, а также сфере услуг для населения [19]. Цифровые технологии активно внедряются в производстве, образовании и торговле. Например, с 2015 г. Китай приступил к реализации программы МІС (*Made in China*), благодаря чему интегрировал инструменты основного капитала, связанные с применением прогрессивных технологий и организацией производства [20]. В 2019 г. на китайские компании приходилось более 40 % мирового объема венчурных инвестиций в глобальный рынок EdTech (*Education Technology* – технологии образования): школьное (38 %) и дополнительное школьное (24 %) образование, программы дополнительного профессионального образования (12 %) ²².

В России к сферам наибольшего применения цифровых технологий относятся финансовый сектор, реклама и электронная торговля, консалтинг, сфера государственного управления²³. Например, финтех-рынок РФ интенсивно развивается, показывая дополнительный прирост за счет использования технологий искусственного интеллекта и импортозамещающей IT-продукции, разрабатываемой российскими компаниями. Так, объем рынка цифровых финансовых активов в 2024 г. вырос и достиг 346,5 млрд руб.²⁴

Благодаря цифровым технологиям продвижения товаров и услуг, и активной включенности населения в работу цифровых торговых площадок объем рынка электронной коммерции России в 2022 г. достиг 5,7 трлн руб. (+38 % относительно 2021 г.)²⁵. Сектор онлайн-образования России в 2022 г. также продемонстрировал хорошую динамику (+18 % в сравнении с 2021 г.), обеспечив рост выручки компаний до 90 млрд руб.²⁶ Индекс развития электронного правительства (*E-Government Development Index* – EGDІ) в России за 2018–2022 гг. увеличился на 0,02 п. п., достигнув примерно 0,82 п. п., что сопоставимо с показателем Китая (в 2018 г. – 0,22 п. п.;

Рис. 4. Ожидаемый доход от использования цифровых технологий по сферам деятельности в России и Китае, 2024 г., млрд долл. США
Fig. 4. Expected revenue from digital technologies by spheres of activity in Russia and China, 2024, billion US dollars

²¹ Сост. по: Market drivers for value change. Technology adoption and innovation. Statista. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/data-center/worldwide> (accessed 20 Nov 2024).

²² Исследование рынка онлайн-образования. TalentTech. URL: <https://main.talenttech.ru/research/issledovanie-rynka-onlajn-obrazovaniya/> (дата обращения: 20.11.2024).

²³ Исследование ООН: электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства...

²⁴ Digital financial assets in Russia. TADVISER. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Digital_financial_assets_in_Russia#Growth_of_the_Russian_digital_financial_assets_market_by_6_times_to_346.5_billion_rubles (accessed 20 Nov 2024).

²⁵ Интернет-торговля в России 2022. Data Insight, 2023. 216 с. URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2022 (дата обращения: 20.11.2024).

²⁶ Edtech-рынок закончил год ростом почти в 18 %. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/63f46feb9a794744929f5d29?from=soru> (дата обращения: 20.11.2024).

в 2022 г. – 0,81 п.п.) и говорит о весьма различающейся динамике изменений²⁷.

Итак, можно, с одной стороны, проследить уверенную динамику развития секторов экономики России, активно внедряющих цифровые технологии, а с другой – увидеть явное отставание страны на фоне интенсивного цифрового развития Китая. Вместе с тем разработчики индекса цифрового интеллекта указывают на существование ограничений, сдерживающих интенсивное цифровое развитие РФ и КНР, что пока не позволяет им занять лидирующие позиции в рейтинге. В частности, они выделяют ограничения, связанные с относительно слабой инфраструктурой и низким качеством институтов, которые поддерживают инвестиции в улучшение качества цифровых технологий и расширение доступа к ним, а также в инновации.

Для оценки готовности цифровой и базовой аналоговой инфраструктуры, создающей условия для доступа и взаимодействия субъектов, а также осуществления транзакций по купле-продаже товаров и услуг в онлайн-режиме можно использовать такие показатели, как количество абонентов фиксированной широкополосной связи; число пользователей мобильного Интернета; доля домохозяйств, подключенных к широкополосному Интернету со скоростью 100 Мбит/с и выше (табл.²⁸). Так, число абонентов фиксированной широкополосной связи в Китае в 2022 г. достигло 41,37 на 100 человек населения, а темп роста в 2018–2022 гг. составил 144,1 %. В России значение показателя в 2022 г. оказалось намного ниже – 24,63 на 100 человек населения, как и темп роста – 112,5 %. Для сравнения: в США в 2022 г. значение исследуемого показателя достигало 37,49 на 100 человек населения. Такие сведения позволяют сделать вывод о рывке Китая в области обеспечения развития цифровой инфраструктуры даже в сравнении со странами-лидерами по уровню цифрового развития²⁹.

Табл. Показатели, отражающие оценку условий для цифрового взаимодействия субъектов
Tab. Indicators reflecting the assessment of conditions for digital interaction of subjects

Год	Россия	Китай
Число абонентов фиксированной широкополосной связи, на 100 человек населения		
2018	21,89	28,71
2019	22,42	35,56
2020	23,16	33,91
2021	23,74	37,56
2022	24,63	41,37
Темп роста, 2018–2022, %	112,5	144,1
Число пользователей мобильного Интернета, на 100 человек населения		
2018	86,2	116,4
2019	96,4	122,8
2020	99,6	120,6
2021	107,5	121,5
2022	109,2	124,9
Темп роста, 2018–2022, %	126,7	107,3
Доля домохозяйств, подключенных к широкополосному Интернету со скоростью 100 Мбит/с и выше, %		
2018	–	70,3
2019	34	85,4
2020	42,2	89,9
2021	49	93
2022	54	93,9
Темп роста, 2018–2022, %	158,8	133,6

²⁷ Исследование ООН: электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства...

²⁸ Сост. по: China – fixed broadband internet subscribers (per 100 people). *TRADING ECONOMICS*. URL: <https://tradingeconomics.com/china/fixed-broadband-internet-subscribers-per-100-people-wb-data.html>; Russia – fixed broadband internet subscribers (per 100 people). *TRADING ECONOMICS*. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/fixed-broadband-internet-subscribers-per-100-people-wb-data.html>; Россия в мировой гонке интернет-скоростей. *НИУ ВШЭ*. URL: <https://issek.hse.ru/news/947041125.html>; Новиков А. Стало известно, когда скорость домашнего интернета в России вырастет в 100 раз. *Газета.Ru*. 05.03.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/03/05/22483334.shtml>; Thomala L. L. Mobile internet user growth in China from 2018 to 2022, with a forecast until 2027. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/309030/china-mobile-phone-internet-user-growth/>; Number of mobile broadband subscriptions per 100 inhabitants in Russia from 2016 to 2022. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1089342/russia-mobile-broadband-subscriptions-per-100-inhabitants/>; Share of households connected with broadband internet with 100mbps and above speed in China from 2018 to 2023. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/265175/china-high-speed-broadband-internet-penetration-rate/>; Утягина К. Е., Фролов М. С. Телекоммуникационная инфраструктура: итоги 2021 года. *НИУ ВШЭ*, 2022. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/665869736.pdf>; Thomala L. L. Share of households connected with broadband internet with 100mbps and above speed in China from 2018 to 2023. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/265175/china-high-speed-broadband-internet-penetration-rate/> (accessed 20 Nov 2024).

²⁹ United States – fixed broadband internet subscribers (per 100 people). *TRADING ECONOMICS*. URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/fixed-broadband-internet-subscribers-per-100-people-wb-data.html> (accessed 20 Nov 2024).

В России число пользователей мобильного Интернета в 2022 г. достигало 109,2 на 100 человек населения, тогда как в Китае – 124,9. За весь исследуемый период темп роста показателя составил в России 126,7 %, в Китае – 107,3 %. Для сравнения: в 2022 г. в Гонконге значение исследуемого показателя было самым высоким – примерно 291,9 на 100 человек населения, а в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) составляло 212,2³⁰.

Данные, представленные в таблице, также позволяют сделать вывод, во-первых, о повышении пропускной способности широкополосной сети Интернет в России, увеличении доли ее пользователей в 2018–2022 гг., а во-вторых, о высоком уровне обеспечения качества связи в Китае и непрерывном улучшении ее параметров (+23,6 п. п. в 2018–2022 гг.). Если сравнивать страны мира по скорости широкополосного фиксированного Интернета в 2024 г., то лидерами являются Сингапур (316,99 Мбит/с), ОАЭ (300,54 Мбит/с) и Гонконг (296,97 Мбит/с). Самой высокой скоростью мобильного Интернета отличается ОАЭ (428,53 Мбит/с)³¹, но средняя стоимость подключения составляет 98,84 долл. США в месяц. Для сравнения: в Китае средняя цена фиксированного доступа в Интернет равняется 20,99 долл. США в месяц³². По ценовой доступности услуг фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет Россия занимает 11 место в мире, по мобильному доступу – 36³³. По стоимости таких услуг РФ входит в группу стран с ценовым диапазоном до 20 долл. США в месяц³⁴.

Проведенный анализ позволяет сформировать рекомендации в целях совершенствования условий для цифрового развития по следующим ключевым направлениям:

1. Совершенствование цифровой инфраструктуры связано с преодолением влияния ограничивающих территориальных и технологических факторов, проявляющихся в России в виде существования территорий, которые не имеют широкополосного доступа к сети Интернет (удаленные и сельские территории, регионы с низкой пропускной способностью Интернета). Между тем обеспечение высокого

уровня проникновения цифровых технологий в жизнь населения таких регионов может расширить сообщества пользователей и открыть новые грани для развития потенциала населения в цифровой среде.

Развитие цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, больших данных, облачных вычислений и др., предполагает их внедрение и повсеместное использование в социальной и управленческой сферах. Совершенствование цифровой инфраструктуры обусловлено и увеличением пропускной способности Сетей, и оптимизацией ценовой политики на услуги, которые связаны с доступом к Интернету. В большей степени описанные меры адресованы России, но в Китае также существуют технологические, территориальные и демографические барьеры повсеместной цифровизации, преодоление которых возможно посредством обеспечения населения устройствами для доступа к сети Интернет и повышения уровня применения цифровых технологий всех слоев населения.

2. Развитие институтов цифрового общества предполагает формирование легитимных рамок цифрового взаимодействия субъектов, позволяющих создать безопасные условия для использования цифровых технологий и своевременно нивелировать возможные негативные последствия их использования. При реализации данного направления важны принимаемые государством меры не только по созданию институциональных условий для качественного взаимодействия субъектов в рамках экосистемы цифровой экономики, но и обеспечению притока инвестиций в ИКТ-сферу, совершенствованию собственных цифровых систем, в частности электронной системы государственного управления.

3. Цифровая грамотность – условие широкого использования цифровых технологий населением. По данным НИУ ВШЭ, цифровые навыки населения России в 2020 г. оценивались выше базового уровня (12,1 % от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше), на базовом (26,1) и низком (40,1) уровнях. В 2022 г. пользователей с базовым уровнем цифровых компетенций стало больше

³⁰ Taylor P. Countries and regions ranked by the number of mobile cellular telephone subscriptions per 100 inhabitants 2022. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/270217/mobile-cellular-telephone-penetration-in-selected-countries/> (accessed 20 Nov 2024).

³¹ Speedtest Global Index. *Speedtest*. URL: <https://www.speedtest.net/global-index> (accessed 20 Nov 2024).

³² Средняя цена фиксированного доступа в интернет (2023 г.). *SVSPB.NET*. URL: <https://svspb.net/danmark/stoimost-internet.php> (дата обращения: 20.11.2024).

³³ Число абонентов скоростного интернета в РФ в 2020–2023 годах возросло в 1,5 раза. *TACC*. 29.07.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21480325> (дата обращения: 20.11.2024).

³⁴ Broekhuijsen N. 118 countries have cheaper broadband Internet than the US right now. *Tom's Hardware*. 22.01.2020. URL: <https://www.tomshardware.com/news/broadband-internet-prices-speed-us-comparison> (accessed 20 Nov 2024).

на 1,2 % (27,3 %), а с низким – на 3,3 % (43,4 %) ³⁵. Учитывая численность населения Китая и дифференциацию по уровню и качеству жизни, а также цифровой грамотности, ситуация в этой стране примерно такая же ³⁶. Поэтому перед обоими государствами стоит задача не только обеспечения доступа к цифровым технологиям, но и обучения граждан цифровым навыкам и компетенциям по их использованию.

4. НИОКР как базовое условие цифрового развития. Проведенный анализ показал затухающую динамику стимулирования НИОКР в России, что ставит под угрозу возможности достижения страной технологического лидерства в будущем. В данном случае именно китайский опыт организации финансирования НИОКР, эффективные механизмы стимулирования бизнес-структур и научно-образовательных организаций к участию в процессе генерирования цифровых инноваций могут стать примером для РФ. Так как для Китая важен человеческий капитал, способный обеспечить приращение научного знания и генерирование инноваций, то повышение уровня цифровой грамотности населения, внедрение мер, направленных на совершенствование системы образования и научных исследований, механизмов взаимовыгодного международного сотрудничества в научно-образовательной и инновационной сферах, становятся приоритетными задачами КНР. Кроме того, эта страна, претендуя на лидерские позиции и достигая высокого уровня цифрового развития, должна придавать первостепенное значение реализации мер по обеспечению кибербезопасности всех взаимодействующих субъектов.

Заключение

При проведении сравнительного анализа показателей цифрового развития, представленных в международных статистических базах данных, были раскрыты особенности цифрового развития Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 2018–2022 гг., а также выявлены сильные и слабые стороны реализуемых политик цифровизации и определен вектор преодоления существующих противоречий.

Для исследуемого временного периода характерно влияние внешних факторов нестабильности, в том числе эпидемиологических, экономических и военно-политических. Такая особенность 2018–2022 гг. позволила, с одной стороны, выявить изменения, произошедшие в цифровом развитии России и отдельных секторах ее экономики, которые активно внедряли цифровые технологии, а с другой – увидеть явное отставание страны на фоне интенсивного цифрового развития Китая. Между РФ и КНР выявлены существенные различия по многим элементам цифрового развития.

Полученные выводы сделаны на основе анализа статистических показателей, отражающих доступ к цифровой инфраструктуре, пропускную способность Интернета, использование ИКТ, данные о финансировании НИОКР как драйвера цифрового развития, экспорта ИКТ-услуг и высокотехнологичных товаров, дохода от цифровых технологий по сферам деятельности. Кроме того, в исследовании использованы индексы цифрового интеллекта, развития электронного правительства, инновационного развития, подчеркивающие состояние исследуемых стран в глобальном разрезе. Предложены направления совершенствования условий для цифрового развития России и Китая:

- совершенствование цифровой инфраструктуры;
- развитие институтов цифрового общества;
- повышение цифровой грамотности населения;
- организация финансирования НИОКР как базового условия цифрового развития.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

³⁵ Кузина Л. С., Попов Е. В., Щербаков Р. А. Почти все домохозяйства в России выходят в сеть на высоких скоростях. НИУ ВШЭ, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/828413748.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).

³⁶ Более 60 проц. населения Китая имеют начальный или более высокий уровень цифровой грамотности и навыков. *СИНЬХУА Новости*. 27.10.2024. URL: <http://www.russian.xinhuanet.com/20241027/74e1fe67388e42b8a8b084954b5680a9/c.html> (дата обращения: 20.11.2024).

Литература / References

1. Карпунина Е. К., Любименко О. А. Вот новый поворот: чем грозит парадокс производительности цифровой экономики? *Друкеровский вестник*. 2020. № 2. С. 15–26. [Karpunina E. K., Lyubimenko O. A. Here is a new twist: What threatens the productivity paradox of the digital economy? *Drukerovskii vestnik*, 2020, (2): 15–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-2-15-26>
2. Molchan A. S., Karpunina E. K., Kochyan G. A., Petrov I. V., Velikanova L. I. Effects of digitalization: New challenges for economic security systems. *Vision 2025: Education excellence and management of innovations through sustainable economic competitive advantage*, ed. Soliman K. S. IBIMA, 2019, 6631–6639. <https://elibrary.ru/ymgyoh>
3. Podorova-Anikina O. N., Karpunina E. K., Gukasyan Z. O., Nazarchuk N. P., Perekatieva T. A. E-commerce market: Intensification of development during the pandemic. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 363–373. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_40
4. Maksaev A. E., Surakatov N. S., Sobolevskaya T. G., Lebedeva S. L., Karpunina E. K. Online education in developing countries: A comparative analysis of the development of the sector in Russia, China and Brazil. *IBIMA 2020: Proc. 36 Intern. Conf., Granada, 4–5 Nov 2020*. IBIMA, 2020, 2266–2276. <https://elibrary.ru/tonpaz>
5. Bychkova N. P., Tavbulatova Z. K., Ruzhanskaya N. V., Tamov R. M., Karpunina E. K. Digital readiness of Russian regions. *IBIMA 2020: Proc. 36 Intern. Conf., Granada, 4–5 Nov 2020*. IBIMA, 2020, 2442–2460. <https://elibrary.ru/oxfwph>
6. Karpunina E. K., Yakovleva E. A., Shurupova O. S., Oganesyanyan T. L., Gorbunova O. N. Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership. *International Journal of Knowledge-Based Development*, 2024, 14(3): 290–313. <https://doi.org/10.1504/IJKBD.2024.141632>
7. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Business 4.0 as a subject of the digital economy*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 639–645. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_102
8. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A., Ponomarev S. V., Borshchevskaya E. P. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries. *Innovation management and information technology impact on global economy in the era of pandemic: Proc. 37 Intern. Conf., Cordoba, 30–31 May 2021*. IBIMA, 2021, 1028–1039. <https://elibrary.ru/kejumr>
9. Томайчук Л. В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 3. С. 31–36. [Tomaichuk L. V. Digitalization of China's economy: Risks and opportunities for society. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2019, (3): 31–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wobrtj>
10. Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2019. Т. 14. № 2. С. 275–303. [Zhang L., Chen S. China's digital economy: Opportunities and risks. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: Obrazovanie, nauka, novaia ekonomika*, 2019, 14(2): 275–303. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhjht>
11. Yakovleva E., Gorbunova O., Oganesyanyan T., Shurupova O., Karpunina E. Scientific and educational potential as a factor in ensuring the economic security of the state in terms of the digital development intensification: Analysis and assessment for the BRICS countries. *IBIMA 2020: Proc. 36 Intern. Conf., Granada, 4–5 Nov 2020*. IBIMA, 2020, 8205–8214. <https://elibrary.ru/vjoptu>
12. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Lupacheva S. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming Russia's digital lag. *International Journal of Technology, Policy and Management*, 2023, 23(2): 148–169. <https://doi.org/10.1504/ijtpm.2023.131373>
13. Okunkova E. A., Kosorukova I. V., Lazareva T. G., Korolyuk E. V., Bogomolova A. V. Global gig economy: Prospects and key growth threats for developing countries. *International Journal of Work Innovation*, 2023, 3(4): 403–417. <https://doi.org/10.1504/ijwi.2023.128862>
14. Фролов К. В., Бабкин А. В., Фролов А. К. Понятие и сущность цифровизации и цифровой трансформации на основе фундаментальных и прикладных аспектов системно-кибернетической теории. *π-Economy*. 2024. Т. 17. № 1. С. 7–26. [Frolov K. V., Babkin A. V., Frolov A. K. Concept and essence of digitalization and digital transformation based on fundamental and applied aspects of the systems-cybernetic theory. *π-Economy*, 2024, 17(1): 7–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JE.17101>

15. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. 368 с. [Prokhorov A., Konik L. *Digital transformation. Analysis, trends, and world experience*. 2nd ed. Moscow, 2019, 368. (In Russ.)]
16. Никитская Е. Ф., Валишвили М. А., Афонина В. Е. Цифровизация в глобальном мире: международная практика и российский опыт. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 10-2. С. 150–159. [Nikitskaya E. F., Valishvili M. A., Afonina V. E. Digitalization in a global world: International practice and Russian experience. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2021, (10-2): 150–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.1881>
17. Пономарев С. В., Бухонова Н. М., Сайфутдинова Л. Р., Гараева Ч. Р. Сравнительный анализ научно-образовательного и цифрового потенциала стран БРИКС и G7: выводы для систем государственного управления. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023. Т. 13. № 2. С. 39–52. [Ponomarev S. V., Bukhonova N. M., Saifutdinova L. R., Garaeva C. R. Comparative analysis of the scientific, educational and digital potential of the BRICS and G7 countries: Conclusions for public administration systems. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2023, 13(2): 39–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>
18. Пономарев С. В., Бондарева Н. А., Абалакин А. А. Преимущества и ограничения развития экосистемы цифровой экономики (на примере стран БРИКС и G7). *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2024. Т. 26. № 1. С. 128–140. [Ponomarev S. V., Bondareva N. A., Abalakin A. A. Advantages and limitations of the development of the digital economy ecosystem (using the example of the BRICS and G7 countries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2024, 26(1): 128–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.11>
19. Чан Х., Карачун И. А., Чжай Я. Исследование международной конкурентоспособности цифровой экономики России и Китая. *Вопросы инновационной экономики*. 2023. Т. 13. № 2. С. 1035–1052. [Chang H., Karachun I. A., Chzhai Ya. The international competitiveness of the digital economy in Russia and China. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2023, 13(2): 1035–1052. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinac.13.2.117813>
20. Чернышева Т. К., Ильянов Д. С. Сравнительный анализ производительности труда в России и Китае. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2019. № 4. С. 78–89. [Chernysheva T. K., Ulyanov D. S. Comparative analysis of labor productivity in Russia and China. *Teoreticheskaja i prikladnaja ekonomika*, 2019, (4): 78–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2019.4.31076>
21. Karpunina E. K., Konovalova M. E., Titova E. V., Kheyfits B. I., Sobolevskaya T. G. New paradigm of the strategy of advanced development in the digital economy: Prerequisites, contradictions and prospects. *Education excellence and innovation management: A 2025 vision to sustain economic development during global challenges*, ed. Soliman K. S. IBIMA, 2020, 2270–2292. <https://elibrary.ru/diwzxr>
22. Лубова Т. Н., Усанов А. Ю., Труфанова С. А. Развитие финтехсегмента рынка финансовых услуг в России: вызовы пандемии и перспективы роста. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 3. С. 180–190. [Lubova T. N., Usanov A. Yu., Trufanova S. A. Development of the fintech segment of the financial services market in Russia: Pandemic challenges and growth prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(3): 180–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkxzha>
23. Моисеев С. С., Карпунина Е. К., Сергеев Д. Р. Обеспечение экономической безопасности государства в сегменте «деервев» экосистемы цифровой экономики. *Потребительский рынок: качество и безопасность товаров и услуг: Нац. науч.-практ. конф. (Рязань, 15 марта 2019 г.) Рязань: РГАТУ, 2019. С. 167–172. [Moiseev S. S., Karpunina E. K., Sergeev D. R. Economic security of the state in the deep web segment of the digital economy ecosystem. *Consumer market: Quality and safety of goods and services: Proc. National Sci.-Prac. Conf., Ryazan, 15 Mar 2019. Ryazan: RSAU, 2019, 167–172. (In Russ.)]**
24. Плясова С. В., Языкова С. В., Конищев Е. В., Арасланбаев И. В. Теоретико-методические основы исследования цифровой инклюзии в России. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2023. Т. 11. № 2. С. 46–60. [Plyasova S. V., Yazykova S. V., Konishchev E. V., Araslanbaev I. V. Theoretical and methodological foundations of digital inclusion research in Russia. *Surgut. State University Journal*, 2023, 11(2): 46–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-2-46-60>
25. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Губернаторова Н. Н. Внешнеэкономическая деятельность как детерминанта экономической безопасности России: оценка угроз и перспектив развития в условиях санкционных ограничений. *Известия Юго-Западного государственного университета*.

- Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* 2022. Т. 12. № 5. С. 10–26. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Gubernatorova N. N. Foreign economic activity as a determinant of Russia's economic security: Assessment of threats and prospects for development under sanctions restrictions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(5): 10–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cktnde>
26. Хашир Б. О., Плясова С. В., Усанов А. Ю., Иода Ю. В. Исследование рисков экономической безопасности территорий в период неопределенности, вызванной пандемией. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2024. Т. 9. № 3. С. 479–488. [Khashir B. O., Plyasova S. V., Usanov A. Yu., Ioda Yu. V. Regional economic security risks during pandemic uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(3): 479–488. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-479-488>
27. Chakravorti B., Chaturvedi R. Sh., Filipovic C., Brewer G. *Digital in the time of COVID. Trust in the digital economy and its evolution. Across 90 economies as the planet paused for a pandemic.* Medford: The Fletcher School at Tufts University, 2020. URL: <https://www.ffms.pt/sites/default/files/2022-07/digital-intelligence-index.pdf> (accessed 20 Nov 2024).
28. Pilipchuk N. V., Aksenova Z. A., Lupacheva S. V., Markova O. M., Tamov R. M. Digital development of Russian regions: Prospects and contradictions in a period of turbulence. *Ecological footprint of the modern economy and the ways to reduce it*, eds. Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Chursin A. A., Ragulina Yu. V. Cham: Springer, 2024, 393–398.
29. Petrov I. V., Plyasova S. V., Kolomytseva O. Yu., Yakovleva I. K., Kuzmenko N. I. Regional features of digital transformation during the pandemic. *Challenges of the modern economy*, eds. Buchaev Ya. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina Yu. V., Khachatryan A. A., Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 515–521.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zblszc>

Оценка доступности страховых услуг на российском финансовом рынке

Калачева Елена Алексеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2361-5854

<https://orcid.org/0000-0002-3344-9993>kalacheva-elena@mail.ru

Калачева Ирина Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7690-4659

<https://orcid.org/0000-0002-6530-473X>

Аннотация: В последнее время технологические разработки активно внедряются в сферу финансовых услуг. Однако некоторые финансовые услуги все еще недоступны для потребителей или не оказываются им в надлежащем качестве. Услуги страховых организаций занимают важное место среди других востребованных финансовых услуг. Это обуславливает актуальность проблемы повышения доступности страховых услуг как для страховых организаций, так и для их клиентов. Цель – определить возможные направления повышения доступности страховых услуг. Задачи: 1) провести оценку доступности страховых услуг по основным индикаторам, определенным Центральным банком Российской Федерации (состояние инфраструктуры страхового рынка, востребованность, качество и полезность страховых услуг); 2) выявить тренды финансовой доступности на страховом рынке в современных условиях. Объект – рынок страховых услуг России. Предмет – оценка доступности страховых услуг для потребителей. Новизна заключается в результатах исследования, определяющих такие возможные направления для дальнейшего роста доступности страхования для населения, как повышение уровня диджитализации мобильных приложений страховых компаний; расширение линейки актуальных страховых продуктов; улучшение взаимодействия всех участников процесса страхования; повышение страховой грамотности и страховой культуры российского общества; обучение страховых агентов.

Ключевые слова: финансовая доступность, страховые услуги, доступность страховых услуг, страховой рынок, инфраструктура страхового рынка, востребованность, качество, полезность страховых услуг

Цитирование: Калачева Е. А., Калачева И. В. Оценка доступности страховых услуг на российском финансовом рынке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 1. С. 170–180. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-170-180>

Поступила в редакцию 04.11.2024. Принята после рецензирования 02.12.2024. Принята в печать 02.12.2024.

full article

Availability Assessment of Insurance Services on the Russian Financial Market

Elena A. Kalacheva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2361-5854

<https://orcid.org/0000-0002-3344-9993>kalacheva-elena@mail.ru

Irina V. Kalacheva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7690-4659

<https://orcid.org/0000-0002-6530-473X>

Abstract: Technological developments are transforming the sector of financial services. However, some financial services are still unavailable to consumers or are not provided to them in due quality. Insurance is a popular and important financial service. The problem of increasing the availability of insurance services is relevant both for insurance organizations and their clients. The authors attempted to determine possible directions for increasing the availability of insurance services. They assessed the availability of insurance services using the main indicators defined by the Central Bank of the Russian Federation, i.e., insurance market infrastructure, demand, quality, usefulness, etc. After that, they identified the current trends in financial availability on the insurance market. The availability of insurance for the population may be increased by a number of measures. Insurance

companies should launch their mobile applications and expand the range of relevant insurance products. They should improve the interaction between all stakeholders of the insurance process, as well as increase insurance literacy and culture of Russians by training insurance agents.

Keywords: financial accessibility, insurance services, availability of insurance services, insurance market, insurance market infrastructure, demand, quality, usefulness of insurance services

Citation: Kalacheva E. A., Kalacheva I. V. Availability Assessment of Insurance Services on the Russian Financial Market. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 170–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-170-180>

Received 4 Nov 2024. Accepted after review 2 Dec 2024. Accepted for publication 2 Dec 2024.

Введение

В последнее десятилетие во всем мире остро стоит вопрос повышения финансовой доступности. Несмотря на бурное развитие финансового рынка, большое количество финансовых услуг недоступно потребителям из-за отсутствия доступа к точкам продаж, сложности использования этих услуг, их низкого качества, высоких рисков мошенничества, недостаточной финансовой грамотности населения и др. Низкая финансовая доступность не только создает проблемы социального характера, но и тормозит развитие финансового рынка, что негативно сказывается на экономическом развитии государства.

В 2015 г. Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) выделил повышение финансовой доступности в качестве отдельного направления своей работы, тем самым решая не только проблему использования финансовых услуг широкими слоями населения, но и способствуя активизации деятельности финансовых институтов. Учитывая накопленный международный опыт, а также специфику отечественного финансового сектора, ЦБ РФ определяет финансовую доступность как «состояние финансового рынка, при котором все дееспособное население страны, а также субъекты малого и среднего предпринимательства имеют полноценную возможность получения базового набора финансовых услуг, которая характеризуется совокупностью следующих условий»¹:

- 1) наличие инфраструктуры предоставления финансовых услуг;
- 2) востребованность финансовых услуг;
- 3) качество финансовых услуг;
- 4) полезность финансовых услуг.

Перечисленные выше характеристики финансовой доступности выступают в качестве индикаторов, позволяющих провести оценку ее состояния.

В научном сообществе есть много исследований, посвященных различным аспектам финансовой доступности. Так, существуют различные подходы к пониманию сущности финансовой доступности [1], к оценке доступности финансовых услуг для разных регионов [2] и целевых аудиторий (маломобильных граждан [3], сельского населения [4], субъектов малого и среднего бизнеса [5]). Помимо этого, некоторые ученые предлагают использовать для оценки этой доступности количественные и качественные показатели [6] и формирующие индикаторы [7], а также рекомендуют включить в базовый набор новые виды финансовых услуг (услуги по формированию сбережений, кредитования, страхования; платежные услуги) [8] и т. д. Уровень доступности разных услуг из базового набора будет существенно различаться, т. к. они были выведены на рынок в разное время, требуют специфических технических условий проведения, имеют разную сложность для освоения клиентами и т. п.

Исследования финансовой доступности услуг по кредитованию, формированию сбережений [9], платежных услуг [10] довольно обширны. Однако работ по оценке доступности страховых услуг практически нет, а имеющиеся не учитывают последних изменений в сфере страхования: например, труды [11; 12] охватывают только 2016–2018 и 2019–2021 гг. соответственно. Цель нашей статьи – определить возможные направления повышения доступности страховых услуг. Задачи:

- 1) провести оценку доступности страховых услуг по основным индикаторам, определенным ЦБ РФ (состояние инфраструктуры страхового рынка, востребованность, качество и полезность страховых услуг);
- 2) выявить тренды финансовой доступности на страховом рынке современных условиях.

¹ Основные понятия в сфере финансовой доступности. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/develop/development_affor/dic/ (дата обращения: 01.11.2024).

Объект – рынок страховых услуг России. Предмет – оценка доступности страховых услуг для потребителей. Новизна заключается в результатах исследования, определяющих такие возможные направления для дальнейшего роста доступности страхования для населения, как повышение уровня диджитализации мобильных приложений страховых компаний; расширение линейки актуальных страховых продуктов; улучшение взаимодействия всех участников процесса страхования; повышение страховой грамотности и страховой культуры российского общества; обучение страховых агентов.

Методы и материалы

Для анализа и оценки современного состояния доступности страховых услуг для населения использовались аналитический и статистический методы, а также официальные данные Банка России и Федеральной службы государственной статистики. Оценка финансовой доступности страховых услуг проводилась по перечисленным выше индикаторам, определенным Банком России.

Результаты

Оценка **инфраструктуры предоставления страховых услуг** характеризует физическую возможность их получения в первую очередь в отделениях и филиалах страховых организаций². Данные таблицы 1³ дают представление о том, как менялась инфраструктура

страхового рынка в 2021–2024 гг. Ужесточение требований к страховщикам со стороны регулятора, процессы слияний и поглощений на страховом рынке и другие факторы объясняют современную *тенденцию к уменьшению субъектов страхового дела* (страховых организаций и страховых посредников – брокеров) [13]. Небольшой же рост числа обществ взаимного страхования связан с организационными преимуществами этого вида институтов. Однако их общее незначительное количество не может заменить «выбывшие» страховые организации. Также наблюдается уменьшение филиалов страховщиков, что объясняется снижением общего количества страховых организаций и переводом части операций в онлайн-формат [14].

Снижение физических точек доступа клиентов к страховым услугам успешно восполняется развитием дистанционных каналов проведения страховых операций [15]. Подтверждают это и данные Банка России об объемах страховых премий, полученных по договорам страхования, заключенным посредством сети Интернет (табл. 2⁴). Так, если в 2019 г. их доля в общем объеме страховых премий составляла 4,6 %, то в 2023 г. – уже 19 %. Это свидетельствует о том, что страховой бизнес активно переходит в онлайн-формат, его процессы автоматизируются, в результате чего повышается клиентоориентированность и выстраивается индивидуальный подход к потребителям [16].

Табл. 1. Инфраструктура страхового рынка

Tab. 1. Insurance market infrastructure

Показатель	01.01.2021	01.01.2022	Темпы роста, %	01.01.2023	Темпы роста, %	01.01.2024	Темпы роста, %
Субъекты страхового дела, единиц всего	232	222	95,7	215	96,8	211	98,1
<i>в том числе:</i>							
• страховые организации, единиц	160	147	91,9	140	95,2	132	94,3
• общества взаимного страхования, единиц	13	16	123,1	18	112,5	21	116,7
• страховые брокеры, единиц	59	59	100,0	57	96,6	58	101,8
Число филиалов страховщиков ⁵ , единиц	2946	2736	92,9	2494	91,2	2463	98,8

² Основные понятия в сфере финансовой доступности...

³ Сост. по: Статистический бюллетень Банка России. *Банк России*. URL: <https://cbr.ru/statistics/bbs/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Сост. по: Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. Информационно-аналитический материал. М.: ЦБ РФ, 2024. № 4. 17 с. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/48987/review_insure_23q4.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Сведения о страховщиках. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/finance> (дата обращения: 01.11.2024).

Табл. 2. Объемы страховых премий
Tab. 2. Volumes of insurance premiums

Годы	Страховые премии, всего млрд руб.	В том числе по договорам страхования, заключенным путем обмена информацией в электронной форме, млрд руб.	Доля, %
2019	1486,3	67,8	4,6
2020	1548,8	72,1	4,7
2021	1819,7	192,9	10,6
2022	1827,9	255,9	14,0
2023	2285,0	434,2	19,0

Мощным толчком для развития цифровизации послужила пандемия, резко ограничившая возможности посещения клиентами офисов финансовых организаций. Как следствие, в период COVID-19 появилась срочная необходимость развивать онлайн-обслуживание. Ведущие страховые компании (АльфаСтрахование, Сбербанк Страхование Жизни, Ингосстрах-Жизнь и др.) до сих пор активно применяют цифровой формат работы [17], который не только удобен для клиентов, но и выгоден для них: за счет снижения операционных расходов страховые организации имеют возможность оставлять больше средств на страховое покрытие, а также предлагать для потребителей более выгодные тарифы.

В постпандемийный период темпы цифровизации страхового рынка ускорились и появились новые тенденции в ее распространении:

- за счет активного внедрения IT-решений, способствующих повышению эффективности и оперативности взаимодействия с клиентами, существенно увеличились объемы онлайн-продаж страховых продуктов;
- среди инструментов продвижения страховых услуг увеличилось значение цифровых платформ (сервисов онлайн-страхования, маркетплейсов, мобильных приложений);
- с целью разработки предложений, подходящих конкретному пользователю, страховые компании больше внимания стали уделять работе с большими данными (*Big Data*);
- развитие онлайн-страхования обеспечивает рост интереса молодой аудитории к страховым услугам.

Пока еще «слабым звеном» в цифровизации деятельности страховых организаций является разработка и использование мобильных приложений, которые могли бы существенно увеличить доступность страховых услуг [18]. Анализ 21 мобильного приложения страховых организаций, проведенный Банком России в 2022 г., показал, что уровень диджитализации их приложений существенно отстает от возможностей мобильных приложений, например кредитных организаций. Так, средний показатель активности по всем приложениям страховой отрасли равен 21 % от числа зарегистрированных пользователей, в то время как более 75 % страховых организаций в принципе не имеют собственных приложений. При этом отмечается, что возможности приложений федеральных страховых организаций существенно превышают функционал региональных страховых компаний⁶.

Далеко не все приложения синхронизированы с личными кабинетами на сайтах страховых организаций, многие из них не предоставляют возможности клиентам заявить о страховом случае *онлайн*. Все еще проблемными остаются вопросы авторизации, защиты персональных данных и предотвращения мошенничества при использовании страховых услуг в этом формате. Однако очевидно, что создание удобных и доступных интерфейсов для оформления, покупки и продления страховых полисов, а также подачи заявлений на страховые выплаты и получения информации о страховых продуктах повысит доступность страховых услуг и будет способствовать повышению эффективности деятельности страховых организаций.

В решении проблемы *неравномерности распределения страхового рынка по территории страны* (особенно в отдаленных, малонаселенных и труднодоступных регионах) рабочими группами с участием представителей Банка России, органов власти субъектов РФ, финансовых организаций, операторов связи и других заинтересованных организаций проводятся различные мероприятия по устранению препятствий для использования дистанционных каналов доступа к финансовым услугам.

Текущие тенденции страхового рынка (уменьшение субъектов страхового дела и неравномерность его распределения) сохранятся и в будущем. В связи с этим основным направлением совершенствования его инфраструктуры будет являться дальнейшее развитие онлайн-формата предоставления страховых услуг [19]. При этом ввиду сложности понимания

⁶ Анализ мобильных приложений страховых организаций. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/140277/presentation_20220926.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

населением сущности страховых продуктов страховым компаниям необходимо уделить внимание внедрению в цифровые каналы небольшой образовательной части, которая поможет сделать эту сферу проще и понятнее для клиентов.

В качестве следующего индикатора финансовой доступности Банк России определил **востребованность финансовых услуг**, т.е. наличие устойчивого спроса со стороны населения, субъектов малого и среднего предпринимательства на соответствующие финансовые услуги⁷. В таблице 3⁸ представлена оценка востребованности страховых услуг, высчитанная на основе показателей состояния страхового рынка. Так, устойчивый рост в 2020–2023 гг. демонстрируют такие показатели, как страховые премии (взносы), собранные страховщиками, и размер страховой премии на душу населения, что свидетельствует о повышении популярности страховых услуг у потребителей. Причем увеличение страховых премий наблюдается как в обязательном, так и добровольном страховании (небольшое снижение этого показателя в 2022 г. можно объяснить событиями, связанными с проведением специальной военной операции).

Так как клиенты страховых компаний, благодаря оформленным страховым полисам, смогли частично компенсировать свои убытки от реализованных страховых случаев, то закономерным становится выявленное повышение объемов выплат по договорам страхования. И если рост стоимостных показателей в определенной мере спровоцирован инфляцией, то существенное увеличение количества заключенных страховщиками договоров страхования говорит об осознанности растущего спроса на страховые продукты у населения [20]. Например, высокие темпы роста этого показателя в 2021 г. (на 30 п.п.) объясняются его низким значением в 2020 г. из-за пандемии и последующим оживлением страхового рынка, когда страховые компании разработали и предложили клиентам новые (востребованные на тот момент) страховые продукты, покрывающие риски заболевания COVID-19.

Дальнейшим направлением роста этого индикатора может быть разработка и предложение страховыми компаниями новых страховых продуктов, актуальных для потребителей [21]. В качестве примера можно привести разные варианты «встроенного» страхования, которое предполагает

Табл. 3. Динамика основных показателей развития страхового рынка

Tab. 3. Indicators of insurance market development

Показатель	2020	2021	Темпы роста, %	2022	Темпы роста, %	2023	Темпы роста, %
Количество договоров страхования, заключенных страховщиками, млн единиц	178,7	232,0	130,0	266,6	114,9	297,9	111,7
Размер страховой премии на душу населения (без учета обязательного медицинского страхования), тыс. руб.	10,6	12,5	117,9	12,5	100,0	15,7	125,6
Страховые премии (взносы), собранные страховщиками, всего млрд руб.	1548,8	1819,7	117,5	1827,9	100,5	2289,6	125,3
<i>в том числе:</i>							
• добровольное страхование	1301,6	1563,0	120,1	1532,6	98,1	1945,7	127,0
• обязательное страхование	247,2	256,7	103,8	295,3	115,0	343,9	116,5
Выплаты по договорам страхования, осуществленные страховщиками, всего млрд руб.	664,7	804,9	121,1	896,5	111,4	1038,0	115,8
<i>в том числе:</i>							
• добровольное страхование	507,7	635,9	125,3	733,5	115,3	873,2	119,0
• обязательное страхование	157,0	169,0	107,6	163,0	96,4	164,8	101,1

⁷ Основные понятия в сфере финансовой доступности...

⁸ Сост. по: Сведения о страховщиках...

оформление страховки для товара при его покупке⁹. Например, в сегментах автомобильного рынка, рынка недвижимости и др. потребителям не нужно будет дополнительно рассматривать страховку для новой покупки, перебирать варианты. Интеграция страхового покрытия в качестве включенной опции сделает процесс более быстрым и рациональным.

ЦБ РФ для оценки **качества финансовых услуг** рассматривает такие показатели, как количество жалоб потребителей соответствующих финансовых услуг и их стоимость¹⁰. Стоимость страховых услуг Банк России предлагает оценивать по показателям годовой стоимости полисов основных видов добровольного и обязательного страхования (табл. 4¹¹). Так, существенный рост в 2021–2022 гг. количества жалоб на организации, оказывающие страховые услуги, связан с возобновлением клиентского интереса к страховым продуктам в постпандемийный период, а также с расширением спектра страховых услуг. Снижение же темпов роста этого показателя в 2023 г. (всего 4,1 п. п.) произошло на фоне увеличения количества заключенных договоров (11,7 п. п.).

Практически по всем видам страхования наблюдается удорожание стоимости страховых полисов, что во многом вызвано объективными причинами. Например, повышение стоимости полисов КАСКО

и ОСАГО объясняется ростом стоимости запасных частей к автомобилям в связи с введением западных санкций и общей макроэкономической ситуацией, характеризующейся высокими темпами инфляции [22]. Как следствие, стоимостные показатели не в полной мере отражают оценку качества финансовых услуг.

Авторы считают, что более достоверную оценку индикатора качества финансовых услуг дает используемая на российском рынке унифицированная система оценки качества уровня потребительского сервиса финансовых организаций – *Знак качества*. В этой системе учитываются оценки по следующим блокам данных¹²:

- удовлетворенность потребителей от пользования услугами;
- жалобы, штрафные и административные санкции, отношения с регулирующими и надзорными органами;
- репутация организации, собственников и менеджмента, положение на рынке;
- прозрачность и полнота раскрытия информации на сайте, качество клиентских IT-решений;
- управление рисками, система внутреннего контроля и бизнес-процессы;
- финансовая устойчивость / надежность организации.

Табл. 4. Динамика основных показателей оценки качества страховых услуг
Tab. 4. Indicators of quality assessment of insurance services

Показатель	2020	2021	Темп роста, %	2022	Темп роста, %	2023	Темп роста, %
Количество жалоб потребителей финансовых услуг, связанных с деятельностью субъектов страхового дела, единиц	32131	41893	130,4	55054	131,4	57334	104,1
Годовая стоимость полиса добровольного страхования жилья от стандартных рисков, полис, руб.	6748,8	6583,8	97,6	6 001,1	91,2	7111,8	118,5
Годовая стоимость полиса добровольного страхования легкового автомобиля от стандартных рисков (КАСКО), полис, руб.	51326	58428,2	113,8	72128,6	123,4	73580,6	102,0
Годовая стоимость полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), полис, руб.	9437,7	9473,9	100,4	12078,2	127,5	13470,5	111,5

⁹ Хайруллина А. Тренды InsurTech в 2024 году: как развивается рынок страхования. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/65cf26299a79471102a59522?from=soru> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁰ Индикаторы финансовой доступности за 2023 год. Банк России. URL: <https://cbr.ru/search/?text=Индикаторы+финансовой+доступности+за+2023+год> (дата обращения: 01.11.2024).

¹¹ Сост. по: Индикаторы финансовой доступности за 2023 г...

¹² Знак качества страховых услуг. Страхование сегодня. URL: <https://www.insur-info.ru/quality/> (дата обращения: 01.11.2024).

Оценка проводится на основании официальных данных и общедоступной информации, путем проведения «тайных закупок» в различных форматах, а также опирается на данные регулятора, что обеспечивает объективность данных и возможность их использования для анализа качества услуг всего страхового рынка.

Е. Н. Пашкова, М. С. Трунова утверждают, что «залогом качественной страховой услуги является правильно дифференцированный риск, оценка страхового объекта и определение страхового возмещения» [11]. Мы согласны с этим мнением и в свою очередь отмечаем, что правильно выбранный страховщиком инструментарий, оптимально сочетающий все перечисленные критерии, повышает качество страховой услуги и ее реализацию на рынке. В условиях рыночной неопределенности услуги страховых оценщиков и актуариев становятся все более востребованными в страховой деятельности, поэтому необходимо определить требования к таким услугам, объем ответственности посредников, урегулировать их взаимодействие как со страховщиками, так и со страхователями.

В качестве основных элементов, которые характеризуют **полезность финансовых услуг**, Банк России определяет¹³:

- оценку потребителем степени положительного / отрицательного влияния оказываемых ему услуг на качество его жизни;
- финансовую грамотность населения;
- понимание потребителем сути оказываемых ему услуг.

С целью исследования доверия к страховым компаниям ЦБ РФ проводит ежегодные опросы различных категорий населения. В таблице 5¹⁴ представлена оценка доступности страховых услуг по индикатору полезности в 2023–2024 гг. Данные опросов показывают рост доли взрослого населения, положительно оценивающего удовлетворенность и работой субъектов страхового дела, и отдельными страховыми услугами [23]. Примечательно, что наибольшие результаты показателя наблюдаются во всех видах добровольного страхования (с 35,46 % до 54,34 %), что свидетельствует о признании полезности страховых услуг большей частью российского общества.

Однако необходимо отметить, что полезность страховых услуг достаточно низко оценивается группами населения с инвалидностью, маломобильными гражданами и пожилым населением¹⁵. Они отмечают недостаточный уровень доходов; высокую стоимость страховых полисов; наличие сложностей с пониманием условий страхового договора; высокую вероятность отказа в оформлении страхового полиса; большие риски, связанные с использованием страховых услуг; недоверие к страховым организациям; отсутствие страховых услуг в месте проживания¹⁶. При разработке и внедрении современных технологий, позволяющих перевести страховые услуги в онлайн-формат, также необходимо учитывать ограниченные возможности таких категорий населения и предоставлять им доступ к системам распознавания речи, чтения экрана и другим подобным устройствам.

Табл. 5. Результаты оценки доступности страховых услуг по индикатору полезности
Tab. 5. Availability of insurance services: utility indicator

Показатель	01.01.2023	01.01.2024
Доли взрослого населения, положительно оценивающего удовлетворенность работой субъектов страхового дела, % от сталкивающихся с ними	42,32	43,77
Доля взрослого населения, положительно оценивающего удовлетворенность финансовыми продуктами / услугами, %		
Добровольное страхование жизни	35,46	54,34
Другое добровольное страхование	34,36	52,34
Обязательное медицинское страхование	60,62	68,75
Другое обязательное страхование	34,32	48,62

¹³ Основные понятия в сфере финансовой доступности...

¹⁴ Сост. по: Индикаторы финансовой доступности за 2023 г...

¹⁵ Исследование состояния финансовой доступности для лиц с инвалидностью в 2021 году. М.: ЦБ РФ, 2022. 105 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40900/research_persons_disabilities_2021.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁶ Там же.

В 2019–2024 гг. в сфере повышения финансовой грамотности совместными действиями Центрального банка РФ, Министерства финансов РФ и других федеральных органов исполнительной власти достигнуты заметные успехи [24]. Так, в статье [25] утверждается, что в 2022 г. уровень финансовой грамотности граждан страны в целом вырос. Помимо этого, согласно Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры населения до 2030 г. (далее – Стратегия), улучшилось понимание россиянами сути основных финансовых терминов, усилилось осознание ответственности в отношении долгового поведения, повысилась информированность об организациях, защищающих права пользователей финансовых услуг¹⁷.

Однако достигнутые результаты не в полной мере отвечают целям формирования устойчивых моделей финансового поведения. В 2020 г. значение индекса финансовой грамотности населения РФ, рассчитанного по специальной методике, включающей оценку финансовых знаний, финансового поведения и финансовых установок гражданина, составляло 54 балла¹⁸. Как следствие, среди 17 европейских стран, принявших участие в исследовании, Россия заняла 9 место¹⁹. При этом в Стратегии ставится цель повышения уровня финансовой грамотности населения РФ до 56–62 баллов²⁰. Несомненно, для достижения таких высоких показателей большое внимание должно уделяться повышению страховой грамотности и страховой культуры – достаточно сложным направлениям в достижении финансового благополучия граждан [26].

Так как страховые услуги сложны для восприятия и понимания потребителями [27], основным каналом продаж страховых продуктов (даже несмотря на стремительную цифровизацию) по-прежнему остаются страховые агенты (70–72 %) ²¹. Именно к ним можно обратиться с вопросами, претензиями и для продления страховки. Также страховые агенты помогают страхователям разобраться во всех нюансах страховых услуг и выбрать наиболее выгодные предложения. Однако Банк России в рамках

поведенческого надзора выявляет случаи неполного или недостоверного информирования клиентов о страховых продуктах при их продаже агентами страховых организаций, в том числе сотрудниками банков. По мнению ЦБ РФ, выявляемые случаи объясняются недостаточным вниманием со стороны страховщиков к обучению сотрудников банков, агентов страховых организаций и проверке их знаний²².

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в 2024 г. на российском финансовом рынке наблюдается повышение доступности страховых услуг по всем индикаторам, определяемым Банком России (наличие инфраструктуры, востребованность, качество, полезность финансовых услуг). Страховой рынок дает огромные возможности для более активного обращения потребителей к страховым продуктам. Но в настоящее время этот потенциал не используется в полной мере.

Среди возможных направлений повышения доступности страховых услуг можно выделить:

- 1) совершенствование эффективности использования современных технологий, оптимизация работы веб-сайтов и мобильных приложений страховых организаций;
- 2) со стороны страховщиков: оперативная разработка актуальных страховых продуктов, соответствующих современным реалиям развития общества и экономики, и их предложение клиентам;
- 3) акцентирование внимания на вопросах взаимодействия всех звеньев механизма страхования, включая оценщиков, актуариев и др., со всеми участниками страхового рынка;
- 4) внедрение специальных технологий для людей с ограниченными возможностями (для потребителей с инвалидностью, маломобильных граждан и пожилого населения);
- 5) улучшение страховой грамотности и страховой культуры населения, а также повышение квалификации сотрудников страховых компаний и страховых агентов.

¹⁷ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 2958-р от 24.10.2023. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁸ Измерение уровня финансовой грамотности: третий этап. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_intro/ (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁹ Россия заняла 9-е место по уровню финансовой грамотности среди европейских стран. *НАФИ*. 25.06.2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiya-zanyala-9-e-mesto-po-urovnyu-finansovoy-gramotnosti-sredi-evropeyskikh-stran/> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁰ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г. ...

²¹ Мишин Д. Как цифровизация проникает в страхование и что ждет рынок в будущем. *Finversia*. 17.06.2023. URL: <https://www.finversia.ru/publication/experts/kak-tsifrovizatsiya-pronikaet-v-strakhovanie-i-chto-zhdet-rynok-v-budushchem-131561> (дата обращения: 01.11.2024).

²² Низкий уровень знаний агентов страховых организаций. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/insh_cases/case_17/ (дата обращения: 01.11.2024).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Калачева – формирование информационной базы исследования, подбор статистических данных, их обработка и анализ, выявление

закономерностей, формулирование результатов. И. В. Калачева – подбор и описание статистических данных, формулирование выводов, рекомендаций, графическое отражение полученных результатов, подготовка рукописи.

Contribution: E. A. Kalacheva obtained the research information base, selected and processed statistical data, identified patterns, and formulated the results. I. V. Kalacheva selected and described statistical data, formulated the conclusions and recommendations, provided the visualization, and wrote the manuscript.

Литература / References

1. Калачева Е. А., Кириенко Е. А. Понятие финансовой доступности и критерии ее оценки. *Вестник НГУЭУ*. 2018. № 1. С. 131–138. [Kalacheva E. A., Kiriyenko E. A. The definition of financial inclusion and criteria for its evaluation. *Vestnik NSUEM*, 2018, (1): 131–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywmitg>
2. Лубкова Э. М., Ермолаева Г. С., Шилова А. Э. Оценка доступности финансовых онлайн услуг населению Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2020. Т. 5. № 3. С. 387–396. [Lubkova E. M., Ermolaeva G. S., Shilova A. E. Evaluation of availability of online financial services to the population of the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(3): 387–396. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-387-396>
3. Сазонова А. Ю. Финансовая доступность банковских услуг для лиц с ограниченными возможностями здоровья. *Научные записки академии*. 2022. № 3. С. 15–20. [Sazonova A. Yu. Financial availability of banking services for individuals with disabilities. *Scientific Journal of Academy*, 2022, (3): 15–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puahdg>
4. Аджимет Г. Х., Гафарвоа С. С. Повышение финансовой доступности на удаленных и малонаселенных территориях регионов ЮФО и СКФО. *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета*. 2020. № 2. С. 54–60. [Adzhimet G. H., Gafarvoa S. S. Improving financial accessibility in remote and sparsely populated regions of the SFD and NCFD. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta*, 2020, (2): 54–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swvhrd>
5. Бажор Ю. А. Доступность финансовых услуг для инвалидов и иных маломобильных групп населения. *Доступная среда*. 2020. № 2. [Bazhor Yu. A. Accessibility of financial services for people with disabilities and other people with limited mobility. *Dostupnaya sreda*, 2020, (2). (In Russ.)] URL: <https://ds-rubikon.ru/2020/09/07/ds2-74-79/> (дата обращения: 01.11.2024).
6. Немченкова М. О., Маякова Е. А. Индикаторы расчета финансовой доступности. *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: XXXVI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 27 июля 2020 г.)* Пенза: Наука и Просвещение, 2020. Ч. 2. С. 28–34. [Nemchenkova M. O., Mayakova E. A. Indicators for calculating financial availability. *Fundamental and applied scientific research: Current issues, achievements, and innovations: Proc. XXXVI Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 27 Jul 2020*. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020, pt. 2, 28–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kcohwf>
7. Лубкова Э. М., Шилова А. Э., Ермолаева Г. С., Раззорова И. Н. Условия финансовой доступности: анализ и оценка востребованности услуг на финансовом рынке. *Экономика и управление инновациями*. 2020. № 1. С. 75–83. [Lubkova E. M., Shilova A. E., Ermolaeva G. S., Razzorenova I. N. Financial availability conditions: Analysis and evaluation requirements of services in the financial market. *Economics and innovation management*, 2020, (1): 75–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2020-1-75-83>
8. Васюкова Л. К., Литвиненко А. Е. Методический инструментарий интегральной оценки финансовой доступности в условиях цифровизации финансовых рынков. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2020. Т. 22. № 4. С. 15–34. [Vasyukova L. K., Litvinenko A. E. Methodological tools for the integral assessment of financial availability in the context of digitalization of financial markets. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2020, 22(4): 15–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/15-34>

9. Стецкая Т. С. Оценка доступности банковских услуг в России: региональный аспект. *Социум и власть*. 2024. № 1. С. 19–31. [Stetskaya T. S. Assessing the availability of banking services in Russia: A regional aspect. *Sotsium i vlast*, 2024, (1): 19–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-1-19-31>
10. Криворучко С. В., Тунг Ч. Ш. Развитие розничных платежных услуг в целях повышения финансовой доступности. М.: КноРус, 2022. 148 с. [Krivoruchko S. V., Tung Ch. Sh. *Development of retail payment services in order to increase financial accessibility*. Moscow: KnoRus, 2022, 148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrujhw>
11. Пашкова Е. Н., Трунова М. С. Финансовая доступность страховых услуг в современных условиях. *Вектор экономики*. 2020. № 5. [Pashkova E. N., Trunova M. S. Financial availability of insurance services in modern conditions. *Vektor ekonomiki*, 2020, (5). (In Russ.)] URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/5/financeandcredit/Pashkova_Trunova.pdf (дата обращения: 01.11.2024). <https://elibrary.ru/tosrbh>
12. Пашкова Е. Н., Ваганова О. В. К вопросу о доступности страховых услуг. *Экономико-управленческий конгресс*: Междунар. науч.-практ. мероприятие. (Белгород, 10–11 ноября 2022 г.) Белгород: БелГУ, 2022. С. 253–258. [Pashkova E. N., Vaganova O. V. Availability of insurance services. *Economic and management congress*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Event, Belgorod, 10–11 Nov 2022. Belgorod: BelSU, 2022, 253–258. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgwpmm>
13. Лоскутова М. А. Развитие страхового рынка в условиях цифровизации и консолидации. *Учет. Анализ. Аудит*. 2020. Т. 7. № 5. С. 44–55. [Loskutova M. A. The development of the insurance market in the context of digitalization and consolidation. *Accounting. Analysis. Auditing*, 2020, 7(5): 44–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2020-7-5-44-55>
14. Пашкова Е. Н. Развитие страхового рынка России в условиях санкций. *Научный результат. Экономические исследования*. 2022. Т. 8. № 4. С. 99–109. [Pashkova E. N. Development of the Russian insurance market under sanctions. *Research result. Economic research*, 2022, 8(4): 99–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-4-0-10>
15. Шобей Л. Г., Семченко М. П. Цифровизация страхового рынка России: состояние, проблемы и перспективы. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021. № 6. С. 184–192. [Shobey L. G., Semchenko M. P. Digitalization of the Russian insurance market: Status, problems and prospects. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2021, (6): 184–192. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-6-184-192>
16. Коротаев М. А., Зозуля В. П. Перспективные направления повышения доступности финансовых услуг для населения Российской Федерации. *Вестник Воронежского института высоких технологий*. 2023. № 4. С. 13–14. [Korotaev M. A., Zozulya V. P. Promising directions for increasing the accessibility of financial services for the population of the Russian Federation. *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*, 2023, (4): 13–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/easeez>
17. Норец Н. К. Анализ и перспективы развития страхового сервиса на российском страховом рынке. *Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции*. 2024. № 1. С. 89–98. [Norets N. K. Analysis and prospects for development of insurance services on the Russian insurance market. *Nauchnyi vestnik: Finansy, banki, investitsii*, 2024, (1): 89–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cpizoz>
18. Кравченко Е. В., Суховеева А. А. Страховой рынок России: современное состояние и направления развития. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12. № 2. С. 807–822. [Kravchenko E. V., Sukhoveeva A. A. Russian insurance market: Current state and development trends. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2022, 12(2): 807–822. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.12.2.114168>
19. Брызгалов Д. В., Грызенкова Ю. В., Цыганов А. А. Перспективы цифровизации страхового дела в России. *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12. № 3. С. 76–90. [Bryzgalov D. V., Gryzenkova Yu. V., Tsyganov A. A. Prospects for digitalization of the insurance business in Russia. *Financial Journal*, 2020, 12(3): 76–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-3-76-90>
20. Аксютин С. В. Трансформация страхования: инновационные продукты и технологии. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 2. С. 395–410. [Aksyutina S. V. Insurance transformation: Innovative products and technologies. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(2): 395–410. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdlxvg>
21. Попова Т. А., Протас Н. Г., Шмырева А. И., Игнатилов Г. С. Оценка качества финансовых услуг в России. *Sciences of Europe*. 2022. № 108. С. 12–16. [Popova T. A., Protas N. G., Shmyreva A. I., Ignatikov G. S. Assessment of the quality of financial services in Russia. *Sciences of Europe*, 2022, (108): 12–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.7523804>

22. Захарян А. В., Андриевская Я. А., Половинко А. А. Влияние инфляции на повседневную жизнь человека. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2024. № 5-1. С. 147–151. [Zakharyan A. V., Andrievskaya Ya. A., Polovinko A. A. The impact of inflation on a person's daily life. *Economy and Business*, 2024, (5-1): 147–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-5-1-147-151>
23. Степанова М. Н. К вопросу о развитии страхования пожилых в России. *Бизнес. Образование. Право*. 2019. № 3. С. 176–180. [Stepanova M. N. To the issue of development of the elderly insurance in Russia. *Business. Education. Law*, 2019, (3): 176–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2019.48.335>
24. Кувшинова Ю. А. Повышение финансовой грамотности населения как фактор доступности цифровых финансовых услуг. *Инновационное развитие экономики*. 2023. № 3. С. 198–207. [Kuvshinova Yu. A. Increasing financial literacy of the population as a factor of accessibility of digital financial services. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2023, (3): 198–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jtyglb>
25. Ильченко А. А. Оценка состояния финансовой грамотности населения Российской Федерации. *Индустриальная экономика*. 2023. № 4. С. 125–133. [Ilchenko A. A. Assessment of the state of financial literacy of the population of the Russian Federation. *Industrialnaia ekonomika*, 2023, (4): 125–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gqmjyr>
26. Кузнецова Н. В. Страхование культура как фактор развития страхового рынка. *Бизнес. Образование. Право*. 2020. № 1. С. 272–276. [Kuznetsova N. V. Insurance culture as a factor of development of insurance market. *Business. Education. Law*, 2020, (1): 272–276. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.50.162>
27. Цыганов А. А., Масленников О. В., Масленников С. В. Совершенствование компетенций работников и клиентов страховых компаний в условиях развития экономики знаний. *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2020. № 2. С. 141–148. [Tsyganov A. A., Maslennikov O. V., Maslennikov S. V. Employee and customer competency development in the insurance industry in the knowledge-based economy. *Etap: Ekonomicheskaiia teoriia, analiz, praktika*, 2020, (2): 141–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bmlqrz>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

---

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Молокова Ксения Игоревна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Ksenia I. Molokova.
Literary editors (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 10.03.2025.

Дата выхода в свет 28.03.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 21,39. Уч.-изд. л. – 18.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru

